

75(2P-64)
И 71
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР
ПО КООРДИНАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
УЧРЕЖДЕНИЙ
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

У Ч Е Н Ы Е З А П И С К И

ТОМ X

Махачкала
1962 г.

74(2P-6A)
И 71
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР
ПО КООРДИНАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ
УЧРЕЖДЕНИЙ

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ X

19837

Дагестанская База
Академии наук СССР
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Махачкала
1962 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. А. Аликберов, В. Г. Гаджиев, С. Ш. Гаджиева,
Г. Д. Даниялов (ответственный редактор),
А. С. Омаров, Е. В. Сказин.

ИСТОРИЯ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ИЗ ИСТОРИИ АНТИФЕОДАЛЬНОЙ БОРЬБЫ КРЕСТЬЯН ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА В XVIII ВЕКЕ.

Всестороннее изучение истории антифеодальной борьбы крестьянских масс является актуальной задачей советской исторической науки. История крестьянских выступлений в Дагестане, в частности классовая борьба в XVIII веке, до сих пор исследована слабо. Специальных работ по истории антифеодальной борьбы крестьян южного Дагестана нет. В работах, посвященных изучению общих проблем истории Дагестана, лишь затронуты отдельные стороны интересующего нас вопроса. В них приводятся отдельные факты из истории антифеодальной борьбы крестьян лезгинской группы народов. В частности, в монографии профессора Р. М. Магомедова¹ приведены интересные материалы о борьбе ахтынского союза сельских общин с Нуцал-ханом.

Следует отметить, что при исследовании классовой борьбы в южном Дагестане, так же как в изучении социально-экономической истории вообще, мы ощущаем острый недостаток фактического материала. Ввиду скудости данных приходится довольствоваться отрывочными сведениями, которые в ряде случаев не позволяют поставить и удовлетворительно решить важные вопросы из истории антифеодальной борьбы народных масс.

Предлагаемая статья преследует цель ввести в научный оборот обнаруженные автором новые разнохарактерные факты о борьбе лезгин, табасаранцев, агулов, рутулов и цахуров против господствующего феодального класса и показать, основываясь на марксистско-ленинской методологии, некоторые аспекты этой весьма важной проблемы.

В дореволюционной литературе общественно-экономические отношения дагестанских народов, в том числе народов лезгинской группы, изображались более архаичными и примитивными, чем они были на самом деле.

Борьба крестьян Дагестана против ханов, беков, сельской верхушки, духовенства всячески затушевывалась. Она изображалась как проявление кровной мести или как результат столкновений различных групп феодального класса между собою.

¹ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XX вв. Махачкала, 1957.

С. М. Броневский отрицал в обществах Самурской долины наличие классовых отношений и классовой борьбы².

Известный кавказовед М. М. Ковалевский, хотя и собрал большой фактический материал по истории Дагестана и обобщил его в фундаментальных работах, но в силу методологической ограниченности не смог придти к правильным выводам. Он писал, что тухумом «выражают понятие рода, как общее правило, и в Табасаране, и в Кайтаге, и в Даргинском округе, и в Кюринском округе, и во всех горных аулах, занятых лезгинской народностью»³.

Последующие авторы вплоть до 1917 года придерживались этой неправильной концепции. П. И. Ковалевский писал в 1914 году: «По социальному строю лезгин совершеннейший демократ. Лезгины не имели ни князей, ни дворян, ни родовых старшин. Все они были равны, все они были независимы»⁴.

Ошибочная точка зрения на уровень общественно-экономического развития Дагестана имела хождение и в советское время. В последнее время советскими историками проделана большая и кропотливая работа по пересмотру этой неправильной точки зрения на уровень социально-экономического развития Дагестана.

В монографических работах и сводных трудах на основе фактического материала сделан правильный вывод о господстве в Дагестане XVIII—XIX вв. феодальных отношений со значительными родо-племенными пережитками⁵.

В указанных и других работах фактический материал и выводы даются по Дагестану в целом. Между тем специальное изучение истории отдельных народов должно дать еще больше фактического материала.

За исключением небольшой статьи Р. Г. Маршаева⁶, в которой делается вывод о том, что термин «вольное общество» не приемлем при определении уровня развития населения Ахтыпары в XVIII—начале XIX вв., работ по истории лезгин не было.

В специальной работе, выполненной в 1960 г.⁷ и посвященной истории народов лезгинской группы, на основе боль-

² С. М. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. I, М., 1823, стр. 40.

³ М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, М., 1890, стр. 146—147.

⁴ П. И. Ковалевский. Народы Кавказа, т. I, СПб, 1914, стр. 191.

⁵ Р. М. Магомедов. Указ работа; Очерки истории Дагестана, т. I, Махачкала, 1957; Х. О. Хашаев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в., Махачкала, 1958 (автореферат докторской диссертации) и др.

⁶ Р. Г. Маршаев. К вопросу о социальном строе Ахтыпаринского «вольного» общества в XVIII—начале XX вв. Ученые записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. III, Махачкала, 1957.

⁷ Х. Х. Рамазанов. Очерки истории лезгин в XVIII веке (рукопись). Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2315.

шого количества фактов, опровергаются бездоказательные утверждения о господстве в южном Дагестане в XVIII в. родо-племенных отношений, а также показано наличие в феодальных владениях и союзах сельских общин множества форм зависимости населения и классовых отношений.

На территории лезгинской группы народов в XVIII в. были феодальные политические объединения и союзы сельских общин (магалы).

К феодальным владениям относился Табасаран, делившийся на две части — северную и южную.

В Кубинское ханство, наряду с азербайджанским населением, вошли почти все кубинские лезгины, которые испытывали на себе всю тяжесть ханско-бекского гнета.

Лезгины Кюры временами попадали под власть то кубинских, то дербентских, то казикумухских ханов. Жители Курахского магала в отдельные периоды находились под властью лакских ханов. Агульский, Кошанский и Ричинский союзы сельских общин оказывались частично под властью казикумухских ханов, частично в составе феодального владения северного Табасарана.

Основная часть цахурцев входила в состав Елисуйского султанства.

Союзы сельских общин Самурской долины: Ахтыпара, Альтыпара, Докузпара, Рутул, отбивая многочисленные нападения соседних ханов, смогли отстоять свою независимость вплоть до присоединения к России.

В феодальных владениях и союзах сельских общин в XVIII в. существовали следующие формы земельной собственности: частная, общинная и вакуфная. Частная собственность, в свою очередь, делилась на частно-крестьянскую (мульк) и феодальную.

Феодальная форма земельной собственности в XVIII веке была ведущей в феодальных владениях северного и южного Табасарана, Кубинском ханстве. В узденских обществах Табасарана, Курахском, Ричинском, Кошанском магалах, Кюре и обществах Самурской долины господствовала частно-крестьянская земельная собственность. Количество мечетских земель в феодальных владениях и союзах сельских общин по сравнению с частновладельческими землями было не велико, исключая ричинскую мечеть, которая владела в XVIII в. пастбищной горой «Сарфун-даг» площадью более 1000 десятин⁸.

Документы неопровержимо свидетельствуют о том, что в XVIII веке феодальные владетели вели наступление на права

⁸ Описание находящихся в бывшем Кюринском ханстве земель или так называемых ханских земель, 1879 г.

рядовых сельских общин, захватывая у них земли, вводя налоги, подати и закрепощая непосредственных производителей.

Так, пастбищная гора «Коказ» площадью 1074 десятины была захвачена Сурхай-ханом в конце XVIII века у Курахского общества, за исключением возвышенностей по правую сторону р. Курах-чай, занятых посевами жителей селений Кочках и Кумух и покосов жителей селения Курах. Но и на этих, оставленных у жителей землях, хан выговорил для себя права пастбы скота после уборки хлеба и сена⁹.

Жители селения Квардал Ричинского магала юридически добровольно, фактически под нажимом Сурхай-хана и его нукеров вынуждены были предоставить летнее пастбище «Тунар-сув» в размере 1500 десятин в распоряжение хана¹⁰.

Феодальные владетели щедро наделяли земельными участками представителей сельской верхушки. Житель селения Нижний Стал Пир-Гасан «за хорошую службу» получил от Сурхай-хана ятаг для пастбы овец¹¹. Земельный участок «Кулардж» в количестве 581 десятины был предоставлен ханом арсугскому старшине Коджар Джамалу из влиятельного тухума Кошанского магала¹².

Жизнь крестьянских масс, феодальных владений и союзов сельских общин, за исключением сельских богатеев, была исключительно тяжелой и несправной. Тяжелая жизнь крестьян еще более ухудшалась в результате многочисленных внешних нашествий и внутренних раздоров. Особенно тяжелой была первая половина XVIII века. Нашествие завоевателей, прежде всего Надир-шаха, принесло народам Дагестана большие разрушения и огромную налоговую тяжесть.

Во второй половине XVIII века агульские и лезгинские селения, исключая лезгин Самурской долины, оказались под деспотической властью кубинских, лакских и табасаранских феодальных владетелей.

По словам Ахвердова, Сурхай-хан «за малейшую шалость» наказывал смертью, отрубал руки и выкалывал глаза¹³. Действительно жесткостям ханов не было пределов. Когда хан совершал прогулку по селению, жителям Кураха категорически запрещалось появляться на улицах. В 10 км от Кураха по дороге в Касумкент находится могила. Рассказывают, что здесь похоронен убитый Нуцал-ханом ученик за то, что он стоя смотрел на хана. Убийство ханскими нукерами ни в чем не повинных людей было явлением не редким.

⁹ ЦГА ДАССР, ф. 134, оп. 1, д. 2, л. 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, ф. 80, оп. 2, д. 20, л. 71.

¹² Там же, ф. 127, оп. 1, д. 1, л. 3.

¹³ История, география и этнография Дагестана в XVIII—XIX вв. М., 1958, стр. 49.

Известный лезгинский поэт XVIII века Саид из аула Кочхюр так описал тяжелую и бесправную жизнь лезгинских крестьян под властью ненавистных ханов:

Давно в саду не слышно соловья,
Давно в саду черно от воронья,
Песнь не слышна за шумом их вранья.
Поругано все то, что было свято¹⁴.

Поэт ясно видел причину народного несчастья в беспощадном феодальном гнете. Он говорил:

Кровавый хан — источник наших бед,
Скажи, докуда нам терпеть, проклятый?¹⁵

Положение крестьян, находившихся под властью табасаранских, кубинских и елисуйских феодалов, было не лучше. «Управление султанов, — писал Зиссерман, — было чисто восточное, деспотическое, с правом смертной казни, к которой, впрочем, прибегали редко, но отсечение рук, носов, выкалывание глаз, отрезание языка — практиковалось довольно часто»¹⁶.

Представители феодального класса в лице ханов, майсумов, кадиев, беков, высшего духовенства, феодализирующей сельской верхушки беспощадно угнетали трудовое население.

По данным И. Т. Дрепякина, относящимся к концу XVIII в., ежегодно доходы майсума и кадия составляли более 60 тыс. рублей. В конце XVIII в. майсум получал от узденей более 3000 руб. ханскими деньгами, а «всем нужным на содержание свое довольствовался от подвластных»¹⁷.

Табасаранский кадий получал с узденских селений магала Харак и Кахурик от двух до трех киле¹⁸ пшеницы с дыма, а с остальных узденских дымов от одного са¹⁹ до одной сабы²⁰ пшеницы и по ложке масла²¹. Правители Табасарана практиковали периодические объезды узденских селений. При таком объезде каждое селение северного Табасарана давало кадию «подарки»: коврами, баранами, медом и деньгами от 10 до 15 руб.²².

¹⁴ «Поэзия народов Дагестана». Махачкала, 1954, стр. 139.

¹⁵ Там же.

¹⁶ А. Л. Зиссерман. Двадцать пять лет на Кавказе, ч. II, СПб, 1879, стр. 286.

¹⁷ «История, география, этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», стр. 104.

¹⁸ Киле — 5 кг.

¹⁹ Са — 3—4 кг.

²⁰ Саба — около пуда.

²¹ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 4, л. 1; ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 17, л. 25.

²² ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 17, л. 26.

Положение райят Табасарана по сравнению с другими категориями крестьянства являлось исключительно тяжелым. Они по своему фактическому положению почти ничем не отличались от крепостных крестьян. «Лишь соблюдение своих собственных выгод сдерживало... чрезмерные требования беков в тех пределах, которые давали бы райяту возможность вести свое хозяйство»²³.

В своих имениях беки, так же как ханы и майсумы, были не ограничены. Они могли казнить подвластных райят²⁴.

Если классовые отношения и формы эксплуатации в феодальных владениях были ярко выражены, то в союзах сельских общин они были в сильной степени опутаны родо-племенными пережитками и прикрывались ими.

Наступление феодального класса на жизненный уровень трудящихся крестьян вело к обострению классовой борьбы.

Изучение и обобщение сведений, встречающихся в архивных источниках и опубликованной литературе, исторических преданиях, рассказах сторожилов, в фольклорно-топонимических материалах, свидетельствует о том, что борьба крестьян против господствующего класса в XVIII в. проявлялась в следующих формах: вооруженные нападения на ханов и беков, причинение им материального ущерба, отказы от платежей налогов и выполнения трудовых повинностей, бегство крестьян, открытые вооруженные выступления и т. д.

Одной из распространенных форм проявления крестьянского недовольства являлись обращения и жалобы крестьян в ханско-бекские суды. Судопроизводство в феодальных владениях осуществляли ханы, беки или от их имени сельские старшины. В основе судопроизводства лежал обычай и шариат. Но представители господствующего класса часто действовали по своему разумению, принимая выгодные для себя решения в ущерб рядовым членам джамаата. Об этом красноречиво свидетельствует следующий факт. Пастбищное место «Хиниг» в 463 десятины находилось в совместном пользовании селений Хпег и Урсун Курахского магала. Между жителями этих селений возник спор из-за права пользования. Жители обратились в ханский суд. В итоге Сурхай-хан захватил указанный участок, сохранив за жителями право пастьбы скота лишь после отравления пастбища ханскими стадами²⁵. Письменные и устные жалобы крестьян как правило не удовлетворялись.

Не редким явлением было переселение и бегство крестьян в одиночку, целыми группами или даже селениями. Так, селение Ругуж было основано крестьянами, бежавшими в разное

²³ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 139, лл. 10—11.

²⁴ Там же, ф. 150, оп. 1, д. 6, л. 102.

²⁵ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 2, л. 3.

время из владения табасаранского майсума²⁶. Выселки Сигют (Хоик), Хиак (Хияк) были образованы выходцами из сел. Цахур²⁷, служившим с давних пор резиденцией цахурских правителей, жестоко угнетавших подвластных жителей.

Несостоятельные члены цахурского джамаата, испытывая возрастающий гнет феодалов и феодализирующей знати, были вынуждены покинуть родные места и переселяться, хотя такое переселение на плоскость не всегда облегчало их жизнь.

С конца XVI века беки, жившие в Рутуле, совместно с общинной знатью Рутульского союза сельских общин усиливали натиск на жителей селений, входивших в союз, а также устраивали набеги на другие селения. Жители, разумеется, оказывали противодействие феодальным притязаниям. Но иногда, не имея собственных сил, чтобы противостоять натиску беков и общинной знати, бежали или переселялись в другие селения.

В побегах крестьян от растущего гнета феодалов проявлялся стихийный протест, они имели по существу открыто выраженную антифеодальную направленность. Часть бежавших крестьян становилась качагами и вела своего рода партизанский образ жизни. Следовательно, возмущение крестьянских масс выливалось как бы в форму партизанской борьбы.

Буржуазные историки, отражая интересы господствующего класса, всегда и все движения качагов изображали исключительно как разбойничьи, грабительские, возникшие на почве кровной мести. Однако острое движение качагов, несмотря на имевшие место уголовные проявления, было направлено против ханов, беков, зажиточной сельской верхушки.

Стихийный крестьянский протест проявлялся не только в переселениях и побегах, но и в том, что жители целых селений, даже магалов, оставаясь на месте своего постоянного жительства, объявляли себя независимыми от одного хана и переходили под управление другого хана.

Как свидетельствует архивный документ, жители селений Бурши, Ярки, Худиг, Фити, Кураг, Арсух, магала Кошан, находящихся в XVIII веке под властью южно-табасаранского кара-майсума (черный майсум), «рассердились на майсума» и перешли сначала под власть Сурхай-хана, а затем Аслан-хана²⁸.

В 70 годах XVIII в. Фатали-хан Кубинский, захватив часть кюринского плоскогорья, начал предоставлять селения

²⁶ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 295.

²⁷ Е. И. Козубский. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 381.

²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 4«б», л. 95.

в управление бекам с правом сбора доходов; в частности, он предоставил своему дербентскому наibu Хидир-беку селение Рукель. Рукельцы, испытывая тяжелый гнет названного бека и надеясь на лучшее, самочинно перешла под власть другого бека Иса-кадия²⁹.

В переходе крестьянских масс от одного хана или бека под власть других проявлялись монархические иллюзии и наивная вера крестьян в справедливость «хороших» ханов и беков.

Иногда крестьяне феодальных владений причисляли себя к сильным обществам союзов сельских общин.

До присоединения Дагестана к России, как и после, лезгинские «зависимые селения, недовольные беком, отлагались от него или к свободным обществам узденей, к непокорным горцам, или к другим владениям»³⁰.

Райяты Табасарана были прикреплены к земле и без разрешения бека не могли переселяться в другое селение. Самовольное переселение считалось незаконным актом, и райяты, покинувшие свое имение, лишались всего недвижимого имущества, включая усадьбу и дом. Несмотря на это в Табасаране, как отмечает сословно-поземельная комиссия, «бывали случаи бегства» райятов. Подобные действия свидетельствуют о своеобразной форме крестьянского протеста против господствующего класса.

Чем дальше, тем все больше крестьяне переходили к более зрелым формам борьбы с угнетателями. Жители селения Икра Курахского магала примерно в конце XVIII века убили ханского нукера, творившего в селении жестокости от имени хана³¹.

В 1775 г. восставшие табасаранцы убили «одного из владельцев своих — майсума»³².

В феодальных владениях южного Дагестана наряду с крепостными и феодально зависимыми жили лично свободные крестьяне (лежберы). Как свидетельствуют об этом приведенные выше документы, ханы, беки наступали и на права лично свободных лежберов, стремясь закрепить их. Рядовые лежберы энергично сопротивлялись надвигающемуся феодальному порабощению. Наиболее ярко это проявилось в Курахском и Агульском магалах.

Во второй половине XVIII в. один из лакских ханов захватил территории этих магалов и начал отбирать крестьянские общинные земли. У агульских селений Цудле-Хуър, Фурдик, Халаджар были хорошие летние пастбища. Хан и его нукеры,

²⁹ Там же, д. 4, л. 15.

³⁰ Там же, д. 7«а», л. 39.

³¹ Полевой материал, собранный в 1959 г.

³² П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб, 1869, стр. 22

без согласия обществ селений, направили свой скот на эти пастбища, не допуская на них скот местных жителей. Попытки общества убедить хана в неправоте его поступков не дали положительных результатов. Тогда крестьяне, вооружившись чем попало, прогнали ханские стада. Вскоре туда прибыло большое количество ханских нукеров, между ними и жителями произошло кровопролитное столкновение. С обеих сторон было много потерь. Селения по приказу хана были разрушены до основания, оставшиеся в живых люди насильственно выселены на плоскость³³. На территории современного Курахского района до сих пор сохранились остатки всех трех разрушенных селений под теми же названиями³⁴.

Из рассказов сторожилов агульского селения Усуг известно, что хан требовал от жителей чрезвычайно больших податей. Доведенные до крайности, они отказались от выплаты каких-бы то ни было налогов и податей в пользу хана. Узнав об этом, хан послал в селение вооруженных нукеров, которые арестовали наиболее упорствовавших крестьян, привели их в ханскую резиденцию в Курахе, подвергли жестоким пыткам и в наказание отобрали более 100 овец³⁵. А вот другой пример проявления недовольства жителей этого селения. Мужчины, сидевшие на гиме³⁶, не встали и не ответили на приветствие проезжавшего через селение хана; разгневанный хан приказал своим нукерам избить жителей, и они были вынуждены спрятаться в мечеть. По призыву крестьянина Гаджирамазана аульчане вооружились чем попало, напали на хана, избили его и прогнали из селения. Упомянутый в рассказе крестьянин Гаджирамазан жил во второй половине XVIII века. Любопытно, что 85-летняя женщина (она из того же тухума, что и упоминаемый в рассказе крестьянин Гаджирамазан) помнит, как ее бабушка, обращаясь к мальчику, названному тоже Гаджирамазаном, говорила: «Яхул хандис ярхонде дад дардуман аван (любимый потомок того, кто избил лакского хана)».

Группа вооруженных жителей Ричинского джамаата, во главе с крестьянином Къязи возле родника «Чалухуман хъед» напала на проходившего мимо ханского везира с нукерами и убила его. Многие нукеры были ранены, остальные в панике бежали и свалились в пропасть. До сих пор эта мест-

³³ Этнографический материал, собранный в 1959 г.

³⁴ Очевидно эти селения были очень древними. В 1958 г. на месте расположения селения Фурдик был обнаружен на глубине 2 метров камень с куфическими надписями.

³⁵ Записано со слов 90-летнего Мустафаева Керима из селения Усуг.

³⁶ Гим (агульск.), ким (лезг.) — место схода мужской части населения аула в свободное от работы время.

ность называется «Хандин нукарар лархьу мукь» (местность, откуда свалились в пропасть ханские нукеры)³⁷.

Социальный протест трудового народа нашел отражение в поэзии народов лезгинской группы. В песнях лезгин, табасаранцев, агульцев, рутульцев, цахуров рассказывается о героях из народа, которые насильственно захватывали ханско-бекские стада для раздачи беднякам.

В некоторых песнях содержится прямой призыв к борьбе с господствующим классом. Так, в лезгинской народной песне «Горе нам» говорится:

«Неужели не хватит силы
Хану проломить башку?»³⁸

Думы, чаяния и стремления лезгинских крестьян получили яркое отражение в творчестве замечательного народного поэта XVIII века Саида из селения Кочюр. Саид в своих песнях клеймил позором ханов, беков, сельских богатеев, в частности Нуцал-хана и Сурхай-хана. Ненависть к мучителям народа приводит поэта в резиденцию хана в Курахе, где он публично назвал хана подлым злодеем. За этот смелый поступок поэт был схвачен нукерами и представлен хану, который приказал выколоть Саиду глаза. После ослепления поэт с еще большей силой призывал бедняков к борьбе с ханами.

Классовая борьба в сельских обществах, не входивших в состав ханств, также принимала многообразные формы. Как известно, по соседству с этими обществами находились дагестанские и азербайджанские ханства и владения.

Сельские общества Самурской долины граничили на юге и юго-западе с Шекинским, Ширванским и Кубинским ханствами, на севере и северо-востоке с Елисуйским султанством и Казикумухским ханством, на востоке с Кюринским ханством. Таким образом, территория этих обществ находилась в окружении феодальных владений.

Вопрос о влиянии феодальных владений на экономическую, политическую жизнь союзов сельских общин крайне слабо изучен в литературе.

Мы кратко остановимся на части этого общего вопроса, а именно — борьбе между феодальными владельцами и союзами сельских обществ и ее экономических и политических предпосылках.

В истории народов лезгинской группы, как и в истории других дагестанских народов, не мало случаев, когда ханы, беки всеми мерами стремились к подчинению жителей союзов

³⁷ Записано в 1959 г. в сел. Рича со слов 80-летнего Курбанова и учителя Гасанова Пирдама.

³⁸ Дагестанская народная лирика. Махачкала, 1957, стр. 130.

сельских общин своей власти. На этой почве между феодальными правителями и союзами сельских общин шла длительная и ожесточенная борьба. Она кончалась в одном случае захватом территории сельских общин ханами, в другом — решительным отпором феодальным притязаниям.

Между узденскими селения и феодальными владетелями и беками Табасарана происходили острые конфликты и столкновения. Об их систематической борьбе свидетельствует Гербер, который писал: «...Табасаранцы часто бунтовали против владетелей, чтобы остаться «вольными людьми», что «и ныне к тому склонны, чего ради их всегда крепко и в страхе держать надобно; и когда одна деревня, хотя мало, поднимается к мятежу, оную тотчас разорить и чрез то удержать других, чтобы к ним не пристали»³⁹.

В материалах сословно-поземельной комиссии говорится: «Топографические условия местности, замкнутость ущелий и мощь сильно сплотившихся обществ дали возможность жителям верхней части, узденям противостоять домогательствам беков из родов майсума и кадия подчинить их своему господству...»⁴⁰.

Жители Ахтыпаринского, Докузпаринского, Алтыпаринского и Рутульского союзов сельских общин неоднократно с оружием в руках выступали против дербентских, кубинских, лакских и азербайджанских ханов.

Гербер отмечал, что общества Самурской долины «крепко заедино стоят и что одному учинится, то и другие так себе учинено почитают». Иначе говоря, эти общества оказывали друг другу поддержку в борьбе против внешних врагов и соседних феодальных правителей и выступали сообща, видя в этом залог сохранения независимости.

Считая себя независимыми от шаха Персии и его вассалов в лице дербентских ханов, жители решительно выступали против всяких попыток к их порабощению. Тот же Гербер писал, что когда дербентские султаны хотели жителей Самурской долины «яко подданными к Персии почесть и к тому принуждать трудились и для того часто великая команда из Дербента посылалась, чтобы их силою под владение привести, однакож дагестанцы всегда противились и высланных дербентцев кровотекущими головами назад отсылали»⁴¹.

Жители союзов сельских общин Самурской долины неоднократно отбивали нападения других феодальных правителей. Из архивного документа мы узнаем о том, что жители

³⁹ История, география и этнография Дагестана в XVIII—XIX вв., стр. 42.

⁴⁰ ЦГА ДАССР, ф. 150, оп. 1, д. 1, л. 2.

⁴¹ «История, география, этнография Дагестана XVIII—XIX вв.», стр. 78.

всех участков бассейна реки Самур, «соединившись воедино, воевали с войсками нухинского хана»⁴².

Лакские ханы, подчинив себе агульский, курахский магалы, стремились любыми путями подчинить и союзы сельских общин Самурской долины.

Нуцал-хан, живший в последней четверти XVIII века в Курахе, предпринял попытки склонить жителей Ахтыпаринского общества к подчинению своей власти. Он написал ахтынцам письмо, в котором извещал об опасности нападения на них кубинского хана и предлагал свои услуги в защите. Взамен ахтынцы должны были стать его подданными. Ахтынский джамаат от имени всего общества отверг просьбу хана и заявил, что не желает быть в подчинении у кого бы то ни было⁴³.

Хан продолжал оказывать давление на ахтынцев, уговаривая последних признать его власть. И на этот раз ахтынцы в категорической форме отвергли ханские притязания и просьбы, напомнив ему, что Ахтыпаринское общество обладает достаточной силой для своей защиты.

В третьем письме хан утверждал, что Ахтыпаринское вольное общество, как и другие общества, не может самостоятельно существовать, оно неминуемо подпадет под ханскую власть и поэтому лучше заблаговременно и добровольно подчиниться.

Настойчивые домогательства хана окончательно убедили жителей Ахтыпаринского общества в том, что над ними нависла угроза феодального порабощения.

Собравшиеся в Ахтах для обсуждения создавшегося положения представители сельских общин и почетные лица написали Нуцал-хану письмо, напоминавшее по своему содержанию известное письмо запорожцев турецкому султану⁴⁴.

Убедившись в невозможности мирными средствами склонить ахтыпаринцев к подчинению, хан решил действовать силой оружия. С этой целью он послал войска, которые были встречены вооруженными жителями Ахтыпаринского общества около высокогорного аула Гра. Произошло ожесточенное сражение. Ханские войска были разбиты, но ахтынцы также понесли чувствительные потери⁴⁵.

Но и после этого сражения между ахтынцами и ханскими нукерами происходили столкновения и стычки. Ахтынцы при любом удобном случае мстили хану и его приближенным. Однажды хан обратился к ахтынцам с просьбой пропустить че-

⁴² Описание нравов, обычаев и образа правления жителей Самурского округа до присоединения к России. Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2493, л. 17.

⁴³ Р. М. Магомедов. Указ. соч., стр. 302—303.

⁴⁴ Там же, стр. 303.

⁴⁵ Там же.

рез их территорию караван в Нуху. Они пропустили караван, но когда он возвращался убили сопровождавших людей и разделили между жителями захваченные ханские товары⁴⁶.

Таким образом, жители союзов сельских общин Самурской долины, отбивая многочисленные атаки соседних ханов, смогли отстоять свою самостоятельность, тогда как другие союзы обществ и магалы, в силу своей слабой организованности и разобщенности, подпали в XVIII в. под власть феодальных правителей Дагестана.

Внутри союзов сельских общин, не входивших в ханства, шла борьба между феодализирующейся верхушкой и рядовыми членами сельских джамаатов. Крестьянство в сельских обществах не представляло однородной массы свободного населения, как утверждала дореволюционная историография. Внутри крестьянства были различные группы, отличающиеся друг от друга по своему экономическому и политическому положению. В руках сельской верхушки сосредоточивались большие отары скота, лучшие земельные участки. Большинство крестьян не имело скота или имело его очень мало. В XVIII в. в Ахтынском обществе отдельные члены сельской общины имели от 4 до 12 тысяч овец, 100 и более лошадей и мулов. В то же время (первая половина XIX в.), по неполным данным, у одной трети жителей Кошанского магала скота не было⁴⁷.

Эксплуатация нередко прикрывалась патриархально-родовой оболочкой. Сельская верхушка, сосредоточивая у себя большие участки пахотных и покосных земель, нередко прибегала к такой форме родовой помощи как «мел», сущность которого заключалась в приглашении членов общины в разгар сельскохозяйственных работ.

Для эксплуатации рядовых членов общины сельская верхушка широко использовала обычай. По обычаю все члены общины имели одинаковые права на общинные земли. Но для многих членов джамаата, из-за отсутствия у них скота, это право превращалось в простую формальность. Сельская верхушка, имевшая большое количество скота, была по сути дела владельцем значительной части общинных земель и получала от эксплуатации их максимальный экономический эффект.

Противоречия между феодализирующейся общинной знатью и членами джамаата дополнялись противоречиями между верхушкой главенствующих селений союза общин и общей массой рядовых членов всех селений, входящих в дан-

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ М. В. Саидова. Переход народов Дагестана от общинно-родовых отношений к феодальным (рук. диссертации), стр. 118—135; ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142, лл. 14—23.

ный союз. Главные селения, вернее верхушка сильных тухумов, и должностные лица этих селений на деле были угнетателями по отношению к другим селениям, входившим в союз.

В союзах сельских общин существовали различные формы господства и подчинения. Так, Ахтынский союз сельских общин состоял из 12 селений. Совет аксакалов Ахты управлял 11 селениями. Зависимость этих селений от Ахты проявлялась в экономической, политической и военной областях. Жители селений по первому требованию, ахтынской знати обязаны были участвовать в военных мероприятиях союза, они не могли разбирать гражданские и уголовные споры без ахтынского маслаатчи (посредника). Ахтынские аксакалы, кадии, эфендии наблюдали за своевременным взносом подчиненными селениями мечетской десятины. Третья или четвертая часть закята с поголовья овец подчиненных селений шла ахтынскому обществу. Жители 11 селений отбывали ахтынцам пахту. Сущность ее заключалась в следующем. Жители Ахты имели право раз в год в течение суток находиться на довольствии жителей любого из одиннадцати селений. Если кто-либо из жителей подчиненных селений убивал ахтынца, то с убийцы бралось 600 рублей или 600 баранов. За убийство ахтынцем жителя подчиненных селений определялась половинная плата, т. е. 300 руб. или 300 баранов⁴⁸.

Преимущества ахтынцев заключались еще и в том, что при выдаче девушки замуж за жителя подчиненного селения, кроме исполнения всех условий шарната и адата, касавшихся брака, жители ахтынского мехле получали особую плату в размере 3 руб. или вещи на эту сумму. Эта плата называлась «барху».

Наконец, если жители Самурской долины, обратившиеся за посредничеством в Ахты, получали отказ, то они уже не могли найти посредников по всей долине, так как ахтынцы считались самыми компетентными по всем вопросам⁴⁹.

Взаимоотношения между главным и подчиненным селениями Рутульского союза сельских общин были примерно такими же, как и в Ахтынском союзе. Рядовые члены подчиненных селений, испытывая все возрастающий гнет феодализирующейся верхушки, боролись за облегчение своей жизни. Усиливающаяся классовая борьба являлась результатом дальнейшего развития феодальных отношений в сельских общинах.

Одной из форм классовой борьбы в союзах сельских общин следует считать категорические отказы жителей подчиненных селений отбывать повинности и платить подати. Во

⁴⁸ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2493, л. 14.

⁴⁹ Там же.

второй половине XVIII в. жители Шиназа, Уша, Кала и Хрюга категорически отказались отбывать пахту рутульцам. Рутульская знать, видя, что собственными силами невозможно справиться с жителями указанных селений, обратилась за помощью к совету ахтынских аксакалов. Ахтынские аксакалы, боясь, что примеру шиназцев и хрюгцев могут последовать селения ахтынского союза, охотно согласились оказать рутульцам немедленную военную помощь. Совместными силами ахтынцев и рутульцев селение Хрюг было разрушено и сожжено до тла⁵⁰. Рутульская знать уступила право пахты с трех селений (Кака, Усур, Гогаз) ахтынцам, т. е. эти селения были фактически присоединены к ахтынскому союзу. По преданиям, селение Русу было сожжено рутульцами за то, что жители его отказались платить подати⁵¹.

Общинная знать Рутула всеми мерами притесняла не только жителей соседних селений, но и рядовых членов рутульского джамаата. Крестьяне, желая расплатиться со своими притеснителями, созвали почти всю общинную знать Рутула на специально устроенный пир, одновременно с которым начался пожар, в результате многие из гостей сгорели⁵².

В Рутульском союзе сельских общин притеснения жителей селений приняли настолько дикие формы, что отдельные селения вынуждены были обращаться к соседним ханам, прося у них покровительства. Так, жители селений Ялах и Луткун прибегли к покровительству казикумухского хана, искавшего удобного случая вмешаться в дела сельских обществ Самурской долины. Селения обязались за оказанное покровительство платить Магомед-хану подать в размере 3 руб⁵³ зерна со двора⁵⁴. В конце XVIII века хан уступил причитающуюся ему подать двум своим братьям, которые стали увеличивать ее размер.

Аналогичным путем во второй половине XVIII в. попали в зависимость к ханам жители села Буркихан. Впоследствии ханы уступали земли и право взимания феодальной ренты с этого селения родственным бекам⁵⁵.

Фольклорные данные свидетельствуют о том, что жители Ялджуга многократно сопротивлялись ахтынской знати, но ахтынцы все же подчинили ялджугцев и принудили их к выплате ряда податей.

⁵⁰ Там же, л. 15.

⁵¹ Там же, д. 1722, л. 56.

⁵² См. В. Г. Гаджиев. Присоединение Дагестана к России. «Ученые записки» ИИЯЛ, т. I, Махачкала, 1956, стр. 11.

⁵³ Руба — 30 кг.

⁵⁴ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2394, л. 15.

⁵⁵ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, д. 9, л. 148.

Часть жителей села Зрых бежала из своего селения в Ахты и стала платить ахтынцам дань⁵⁶.

Приведенные факты свидетельствуют о проявлении классовой борьбы в сельских общинах в процессе дальнейшего усиления феодализации горского общества.

Подводя итог изложенному выше, следует отметить, что классовая борьба, являвшаяся закономерностью развития социально-экономической действительности тогдашнего общества и оказывавшая огромное влияние на ход развития, проявилась у народов лезгинской группы в следующих основных направлениях. Во-первых, шла борьба между феодально-зависимым крестьянством и ханами, беками в феодальных владениях. Во-вторых, борьба рядовых членов сельской общины против феодализирующейся сельской верхушки внутри сельских обществ, не входивших в феодальные владения. В-третьих, борьба рядовых общинников селений против феодализирующейся общинной знати главенствующих и сильных селений в союзах сельских общин. В-четвертых, борьба жителей союзов сельских общин с соседними ханами, беками, стремившимися к захвату территории этих обществ и закреплению их жителей.

Наконец, в массовых восстаниях XVIII в. против иноземных поработителей и поддерживавших их внутренних эксплуататоров заметно проявились антифеодальные тенденции.

Борьба крестьянских обществ против ханов, также как и борьба закрепощенных крестьян против феодалов в феодальных владениях имела прогрессивное значение. Угнетенные лезгины, табасаранцы, агулы, рутульцы и цахуры активно сопротивлялись феодально-крепостническому гнету и притязаниям соседних ханов. Они выступали также против разорительных феодальных междоусобных столкновений и внешних войн, тяжелым бременем ложившихся на плечи народных масс и тормозивших экономическое развитие края.

Выступлениям крестьянских масс южного Дагестана, как и всем крестьянским движениям вообще, были свойственны традиционные недостатки.

Локально-стихийный характер крестьянских выступлений крестьян был обусловлен политической раздробленностью и экономической разобщенностью. В ряде случаев слабость крестьянских протестов была результатом сильно развитых монархических иллюзий. В. И. Ленин указывал, что при феодализме «крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой. У крестьян не было помощ-

⁵⁶ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1722, л. 119.

ников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»⁵⁷.

Лезгинские, табасаранские, агульские, рутульские и цахурские крестьянские массы энергичной борьбой, несмотря на все присущие этой борьбе недостатки и слабости, способствовали дальнейшему развитию общества и расшатывали устой тогдашней социально-экономической действительности.

⁵⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 384.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Многонациональный российский пролетариат, разбивший в трех революциях самодержавие и капитализм, добившийся победы социализма в нашей стране и строящий ныне коммунистическое общество, достоин того, чтобы его история изучалась и углублялась. Новая Программа КПСС ставит перед советскими историками задачу по воспитанию трудящихся «в духе высокой идейности и преданности коммунизму». Изучение истории рабочего класса поможет нынешнему поколению правильно осмыслить ужасы дореволюционного времени и его героическую борьбу во главе с партией коммунистов за освобождение трудящихся от ига самодержавия и капиталистической эксплуатации. «Весьма важно поэтому, — говорил Н. С. Хрущев на XXI съезде партии, — чтобы наше молодое поколение знало историю страны, борьбы трудящихся за свое освобождение, героическую историю Коммунистической партии, воспитывалось на революционных традициях нашей партии, нашего рабочего класса»¹.

Как известно, революция 1905—1907 гг. была не только генеральной репетицией Октябрьской революции, но и репетицией назревающих революционных битв в капиталистических и колониальных странах. Опыт борьбы рабочих отсталых окраин России во главе с революционной партией глубоко поучителен для пролетариата тех стран, где совершаются национально-освободительные революции.

В исторической литературе Северного Кавказа нет специальной обобщающей работы о рабочем движении. Вместе с тем, революционному движению трудящихся края посвящено много работ,² и статей, в которых показана борьба рабочих

¹ Н. С. Хрущев. Доклад на внеочередном XXI съезде КПСС. Госполитиздат, 1959, стр. 63.

² П. В. Семернин. Рабочий класс в революции 1905—1907 гг. в Азово-Черноморском и Северо-Кавказском краях. Ростов-на-Дону, 1935, его же. 1905 год на Дону, Ростов н/Д, 1945; С. К. Бушурев. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905—1907 гг. (исследования и материалы), Грозный, 1941; Е. П. Киреев. Пролетариат Грозного в революции 1905—1907 гг., Грозный; Ю. Серый. Страницы прошлого, Ростов, 1955; М. В. Дрогалина. Революция 1905—1907 гг. на Ставрополье, Ставрополь, 1955; В. А. Скибицкий. Героические годы. Краснодар, 1956; И. Ф. Мужев. Очерки истории революционного движения на Северном Кавказе в 1905—1907 гг., Нальчик, 1957; Ф. И. Самарин. В мятежные годы. Грозный, 1961; Очерки истории Дагестана, т. 1, Махачкала, 1957 (гл. Милованова Г. И.) и др.

края в революции 1905—1907 гг. Важное значение в изучении данного вопроса имеют также сборники документов и воспоминаний³, свидетельствующие о широком участии рабочих в революции 1905—1907 гг.

Поскольку по истории революционного движения в областях опубликовано много документов и воспоминаний, на наш взгляд, назрела необходимость перейти к изучению как связного целого отдельных вопросов истории Северного Кавказа, игравших выдающуюся роль в жизни его народов. Одним из таких вопросов является революционная борьба многонационального пролетариата края в революции 1905—1907 гг. Кроме того, вышедшие в свет работы о революционном движении на Северном Кавказе в 1905—1907 гг. стали библиографической редкостью.

Не претендуя на полное отображение в маленькой статье рабочего движения и деятельности социал-демократов в революции 1905—1907 гг., автор ставит перед собой задачу показать борьбу рабочих края в 1905—1907 гг. и руководство ими со стороны революционной социал-демократии. В работе делается попытка показать пути и методы, при помощи которых большевистская партия осуществляла руководство местными организациями партии и рабочим движением. Кроме того, автор статьи считает нужным подчеркнуть большое влияние ростовского пролетариата на классовое пробуждение рабочих края, особенно летом и осенью 1905 г., когда во главе революционного движения шли железнодорожные рабочие.

* *
*

Северный Кавказ к рассматриваемому нами периоду по своему административно-территориальному делению распался на три области: Кубанскую, Терскую и Дагестанскую и на две губернии — Ставропольскую и Черноморскую. Северный Кавказ заселен народами громадного разнообразия, говорящими на разных языках и стоявших ранее на разных ступенях общественного развития. По данным переписи 1897 года, русские, украинцы составляли здесь подавляющее большинство населения. Из других народов чечены и ингуши — 7,3%, аварцы — 5,01%, даргинцы — 3,8%, осетины — 2,5%, кабардинцы — 2,4%, кумыки — 2,3% и т. д.

³ «Дагестан в 1905 году», Махачкала, 1925; «1905 год во Владикавказе», Владикавказ, 1925; «1905, 6, 7 годы в Грозном», Грозный, 1925; «1905 год на Северном Кавказе», Краснодар, 1926; «1905—1907 годы на Дону», Ростов н/Д., 1955; «Северная Осетия в революции 1905—1907 годов», Орджоникидзе, 1955; «Революционное движение в Дагестане (1905—1907 гг.)», Махачкала, 1956; «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.», Краснодар, 1956.

Издавна началось заселение края переселенцами из центральных губерний России. Примерно за 50 лет после крестьянской реформы количество населения (без Дагестана) увеличилось в 3,5 раза⁴. Как видно, на Северный Кавказ шел мощный колонизационный поток. В противоположность военной серед. XIX в., колонизация в конце XIX—начале XX вв. была промышленной, что имело большое значение для социально-экономического развития Северного Кавказа.

Русский капитализм не мог развиваться и обеспечить себе высокие прибыли «... без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство капитализма с громадной силой проявилось... в пореформенной России»⁵.

Со второй половины XIX в., особенно в 90-х годах, началось экономическое освоение Северного Кавказа русским и иностранным капиталом. Это обстоятельство правильно связывают с сооружением Владикавказской железной дороги. Пути сообщения укрепляли внутренний рынок края, его связи со всероссийским и всемирным рынками, втягивали Северный Кавказ в мировое капиталистическое хозяйство, разрушая натурально-патриархальную замкнутость их народов. С эксплуатацией дороги связано также развитие добычи нефти, руд, зернового хозяйства, рыболовства, разведение садов и виноградарства. Дорога являлась надежным перевозчиком этих продуктов, кроме того, потребителем их.

Особенностью развития края было превращение его в один из значительных сырьевых районов для русской промышленности.

Из добывающей промышленности самое большое развитие получила добыча нефти на Тереке, Кубани, в Дагестане и серебро-свинцовых руд в Северной Осетии. К 1905 году площадь добычи нефти достигала 687 десятин, в том числе в Терской области — 407, в Дагестанской — 168 и в Кубанской — 20⁶. В 1905 году по сравнению с 1898 годом число скважин увеличилось на 260%⁷. За 1892—1906 гг. добыча нефти в крае увеличилась в 22,4 раза. Как видно, добыча ее развивалась высокими темпами. Вместе с тем в начале XX в. ее развитие характеризуется резким ростом добычи в Грозненском районе и упадком — на Кубани, началом подъема, а потом упадка ее в Дагестане. Это объяснялось усилением притока русских и иностранных капиталов в Апшерон и Грозный. Капиталисты, стремясь за небольшие капиталовложения

⁴ А. Н. Гозулов. Экономическая география Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1927, стр. 22.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 522.

⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 264, д. 3958, л. 56

⁷ Там же, д. 3074, л. 68.

приобрести большое состояние, направляли свои капиталы туда, где можно было любой ценой нажиться. Именно таким районом был Грозный.

В конце XIX—начале XX вв. наблюдается также рост обрабатывающей промышленности. За 1895—1905 гг. число фабрично-заводских предприятий увеличилось с 10 тыс. до 14230, а их производительность с 13,5 млн. руб. до 39,4 млн. руб. Однако многие из этих предприятий оставались мелкими промышленными заведениями. Из отчета фабричного инспектора Харьковского округа видно, что в 1901 году в крае предприятия с числом рабочих до 5 чел. составляли 51,2%, с числом рабочих от 5 до 15 чел. — 37,8%, а предприятия с числом рабочих от 20 до 1000 — всего лишь 7,05%⁸. Таким образом, обрабатывающая промышленность, несмотря на быстрые темпы ее роста, была представлена небольшими предприятиями, работающими на местном сырье. Следует сказать, что в крае были также крупные капиталистические предприятия — это крупнейшие в России цементные заводы в Новороссийске, серебро-свинцовые предприятия в Осетии, фабрика «Каспийская мануфактура» в Петровске. Крупнейшим монопольным предприятием в крае была железная дорога со своими мастерскими в Ростове, Новороссийске, Тихорецке, Владикавказе и др.

Одновременно с развитием промышленности росло городское население. Почти за 30 лет оно возросло примерно в 2,7 раза, причем за счет увеличения торгово-промышленного населения. Особенно быстро городское население росло в Черноморской губернии и Терской области, что было связано с развитием промышленности в них и усилением притока рабочих.

Результатом вовлечения Северного Кавказа в общероссийскую капиталистическую систему явились глубокие изменения в социальном составе населения. На основе данных переписи населения 1897 года, служащих, как указывал В. И. Ленин, «... для иллюстрации **разделения общественного труда**, как основы всего товарного производства и капитализма...»⁹, и, следуя ленинской классификации, мы имеем в крае¹⁰ следующую картину¹¹: (см. табл. на стр. 26).

Как видно из этих цифр, в промышленном и ремесленном производстве было занято значительное количество самодеятельного населения, что свидетельствовало о развитых капиталистических отношениях в промышленности. Эти же цифры свидетельствуют о неравномерном промышленно-торговом

⁸ Там же, ф. 275, д. 237, лл. 7, 17, 18, 24, 33.

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 439.

¹⁰ Без Ставропольской губернии.

¹¹ Кавказский календарь на 1909 г., стр. 484—487.

развитии отдельных областей. В Черноморской губернии около 71,5% всего самостоятельного населения считалось торгово-промышленным и ремесленным, в Терской области — 26,1%, в Кубанской области — 31,6%, в Дагестане всего лишь 19,2%.

Административное деление	Население в тыс. чел.		
	с/хозяйст- венное	торгово-про- мышл. и ре- месл.	непроизво- дительное
Дагестанская область	104	28,3	9,7
Кубанская «	302,2	149,5	20,6
Терская «	143	59,5	22,9
Черноморская губ.	5,4	18,4	2,06
Итого самостоятельного населения.	554,4	255,7	55,26

Важным результатом исторического развития Северного Кавказа, в связи с проникновением русского капитализма, явилось появление современного промышленного пролетариата. Самым боевым по своему революционному размаху и одним из многочисленных по количеству был железнодорожный пролетариат. На Владикавказской дороге в 1903 году числилось 26 720 человек¹². Количественно преобладали рабочие, занятые в фабрично-заводской промышленности. В 1905 году численность их возросла до 43 тыс. человек¹³. К началу революции общее количество подсчитанных официальными властями (по далеко неполным данным) рабочих, занятых в фабрично-заводской и горной промышленности, а также работающих на железной дороге достигало 74,5 тыс. человек.

Вместе с быстрыми темпами роста численности рабочих наблюдается постепенно увеличивающаяся степень концентрации их на крупных предприятиях. В г. Новороссийске на двух цементных заводах работало до 1,5 тыс. человек, в железнодорожных мастерских и других предприятиях железной дороги — 4 тыс. чел., на чугунолитейном заводе — 500¹⁴. В Грозном на нефтепромыслах было занято до 6 тыс. рабочих, на нефтеперегонных заводах — 650, на котельных — 500 рабочих. В г. Петровске на фабрике «Каспийская мануфактура»

¹² «Сведения о железных дорогах за 1903 г.», вып. 81, СПб, 1905, таб. XII.

¹³ На основе данных «Отчетов» и «Обзоров» областей и губерний.

¹⁴ В. А. Скибицкий. Героические годы (очерк о революционном движении в Черноморской губернии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.), Краснодар, 1956, стр. 11.

в разные годы работало от 800 до 1000 рабочих. На серебряно-свинцовом деле о-ва «Алагир» в Северной Осетии число постоянных рабочих колебалось в пределах 500—1090 чел. В Екатеринодаре на спиртовом заводе работало 450 чел., консервной фабрике — 400, маслобойном заводе — 420. В селекции Армавир на механическом заводе работало 740 человек. Тысячи рабочих были заняты на капиталистических предприятиях ст. Кавказская и Тихорецкая.

Некоторые города края — Новороссийск, Грозный и др. превратились к началу революции в крупные промышленные центры, чем и объяснялся тот факт, что рабочие этих городов являлись самой активной силой в революции 1905—1907 гг. В Новороссийске к началу XIX в. насчитывалось более 11 тыс. рабочих¹⁵, в Грозном — 12 тыс.¹⁶.

Характерной особенностью рабочего класса края была его многонациональность. Он рос как за счет русских, составляющих основной костяк пролетариата, так и за счет местных народностей. Это обстоятельство не могло не отразиться на степени участия рабочих разных отрядов в революции.

Как и во всей России, положение рабочих края в конце XIX—начале XX вв. оставалось крайне тяжелым. На промышленных предприятиях, рудниках, нефтяных промыслах и т. д. рабочий день длился в среднем 12—15 часов. Продолжительность рабочего дня работающих на мелких предприятиях (фабрично-заводской элемент такого типа был преобладающим в крае) почти не была ограничена. Так, рабочие каретного цеха г. Владикавказа в конце 1904 года писали, что у них «начало работы в летнее время с 4 часов утра до 9 часов вечера, а в зимнее время с рассвета до 9, 10 и 11 часов вечера...»¹⁷. После такой изнурительной работы, как писали железнодорожники минераловодского депо, «так утомляешься, что рад свернуться где-нибудь в уголок своей землячки и отдохнуть, дежурство ни на одну минуту не дает передышки, вместо обеда кое-как на ходу закусишь из кармана, иначе и никогда нельзя»¹⁸.

Рабочие получали за такой каторжный труд нищенскую оплату. Так, на одном из митингов в 1905 году стрелочник ставропольского депо с отчаянием говорил, что «то жалование, которое они получают, не дает возможности жить более или менее сносной человеческой жизнью»¹⁹. Колониальная эксплуатация рабочих сказывалась в том, что здесь рабочий зарабатывал наполовину меньше, чем в Центральной Рос-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Сб. «1905—6—7 годы в Грозном», Грозный, 1925, стр. 30.

¹⁷ ЦГА СО АССР, ф. 11, оп. 8, д. 5528, лл. 2, 2 об.

¹⁸ Госархив Ростовской области (ГАРО), ф. 26, оп. 5, д. 2518, л. 77.

¹⁹ Газ. «Северный Кавказ», № 124, 24 октября 1905 г.

сии²⁰. Положение рабочих еще более ухудшилось в связи с экономическим кризисом в начале XX в., а также в результате русско-японской войны. Например, в Новороссийске месячный заработок рабочего к началу 1905 года понизился на 60%²¹. Усилившаяся капиталистическая эксплуатация, гнет царизма, тяжелые условия работы и быта толкали рабочих на борьбу, которая усиливалась с ростом количества рабочих и их концентрацией на больших предприятиях. Во главе этой борьбы встали социал-демократические организации и группы Северного Кавказа.

Оформление социал-демократических организаций в крае происходило в предреволюционные годы. До 1903 года большое влияние на создание их имел Донской комитет РСДРП во главе с ленинцем С. И. Гусевым. С его помощью были созданы социал-демократические группы на Кубань и Черноморье. После II съезда РСДРП усиливается влияние Бакинского комитета РСДРП, с помощью которого создаются социал-демократические группы в Грозном и в Дагестане. К началу революции социал-демократические организации края были объединены вокруг двух комитетов — Терско-Дагестанского и Кубанского, которые являлись объединенными организациями большевиков и меньшевиков. Влияние большевиков сильнее проявлялось в Грозненской, Черноморской, Петровской организациях и Кавказской, Минводской, Ейской, Тихорецкой группах РСДРП, где среди рабочих преобладал кадровый пролетариат. Однако нужно отметить, что социал-демократические организации и группы не были объединены в масштабе всего Северного Кавказа. Это не могло не сказаться на координации их деятельности в период первой русской революции.

Таким образом, накануне революции 1905—1907 гг. на Северном Кавказе были налицо все противоречия, характерные для капитализма. В конце XIX—начале XX вв. в крае рос рабочий класс, призванный разрешить эти противоречия революционным путем. К началу революции организационно оформились также социал-демократические организации, руководившие революционным движением рабочих, крестьян и солдат края. Революционное движение, несмотря на то, что оно развертывалось в период первой русской революции и под влиянием российского революционного движения, являлось результатом исторического развития Северного Кавказа в конце XIX—начале XX вв.

* * *

²⁰ И. Ф. Мужев. Очерки истории революционного движения на Северном Кавказе в 1905—1907 гг., Нальчик, 1957, стр. 43.

²¹ Там же, стр. 37.

Петербургские события 9 января 1905 года оказали решающее влияние на политическое пробуждение трудящихся масс Северного Кавказа. Социал-демократические организации широко развернули работу по организации боевых действий поднимающихся на революционную борьбу трудящихся масс Северного Кавказа. Ставропольский губернатор признавал: «В то время, как люди умеренных политических взглядов занимались выработкой платформы, социал-демократы с готовой программой выступили на путь пропаганды своих идей, усиленно вербуя себе сторонников»²². Социал-демократы клеймили позором расправу царизма над безоружными рабочими Петербурга. Листовка екатеринодарских рабочих призывала отомстить «за кровь детей, кровь женщин, кровь бесчисленных жертв Николая II». Они поклялись «... над сотнями свежих могил до последней капли крови бороться за дело освобождения рабочего класса от самодержавия»²³. Написанные простым, но острым языком, листовки являлись одним из важных средств большевистской агитации и пропаганды идей революции.

Первыми отзвуками на петербургские события нужно считать выступления рабочих Майкопа, Ставрополя и Тихорецкой. В Майкопе 9 января антиправительственная демонстрация прошла под лозунгами: «Смерть палачам!», «Слава павшим!»²⁴. На митинге «ораторами произносились речи, порицающие образ действий правительства 9 января 1905 г.»²⁵. В Ставрополе солидарность рабочих выразилась в том, что они, организовав сбор денег в пользу пострадавших петербургских рабочих, решили собранную сумму переправить в Петербургский комитет РСДРП²⁶. Сильное революционное брожение было замечено в январе 1905 года также среди рабочих Владикавказской железной дороги²⁷. Однако начавшиеся революционные волнения на железной дороге, в результате арестов и репрессий со стороны властей, не переросли в массовые выступления. На ст. Тихорецкой же выступление рабочих в январе 1905 года кончилось кровавой расправой царских властей над безоружными рабочими, требовавшими улучшения своего положения.

²² Ставропольский краевой госархив (СКГА), ф. 69, д. 413, лл. 87—90.

²³ «Революционное движение на Кубани в революции 1905—1907 гг.», Краснодар, 1956, стр. 32—33.

²⁴ Партархив Краснодарского крайкома КПСС, ф. 2830, оп. 1, д. 645, лл. 31, 33, 34.

²⁵ «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.». Сб. документов и материалов. Краснодар, 1956, стр. 39.

²⁶ СКГА, ф. 1008, дд. 61, 16, лл. 8—10.

²⁷ Госархив Краснодарского края (ГАКК), ф. 584, оп. 1, д. 206, лл. 29—30.

Своей организованностью в период январь-февральских выступлений отличились рабочие Грозного и Новороссийска. Это объяснялось тем, что там преобладали кадровые рабочие, имеющие за собой опыт классовой борьбы. Революционными выступлениями их руководили большевики. Борьба грозненского пролетариата в январе—феврале вылилась во всеобщую забастовку. Забастовкой было охвачено почти 11,5 тыс. пролетариев Грозненского района²⁸, выставившие такие же требования, как и петербургские рабочие²⁹. На требования управления дороги прекратить стачку рабочие заявили: «не станем на работу впредь до их удовлетворения»³⁰. Видя решимость бастующих, железнодорожные власти и нефтепромышленники вынуждены были пойти с ними на переговоры.

Грозненская всеобщая стачка вызвала новую революционную волну в крае. Железнодорожное управление с тревогой доносило, что забастовки можно ожидать и в других депо³¹.

Вслед за грозненцами в стачечную борьбу вступили рабочие Новороссийска. В экономической забастовке, продолжавшейся с 12 по 19 февраля, участвовало до 900 грузчиков³². Однодневной стачкой 23 февраля было охвачено до 1000 рабочих цементного завода³³. Они добились сокращения рабочего дня с 12 часов до 10. В стачечную борьбу в январе—феврале 1905 года включились также рабочие г. Петровска. За первую половину февраля дважды бастовали рабочие фабрики «Каспийская мануфактура». Под их влиянием объявили стачку также табачники города. Рабочие выдвинули требования экономического характера³⁴.

По неполному подсчету автора в январе—феврале отмечено 18—20 забастовок и выступлений, в которых участвовало примерно до 20 тыс. рабочих и революционной молодежи. Нужно подчеркнуть, что в своем большинстве выступления носили экономический характер. Однако, было бы неправильно сводить их всецело к экономическим. Сам факт, что они были вызваны петербургскими событиями, а лозунг о 8-ми часовом рабочем дне затрагивал рабочее «законодательство» царизма говорят о том, что они одновременно явились политической демонстрацией против бесчинств существующего строя. Значение январско-февральских выступлений пролета-

²⁸ С. К. Бушув. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905—1907 гг. Грозный, стр. 18—19; Е. Киреев. Пролетариат Грозного в революции 1905—1907 гг., Грозный, стр. 53—56.

²⁹ ЦГИА Ленинграда, ф. 273, оп. 12, д. 373, лл. 3, 28.

³⁰ Там же, лл. 30, 31.

³¹ Там же, л. 3; ГАКК, ф. 584, оп. 1, д. 206, лл. 29—30.

³² «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.», сб. документов. Краснодар, 1956, стр. 40; ГАКК, ф. 584, оп. 1, д. 206, лл. 23—24.

³³ Там же, стр. 42.

³⁴ С. К. Бушув. Указ. соч., стр. 18; Очерки истории Дагестана, т. 1, Махачкала, 1957, стр. 289—290.

риата огромно. «Рабочий класс, — писал В. Л. Ленин, давая оценку январско-февральским событиям, — получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание за один день шагнуло так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы, в годы серой, будничной, забитой жизни»³⁵. Эта оценка Лениным революционных событий полностью может быть отнесена к революционным выступлениям рабочих края. Забастовки рабочих Грозного, Новороссийска, Петровска, станции Тихорецкая пробудили многонациональный пролетариат края. Однако выступления городского пролетариата не отличались массовостью. Причина заключалась в политико-экономической отсталости края и вытекающего отсюда преобладания мелкобуржуазного и ремесленного элементов среди рабочих таких политико-административных центров, как Екатеринодар, Владикавказ, Темир-Хан-Шура.

Весной 1905 г. революционное движение краевого пролетариата продолжалось, охватывая новые слои рабочих. В марте забастовку объявили рабочие Садонских рудников общества «Алагир», 24 марта прекратили работы рабочие серебряноцинкового завода. Забастовкой был охвачен более чем тысячный отряд рабочих Северной Осетии, занятый в горном деле. Забастовки имели большое значение для пробуждения рабочих Владикавказа и активизации освободительной борьбы осетинских крестьян. В ряде случаев мартовские выступления характеризуются переходом от чисто экономической борьбы к политической. Примером такого выступления была демонстрация рабочих г. Сочи 16 марта 1905 года, вызванная убийством рабочего полицейским. На митинге оратор закончил свою речь призывом: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!»³⁶.

В борьбу против капиталистической эксплуатации весной 1905 года вовлекались даже слабо организованные отряды городского населения. Так, 27 марта приказчики Армавира добились соглашения, обязывающего торговцев установить рабочий день в магазинах с 7 часов утра до 7 часов вечера³⁷. Эта победа была настолько значительна, что армавирская группа РСДРП выпустила специальную листовку, поздравившую торгово-промышленных служащих с победой. Но в то же время революционные социал-демократы учили рабочих, что экономическая борьба вовсе недостаточна для победы над хозяевами. «Чтобы успешнее шла наша общая борьба с капиталистами, нам необходимо, — говорилось в листовке, — в то

³⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 77.

³⁶ ГАКК, ф. 584, оп. 1, д. 212.

³⁷ «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.», сб. документов, Краснодар, 1956, стр. 56.

же время бороться против самодержавия, нам необходимо добиться политической свободы»³⁸.

Несмотря на то, что в марте—апреле 1905 года в классовую борьбу вливались новые силы, забастовки здесь все еще не носили такого размаха, как в основных рабочих центрах страны. Налицо неорганизованность, отсталость рабочих края. Другой особенностью рабочего движения в крае, несмотря на то, что оно происходило под влиянием политических выступлений в центре и в ряде случаев носило политический характер, была его экономическая направленность.

Огромное политическое значение для развертывания классовых выступлений и укрепления большевистского влияния среди рабочих края имела борьба Ленина и большевиков за созыв III съезда партии.

В. И. Ленин придавал большое значение связи большевистского центра с местными организациями, в частности, с северокавказскими комитетами. В марте 1905 года он писал С. И. Гусеву: «Отчего Лядов³⁹ не был в Кубанском? Отчего он, проезжая мимо, не пригласил на съезд Дон, Харьков, Горнозаводский, Киев и отдельные группы в этих городах? Прекрасное средство бунтовать рабочих: звать их самих на съезд»⁴⁰. В противоположность комитетчикам, выступившим против созыва III съезда, рядовые массы рабочих и членов партии требовали покончить с предательской деятельностью меньшевиков. Лучше всего эти настроения выразил старый искровец С. И. Гусев, работавший накануне съезда в Петербурге и стоящий по своим прежним связям близко к северокавказской действительности, в письме В. И. Ленину в марте 1905 года. Говоря о бессилии меньшевистских комитетов, он писал: «... Горнозаводской Союз не существует, Крымская — фикция, Донская — фикция (состав позорный, рабочие обещают избить первого комитетского агитатора, который к ним явится)⁴¹ Кубанский, Смоленский, Кременчугский и пр., и пр., да где же силы меньшевиков?»⁴². То же самое нужно сказать о Терско-Дагестанском комитете, в котором большим влиянием на массы пользовалась Грозненская организация большевиков, установившая связь с Бюро комитетов большинства накануне созыва III съезда партии⁴³.

³⁸ Там же, стр. 45.

³⁹ Один из агитаторов ЦК, объехавший многие социал-демократические комитеты в начале 1905 года. Лядов приглашал комитеты на съезд.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 261.

⁴¹ Подчеркнуто нами — М. Ш.

⁴² Третий съезд РСДРП. сб. документов и материалов. М., 1955, стр. 335.

⁴³ В. Ганзуров. Первые маевки в Дагестане, газ. «Дагестанская правда», 1 мая 1957 г.

Большое значение для разъяснения тактики большевиков в революции имели большевистские газеты «Вперед» и «Пролетарий», которые были распространены в Новороссийске, Грозном, Ставрополе, Екатеринодаре, Темир-Хан-Шуре и других городах края, а для разъяснения партийным массам положения в партии — распространение «Известия о III съезде РСДРП». «Известия» было обнаружено во Владикавказе⁴⁴, в Ставрополе⁴⁵ и других городах. Огромную помощь северокавказским большевикам в выработке их правильной тактики оказали специальные обращения ЦК РСДРП «К партии» и «Наши задачи», распространенные, в частности, на Кубани⁴⁶, и классические произведения Ленина: «Шаг вперед, два шага назад»⁴⁷, «Пересмотр аграрной программы партии»⁴⁸, «Борьба городских рабочих», «Две тактики социал-демократии в демократической революции»⁴⁹, номера «Пролетария» с постановлениями III съезда партии и статьями В. И. Ленина. Произведения В. И. Ленина и решения III съезда партии вооружили рядовых членов партии, рабочих края большевистской тактикой революции, воспитывали в них политическое сознание. Несмотря на то, что меньшевики всячески старались скрыть от рядовых рабочих действительное положение в партии и решения съезда, рабочие и партийные массы края были информированы о них через произведения Ленина и большевистскую печать.

При обсуждении решений III съезда развернулась острая борьба между большевиками и меньшевистскими комитетчиками края. Об этом ярко свидетельствует борьба грозненских большевиков против меньшевистского руководства Терско-Дагестанского комитета, выступившего явно враждебно против решений III съезда и наиболее ярко проводившего политику меньшевизма в крае. На собрании, которое состоялось 17 июля 1905 года, грозненская организация, обсудив решения III съезда, одобрила их⁵⁰. Выполняя указания Ленина «... порвать с меньшевиками как можно полнее, скорее, определеннее (открыто, публично)»⁵¹, признав руководство Терско-Дагестанского комитета отколовшейся частью партии, а решения съезда верными, она вышла «из состава Терского Дагестанского комитета»⁵². Можно утверждать, что помимо

⁴⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, оп. 2, д. 385, л. 8 об.

⁴⁵ СКГА, ф. 852, д. 62, лл. 5—7.

⁴⁶ ГАКК, ф. 454, д. 3283, лл. 123—127.

⁴⁷ СКГА, ф. 1008, оп. 1, д. 93, л. 401.

⁴⁸ Там же, д. 96, оп. 1, лл. 56—57.

⁴⁹ «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.». Сб. документов, Краснодар, 1956, стр. 85; Е. Киреев. Указ. соч., стр. 62.

⁵⁰ Е. Киреев. Указ. соч., стр. 63.

⁵¹ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 4.

⁵² Газ. «Пролетарий», № 12, 3 августа 1905 г.

промышленных центров Терска и Дагестана, грозненские большевики распространяли свое влияние вплоть до станции Кавказская и Тихоречская. Так, например, одним из условий минераловодских железнодорожников приступить к работе в июле 1905 года было согласие с ними «бастующих служащих грозненского депо»⁵³.

А в составе Кубанского комитета наиболее сильным влиянием пользовалась Новороссийская организация РСДРП. В июне 1905 года собрание революционных социал-демократов и рабочих Новороссийска в количестве 300 человек, полностью одобряя решения III съезда, решило «... готовиться к революции..., к вооруженному восстанию и к инспровержению... тропы самодержавца»⁵⁴. Как видно, позиция революционных социал-демократов в Новороссийске была сильна. И тем не менее они не сумели добиться разрыва с меньшевистским руководством. Это был период, когда во главе Новороссийской социал-демократической организации стояли меньшевики, которые наказывали своему делегату руководствоваться на конференции кубанских организаций «точкой зрения меньшинства нашей партии»⁵⁵. Социал-демократы же, которые по-большевистски понимали задачи революции, были стеснены меньшевистским руководством в материально-техническом отношении. Даже вышеприведенная листовка с резолюцией рабочих Новороссийска была доставлена из Армавира⁵⁶.

Вокруг выработки тактической линии рабочего класса в революции, как видно из сказанного, разгорелась идейная борьба между большевиками и меньшевиками края. Рабочие и партийные массы, обсуждая решения III съезда, оказались под влиянием большевиков. Смело можно утверждать, что в поднимающейся революции сознательно или стихийно рабочие следовали за большевиками.

О том, как усиливалось влияние большевиков на рабочие массы, свидетельствуют их майские выступления. Под руководством большевиков, в обстановке революционного подъема, началась широкая подготовка к празднованию 1 Мая. Большое распространение в крае получила листовка ЦК РСДРП «Первое Мая», перепечатанная в местных социал-демократических типографиях. Листовка призывала рабочих: «Вооружайтесь, кто чем может! Готовьтесь по первому призыву стать под красные знамена Российской социал-демокра-

⁵³ Газ. «Кавказские Минеральные воды», № 69, 70, 27 июля 1905 г. Общественно-политическая газета, издавалась в городах Кавказских Минеральных Вод.

⁵⁴ Указ. сб., Краснодар, 1956, стр. 60—61; В. Скябицкий. Героические годы. Краснодар, 1956, стр. 49.

⁵⁵ В. Скябицкий. Героические годы, Краснодар, 1956, стр. 49.

⁵⁶ Указ. сб., Краснодар, 1956, стр. 59.

тической партии! Готовьтесь к последнему натиску на царское самодержавие»⁵⁷.

Майские выступления 1905 года на Северном Кавказе вылились в массовые политические демонстрации рабочих. Так, в Новороссийске в демонстрациях 1—3 мая участвовало подавляющее большинство рабочих города. 2 мая приостановилась работа почти всех городских предприятий, на демонстрацию под знаменем РСДРП вышло более 2 тыс. человек⁵⁸. 3 мая рабочие предъявили требования, в том числе о свободе стачек, союзов и собраний и 8-часовом рабочем дне⁵⁹. 1 мая состоялась демонстрация промысловых рабочих Грозного, но в результате арестов передовых рабочих не удалось превратить ее во всеобщую. Только 18 мая рабочие объявили стачку. В Петровске 1 мая состоялся митинг рабочих, на котором было решено объявить на следующий день стачку рабочих города.

Меньшевистская часть социал-демократической организации Екатеринодара решила устроить первомайские выступления лишь там, «где организованные силы позволяли»⁶⁰. Они старались внушить рабочим, что лишь после падения самодержавия они получат возможность «крепко организовать под красным знаменем социализма для решительной борьбы с капиталом»⁶¹.

Несмотря на такую меньшевистскую ориентировку, большевикам удалось 1 мая в городском саду организовать политическую демонстрацию передовых рабочих и революционной молодежи города. Пение революционных песен сопровождалось лозунгами: «Долой самодержавие!», «Долой капиталистов!», «Да здравствует международная солидарность рабочих всех стран!»⁶². Митинги и собрания по случаю празднования 1 мая проходили на станциях Тихорецкая, Кавказская, в Дербенте, Минеральных Водах и других местах.

Первомайские выступления оказали влияние на слои рабочих, стоявших до сих пор в стороне от классовой борьбы. Так, забастовка рабочих чугунолитейных мастерских г. Ейска, продолжавшаяся с 1 по 17 мая, закончилась сокращением рабочего дня на два часа⁶³. 5 мая рабочие почти всех промышленных заведений Армавира объявили забастовку. Во Владикавказе, вопреки противодействию меньшевиков, 6, 7 мая «забастовка приказчиков перешла в общую стачку. Пре-

57 ГАКК, ф. 454, д. 3283, лл. 124, 124 об.

58 Журн. «Пролетарская революция», № 3, 1925, стр. 113.

59 Газ. «Кавказские Минеральные воды», № 10, 13 мая 1905 г.

60 «Искра», № 101, 1905 г.

61 ЦГИА Груз. ССР, ф. 7, д. 7853, л. 1.

62 ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 3136, лл. 1—2, 10.

63 «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.», сб. документов, Краснодар, 1956, стр. 55.

крашены работы всех мастерских, закрыты все рестораны, гостиницы, движение трамваев приостановлено: улицы переполнены рабочими. Разъезжают казачьи патрули»⁶⁴. Количество демонстрантов 6 мая выросло до 5 тыс. человек, а 7 мая в городском саду на общем собрании рабочих присутствовало 500 чел. Нужно подчеркнуть, что этим выступлением руководили не меньшевики Терско-Дагестанского комитета, а большевики. В полицейском донесении говорится: «забастовщики толпами собирались на улицах под руководством каких-то неизвестных молодых людей, по-видимому, переодетых студентов, которых много понаехало в г. Владикавказ»⁶⁵. За двое суток энтузиазм населения Владикавказа настолько вырос, что власти не решались на открытые действия. Забастовка прекратилась «благодаря тому, что властям большею частью удалось склонить хозяев к удовлетворению требований забастовщиков»⁶⁶, что говорило о грандиозном размахе забастовки и тревоге властей.

Весть о поражении царского флота в Цусиме усилила решимость рабочих с оружием в руках свалить царизм. Так, рабочие Армавира 29 мая, «становясь под Красное знамя Российской социал-демократической рабочей партии, решили немедленно вооружаться. Настает... час, когда вооруженный пролетариат всей России восстанет и свергнет ненавистное всем царское самодержавие... Пусть Учредительное собрание положит конец преступной войне»⁶⁷.

Кадеты и меньшевики сделали попытки направить народный гнев по мирному руслу. Например, 3 июня 1905 года либералами, меньшевиками и эсерами на заседании Ставропольской городской думы был поднят вопрос о ходатайстве перед царем об ускорении окончания войны с Японией. На заседании рабочие во главе с революционными социал-демократами выдвинули контрреволюцию, которая, осуждая царизм и войну, указывала на то, что единственным выходом является немедленный созыв Учредительного собрания для установления демократической республики⁶⁸.

Власти старались подавить революционную активность рабочих. На помощь им поспешила церковь, которая с ведома губернатора решила 7 июня начать религиозный диспут. По этому случаю собралась огромная толпа до 10 тыс. чел.⁶⁹. Для царских властей это был удобный момент. Войска по приказу губернатора открыли огонь по безоружной толпе.

⁶⁴ Газ. «Кавказские Минеральные воды», № 7, 8 мая 1905 г.

⁶⁵ «Северная Осетия и революция 1905—1907 годов». Документы и материалы, Орджоникидзе, 1955, стр. 40—41.

⁶⁶ Там же, стр. 35.

⁶⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 7, д. 785, л. 2.

⁶⁸ СКГА, ф. 1008, д. 60, лл. 145—146.

⁶⁹ Там же, лл. 162—165.

Было подобрано 14 убитых, ранено свыше 70 человек⁷⁰, тяжело ранено до 30 человек⁷¹. Как видно, царские власти на местах широко использовали «опыт» «Кровавого воскресенья» в Петербурге.

Расстрел 7 июня вызвал еще большее возмущение трудящихся города. 9 июня 1905 года состоялась мощная политическая демонстрация протеста. События 7—9 июня оживили революционное движение народных масс, социал-демократическая пропаганда усилилась, а революционная группа численно возросла, что дало возможность преобразовать ее в комитет. Власти доносили: «После 7 июня... преступная организация, использовав этот инцидент и опираясь на общее недовольство, широко провела свою пропаганду»⁷².

Выступления рабочих края после майского революционного натиска ширились. Так, 2 июня началась забастовка приказчиков г. Пятигорска. В забастовочную борьбу включилась самая неорганизованная категория рабочих: строители, обслуживающий персонал санаториев, портные и др. 11 июня 1905 г. в Есентуках строительные рабочие объявили забастовку экономического характера⁷³. Большое революционное впечатление на краевой пролетариат оказало также восстание на броненосце «Потемкин». Появления восставших ждали, с одной стороны, революционные массы, с другой, — возможность их появления вызвала большую тревогу властей. Как только началось восстание, екатеринодарские власти телеграфировали о возможной высадке десанта с восставшего «Потемкина» на побережье Кубанской области⁷⁴. 19 июня в Новороссийск прибыл генерал Бабиц, от которого требовали «задержать или не дать возможности высадиться на берег матросам с броненосца «Потемкин»⁷⁵.

В Новороссийске рабочие во главе с большевиками тоже готовились к встрече с матросами. «В Новороссийске настроение среди рабочих крайне тревожное, готовилась демонстрация в ожидании прибытия броненосца «Потемкин», но захват последнего и присутствие войск в городе задержали ее осуществление. Завтра войска уходят, революционеры воспрянули духом, на сегодняшнюю ночь назначена сходка для организации вооруженной демонстрации в ближайшем будущем»⁷⁶, — телеграфировал губернатор 29 июня. В связи с

⁷⁰ М. В. Дрогалина. Революция 1905—1907 гг. на Ставрополье, Ставрополь, 1955, стр. 34.

⁷¹ СКГА, ф. 1008, д. 60, лл. 162—165.

⁷² Там же, оп. 1, д. 70, лл. 9—12.

⁷³ Газ. «Кавказские Минеральные воды», № 32, 11 июня 1905 г.

⁷⁴ ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 3161, лл. 1, 3, 11; ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 2, д. 80, лл. 69, 70.

⁷⁵ Там же, л. 89.

⁷⁶ Там же, лл. 90, 90 об.

восстанием матросов волнения среди рабочих наблюдались и в других городах края⁷⁷.

Итак, в результате огромной работы большевиков весной 1905 года в крае начался новый революционный подъем, вылившийся в майские дни в мощные политические демонстрации рабочих Грозного, Новороссийска, Екатеринодара, Владикавказа, Петровска, Армавира и др. В ходе стачечной борьбы рабочие в ряде мест добились улучшения условий работы, сокращения рабочего дня. Переход от чисто экономической борьбы к политической являлся новым элементом в весенних выступлениях пролетариата ряда городов Северного Кавказа. В майские дни в борьбу вовлекались новые силы. Революционный подъем, начавшийся весной 1905 года, положил начало летним выступлениям пролетариата. Особое место в них занимает июльская забастовка рабочих и служащих Владикавказской железной дороги⁷⁸. Она была подготовлена и проведена под руководством большевиков Грозного, Минеральных Вод, Новороссийска, Кавказской, Тихорецкой и др. В конце июня из Тихорецкой доносили: «Настроение мастеровых и рабочих тихорецких мастерских, а равно Кавказского и Тихорецкого депо крайне приподнятое и беспокойное и есть основания ожидать, в самом скором времени, прекращения ими работ и проявления насильственных действий»⁷⁹. Большевики выступили против стачки, например, Донком РСДРП⁸⁰. В результате, новороссийские и ростовские рабочие примкнули к забастовке только с 15 июля 1905 года⁸¹. Предательством меньшевиков был и созыв ими конференции Кубанского комитета РСДРП в разгар подготовки и проведения стачки. На конференции не могли присутствовать большевики, которые руководили забастовкой. В журнале заседаний отмечено, что в работе конференции не участвовали представители Кавказской и Тихорецкой групп РСДРП, также не присутствовали еще 4 делегата, «ввиду того, что конференция совпала с началом забастовки на линии»⁸².

Конференция, под влиянием революционного подъема рабочих и большевиков, вынуждена была обратиться к забастовщикам с приветственной листовкой⁸³. Она характеризует-

⁷⁷ Там же, лл. 97, 98.

⁷⁸ М. В. Дрогалина. Июльская политическая стачка 1905 г. на ст. Минеральные воды, сб. научных трудов Пятигорского пединститута, вып. II, 1948; Ю. Серый. Страницы прошлого. Ростов н/Д., 1955. стр. 25—32.

⁷⁹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 3185, л. 19.

⁸⁰ «Искра», № 108, 1905 г.

⁸¹ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 107, д. 8302, лл. 3—4, 8; д. 273, оп. 12, д. 373, л. 163.

⁸² Журн. «Пролетарская революция», № 6, 1926, стр. 166.

⁸³ Там же.

ся неопределенностью выражений, туманностью лозунгов, как и вся политика меньшевиков в июльской стачке.

Большевики края проводили ленинскую идею вооруженной борьбы. «Мы боремся, — писали новороссийские рабочие в эти дни, — за демократическую республику, за замену царского самодержавия самодержавием народным... Мы, социал-демократы, хорошо понимаем, что всего этого добьемся мы только с оружием в руках, а потому вооружаемся, готовимся к вооруженному восстанию»⁸⁴.

Добиваясь лучшей подготовки стачки, большевики 2 июля созвали съезд представителей депо Владикавказской дороги. Делегаты выработали требования рабочих управлению. Был также согласован порядок прекращения работ. Забастовка должна была начаться 10 июля.

Первыми выступили рабочие депо Минеральных Вод⁸⁵, «ввиду полной невозможности существовать при таких условиях, в каких они находились»⁸⁶. 11 и 12 июля забастовка охватила рабочих и служащих станций Кавказская, Тихорецкая, Армавр, Грозный. Между 15 и 17 июля движение поездов прекратилось между Дербентом и Баладжарами, как доносили, «в результате насильственных действий баладжарских стачечников»⁸⁷. 15 июля прекратили работы мастерские Новороссийского депо.

Требования рабочих и служащих всех депо сводились к политическим и экономическим требованиям: 8-часового рабочего дня, отмены военного положения на Владикавказской железной дороге, свободы собраний, союзов, слова, печати, стачек, созыва Учредительного собрания и др.⁸⁸. В ответ на эти требования управляющий дорогой писал, что «петиция составлена в выражениях общих для всех дорог, решение по ним может исходить от правительства»⁸⁹. Он потребовал прекратить стачку. В тоже время из Тифлиса прибыло 60 человек для замены бастующих. На станции Минеральные Воды власти оказали сильное давление на студентов-практикантов, пре-

⁸⁴ «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.», сб. документов. Краснодар, 1956, стр. 71.

⁸⁵ П. В. Семернин. 1905 год на Дону, Ростов н/Д., 1945, стр. 73—75; С. К. Бушуев. Указ. соч., стр. 24; Ю. Серый. Указ. соч., стр. 25—26; М. В. Дрогалкина. Революция 1905 г. на Ставрополье, Ставрополь, 1955, стр. 34—36; ЦГИА Груз. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 51, лл. 218, 218 об.

⁸⁶ Газ. «Кавказские Минеральные воды», № 59, 14 июля 1905 г.

⁸⁷ ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 12, д. 373, л. 174.

⁸⁸ Газ. «Кавказские Минеральные Воды», № 59, 14 июля 1905 г.; «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.», сб. документов, Краснодар, 1956, стр. 66—67; ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 12, д. 373, л. 142; ф. 1405, оп. 107, д. 8302, лл. 3—8.

⁸⁹ Газ. «Минеральные воды», № 59, 14 июля 1905 г.

буя от них замены бастующих, но студенты в специальном заявлении отвергли притязания властей⁹⁰.

Несмотря на угрожающие телеграммы, подкупы и увольнения, рабочие держались стойко. В Новороссийске июльские события прошли особенно бурно. Большевикам удалось превратить забастовку железнодорожников во всеобщую. 19 июля рабочие оказали решительное сопротивление властям при их попытке открыть движение. Собралось до 2—3 тыс. человек⁹¹. Власти решили подавить революционное движение, в результате 19 безоружных рабочих было убито, 36 ранено. По другим данным, ранено было до 100 человек. Начались аресты, только на месте расправы было задержано 176 человек⁹². Несмотря на арест руководителей и передовых рабочих, похороны жертв 19 июля превратились в грандиозную демонстрацию рабочих. Она свидетельствовала о возросшей политической активности новороссийских рабочих⁹³.

Репрессии, аресты, колебания среди некоторой части рабочих подорвали силы забастовщиков. 17 июля рабочие Кавказского и Тихорецкого депо вынуждены были прекратить стачку. 23 июля приступили к работам новороссийцы. Только рабочие Грозненского, Минводского и Дербентского депо упорно отстаивали свои требования. 17 июля была получена от управления дороги телеграмма: «не принявшихся за работу рассчитывать, удалив с полосы отсуждения»⁹⁴. Но рабочие ни на работу, ни за расчетом не вышли. 23 июля на станции Минеральные Воды начато было выселение рабочих из квартир, однако, боясь начавшегося на этой почве сильного недовольства рабочих, власти вынуждены были прекратить его⁹⁵. Наконец, железнодорожное управление объявило, что рабочие депо Грозного, Минеральных Вод, Дербента уволены и должны быть приняты вновь те из них, «которым можно доверять, что они больше не примут в ней (забастовке — **М. Ш.**) участия, уволенных же принять в качестве временных без права на отпуск, поденных принять на окладах вновь поступающих с лишением прибавок»⁹⁶. Однако царское правительство, боясь революционного гнева рабочих, сочло необходимым телеграммой от 30 июля «вновь принимаемым забастовавшим служащим сохранить прежние права, только время неработ считать за отпуск без содержания»⁹⁷. Утомленные

⁹⁰ Там же, № 63, 76, 19 июля и 3 августа 1905 г.

⁹¹ Указ. сб. документов, Краснодар, 1956, стр. 78.

⁹² Там же, стр. 82.

⁹³ В. С к и б и ц к и й. Указ. соч., стр. 41.

⁹⁴ Газ. «Кавказские Минеральные Воды», №63, 19 июля 1905 г.

⁹⁵ Там же, № 69, 26 июля 1905 г.

⁹⁶ ЦГА СО АССР, ф. 32, д. 7, лл. 36—40.

⁹⁷ «Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 гг.», сб. документов, Махачкала, 1956, стр. 110.

долгой борьбой, рабочие депо Грозного, Минеральных Вод и Дербента 1 августа 1905 года приступили к работе. Так закончилась первая всеобщая забастовка железнодорожников.

Забастовка произвела большое впечатление на рабочих края. В начале июля революционное брожение, начатое среди рабочих горнорудного общества «Алагир» в Северной Осетии, кончилось забастовками возчиков, рабочих Мизурской фабрики. Капиталисты, не желая пойти на удовлетворение требований рабочих, закрыв одновременно несколько предприятий, выбросили на улицу сотни рабочих. Рабочие и служащие групп Кавказских Минеральных Вод в результате однодневной забастовки 30 июля добились удовлетворения своих требований⁹⁸. Для сплочения рядов сельских пролетариев края большое значение имело также растущее революционное движение городских рабочих. По свидетельству атамана Лабинского отдела, Кубанской области от 5 июля, слухи о готовящейся забастовке «настолько взволновали население, что почти ежедневно приходится получать заявления и просьбы от землевладельцев и начальников казенных и общественных учреждений о командировании войск»⁹⁹.

Таким образом, по своему революционному размаху и охвату широких масс пролетариата Северного Кавказа июльская забастовка была первой попыткой пролетариата объединить усилия в борьбе за свое освобождение. Она показала рабочим преимущество всеобщей забастовки перед разрозненными выступлениями рабочих.

Забастовка имела и свои отрицательные стороны. Разные отряды рабочих начали борьбу в разное время и прекращали ее без согласия на это товарищей из других депо. Более организованными были рабочие и мастерские депо станций Минеральные Воды и Грозный. Здесь сказалось общее руководство забастовкой большевиков грозненской организации, которая имела большое влияние и на минводцев. Рабочие городских предприятий Грозного, Екатеринодара, Петровска и ряда других городов не поддержали железнодорожную забастовку. Тот факт, что стачка не переросла во всеобщую, объясняется предательством меньшевиков. В Новороссийске, например, на митинге 18 июля 1905 года между большевиками и меньшевиками развернулась острая борьба вокруг вопроса о продолжении всеобщей стачки. Ее участник вспоминает: «Помню, горячо дебатировался вопрос о том, верить или не верить обещаниям губернатора¹⁰⁰; меньшевики с пеной у рта убеждали, что обещаниям нужно верить и что по приезде губернатора необходимо охранять его особу от дерзких на-

⁹⁸ Газ. «Кавказские Минеральные Воды», № 80, 9 августа 1905 г.

⁹⁹ ГАКК, ф. 454, д. 3234, л. 24.

¹⁰⁰ Губернатор убеждал рабочих приступить к работам — М. Ш.

падок и возможных выступлений»¹⁰¹. «Но большинство рабочих, — как доносила полиция, — в особенности с цементных заводов, возбужденные противоправительственными речами агитаторов¹⁰², отвергли предложение стать на работы и постановили продолжать забастовку»¹⁰³.

Июльская забастовка была предвестницей славных боев пролетариата края осенью и зимой 1905 года. Ко всеобщей Октябрьской стачке рабочие пришли с значительным опытом, накопленным в июльской железнодорожной забастовке.

В октябре 1905 года в стране началась Всероссийская стачка. В связи с ней рабочее движение края приняло широкие размеры. Рабочий класс Северного Кавказа был одним из боевых отрядов, выстраивающихся «в одну великую армию свободы и армию социализма»¹⁰⁴.

К стачке под руководством большевиков рабочие готовились давно. Черноморский губернатор еще 26 сентября доносил, что идут упорные слухи о готовящейся всеобщей забастовке¹⁰⁵. Добиваясь лучшей подготовки забастовки, конференция социал-демократических организаций Северного Кавказа в сентябре 1905 года решила «выделить организации рабочих и служащих по линии ВЖД в особый партсоюз, а для этого снестись с Лондоном¹⁰⁶ и Баку».

Всероссийская железнодорожная стачка, которая началась 7 октября по инициативе московских рабочих, с 13 октября перекинулась на Владикавказскую железную дорогу. 13 октября в Ростове состоялось делегатское собрание, решившее создать «Союз железнодорожных рабочих». На всех больших станциях были организованы «районные бюро». Общее руководство деятельностью «Союза» принадлежало Ростовскому бюро, которое называлось «Центральное»¹⁰⁷. Под влиянием растущей революционной активности рабочих, собрание признало, что «при существующем полицейско-чиновничьем строе все вышеуказанные требования¹⁰⁸ не могут быть удовлетворены, необходим созыв народных представителей... для выра-

¹⁰¹ «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.», сб. документов, Краснодар, 1956, стр. 81.

¹⁰² Большевиков — М. Ш.

¹⁰³ ГАКК, ф. 584, д. 199, лл. 134—135.

¹⁰⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 362.

¹⁰⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 15, кн. 2, д. 194, лл. 5 об.—6.

¹⁰⁶ Для чего сносились с Лондоном, не удалось установить.

¹⁰⁷ П. В. Семернин. Указ. соч., стр. 95—96.

¹⁰⁸ В программе требований Всероссийского железнодорожного Союза 7 и 9 пункты предусматривали требования свободы собраний, сходов союзов, печати и т. д.

ботки всех основных законов в интересах трудящихся»¹⁰⁹. В результате недостаточной организованности рабочих и предательства меньшевиков и эсеров во главе Ростовского бюро оказался человек, выражающий интересы либеральной буржуазии. Впоследствии он писал, что «желал занятиям бюро дать соответственное направление, совершенно чуждое разрешению каких-бы ни было политических и социальных проблем»¹¹⁰.

Большевики края, руководствуясь указанием III съезда партии «энергично бороться... против всяких попыток буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение...»¹¹¹, повели энергичную борьбу против буржуазного руководства Ростовского бюро. С какой быстротой возрастало влияние большевиков среди рабочих свидетельствует бывший его председатель. Он писал: «События следовали с такой быстротой, что бюро все более и более попадало под влияние воздействия со стороны массы»¹¹². 2 декабря он вынужден был уйти с руководства, так как «его взгляды встречали оппозицию со всех сторон бюро»¹¹³. То, что руководство Ростовского бюро попало в руки большевиков имело большое значение для усиления большевистского влияния на весь железнодорожный пролетариат края. Под революционным напором пролетариата царизм вынужден был объявить манифест 17 октября, встреченный на Северном Кавказе по-разному. Кадеты и мелкобуржуазные партии ликовали. В Новороссийске «либералы поздравляли друг друга, целовались на улице»¹¹⁴. Буржуазия объявила революцию законченной. В Пятигорске представитель кадетов заявил: «оружие не нужно... нужно бороться более культурными мерами — это: умом и рублем»¹¹⁵. Видя, что пролетариат все же вооружается, кадеты прибегли к прямым нападкам на большевиков. На митингах в Минеральных Водах кадеты «в своих речах подчеркивали непоколебимую веру в царя и очень резко осуждали программы тех партий, коими предлагалась для России демократическая республика»¹¹⁶. В Екатеринодаре, после получения известия о манифесте меньшевики, вопреки призыву «городских ораторов, предупреждающих от преждевременного оптимизма», решили прекратить железнодорожную стачку.

¹⁰⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, оп. 1, д. 219, л. 2.

¹¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 12, д. 374, лл. 43, 43 об; Ю. Серый. Указ. соч., стр. 35.

¹¹¹ Третий съезд РСДРП, сб. документов, стр. 18.

¹¹² ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 12, д. 374, лл. 43—43 об.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ «1905 г. на Северном Кавказе», сб. материалов, № 1, Краснодар, 1926, стр. 77.

¹¹⁵ Газ. «Народ», № 12, 8 декабря 1905 г. Общественно-политическая газета, издавалась в г. Пятигорске.

¹¹⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 159, л. 16,

Только большевики разъясняли массам, что царский манифест — обман и вынужденная уступка царя, призывали рабочих вооружаться, довести борьбу до победного конца. Характерно признание ставропольского губернатора: «крайние элементы социал-демократов усиленно пропагандируют необходимость вооруженного восстания и насильственного захвата власти»¹¹⁷. Организовывалась также и контрреволюция. Кадеты и черносотенцы создавали свои организации почти во всех городах Северного Кавказа. Наместник разослал циркуляры, запрещающие народные митинги. Мало того, уже на второй день после опубликования манифеста по краю прокатилась волна погромов, поддержанных полицией и властями.

Большевики разъясняли рабочим для чего создаются черные сотни и кто заинтересован в погромах; они призывали рабочих энергично выступить против громил и довести борьбу до свержения самодержавия. Так, новороссийские большевики писали: «Мы — пролетарии, социал-демократы, встретим громил с оружием в руках и отучим их от разбойничьих попыток..., необходимо с оружием в руках добиться созыва... Учредительного собрания»¹¹⁸. Ейские большевики в специальной листовке объявили, что манифест никуда не годится и не удовлетворил ни рабочих, ни крестьян¹¹⁹.

Как видно, большевики края в период выхода манифеста давали ему правильную политическую оценку и вели тактику, рассчитанную на полную победу пролетариата над царизмом. Вот почему на Северном Кавказе ширилась борьба народных масс по разоблачению манифеста. Повсеместно начались митинги рабочих. 18 и 19 октября проходили митинги и демонстрации рабочих Владикавказа, Новороссийска, Екатеринодара, Пятигорска, Тихорецкой, Петровска, Грозного, Ставрополя. На них, как доносила полиция, говорили, что «народу необходимо взять власть в свои руки и созвать Учредительное собрание, которое должно организовать новое правительство»¹²⁰. Выступления рабочих носили всеобщий характер, местами митинги и демонстрации переросли во всеобщие стачки. Из Армавира доносили, что 18 октября «началась всеобщая политическая забастовка»¹²¹. На митингах и демонстрациях участвовали молодежь, крестьяне и солдаты. В Георгиевске «на митингах присутствовали серые солдатские шинели»¹²².

¹¹⁷ СКГА, ф. 69, д. 413, лл. 81—83.

¹¹⁸ «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.», сб. документов, Краснодар, 1956, стр. 59—60.

¹¹⁹ ГАКК, ф. 454, д. 383, лл. 112—113 об.

¹²⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 23, д. 552, лл. 2—7.

¹²¹ Там же, ф. 1, д. 60, л. 66.

¹²² Там же, ф. 23, д. 552, лл. 45—57.

В то время, когда рабочие во главе с большевиками героически боролись, меньшевики и эсеры вели предательскую политику. Так, мелкобуржуазное большинство съезда рабочих дороги 29 октября решило: «ввиду удовлетворения основных политических требований... предъявить ряд экономических требований управлению дороги, возобновить немедленно движение полностью»¹²³. О том, какая борьба шла между большевиками и антирабочей частью съезда, видно из того факта, что большевистски настроенные делегаты, неудовлетворенные принятыми требованиями, выдвинули дополнительные требования об установлении 8-час. рабочего дня, празднования 1 мая и др.¹²⁴. В ноябре развернулась борьба рабочих за переизбрание центрального и местных бюро, руководства которых вели антирабочую политику. «После избрания председателем Рейзмана¹²⁵ партия рабочих взяла верх над партией конторщиков»¹²⁶.

Под влиянием железнодорожной забастовки в ноябре 1905 года происходил ряд выступлений городских рабочих. К ним относятся забастовка рабочих чугунолитейного завода г. Ставрополя 8 ноября, всеобщая забастовка поденных и артельных грузчиков Новороссийска, продолжавшаяся более месяца и др. О вовлечении в борьбу новых слоев населения в ноябре свидетельствует активное участие во всероссийской забастовке почтово-телеграфных служащих края. Забастовка настолько парализовала деятельность властей, что из Тифлиса доносили: она «окончательно остановила жизнь государства, изолировала его от всего мира, городские управления под напором всеобщего движения потеряли возможность продолжать свою деятельность»¹²⁷.

В Новороссийске, Екатеринодаре, Армавире, Грозном и других городах забастовкой руководили социал-демократы. Как установила комиссия по обследованию причин забастовки в Екатеринодаре, «влияние социал-демократической рабочей партии сказалось очень сильно в деле забастовки»¹²⁸. То же нужно сказать о влиянии рабочей партии на забастовку почтовых и телеграфных работников края¹²⁹.

¹²³ ЦГА СО АССР, ф. 32, д. 7, л. 59.

¹²⁴ Труды первого делегатского съезда служащих Владикавказской железной дороги 20—29 октября 1905 г., Ростов н/Д., 1905 г., стр. 45—62

¹²⁵ Председатель Ростовского бюро, большевик. Умер в царской тюрьме.

¹²⁶ ЦГИАЛ, ф. 273, оп. 12, д. 374, лл. 48—49.

¹²⁷ Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 78, лл. 2—3.

¹²⁸ «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.», сб. документов, Краснодар, 1956, стр. 130—131.

¹²⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 23, д. 322, лл. 131, 301—303 об.; СКГА, ф. 1008, д. 70, лл. 25—30.

Рабочие края откликнулись также на ноябрьское восстание матросов в Севастополе. Новороссийские рабочие решили организовать демонстрацию и объявить траур по погибшим севастопольцам¹³⁰. В вооруженной демонстрации солидарности 22 ноября участвовало 10 тыс. человек¹³¹. В тот же день состоялась демонстрация в Моздоке с участием солдат местной команды¹³². В Анапе 27 ноября демонстрация произошла под флагом: «Вечная память борцам свободы — павшим севастопольцам»¹³³.

Таким образом, наиболее массовым революционным событием в крае осенью 1905 года являлось активное участие рабочих железной дороги во Всероссийской октябрьской стачке. Она подняла на революционную борьбу с царизмом и капитализмом более 30 тыс. железнодорожных рабочих и служащих. На митингах, собраниях и демонстрациях по разоблачению царских «свобод» в октябре—ноябре 1905 года участвовало несколько десятков тысяч рабочих края.

О том, что рабочие массы края не поддались царскому обману, свидетельствует тот факт, что с изданием манифеста революционное движение не только не ослабло, но, наоборот, усилилось, охватывая новые слои трудящихся масс. Это говорило о возросшем влиянии большевистских идей на рабочую массу края.

Октябрьская стачка в крае ускорила процесс объединения разных пролетарских отрядов, представителей многих национальностей в борьбе с царизмом. В этом неопределимое значение Октябрьской стачки для многонационального пролетариата края. Значение Октябрьской стачки для рабочих края заключалось еще и в том, что она подвела их к пониманию необходимости вооруженной борьбы для полной победы над царизмом и капитализмом.

* *
*

III съезд партии и В. И. Ленин указывали, что решающим в революции является вооруженное восстание. Руководствуясь этим указанием, большевики Северного Кавказа осенью и зимой 1905 года провели большую работу по подготовке вооруженного восстания. Сама подготовка шла по двум основным направлениям — путем пропаганды идей о неизбежности вооруженного восстания и свержения существующего строя и путем материально-технической его подготовки.

¹³⁰ Газ. «Народ», № 6, 28 ноября 1905 г.

¹³¹ В. С к и б и ц к и й. Указ. соч., стр. 63.

¹³² ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, оп. 2, д. 576, л. 1.

¹³³ ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 3284, лл. 1—2.

Важным средством для пропаганды идей вооруженного восстания служила большевистская печать. В октябре—ноябре большевики из Северокавказского Союза РСДРП выступили с призывом: «Вооружайтесь, товарищи, и примыкайте к борющемуся пролетариату. Смерть царю! Смерть самодержавию! Вперед»¹³⁴. «Близок час, — писали ейские большевики, — когда нам придется строить баррикады»¹³⁵. По донесению ставропольского губернатора в ноябре 1905 г., «крайние элементы социал-демократов... доказывают, что их программа может быть осуществлена лишь тогда, когда в России будет учреждена демократическая республика»¹³⁶. На Минеральных Водах ораторы «призывали народ к вооруженному восстанию»¹³⁷. Таким образом, накануне декабрьской стачки большевики края руководствовались решениями III съезда о вооруженном восстании, временном революционном правительстве и др.

Работа велась и по направлению военно-технической подготовки восстания. В конце сентября Северокавказский Союз РСДРП выработал устав военно-химической группы и боевых дружин, которые объединялись в военно-техническую группу¹³⁸. Согласно этим решениям почти во всех городах края осенью 1905 года были созданы боевые дружины, из которых наиболее организованными явились новороссийская, миноводская и сочинская. Большевики сделали также серьезную попытку привлечь солдат на сторону революции. Для этой цели при Терско-Дагестанском комитете РСДРП была создана «Владикавказская военно-революционная организация»¹³⁹. Как можно судить по документам и воспоминаниям, ею руководили большевики. В одной из листовок она обратилась к солдатам: «Пусть ваши пули убивают кровопийц-врагов... Смерть кровопийцам! За здравствует объединение солдат с народом! Да здравствует восстание!»¹⁴⁰. Особые группы для работы среди солдат были созданы при Новороссийской, Грозненской, Темир-Хан-Шуринской, Минераловодской и др. социал-демократических организациях. Результатом их работы было усиление солдатских выступлений. Как ширилось солдатское движение свидетельствует телеграмма заместителя Кавказа от 7 ноября. Он писал: «Прошу присылки двух кадровых дивизий, дабы иметь возможность демобилизовать Гренадерскую двадцать первую и тридцать третью»¹⁴¹.

¹³⁴ ГАКК, ф. 454, д. 3283, л. 116.

¹³⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 7, д. 785³, л. 9.

¹³⁶ СКГА, ф. 69, д. 413, лл. 81—83.

¹³⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, оп. 1, д. 202, л. 1 об.

¹³⁸ Там же, ф. 1, д. 186, лл. 6—7.

¹³⁹ «Северная Осетия в революции 1905—1907 гг.», сб. документов, Орджоникидзе, 1955, стр. 127.

¹⁴⁰ Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории (СОНИИ), ф. 129, д. 46, лл. 1—4.

¹⁴¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 2, д. 17, л. 13.

Рабочие края откликнулись также на ноябрьское восстание матросов в Севастополе. Новороссийские рабочие решили организовать демонстрацию и объявить траур по погибшим севастопольцам¹³⁰. В вооруженной демонстрации солидарности 22 ноября участвовало 10 тыс. человек¹³¹. В тот же день состоялась демонстрация в Моздоке с участием солдат местной команды¹³². В Анапе 27 ноября демонстрация произошла под флагом: «Вечная память борцам свободы — павшим севастопольцам»¹³³.

Таким образом, наиболее массовым революционным событием в крае осенью 1905 года являлось активное участие рабочих железной дороги во Всероссийской октябрьской стачке. Она подняла на революционную борьбу с царизмом и капитализмом более 30 тыс. железнодорожных рабочих и служащих. На митингах, собраниях и демонстрациях по разоблачению царских «свобод» в октябре—ноябре 1905 года участвовало несколько десятков тысяч рабочих края.

О том, что рабочие массы края не поддались царскому обману, свидетельствует тот факт, что с изданием манифеста революционное движение не только не ослабло, но, наоборот, усилилось, охватывая новые слои трудящихся масс. Это говорило о возросшем влиянии большевистских идей на рабочую массу края.

Октябрьская стачка в крае ускорила процесс объединения разных пролетарских отрядов, представителей многих национальностей в борьбе с царизмом. В этом неопределимое значение Октябрьской стачки для многонационального пролетариата края. Значение Октябрьской стачки для рабочих края заключалось еще и в том, что она подвела их к пониманию необходимости вооруженной борьбы для полной победы над царизмом и капитализмом.

* *
*

III съезд партии и В. И. Ленин указывали, что решающим в революции является вооруженное восстание. Руководствуясь этим указанием, большевики Северного Кавказа осенью и зимой 1905 года провели большую работу по подготовке вооруженного восстания. Сама подготовка шла по двум основным направлениям — путем пропаганды идей о неизбежности вооруженного восстания и свержения существующего строя и путем материально-технической его подготовки.

¹³⁰ Газ. «Народ», № 6, 28 ноября 1905 г.

¹³¹ В. С к и б и ц к и й. Указ. соч., стр. 63.

¹³² ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, оп. 2, д. 576, л. 1.

¹³³ ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 3284, лл. 1—2.

Важным средством для пропаганды идей вооруженного восстания служила большевистская печать. В октябре—ноябре большевики из Северокавказского Союза РСДРП выступили с призывом: «Вооружайтесь, товарищи, и примыкайте к борющемуся пролетариату. Смерть царю! Смерть самодержавию! Вперед»¹³⁴. «Близок час, — писали ейские большевики, — когда нам придется строить баррикады»¹³⁵. По донесению ставропольского губернатора в ноябре 1905 г., «крайние элементы социал-демократов... доказывают, что их программа может быть осуществлена лишь тогда, когда в России будет учреждена демократическая республика»¹³⁶. На Минеральных Водах ораторы «призывали народ к вооруженному восстанию»¹³⁷. Таким образом, накануне декабрьской стачки большевики края руководствовались решениями III съезда о вооруженном восстании, временном революционном правительстве и др.

Работа велась и по направлению военно-технической подготовки восстания. В конце сентября Северокавказский Союз РСДРП выработал устав военно-химической группы и боевых дружин, которые объединялись в военно-техническую группу¹³⁸. Согласно этим решениям почти во всех городах края осенью 1905 года были созданы боевые дружины, из которых наиболее организованными явились новороссийская, минводская и сочинская. Большевики сделали также серьезную попытку привлечь солдат на сторону революции. Для этой цели при Терско-Дагестанском комитете РСДРП была создана «Владикавказская военно-революционная организация»¹³⁹. Как можно судить по документам и воспоминаниям, ею руководили большевики. В одной из листовок она обратилась к солдатам: «Пусть ваши пули убивают кровопийц-врагов... Смерть кровопийцам! За здравствует объединение солдат с народом! Да здравствует восстание!»¹⁴⁰. Особые группы для работы среди солдат были созданы при Новороссийской, Грозненской, Темир-Хан-Шуринской, Минераловодской и др. социал-демократических организациях. Результатом их работы было усиление солдатских выступлений. Как ширилось солдатское движение свидетельствует телеграмма заместника Кавказа от 7 ноября. Он писал: «Прошу присылки двух кадровых дивизий, дабы иметь возможность демобилизовать Гренадерскую двадцать первую и тридцать третью»¹⁴¹.

¹³⁴ ГАКК, ф. 454, д. 3283, л. 116.

¹³⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 7, д. 7853, л. 9.

¹³⁶ СКГА, ф. 69, д. 413, лл. 81—83.

¹³⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, оп. 1, д. 202, л. 1 об.

¹³⁸ Там же, ф. 1, д. 186, лл. 6—7.

¹³⁹ «Северная Осетия в революции 1905—1907 гг.», сб. документов. Орджоникидзе, 1955, стр. 127.

¹⁴⁰ Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории (СОНИИ), ф. 129, д. 46, лл. 1—4.

¹⁴¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 2, д. 17, л. 13.

Передовые рабочие вооружались. Повсеместно шли сборы средств для покупки оружия. Большевики организовали доставку оружия из Ростова, его получали в Новороссийске и в других черноморских городах. Царизм требовал «воспретить привоз в пределы наместничества всякого рода оружия»¹⁴². Несмотря на это, «случаи подобной контрабанды возрастают в значительной мере»¹⁴³. Вооружение рабочих ширилось в период декабрьской стачки, когда рабочие приступили к открытой вооруженной борьбе с царизмом.

Указание Ленина о том, что декабрь 1905 года является высшей точкой «... восходящей линии российской революции»¹⁴⁴, в полной мере относится к борьбе рабочих края в тот же период. Всеобщая стачка, начатая 7 декабря по инициативе московского пролетариата, рассматривалась большевиками края как переходная мера к вооруженному восстанию.

Выдающуюся роль в успешном исходе вооруженного восстания в крае призван был сыграть Ростов, как центр наиболее революционной части рабочих со своим богатым опытом борьбы. Победа ростовских рабочих в начавшемся 13 декабря восстании явилась бы набатом, призывающим рабочих края к вооруженной борьбе с царизмом¹⁴⁵. Поэтому революционная борьба краевого пролетариата в середине декабря была подчинена нуждам ростовского восстания. По получении телеграммы из Ростова о выступлении, на рабочих митингах в Грозном, Новороссийске, Минеральных Водах, Тихорецкой, Кавказской, Дербенте, Екатеринодаре и других городах было единодушно решено примкнуть к забастовке¹⁴⁶. Для руководства его почти на всех станциях были созданы стачечные комитеты. По вопросу о кандидатах в стачечные комитеты между большевиками и мелкобуржуазными партиями происходили острые схватки. Так, в Минеральных Водах на требование машиниста Венцулевича привлечь к работе комитета должностных лиц, Безлущенко¹⁴⁷ «высказал горячий протест, поддержанный остальными служащими». Он призвал рабочих «к забастовке и оружию»¹⁴⁸. Администрация была устранена от власти по всей дороге; всеми делами, связанными с перевозками, распределением зарплаты, рабочим и т. д., руководи-

¹⁴² Там же, ф. 13, оп. 15, д. 38, л. 1.

¹⁴³ Там же, ф. 12, оп. 1, д. 2992, л. 2.

¹⁴⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 239.

¹⁴⁵ Ю. Серый. Указ. соч., стр. 53.

¹⁴⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 2, д. 17, л. 201; ф. 114, оп. 2, д. 432, лл. 4--6; ЦГА СО АССР, ф. 32, д. 6, л. 25 и д. 7, лл. 124, 137; жур. «Пролетарская революция», № 6, 1926, стр. 173.

¹⁴⁷ Борис Безлущенко — большевик, выступавший тогда под фамилией «Соколов».

¹⁴⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, д. 202, л. 2 об.

ли органы рабочей власти в лице стачечных комитетов, в Новороссийске же — Совет рабочих депутатов.

В целях правильного течения забастовки стачечные комитеты Грозного и Минеральных Вод решили использовать деньги железнодорожных касс. 11 декабря грозненцы запрашивали Дербент: «Имеете-ли вы 16,3 тыс. руб. для уплаты жалования трудящимся»¹⁴⁹. 23 декабря они же рекомендовали беслановцам и владикавказцам раздавать жалование рабочим по такому же порядку, как в Грозном¹⁵⁰. Для этой цели специальная комиссия Минводского стачечного комитета конфисковала до 30 тыс. руб., а начальники станций Эльхотово, Зольской, отказавшиеся выдать кассы, были арестованы¹⁵¹.

Другой важной задачей стачечных комитетов была подготовка вооруженного восстания рабочих. Наиболее последовательную борьбу вооружения рабочих по главной магистрали дороги вел стачечный комитет Минеральных Вод во главе с большевиком Безлуценко. Дружиной руководил военный совет. Оружие доставалось путем добровольных пожертвований рабочих, разоружением полицейских, к каковому приступили 13 декабря, а с 15 декабря разоружение жандармов шло по всем направлениям от Минеральных Вод. На митингах в Георгиевске большевики, приехавшие из Минвод, выдвинули идею захвата военного склада. «Страшен был момент для склада 19 декабря, — доносили из Георгиевска, — когда тысячная толпа направилась с дерзким и настойчивым требованием выдачи оружия»¹⁵². Предательство меньшевиков и эсеров, выступающих против «крайних мер», было единственной причиной, по которой рабочим не удалось вооружиться оружием этого склада. Несмотря на это, стачечному комитету Минеральных Вод удалось обеспечить рабочих значительным количеством оружия. Из сохранившейся «Книги записей» оружия дружины видно, что хранилось или было выдано рабочим до 250 винтовок, ружей, револьверов и т. д.¹⁵³. На станции было налажено производство бомб и пуль. Впоследствии жандармами было обнаружено здесь 52 бомбы¹⁵⁴. Бомбометанию обучали рабочих специальные инструкторы. Рабочая дружина достигала значительного количества. Большую помощь в ее укомплектовании оказали осетинские села. «22 декабря, — доносили власти, — специальный поезд доставил на станцию Минеральные Воды до 500 вооруженных

¹⁴⁹ Центр. госархив Северо-Осетинской АССР, ф. 32, д. 6, лл. 41 об. — 43.

¹⁵⁰ Там же, лл. 49—49 об.

¹⁵¹ СОНИИ, ф. 140, д. 58, л. 72.

¹⁵² ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 2, д. 17, л. 79.

¹⁵³ Там же, ф. 114, оп. 1, д. 202, лл. 7—7 об.

¹⁵⁴ Там же, ф. 23, д. 607, лл. 1—10.

ружьями осетин...», а на станции было «свыше тысячи человек хорошо вооруженных туземцев и несколько сот русских и казаков»¹⁵⁵. Они же сообщали, что у рабочих еще 1500 человек резерва, пушка и 140 ручных гранат. Таким образом, в декабре 1905 года в руках стачечных комитетов оказалась власть по всей Владикавказской железной дороге. Они являлись зачаточной формой народной власти. В ряде мест, как это видно из их деятельности на станции Минеральные Воды, стачечные комитеты превратились в органы подготовки вооруженного восстания по линии железной дороги.

С началом вооруженного восстания в Ростове деятельность линейных бюро была подчинена помощи Ростову. Телеграмма ростовских товарищей «...возврата к старому нет. Вперед—в борьбу, за нами правда—значит и сила»¹⁵⁶, была боевым кличем к рабочим края. Когда Ростовское бюро было лишено возможности руководить забастовкой, центром организации вооруженной борьбы железнодорожников сделались Минеральные Воды. По решению стачечных комитетов Минеральных Вод, Грозного, Кавказской, Тихорецкой в руки восставших перешли почта, телеграф.

По всей дороге широко развернулась работа большевиков по мобилизации боевых сил для помощи ростовскому восстанию. В этой работе большую роль сыграл делегатский поезд во главе с монтером главных мастерских Ростова Бочаровым¹⁵⁷. Меньшевики и эсеры, говоря, что Ростовское бюро «взяло на себя больше того, к чему готовилось»¹⁵⁸, потребовали отказать в помощи. Однако, рабочие массы, идя за большевиками, были полны решимости поддержать восставших. Между стачечными комитетами велись переговоры о помощи Ростову, из Тихорецка сообщалось, что там имеется 25 тыс. патронов¹⁵⁹, в Дербенте «на митингах обсуждался вопрос о посылке дружинников на станцию Минеральные Воды для подкрепления»¹⁶⁰, в Петровске на одном из собраний также «обсуждался вопрос о помощи ростовским товарищам»¹⁶¹. Рабочие Екатеринодара¹⁶² и Армавира¹⁶³ тоже решили послать в Ростов вооруженные отряды.

Не дожидаясь сбора всех частей, ввиду критического положения борющихся в Ростове, минераловодский стачечный

¹⁵⁵ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 159, л. 30; рукоп. фонд Северо-Осетинского научно-исследовательского института (СОНИИ), ф. 140, д. 58, л. 73.

¹⁵⁶ ЦГА СО АССР, ф. 32, д. 6, л. 39 об.

¹⁵⁷ П. В. Семернин. Указ. соч., стр. 122—123.

¹⁵⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, оп. 1, д. 202, л. 3 об.

¹⁵⁹ Там же, ф. 23, д. 607, лл. 1—10.

¹⁶⁰ Там же, ф. 114, оп. 2, д. 789, л. 43.

¹⁶¹ Там же, л. 67.

¹⁶² Партархив Краснодарского крайкома КПСС, ф. 2830, оп. 1, д. 318, л. 60.

¹⁶³ Жур. «Пролетарская революция», № 10, 1925, стр. 84.

комитет выслал 17 декабря вооруженный отряд в Ростов. «На следующих станциях население встречало и провожало поезд криками восторга»¹⁶⁴. Однако, время было проиграно. Накануне было подавлено восстание в Кавказской, дорога оказалась занятой казаками. Дружинники вынуждены были вернуться обратно в Минеральные Воды. 23 декабря стало известно о подавлении восстания в Москве и Ростове, начали прибывать воинские части. В этих условиях стачечные комитеты Минеральных Вод и Грозного организованно прекратили свою деятельность. Таким образом, по признанию одного из министров царя «бунт в Ростове долго не был подавлен исключительно потому, что революционеры постоянно получали подкрепление из Терской области и из других мест Кавказа»¹⁶⁵. По линии железной дороги единственным стачечным комитетом, который наиболее последовательно возглавлял вооруженную борьбу рабочих, явился Минераловодческий стачечный комитет. Он может быть с полным основанием приравнен к Советам рабочих депутатов, возглавивших вооруженную борьбу пролетариата в революции 1905—1907 гг.

Самыми яркими событиями вооруженной борьбы рабочих края явились восстания в Новороссийске и Сочи. Победа рабочих восстаний в этих городах была результатом огромной работы большевиков. Почему же Советы рабочих депутатов Новороссийска и Сочи сумели захватить власть в свои руки? Во-первых, работой их руководили большевики, а мелкобуржуазные и буржуазные партии были изолированы от руководства рабочим движением. Во-вторых, в ходе классовой борьбы 1905 года пролетариат Новороссийска и Сочи не только политически вырос, но и сумел накануне декабрьской стачки встать во главе движения мелкой буржуазии города и соседних сел. Ведь известно, что крестьяне окружающих Новороссийск и Сочи сел поддержали восставших рабочих, что свидетельствовало о складывании союза рабочих и крестьян.

С 11 по 25 декабря в Новороссийске и с 28 декабря по 5 января 1906 года в Сочи власть оказалась в руках Советов рабочих депутатов. Интересно отметить тот факт, что переход власти в этих городах в руки рабочих был осуществлен по-разному. Особенность победы рабочих в Новороссийске в том, что она была обеспечена мирным путем.

В ходе декабрьской стачки там сложилось такое соотношение сил, которое обеспечило рабочим захват власти без кровопролития. В Сочи, наоборот, рабочие взяли власть в свои руки в результате вооруженного восстания, которое продолжалось с 28 по 31 декабря. Таким образом, революционная практика подтверждает, что рабочий класс во главе с марк-

¹⁶⁴ Газ. «Народ», № 22, 22 декабря 1905 г.

¹⁶⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 2, д. 28, лл. 28, 28 об.

систско-ленинской партией без колебаний использует разные формы перехода власти в свои руки.

Победивший пролетариат, особенно в Новороссийске, принял ряд шагов по укреплению своей власти. Из донесения агента русского пароходства видно, что Совет «отменяет и назначает поезда, запрещает или разрешает те или иные перевозки... Городская управа и власти всех ведомств и рядов упразднены... Полиция упразднена и не показывается... Толпою отменена уплата городских повинностей и налогов...»¹⁶⁶. В Сочи царский суд был заменен народным, в нем принимали заявления от трудящихся круглосуточно и руководствовались при их решении «... программой, предусматривавшей только интересы рабочего класса...»¹⁶⁷. Решения суда приводились в исполнение «в случае отказа... принудительно». Естественно, он «списал к себе симпатии рабочего класса...»¹⁶⁸.

В Новороссийске был принят ряд мер по ограничению капиталистической эксплуатации — «цены на товары не должны были повышаться». Были случаи, когда Совет распоряжался о восстановлении на работу уволенных, об увеличении зарплаты¹⁶⁹. Кроме того, проектировалось «обложение всех предприятий, торговых учреждений и зажиточных классов населения в пользу неимущих, нуждающихся, бастующих»¹⁷⁰.

Постановлением от 17 декабря Совет рабочих депутатов Новороссийска шел на дальнейшее углубление революции. Во-первых, было решено еще шире пользоваться гражданскими свободами: личность члена СРД была объявлена неприкосновенной, газета «Черноморское побережье» за искажение революционных событий объявлена «явно черносотенной», над буржуазной печатью установлена цензура. Во-вторых, царские суды заменялись народными. В-третьих, указывалось на необходимость добиться вооружения всего народа, пресечь попытки врагов ограничить свободу. В-четвертых, предусматривалось осуществление мер по улучшению материального положения рабочих, имущие классы облагались подоходно-прогрессивным налогом, «согласно произведенной раскладке». 2/3 налога выделялось в пользу рабочих, предусматривались меры обеспечения всех работой и др.¹⁷¹.

Свои мероприятия Совет осуществлял, опираясь на вооруженную силу народа. По данным властей, в Новороссийске

¹⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 95. оп. 5, д. 593, л. 10 об.

¹⁶⁷ «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.», сб. документов, Краснодар, 1956, стр. 190.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же, стр. 181—183.

¹⁷⁰ «1905 год на Северном Кавказе», сб. материалов, № 1, Ростов н/Д, 1926, стр. 87.

¹⁷¹ Указ. сб. документов. Краснодар, 1956, стр. 169—171.

числилось до 500 дружинников. Однако, их было больше. По свидетельству агента русского пароходства, «рабочие всех видов труда и почти весь пролетариат были вооружены на средства и заботами комитетов»¹⁷². В демонстрации же 20 декабря участвовало «до 3000 человек, вооруженных ружьями, револьверами, пиками и даже бомбами»¹⁷³. Несмотря на то, что рабочие готовились защищать свои «республики» с оружием в руках, Новороссийск и Сочи были заняты царскими войсками без сопротивления. В условиях поражения революции правильно поступили большевики, не дав бой царизму, они сохранили этим свои революционные кадры¹⁷⁴.

Таким образом, несмотря на отдельные недостатки, Совет рабочих депутатов, особенно Новороссийска, сумели осуществить ряд задач революционно-демократического характера. Совет осуществлял функции революционно-демократической диктатуры вооруженного народа. Это говорило о росте политической зрелости рабочих, о правильном понимании ими революционных лозунгов большевистской партии. Декабрьская забастовка и вооруженное восстание в крае вызвали большую революционную активность рабочих, солдат и крестьян. В Армавире 14 декабря рабочие объявили всеобщую забастовку¹⁷⁵. Революционное брожение в Екатеринодаре 20 декабря также переросло во всеобщую политическую стачку, что явилось результатом работы «членов местного комитета рабочих»¹⁷⁶. 23 декабря рабочие и революционные массы в количестве 6—7 тыс. человек устроили политическую демонстрацию, которая кончилась кровавым столкновением с казаками. 27 декабря, по заявлению властей, «дерзость толпы достигла того, что некоторые пытались обезоружить казаков и офицеров»¹⁷⁷.

Во Владикавказе же 18 декабря революционное движение масс могло перерасти в вооруженное выступление рабочих, солдат и осетинского населения, собравшегося в количестве 5 тыс. человек¹⁷⁸ после известия о восстании осетинского дивизиона. Царские власти, говоря, что дивизион является боевым кадром, для революционной армии, с тревогой доносили, «что он растет не по дням, а по часам,.. из пролетариата, горцев и отпавших от правительства станичных казаков»¹⁷⁹.

172 ЦГИАЛ, ф. 95, оп. 5, д. 593, лл. 10 об. — 11,

173 «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.», сб. документов, Краснодар, 1956, стр. 183.

174 В. Ск и б и ц к и й. Указ. соч., стр. 86.

175 Газ. «Народ», № 19, 16 декабря 1905 г.

176 «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.», сб. документов, Краснодар, 1956, стр. 163.

177 Там же, стр. 164.

178 Газ. «Народ», № 26, 24 декабря 1905 г.

179 ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 159, л. 2.

В это же время бастовали рабочие об-ва Алагир. 18 декабря большевики сделали попытку привлечь солдат на свою сторону, но «благодаря заранее принятым мерам» властей митинг рабочих и солдат не состоялся.

Несмотря на то, что рабочие массы Екатеринодара и Владикавказа в декабре 1905 года проявили невиданную до сих пор революционную энергию, движение здесь не переросло в вооруженное восстание. Это объясняется, прежде всего, неспособностью меньшевиков возглавить революцию, их предательской политикой. А меньшевизм, как известно, проявлялся в этих городах сильнее, чем в других местах края.

Бурлила также крестьянская и солдатская революционная масса края. В период наивысшего подъема революции рабочий класс края во главе с большевиками предпринял ряд попыток заключения союза с крестьянством. В декабре 1905 года пролетариат устанавливал связь с деревней не только посредством листовок, как это было раньше, но и направляя туда своих представителей. Разоблачая провокационные слухи о том, что стачка нужна рабочим «лишь в своих интересах», социал-демократы рассказывали на крестьянских сходках о задачах забастовки и революции, о необходимости вооруженной борьбы за землю и свободу. Из Грозного доносили, что «агитаторы ездили в ближайшие казачьи станицы»¹⁸⁰.

Крестьяне встречали рабочих ораторов, как своих освободителей. Газета «Народ» сообщала в декабре 1905 года, что крестьяне встречали рабочих агитаторов с хлебом-солью и провожали их возгласами «Ура!.. Спасибо!»¹⁸¹. Крестьяне не только радушно встречали рабочих, но нередко сами приезжали в город послушать и пригласить их к себе. Так, на многотысячные митинги 11, 12 и 18 декабря в Нальчик слушать приезжих агитаторов пришли многие жители кабардинских селений¹⁸². В Ставропольской губернии было много случаев, когда крестьяне собирали деньги для ходяков, едущих за агитаторами¹⁸³. В результате, в крестьянской среде выросло сочувствие классовой борьбе рабочих. 4 декабря крестьяне Султановского поселка, Терской области направили телеграмму на имя Витте с требованием «полного удовлетворения почтово-телеграфных служащих»¹⁸⁴. Дербентское бюро 14 декабря извещало о том, что «население относится к ним сочувственно»¹⁸⁵, а со станции Прохладная доносили о солидарности «с забастовавшими железнодорожными рабо-

¹⁸⁰ Там же, ф. 521, оп. 2, д. 28, л. 158; ЦГА СО АССР, ф. 32, д. 6, л. 51.

¹⁸¹ Газ. «Народ», № 19, 16 декабря 1905 г.

¹⁸² Жур. «Новый восток», № 13—14, 1925, стр. 171—172.

¹⁸³ СКГА, ф. 69, оп. 1, дд. 413, 414, лл. 67—70.

¹⁸⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, оп. 2, д. 223, л. 2 об.

¹⁸⁵ ЦГА ДАССР, ф. 89, оп. 1, д. 4, л. 89.

чим и готовности многих казаков присоединиться к общему делу освобождения»¹⁸⁶.

С сочувствием, а порой и поддержкой относились к борьбе рабочих и горцы. Как известно, в Минводскую дружину входил отряд осетин. Председатель Минводского бюро сообщал, что «окружающее туземное население по участку и местные присоединяются к нам»¹⁸⁷. 10 декабря, как видно из протокола Дербентского бюро, на собрании рабочих «несколько присутствующих граждан туземцев заявило, что население идет на помощь этому всеобщему движению... Туземное население спокойно относится к забастовке»¹⁸⁸. А в связи с победой рабочих в Новороссийске, Сочи, Минеральных Водах и других городах окружающее крестьянское население вооружалось и оказывало непосредственную помощь борющемуся пролетариату.

Таким образом, рабочие края во главе с большевиками сделали серьезную попытку установить боевой союз с крестьянством. Влияние борьбы рабочих на крестьян и многочисленные их попытки осуществить свое руководство крестьянским движением, сочувствие крестьян и горцев рабочему движению, а зачастую и прямая его поддержка, свидетельствовали о постепенно сложившемся союзе рабочих и крестьян, о том, что аграрное и национально-освободительное движение трудящихся явилось резервом пролетарской революции.

Подводя некоторые итоги борьбы рабочих за 1905 год, нужно сказать, что кровавые события в Петербурге, как и во всей России, пробудили революционное сознание пролетариата Северного Кавказа. Рабочий класс края в 1905 году оказался в авангарде борющихся трудящихся Северного Кавказа. Самыми яркими событиями этого года в крае явилась вооруженная борьба рабочих вдоль железной дороги, победа пролетариата в Новороссийске и Сочи, показавшие, что пролетариат может взять власть в свои руки разными средствами. О массовости выступлений городских рабочих свидетельствует тот факт, что, по далеко неполным данным, только нефтепромышленники Грозного и капиталисты общества «Алагир», в результате забастовок 1905 года потеряли 813,5 тыс. рабочих дней¹⁸⁹.

В ходе забастовочной и вооруженной борьбы рабочий класс края делал попытку установить боевой союз с трудящимися крестьянами и горцами, однако, тогда революцион-

¹⁸⁶ Газ. «Народ», № 14, 10 декабря 1905 г.

¹⁸⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 23, д. 607, лл. 1—10.

¹⁸⁸ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 159, л. 6.

¹⁸⁹ «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 г.», СПб, 1908, стр. 109.

ным социал-демократам не удалось объединить в один революционный поток выступления рабочих, солдат и крестьян края.

* * *

*

После поражения вооруженного восстания, реакция требовала жестокого подавления революции. Царские власти Кавказа предписали «без всякого колебания прибегать к употреблению оружия для немедленного прекращения беспорядков»¹⁹⁰. 20 декабря черная сотня требовала от начальника Кубанской области «воспретить везде всякие сходки и ораторов предавать смертной казни»¹⁹¹. Все станции железной дороги были заняты войсками, при этом «большинство выдающихся участников движения было задержано»¹⁹². Властями создан специальный поезд для «водворения порядка» по линии, в инструкции которого говорилось: «Артиллерия предназначена для обстреливания построек... Пулеметы — для обстреливания толпы»¹⁹³. Это свидетельство не только жестокости царизма, но и огромного размаха вооруженной борьбы железнодорожников в декабре 1905 г. Железнодорожное управление приступило к массовым увольнениям рабочих, оставляя лишь тех, «спокойствие и благонамеренность которых будут удостоверены... жандармской полицией»¹⁹⁴. Из мастерских и депо было уволено более 1220 рабочих¹⁹⁵. 532 рабочих увольнялось с лишением права вторичного поступления на работу¹⁹⁶. Это были в основном самые передовые рабочие. Остальные же рабочие могли быть оставлены на правах вновь поступающих, причем они обязывались не требовать сокращения рабочего дня, «неположенного довольствия деньгами», подчиняться правилам рабочей книжки. Кроме того, от рабочего брали подписку о том, что он «ни к каким... союзам и организациям, допускавшим забастовку»¹⁹⁷, не принадлежит. Рабочие оказались в тяжелых условиях. Управляющий дорогой вынужден был ходатайствовать о разрешении выдать пособия безработным, «чтобы не доводить людей до голодной и потом неизменяемой крайности»¹⁹⁸.

С особой жестокостью царизм преследовал социал-демократические организации и большевиков. На Владикавказской

¹⁹⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 2, д. 17, л. 80.

¹⁹¹ ГАКК, ф. 454, д. 3186, л. 648 об.

¹⁹² ЦГИА Груз. ССР, ф. 23, д. 607, лл. 1—10.

¹⁹³ ГАРО, ф. 26, оп. 5, д. 2523, лл. 155—156.

¹⁹⁴ ГАКК, ф. 454, д. 3285, лл. 5—6.

¹⁹⁵ ГАРО, ф. 26, оп. 5, д. 2521, л. 6.

¹⁹⁶ Список бывших на дороге, уволенных с лишением права вторичного поступления на службу. Ростов-на-Дону, 1913, стр. 2—212.

¹⁹⁷ ГАРО, ф. 26, оп. 5, д. 2521, лл. 68, 111.

¹⁹⁸ Там же, л. 229.

дороге из всего числа уволенных 2/3 было арестовано¹⁹⁹. «Нет дня, — писала одна из газет, — чтобы в разные северные губернии не высылались десятки рабочих, интеллигентов»²⁰⁰, активных участников вооруженной борьбы в крае.

Однако, как свидетельствуют факты, репрессии не могли сломить волю рабочих края к борьбе. Они отступали с боями. Выступления рабочих в начале 1906 года свидетельствуют, что они не считали битву с царизмом проигранной, наоборот, энергично выступали против его репрессий. В конце 1905 года на одном из митингов в Дербенте ораторы требовали: «долой войска, жандармов, полицию и долой государя»²⁰¹. Угрожая мертвой забастовкой, железнодорожники Тихорецкой 28 декабря 1905 года потребовали отменить распоряжение об увольнении «членов бюро, делегатов и лиц, арестованных полицией». Встревоженный этим, управляющий дорогой донес: «Пропускать поезда через Тихорецкую нельзя, жандармская власть бессильна»²⁰². В начале января 1906 года в Петровске и Дербенте также замечалось «опасное брожение умов», угрожающее «новой забастовкой». Эти города были заняты войсками, «ввиду могущих быть железнодорожных беспорядков»²⁰³. Вскоре в Петровске начались забастовки рыбаков и рабочих бондарных заведений. В январе 1906 года забастовали также рабочие городских предприятий Грозного. 13 февраля в Майкопе начались волнения в знак протеста против арестов выборщиков от Майкопа. Таким образом, несмотря на репрессии и аресты выступления рабочих в начале 1906 года продолжались. Они свидетельствовали о решимости рабочих вести борьбу с ненавистным царским строем.

Для подавления революционного движения рабочих царизм прибегал и к иным средствам борьбы. Одним из них были выборы в Государственную думу. Большевики объявили бойкот Думе. Так, большевики Кубани писали: «Мы должны громко заявить, что мы не примем участия в этой позорной комедии выборов в Государственную думу»²⁰⁴. «Народу нужна не лживая чиновничья Дума, — писали темир-хан-шуринские большевики, — а народное Учредительное собрание...»²⁰⁵. С призывом бойкотировать Думу выступили также новороссийские, ставропольские, грозненские большевики.

В целом работа большинства социал-демократических ор-

199 Жур. «Русская мысль», кн. II, М., 1906, стр. 235.

200 Газ «Ставропольский вестник», № 17, 21 октября 1905 г.

201 ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 8, д. 15, л. 55 об.

202 ГАРО, ф. 26, оп. 5, д. 2523, лл. 18—21.

203 «Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 гг.». Сб. документов, Махачкала, 1956, стр. 171.

204 ЦГИА Груз. ССР, ф. 114, оп. 2, д. 626, лл. 1, 5.

205 «Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 гг.». Сб. документов. Махачкала, 1956, стр. 132.

ганизаций края в начале 1906 года характеризуется тем, что она была направлена на подготовку нового вооруженного восстания. Листовка Северо-Кавказского Союза РСДРП, выпущенная в январе 1906 года, призывала трудящихся «готовиться к великому моменту, когда восстанет с оружием в руках весь народ... Да здравствует вооружение народа!»²⁰⁶. В феврале Дагестанский комитет РСДРП также выпустил листовку с призывом «организоваться для предстоящей вооруженной борьбы»²⁰⁷. В листовках других организаций края этого периода тоже преобладают призывы к вооруженному восстанию²⁰⁸. Большинство социал-демократических организаций края было информировано о большевистской тактике, рассчитанной на подготовку нового восстания.

Подготовка к новому вооруженному восстанию весной и летом 1906 года в крае была связана с новым революционным подъемом. По призыву большевиков значительное количество рабочих приняло участие в праздновании 1 Мая. Забастовки и митинги проходили в течение всего мая месяца. «В течение мая месяца, — говорится в отчете Петровской группы РСДРП за май 1906 г., — возникло несколько забастовок рабочих фабрик и главная работа группы была поглощена руководством стачками, помощью рабочим»²⁰⁹.

Митинги и забастовки рабочих края в мае были вызваны началом работы Думы. Большевики призывали рабочих принять резолюции революционного характера. Например, митинг рабочих гор. Ставрополя требовал «немедленного удаления теперешних министров — врагов народа и отдачи их под суд»²¹⁰. Рабочие Армавира предупреждали депутатов, что «только при исполнении их²¹¹ вы можете на нас, рабочих», рассчитывать²¹².

В связи с началом нового прилива революции большевики усилили работу по подготовке нового вооруженного восстания. Черноморский губернатор доносил: «Среди лиц, принадлежащих к крайним партиям и сочувствующим революционному движению, положение выжидательное. Опасность нового революционного взрыва легко может прийти»²¹³.

Через черноморские порты и Ростов наблюдается завоз

²⁰⁶ СКГА, ф. 852, оп. 1, д. 133, л. 30.

²⁰⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, д. 861, лл. 3, 3 об.

²⁰⁸ Там же, ф. 114, оп. 2, д. 543, л. 6; д. 345, л. 2; ф. 521, оп. 2, д. 28, л. 121; СКГА, ф. 69, д. 582, л. 37; ф. 1008, д. 70, лл. 43—45; ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 3, д. 2, лл. 83—97, 101, 105, 107 и др.

²⁰⁹ «Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 гг.», сб. документов, Махачкала, 1956, стр. 144—145.

²¹⁰ Газ. «Голос», № 23, 25 мая 1906 г. Орган Ставропольского комитета РСДРП, выходила под названиями «Голос», «Колос», «Свобода» и т. д.

²¹¹ Требований рабочих.

²¹² Газ. «Голос», № 22, 24 мая 1906 г.

²¹³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 15, д. 236, лл. 6, 6 об.

оружия в край²¹⁴. Насколько угрожающие размеры он принял, можно судить по тому факту, что царизм направил для охраны Черноморского побережья от ввоза оружия морскую кононерскую лодку «Запорожец» и минный крейсер «Казарский»²¹⁵. Во Владикавказе нападение на пороховой погреб и похищение винтовок из цейхгауза осетинского конного дивизиона власти рассматривали, «как одно из мероприятий революционных организаций в подготовке к восстанию»²¹⁶.

Одновременно большевики края усилили работу по созданию боевых сил революции. Ставропольский губернатор в июне 1906 года доносил, что «во время мятежа состав дружины может увеличиться до 500 человек, ибо к ней примкнули многие добровольцы из учащейся молодежи и членов вновь образованных нескольких профессиональных обществ рабочих»²¹⁷. Таким образом, профсоюзы, которые создавались во всех городах края после поражения декабрьского вооруженного восстания, в силу большевистского руководства превращались в боевой резерв подготавливаемого восстания.

Кроме того, лето 1906 года характеризуется высоким уровнем стачечной борьбы рабочих — одним из важных условий, необходимых для революционного взрыва. Первое место в забастовочной борьбе краевого пролетариата принадлежало грозненским рабочим, руководимым большевистской организацией. Заведующий полицией на Кавказе доносил о «повсеместной забастовке в гор. Грозном, в грозненском промышленном районе в первых числах июня»²¹⁸. Рабочие предъявили требования политического и экономического характера. Забастовкой более чем 10 тыс. пролетариата Грозного²¹⁹ почти полтора месяца руководил стачечный комитет, который «... всем своим поведением давал нефтепромышленникам повод предполагать, что экономические требования рабочих стоят для нее (забастовки — М. Ш.) на втором плане»²²⁰. 21 июня генерал-губернатор Терской области также телеграфировал, что уступки капиталистов и давления властей не помогают, «ибо требования политического характера»²²¹. Организованность забастовки рабочих вынуждены были отмечать даже враги рабочего класса. «Организованность и солидарность среди рабочих сделали большие успехи»²²², —

²¹⁴ В. Скибицкий. Указ. соч., стр. 106.

²¹⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 2, д. 28, л. 392.

²¹⁶ «Северная Осетия в революции 1905—1907 гг.», сб. документов, Орджоникидзе, 1955, стр. 313, 319.

²¹⁷ СКГА, ф. 69, д. 582, лл. 110—112.

²¹⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 13, оп. 15, д. 177, л. 14.

²¹⁹ С. К. Бушуев. Указ. соч., стр. 127; Е. П. Киреев. Указ. соч., стр. 131; И. Ф. Мужев. Указ. соч., стр. 225.

²²⁰ Журн. «Нефтяное дело», № 14, 1906, стр. 722.

²²¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 521, оп. 2, д. 28, лл. 272, 273.

²²² Журн. «Нефтяное дело», № 12—13, 1906 г., стр. 642.

писал орган нефтепромышленников. Результатом того, что рабочие не поддались уговорам, давлению властей, было установление 8 час. рабочего дня, нового минимума заработной платы и ее увеличение. Стачка грозненцев летом 1906 года показала, что наиболее боевыми выступлениями рабочих страны руководили большевики.

Одновременно с грозненской стачкой происходили забастовки рабочих Владикавказа. Они продолжались с 6 по 17 июня и в основном потерпели поражения. Дело в том, что с самого начала четверо руководителей забастовки «были задержаны при полиции»²²³. В отличие от грозненской стачки, забастовки во Владикавказе происходили неорганизованно.

Стачное движение в июне—августе 1906 года охватило многие предприятия Новороссийска, Армавира, Ставрополя, Екатеринодара, Майкопа, Ейска и других городов края. Летние выступления рабочих во многом напоминали события декабря 1905 года и вместе с тем отличались от них. Прежде всего, возросла политическая активность трудящихся. Она была связана с усилением стачечной борьбы рабочих и роспуском Думы. По выражению социал-демократической газеты, трудящиеся городов группы Минеральных Вод были настолько возбуждены, что «все напоминало памятные декабрьские дни»²²⁴. По всему краю шла волна митингов в знак протеста против разгона Думы. Вот некоторые данные об участии рабочих на митингах летом 1906 года. В Грозном во время всеобщей забастовки на митингах 16, 25, 29 июня участвовало до 20 тыс. человек, в Георгиевске 29 июня, 2 и 4 июля — 5,7 тыс. человек, 9 июня и 10 августа в Армавире — 3,5 тыс., 13 августа в Темрюке — 2 тыс. и т. д. На митингах большевики призывали рабочих с оружием в руках свалить самодержавие. Даже враги рабочего класса вынуждены были признать высокую организованность рабочих митингов. Так, «Русская мысль» писала, что в Петровске «почти ежедневно устраивались митинги, куда стекались тысячи народов всяких национальностей... Порядок как в городе, так и на всех митингах был образцовый»²²⁵.

Таким образом, несмотря на жестокие репрессии царизма наступивший в начале 1906 года революционный спад сменился летом 1906 года новым революционным подъемом. Развертывание стачечной борьбы рабочих городских предприятий свидетельствовало о вовлечении в нее новых слоев рабочих. Большевики ориентировали их на новое восстание.

Характерная особенность рабочего движения 1906 года в

²²³ «Северная Осетия в революции 1905—1907 гг.», сб. документов, Орджоникидзе, 1956, стр. 295.

²²⁴ Газ. «Колос», № 13, 17 июля 1906 г.

²²⁵ «Русская мысль», кн. II, М., 1906 г., стр. 247.

том, что революционным движением были охвачены рабочие городских предприятий. Железнодорожный пролетариат, который вел героическую борьбу в 1905 году, не включился в активную борьбу 1906 года; сказались репрессии царизма после поражения декабрьского восстания.

* *
*

В 1907 году, несмотря на то, что почти все области и губернии края находились на военном положении, а так же на старания меньшевиков и эсеров направить революционную волю рабочих по «конституционному» пути, стачечная борьба рабочих продолжалась.

В феврале 1907 года в Ейске, Армавире, Анапе, Кавказской, Майкопе и др. состоялись массовые митинги по случаю приезда члена Думы Л. Ф. Геруса. В начале 1907 года против своего тяжелого экономического положения выступили шахтеры Садонских рудников и рабочие Мизурской обогатительной фабрики. В Грозном в марте 1907 года политическая стачка была вызвана арестом рабочего — активного деятеля грозненской организации РСДРП В. Иванова²²⁶. Утром 9 марта все нефтяные промыслы были охвачены забастовкой. Интересно отметить, что промысловая администрация по требованию рабочих вынуждена была согласиться с требованием рабочей делегации об освобождении Иванова. Энергичное выступление рабочих заставило начальника Терской области освободить Иванова и заменить ему ссылку в другую губернию. Однако и после этого, рабочие высказали «желание снова видеть его на промыслах»²²⁷. 12 марта Иванов был выпущен из тюрьмы и выслан из пределов Терской области²²⁸. Стачка еще раз показала целеустремленность, организованность грозненских рабочих, самое главное, каким авторитетом и любовью пользовались большевики среди трудящихся масс.

Одним из ярких революционных выступлений краевого пролетариата весной 1907 года явилось участие пароходных команд Петровска во всеобщей забастовке моряков Каспийского торгово-пароходного флота. Забастовку организовал и возглавил бакинский комитет РСДРП. Еще 5 марта в Петровске вспыхнула забастовка всех пароходных команд. Она была вызвана увольнением одного из кочегаров парохода «Запад». 7 марта забастовка кончилась. Требование матросов было выполнено²²⁹. 10 марта более 200 матросов присое-

²²⁶ «Отчет Кавказского горного управления за 1907 г.», Тифлис, 1908, стр. 232.

²²⁷ Журн. «Нефтяное дело», № 6, 1907, стр. 472.

²²⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 264, д. 3534, л. 119 об.

²²⁹ «Очерки истории Дагестана», т. 1, Махачкала, 1957, стр. 329.

динились ко всеобщей забастовке матросов Каспийского пароходства. Несмотря на ее экономический характер, следует указать, что требование моряков «за принадлежность к союзам и вообще организациям, а также оказание поддержки, сочувствие в пользу для общего дела союзов, не должны быть привлекаемы...»²³⁰ придавало забастовке политический оттенок. Петровские моряки принимали активное участие в забастовке. На седьмой день из Петровска сообщалось: «настроение очень хорошее... морякам удалось созвать митинги»²³¹.

В Петровске забастовкой руководили большевики во главе с И. Малыгиным²³². В одном донесении указывалось, что «забастовкой в Петровске, несомненно, заправляют те же лица, что и в г. Баку»²³³.

Власти приняли меры подавления забастовки. Но эти меры не помогли. Судовладельцы, несшие большие убытки, и под давлением промышленников и нефтепромышленников вынуждены были удовлетворить требования моряков. Забастовка, продолжавшаяся 46 дней, кончилась 26 августа 1907 года. Она оказала, бесспорно, влияние на портовых грузчиков Петровска, прекративших работы 13 апреля. Бастовало 1000 рабочих. Почти все они были иранскоподданные. Власти обратились за помощью к иранскому консулу, который «принял горячее участие в увещевании рабочих и просил приступить к работам»²³⁴. Губернатор вынужден был выполнить требование рабочих.

В марте—апреле дважды бастовали петровские бондари. Рабочие требовали улучшения своего положения²³⁵. 1 апреля забастовка стала всеобщей. Интересно отметить, что была установлена связь петровских бондарей с астраханскими. Активно участвовал в ней рабочий, высланный из Астрахани «за подстрекательство бондарей к забастовке». Полиция сообщала, что организаторы забастовки «имеют переписку с Астраханским союзным рабочим комитетом бондарей»²³⁶.

Рабочие края вели также неустанную борьбу против убийств и бесчинств властей. Так, 13 марта в Армавире и 18 апреля в Екатеринодаре состоялись внушительные антиправительственные демонстрации, в которых участвовало 8 тыс.

²³⁰ «Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 гг.», сб. документов, Махачкала, 1956, стр. 161.

²³¹ Там же, стр. 165.

²³² Впоследствии один из 26 бакинских комиссаров.

²³³ Указ. сб., Махачкала, стр. 203.

²³⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 8, д. 3, л. 54.

²³⁵ Труды Дагфиллиала ИМЛ при ЦК КПСС, т. I, Махачкала, 1957; Ш. М. Магомедов. Зарождение социал-демократических групп в Дагестане и их деятельность в период первой русской революции, стр. 23.

²³⁶ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 1, д. 89, л. 97.

человек²³⁷. Выражением протеста против начавшейся реакции явились также первомайские выступления рабочих края. В Грозном, Берикейском нефтепромысле Дагестанской области, на Суворинском промысле Кубани вспыхнули забастовки. Нефтяники Кубани добились удовлетворения ряда своих требований²³⁸. Столкновениями с полицией и арестами передовых рабочих кончились майские выступления рабочих Новороссийска, петровских извозчиков, рабочих известкового завода Темрюкского отдела Кубанской области, кирпичных заводов Майкопа. В знак протеста против ареста 23 участников митинга 19 мая в Армавире была объявлена политическая забастовка.

Третьеиюньский переворот вызвал новые митинги и открытые выступления рабочих. Большевики края, давая правильную политическую оценку перевороту, призывали рабочих готовиться к сопротивлению. В крае начался трудный этап борьбы рабочих против открытой реакции царизма. В первых рядах этой борьбы шел кадровый пролетариат Грозного и Новороссийска. 20 июня инженер IV кавказского горного округа докладывал о забастовке в Грозном, вызванной арестом «главных агитаторов на Грозненских нефтяных промыслах»²³⁹. Полиция доносила, что толпа, достигающая несколько тысяч человек, выразила желание освободить своих товарищей. По рабочим был дан залп, в результате чего 10 человек было убито, свыше 20 — тяжело ранено²⁴⁰. Это вызвало негодование всех рабочих города. По призыву большевиков рабочие объявили всеобщую забастовку протеста²⁴¹. 19 июня состоялась 10-тысячная демонстрация протеста против бесчинств царизма²⁴². Царизм был настолько встревожен единодушным выступлением грозненского пролетариата, что министр торговли и промышленности требовал сообщать ему «ежедневно о ходе забастовок рабочих на грозненских нефтяных промыслах»²⁴³.

Собрания, митинги протеста по поводу государственного переворота проходили в Тихорецкой, Кавказской, Сочи, Туапсе и др. Из Дербента и Петровска доносили, что «нижние чины недовольны роспуском Думы»²⁴⁴. Митинги рабочих 10

²³⁷ «Революционное движение на Кубани в 1905—1907 гг.», сб. документов, Краснодар. 1956, стр. 320, 332.

²³⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 264, д. 3534, лл. 159—160; ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 281, л. 38.

²³⁹ С. К. Бушуев. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905—1907 гг. Документы, Грозный, 1941, стр. 156—157.

²⁴⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 264, д. 3534, л. 171 об.

²⁴¹ С. К. Бушуев. Указ. соч., стр. 156—157; Е. П. Киреев. Указ. соч., стр. 180—181; И. Ф. Мужев. Указ. соч., стр. 258.

²⁴² Ф. И. Самарин. В мятежные годы. Грозный, 1961, стр. 121.

²⁴³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 264, д. 3534, л. 176.

²⁴⁴ ЦГА ДАССР, ф. 66, оп. 1, д. 87, л. 20 об.

июня в Екатеринодаре, 29 августа в Анапе, 2 сентября в Ейске были разогнаны при помощи военной силы. В Армавире в октябре 1907 года состоялось 5 митингов, на которых участвовало 5—7,5 тыс. человек²⁴⁵. За этот же месяц в Дагестане было отмечено 5 случаев, в Терской области 8 случаев вызова войск «для содействия гражданским властям»²⁴⁶.

Одной из ярких страниц борьбы рабочего класса Северного Кавказа против наступившей черной реакции нужно считать борьбу рабочих Новороссийска осенью 1907 года. Царские власти, стремясь покончить с революционной борьбой рабочих, 15 октября объявили, что рабочие должны явиться в жандармское управление для регистрации²⁴⁷. Большевики в специальной листовке («Ко всем портовым рабочим») призывали рабочих не подчиняться приказу губернатора. Листовка нашла широкий отклик среди грузчиков. По признанию полиции, «листовки вызвали брожение среди грузчиков и даже угрозы устроить забастовку»²⁴⁸. В результате «агитации и появления социал-демократических прокламаций грузчики наотрез отказались»²⁴⁹ от регистрации. В ответ на требование губернатора об увольнении рабочих, не явившихся на регистрацию, грузчики объявили 13 ноября 1907 года забастовку.

Черноморский комитет РСДРП не только морально, но и материально поддержал бастующих средствами своей кассы. Было выпущено специальное воззвание с призывом помочь борющимся рабочим. Только 2 декабря в помощь им было собрано до 52 руб.²⁵⁰. Власти отмечали, что бастующие получают материальную поддержку от «революционной партии». Если бы не помощь всего новороссийского пролетариата и партийной организации, разумеется, грузчики не могли бы вести такую упорную борьбу, которая вызвала беспокойство в Петербурге и Тифлисе. По требованию из Петербурга забастовка грузчиков была подавлена военной силой. Начались аресты и репрессии.

Борьба новороссийского пролетариата в октябре—декабре 1907 года явилась образцом сплоченности, классовой организованности рабочих. Она показала, что с реакцией можно бороться только сплотившись.

Подводя некоторые итоги рабочему движению в крае за 1907 год, нужно отметить, что краевой пролетариат не прекращал своей борьбы в условиях поражения революции. Как и в 1906 году, в центре революционного движения шел город-

²⁴⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 3, д. 3, л. 159.

²⁴⁶ Там же, ф. 521, оп. 2, д. 44, лл. 12—13, 32—35.

²⁴⁷ В. Скибицкий. Указ. соч., стр. 115—116.

²⁴⁸ ЦГА СО АССР, ф. 33, оп. 1, д. 5, л. 146.

²⁴⁹ Там же, лл. 150—150 об.

²⁵⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 437, л. 70.

ской пролетариат во главе с грозненскими, новороссийскими и петровскими рабочими. Характерная черта рабочего движения 1907 года в том, что борьба, будучи оборонительной, направлялась против начавшейся реакции царизма.

* *
*

Революция 1905—1907 гг. в крае потерпела поражение. Рабочему классу не удалось объединить национально-освободительное движение горцев, крестьянские и солдатские выступления в единый революционный поток. Несмотря на это, борьба рабочего класса, которая не прекращалась в течение всей революции, оказала огромное влияние на трудящихся всех национальностей Северного Кавказа.

Революция подтвердила правильность большевистской позиции относительно объединения народов России во имя успешной борьбы против царизма и эксплуатации. Пролитая совместно кровь, изживая стихийность и национальные предрассудки, многонациональный пролетариат получил первое боевое крещение. Революция показала, что рабочий класс колониальных стран, несмотря на его малочисленность, может встать во главе борьбы против колониального и капиталистического рабства, при условии, что им будет руководить марксистско-ленинская партия.

РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ В ДАГЕСТАНЕ (1917—1918 гг.)

Период установления Советской власти в Дагестане до последнего времени освещался в некоторой степени односторонне. Основное внимание историки Дагестана уделяли военной стороне вопроса — борьбе против внутренней и внешней контрреволюции.

Мирная, созидательная деятельность большевистских организаций и руководимых ими Советов освещалась весьма поверхностно. Не говоря уже о монографических работах, этой проблеме не посвящались и специальные статьи, если не считать статьи автора этих строк¹.

Настоящая статья более широко освещает один из вопросов, поднятых автором ранее.

Необходимость выступления со специальной статьей о рабочем контроле в Дагестане вызывается тем, что эта тема в исторической дагестанской литературе совершенно не освещалась.

Разумеется, автор статьи не претендует на исчерпывающую разработку данной темы, его цель — привлечь к ней внимание историков, что несомненно в какой-то мере поможет восполнить пробел в изучении истории борьбы за установление Советской власти в Дагестане.

* * *

Лозунг: «рабочий контроль» был выдвинут партией большевиков сразу после Февральской буржуазно-демократической революции. В знаменитых «Апрельских тезисах»

¹ «Начало строительства социалистической экономики в Дагестане» — Труды Института истории партии при Дагестанском обкоме КПСС. Махачкала, 1958, т. II, стр. 22—48.

В. И. Ленин писал: «Не, «введение», социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов»².

Идеи В. И. Ленина о рабочем контроле были закреплены в решениях VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б).

VI съезд РСДРП(б), взявший курс на вооруженное восстание, на развертывание агитации за свержение Временного правительства, принял экономическую платформу партии. Эта платформа, наряду с требованиями конфискации помещичьих земель, национализации и централизации банковского дела, национализации ряда монополий и т. д., содержала и требование установления действительного рабочего контроля над производством и распределением продуктов.

Таким образом, лозунг «рабочий контроль» стал одним из тех основных лозунгов, с которым партия вела трудящихся к победе социалистической революции.

После победы Октября рабочий контроль, который был установлен повсеместно, позволил партии приступить к социалистическим преобразованиям в экономическом строе страны, он помог перейти к непосредственному управлению народным хозяйством.

Переход к конфискации заводов, — по словам В. И. Ленина, — был «вполне легок» после рабочего контроля.

Рабочий контроль над общественным производством и распределением продуктов осуществляли профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и их контрольные комиссии. Фабрично-заводские комитеты — боевые организации, охватывающие широкие массы пролетариата, — сыграли большую роль в борьбе пролетариата за рабочий контроль. Временное правительство, вынужденное принять 23 апреля 1917 года постановление «О рабочих комитетах в промышленных заведениях», стремилось свести деятельность и права фабрично-заводских комитетов главным образом к культурно-просветительной работе и представительству рабочих перед администрацией и владельцами предприятий.

Но сдержать революционное творчество рабочих в рамках этого постановления, принятого в интересах буржуазии, было невозможно. Рабочие в своих требованиях шли дальше. Они добивались прав на участие в политической борьбе, вмешивались в хозяйственную жизнь предприятий, участвовали в приеме и увольнении рабочих и служащих, в решении вопросов зарплаты, в заготовке топлива для предприятий и продовольствия для рабочих, принимали деятельное участие в создании

² В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 5

рабочей милиции и отрядов Красной гвардии, проводили значительную работу по культурному и политическому воспитанию рабочих.

В установлении рабочего контроля над производством большую роль сыграли также Советы рабочих и солдатских депутатов и их комиссии.

В Дагестане задачи рабочего контроля, функции фабрично-заводских комитетов осуществляли профессиональные союзы, которые после февраля создавались один за другим³.

2 апреля 1917 года в Порт-Петровске передовые рабочие фабрики «Каспийская мануфактура» организовали профсоюз рабочих текстильного производства⁴. Через два дня был создан союз железнодорожников с двумя районными отделениями — в Дербенте и Порт-Петровске, — связанными с главным железнодорожным комитетом⁵.

В апреле 1917 года организуется также профсоюз торгово-промышленных служащих Порт-Петровска⁶. В начале мая возникает ряд других союзов: союз металлистов, во главе с Л. И. Фрибусом⁷, бондарей, грузчиков, промысловых рабочих. Последние два союза объединились 5 января 1918 года в единый профессиональный союз грузчиков и промысловых рабочих⁸.

В Дербенте, где не было ни одного крупного промышленного предприятия, организовался союз, охватывающий рабочих всех профессий, — «Союз всех профессиональностей», который возглавил один из создателей дербентской большевистской организации Д. Н. Пугин.

В Темир-Хан-Шуре возникает союз служащих правительственных учреждений и союз рабочих и земледельцев, ядро которого составили рабочие кинжадьяного завода Дахадаева, мастеровые города и крестьяне-отходники, вернувшиеся в Дагестан.

Вначале профессиональные союзы были слабы. Но в ходе борьбы с предпринимателями они крепили и организационно, и политически. В борьбу с предпринимателями они вступили с первых дней своего создания. Так, например, весной 1917 года союз ловцов рыбы г. Порт-Петровска явочным порядком организовал лов рыбы в водах, принадлежащих наследникам

³ Профессиональные союзы, созданные в Дагестане еще в первые месяцы первой русской революции и разгромленные после ее поражения, до февраля 1917 года не могли существовать, т. к. власти после революционных событий 1905—1907 гг. жестоко расправлялись с любой попыткой восстановить их деятельность. — В. Г.

⁴ Архив Азерб. филиала ИМЛ, ф. 276, оп. 3, д. 219, лл. 26—30:

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ ЦГА ДАССР, ф. 722—р, оп. 1, д. 3, л. 2.

князя Тарковского, которые обратились к своему ревностному защитнику — Особому закавказскому комитету⁹ за помощью. «Мы настаиваем, — писали они в своей жалобе, — на немедленном устранении всякого рода попыток союза ловцов к произвольному пользованию для лова рыбы принадлежащими нам водами в Каспийском море. Вместе с тем мы просим разрешить нам или арендатору нашему Тагиеву конфисковать пущенные в море ловецкие снасти»¹⁰.

Летом 1917 года профессиональные союзы, всемерно поддержанные Советами рабочих депутатов, в результате настойчивой борьбы добиваются увеличения заработной платы, улучшения условий труда и ряда других уступок от предпринимателей. К осени 1917 года профессиональные союзы переходят к более организованным формам борьбы. Создается Центральное бюро профессиональных союзов города Порт-Петровска и его окрестностей. В бюро, кроме представителей от каждого профсоюза, входило по одному представителю от Объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов, от партии социал-демократов и социал-революционеров¹¹.

Работу профессиональных союзов по установлению рабочего контроля объединяли и координировали Советы рабочих и солдатских депутатов. Они вводили в фабрично-заводские комитеты, созданные на некоторых предприятиях, своих представителей, создавали особые комиссии по проверке деятельности предприятий, по урегулированию цен на продукты, по выплате зарплаты, снабжению рабочих продовольствием, выделяли из состава Совета различные комиссии и т. д.

Так, в целях защиты интересов трудящихся Советы создали комиссии по охране труда. Такая комиссия была создана, например, при Порт-Петровском Совете¹².

В июле 1917 года рабочие рыбных промыслов Тагиева в Порт-Петровске предъявили владельцу требования об увеличении зарплаты «для удовлетворения в недельный срок со дня подачи и вызванные вследствие переживаемого тяжелого момента из-за большого роста цен на жизненные потребности»¹³.

Однако фирма Тагиева письмом от 26 июля отклонила требования рабочих. Рабочие промыслов обратились в Порт-Петровский объединенный Совет рабочих и военных депутатов с жалобой, в которой ответ фирмы квалифицировали как

⁹ Орган Временного правительства на Кавказе.

¹⁰ ЦГОР Груз. ССР, ф. 116, оп. 1, д. 19, л. 15.

¹¹ ЦГА ДАССР, ф. 722—р, оп. 1, д. 2, лл. 9—10.

¹² ЦГАОР Груз. ССР, ф. 1 с, оп. 2, д. 108, л. 4:

¹³ Там же.

«явное пренебрежение к интересам рабочих и служащих и нежелание считаться с приговорами общего собрания»¹⁴.

Порт-Петровский Совет 14 августа 1917 года обсудил и поддержал требования рабочих фирмы Тагиева. В своем решении он записал:

«Признать эти требования рабочих умеренными и подлежащими удовлетворению, для чего Объединенный Совет избирает комиссию в составе представителей от рабочих, служащих и мастеровых фирмы Тагиева и от Объединенного Совета, которым Совет поручает провести в жизнь эти требования рабочих путем переговоров, другими средствами—более решительными, а если эти последние окажутся недостаточными, то комиссия, заручившись согласием Объединенного Совета, должна будет прибегнуть к крайним практическим мерам»¹⁵.

Однако фирма Тагиева опять отклонила требования рабочих, мотивируя это тем, что у неё в настоящее время нет средств. Рабочие 2 сентября объявили забастовку.

Порт-Петровский Совет 4 сентября еще раз вернулся к обсуждению этого вопроса, записав в своем постановлении:

«Объединенный Совет военных и рабочих депутатов остается при старом постановлении от 14 августа сего года и идет фирме навстречу, но ввиду того, что у фирмы Тагиева нет средств удовлетворить требования рабочих, обязует фирму выдать рабочим и служащим расписку, что удовлетворит их требования по получении денег. Рабочим и служащим фирмы Тагиева немедленно приступить к работе. Проведение в жизнь этого постановления поручить президиуму Совета»¹⁶.

21 августа 1917 года на заседании Порт-Петровского Совета обсуждался вопрос о вынужденном закрытии бондарного предприятия Наумкина, ввиду того, что там заканчивались некоторые материалы (липка). Владелец Наумкин предложил рабочим трехнедельное или в крайнем случае четырехнедельное вознаграждение, если они согласятся работать до закрытия бондарного заведения.

Совет, ранее (7 августа) рассматривавший этот вопрос, вынес решение «рабочих... удовлетворить жалованием за шесть недель»¹⁷. Однако, вернувшись 21 августа к этому вопросу, постановил: «Вопрос впредь оставить открытым, пока комиссия из представителей Объединенного Совета, существующих организаций рабочих в городе и представителя от предприятия Наумкина не представит достаточно цифровых дан-

¹⁴ Там же, лл. 1—2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, лл. 9—10.

¹⁷ Там же, л. 3.

ных о приходах и расходах предприятия Наумкина со дня объявления войны, дабы Объединенному Совету иметь возможность справедливо и беспристрастно решить этот вопрос»¹⁸. Кроме того, Совет создал еще и особую комиссию из представителей Совета (2 члена) и гражданского исполкома (1 член) для того, чтобы изыскать возможности бесперебойной работы предприятия¹⁹.

18 сентября 1917 года Объединенный Совет рассмотрел вопрос о работе серного завода, находящегося в местности Гийк-Салган-Кутан. Комиссия Совета, которая знакомилась с работой завода, нашла нужным командировать туда одного солдата сроком на 1—2 месяца. Совет согласился с этим и кроме того избрал контрольную комиссию из 3 членов, «которая могла бы поехать на этот завод»²⁰.

В сентябре 1917 года Порт-Петровский Совет утвердил назначение трех делегатов от рабочих и профессиональных организаций в местный нефтяной комитет Владикавказской железной дороги²¹, в октябре учредил центральный промысловый комитет рыбных промыслов фирмы Тагиева и принял выработанный им устав комитета²², в августе 1917 г. создал водный комитет. В него вошли: «от Объединенного Совета три члена, от Петровского продовольственного комитета — один член, от профессионального союза ловцов — два члена и от Петровского гражданского исполнительного комитета — один член с правом кооптации»²³. Совет санкционировал также требование союза ловцов рыбы об увеличении количества их представителей в составе водного комитета²⁴.

Порт-Петровский объединенный Совет создал особые комиссии по урегулированию цен на холодильнике Тагиева²⁵ и для приведения в исполнение требования рабочих петровской фабрики бакинского общества канатов-кабелей о выплате квартирных денег²⁶; ввел в Петровскую квартирную комиссию одного члена и одного кандидата от Совета рабочих депутатов и одного кандидата от Совета военных депутатов²⁷.

Порт-Петровский Совет выделял также своих членов в комиссии для учета мануфактуры в городе²⁸, для выяснения запасов хлеба и продуктов первой необходимости²⁹, принимал

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, л. 16.

²¹ Там же, лл. 31—32.

²² Там же, лл. 37—38.

²³ Там же, лл. 4—5.

²⁴ Там же, лл. 37—38.

²⁵ Там же,

²⁶ Там же, лл. 4—5.

²⁷ Там же, л. 11.

²⁸ Там же, л. 66.

²⁹ Там же, лл. 46—47.

меры для отправки в Святой Крест³⁰ жидкого топлива, взамен которого город получал муку³¹ и т. д.

20 июля 1917 года на заседании особой комиссии Порт-Петровского Совета рабочих депутатов по выработке ставок на работы в порту, в присутствии представителей пароходных обществ, были утверждены новые ставки заработной платы³².

Совет, кроме того, принимал решения о снижении цен на хлеб, о снабжении рабочих продуктами и т. д. На заседании Совета 23 октября 1917 года было «заслушано заявление Совета рабочих и солдатских депутатов города Ставрополя с просьбой присоединиться к резолюции о понижении твердых цен на хлеб». В своем постановлении Совет записал «единогласно приветствовать резолюцию, вынесенную Советом рабочих и солдатских депутатов города Ставрополя, о положении твердых цен на хлеб, от 23 сентября»³³.

В сентябре 1917 года Совет направил комиссии по охране труда для исполнения жалобу главного Кутского порайонного комитета о том, что фирма Тагиева не доставляет рабочим промысла чай, сахар³⁴ и т. д.

Рабочий контроль осуществлял также и Дербентский Совет. Дербентский городской гражданский исполнительный комитет в июне 1917 года в докладной записке Особому закавказскому комитету сообщал, что «Совет рабочих и солдатских депутатов почему-то (курсив наш—В. Г.) накладывает свою руку на все стороны хозяйственной и общественной жизни города... Продовольственная комиссия, почти всецело захваченная Советом, производила по городу проверку находящихся продуктов...»³⁵.

Управляющий рыбопромышленным обществом «Рыбак», отказавшийся допустить членов Совета в склады для обследования, постановлением Совета, несмотря на протесты гражданского исполкома, был арестован на трое суток³⁶.

Для разрешения конфликтов между рабочими, их профессиональными союзами и предпринимателями была создана конфликтная комиссия—«примирительная камера». В состав её входили представители рабочих и предпринимателей. В «Проекте устава центральной примирительной камеры г. Порт-Петровска Дагестанской области», выработанного Советом рабочих депутатов, назначение её определилось следующим образом: «Предупреждать возникновение конфликтов

30 Ныне город Прикумск Ставропольского края.

31 ЦГАОР Груз. ССР, ф. 1с, оп. 2, д. 108, лл. 67—68.

32 ЦГА ДАССР, ф. 722—р, оп. 1, д. 2, л. 7.

33 ЦГАОР Груз. ССР, ф. 1с, оп. 2, д. 108, лл. 46—47.

34 Там же, л. 32.

35 ЦГАОР Груз. ССР, ф. 1471, оп. 469, л. 23.

36 Там же, л. 24.

между рабочими и работодателями, разрешать конфликты, когда таковые возникают. Примирительная камера вырабатывает общие условия взаимоотношений труда и капитала, видоизменения старых и установленных новых коллективных договоров таким образом, чтобы таковые приравнивались к требованиям жизни и согласовывались с общими экономическими положениями. Примирительная камера следит за ростом прибыли предприятий, за ростом потребностей рабочих и служащих, за состоянием цен на предметы первой необходимости, за курсами денежной единицы и т. д.»³⁷.

Однако Советы, вследствие засилья в них эсеров и меньшевиков, еще слабо, нерешительно боролись с предпринимателями. Об этом говорят вышеприведенные решения Порт-Петровского Совета по вопросу удовлетворения требований рабочих рыбных промыслов Тагиева и бондарного завода Наумкина, и еще ярче—история выплаты процентной надбавки рабочим фирмы «Рыбак». В конце сентября—начале октября 1917 года Порт-Петровский Совет предложил Петровской конторе Бакинского рыбопромышленного и торгового акционерного общества «Рыбак» выплатить рабочим процентную надбавку. Петровская контора, обратившись за разъяснением в Баку, получила ответ правления общества «Рыбак» — «не только не выполнять постановления Объединенного Совета, а не отвечать даже на его вопросы»³⁸.

12 октября 1917 года Совет постановил сообщить министрам Временного правительства Керенскому и Гвоздеву «об оскорблении Совета фирмой «Рыбак», а «по отношению к местной фирме «Рыбак» принять самые решительные меры вплоть до ареста...»³⁹. Однако и эти «решительные меры» не помогли. Лишь тогда, когда власть в Порт-Петровске перешла всецело в руки Совета, причем уже большевистского Совета, рабочие фирмы «Рыбак» добились выполнения своих требований. 15 ноября 1917 года исполнительный комитет Объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов, заслушав заявление комитета рабочих фирмы «Рыбак» «об объявлении общей забастовки с 15 ноября сего года, ввиду неудовлетворения фирмой «Рыбак» процентами, постановил: «Предписать фирме акц. общества «Рыбак» о немедленной выдаче процентов, и об исполнении в суточный срок донести комитету»⁴⁰.

Советы точно так же, как и профессиональные союзы, вначале выступали под нейтральной в политическом отношении

37 ЦГА ДАССР, ф. 722—р, оп. 1, д. 2, л. 7 (проект устава примирительной камеры был утвержден Объединенным Советом на заседании 4 сентября 1917 г., ЦГАОР Груз. ССР, ф. 1—с, оп. 2, д. 108, лл. 9—10.

38 ЦГАОР Груз. ССР, ф. 1с, оп. 2, д. 108, лл. 42—43.

39 Там же.

40 Там же, л. 92.

вывеской, но вскоре руководство в них оказалось в руках эсеров и меньшевиков или находящихся под влиянием этих партий беспартийных.

Влияние соглашательских партий в Советах сохранилось в Порт-Петровске до конца октября 1917 г., в Дербенте до конца декабря, а в профессиональных союзах еще дольше.

Представители соглашательских партий стремились направить деятельность пролетариата, осуществлявшего рабочий контроль через свои организации, по умеренному пути, придать борьбе рабочих с предпринимателями черты, свойственные тред-юнионизму. Тем самым они определенное время сдерживали революционную инициативу, творчество масс.

Они не понимали, или не хотели понять, что деятельность рабочего класса развертывается в условиях все более обостряющейся классовой борьбы и что единственно правильной тактикой в этих условиях является революционная тактика.

Выражением соглашательской тактики эсеров-меньшевистского руководства профсоюзами и Советами является создание вышеупомянутой «примирительной камеры», откладывание введения 8-часового рабочего дня до конца империалистической войны, задержка выработки коллективного договора.

Эти вопросы были подняты только накануне Октября, по инициативе большевистских организаций, которые незадолго до этого выделились из объединенных организаций РСДРП, и разрешены лишь тогда, когда власть перешла в руки Советов.

Напуганная дальнейшим развитием революции, буржуазия проводила открытые и скрытые локауты, организовывала саботаж, срывала снабжение городов продовольствием и топливом, тем самым дезорганизовывала производство, усиливала хозяйственную разруху, голод, безработицу и обнищание масс. Буржуазия хотела задушить революцию «костлявой рукой голода». Дезорганизаторская роль буржуазии привела к тому, что над страной нависла угроза экономической и национальной катастрофы, единственным выходом из которой был переход всей власти в руки пролетариата.

Октябрьская революция спасла нашу страну от этой катастрофы, создала условия для установления полного рабочего контроля над производством, который мыслился как первый шаг на пути к обобществлению средств производства, к непосредственному управлению всем хозяйством.

«Не в конфискации имущества капиталистов, — писал В. И. Ленин, — будет даже «гвоздь» дела, а именно во всенародном, всеобъемлющем рабочем контроле над капиталистами и за их возможными сторонниками. Одной конфискацией

ничего не сделаешь, ибо в ней нет элемента организации, учета правильного распределения»⁴¹.

Пролетариату России нужно было сломить яростное сопротивление буржуазии, которое удесятерилось с переходом власти в руки пролетариата. Помимо вооруженных выступлений она организовала саботаж, вредительство, портила оборудование, разбазаривала сырье, что приводило к массовой безработице и голоду. От пролетариата требовались решительные шаги.

В обращении Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина к трудящимся от 5 ноября 1917 года говорилось:

«Вводите строжайший контроль над производством и учетом продуктов. **Арестуйте** и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу, будет ли такой вред проявляться в саботировании (порче, торможении, подрыве) производства, или в скрывании запасов хлеба и продуктов, или в задержании грузов хлеба, или в расстройстве железнодорожной, почтовой, телеграфной, телефонной деятельности и вообще в каком бы то ни было сопротивлении великому делу мира, делу передачи земли крестьянам, делу обеспечения рабочего контроля за производством и распределением продуктов»⁴².

14 ноября 1917 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов декретировал «Положение о рабочем контроле», в основу которого был взят проект В. И. Ленина.

В «Положении» говорилось, что «в интересах планомерного регулирования народного хозяйства» вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также и финансовой стороной дела». Контроль должны были осуществлять рабочие каждого предприятия через свои выборные учреждения: заводские, фабричные комитеты, советы старост и т. п.

«Положение» предусматривало создание в каждом крупном городе, губернии или промышленном районе Совета рабочего контроля, который, будучи органом Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, состоял из представителей профессиональных союзов, заводских, фабричных и других рабочих комитетов и кооперативов.

Органам рабочего контроля предоставлялись широкие полномочия: наблюдать за производством, устанавливать минимум выработки предприятия, выяснять себестоимость производимых продуктов, контролировать всю деловую переписку

⁴¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 83.

⁴² «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам». Т. 1, М., Госполитиздат, 1957, стр. 23—24.

предприятия, причем за скрытие корреспонденций владельцы подлежали суду. Они обязаны были предъявлять органам рабочего контроля все книги и отчеты как за текущий год, так и за прошлые годы. «Положение», кроме того, отменяло коммерческую тайну. «Положением» был также учрежден Всероссийский совет рабочего контроля — «высшая инстанция для всех дел, связанных с рабочим контролем»⁴³.

Издание и претворение в жизнь ленинского декрета о рабочем контроле имело большое значение. Декрет давал возможность рабочему классу овладеть всеми основными путями управления предприятием, руководить им, контролировать его деятельность.

Таким образом, после победы Великого Октября борьба пролетариата России по установлению рабочего контроля вступает в новый, более высокий этап. Рабочий контроль, который в условиях диктатуры пролетариата стал всеобъемлющим, помог перейти уже к обобществлению средств производства, к непосредственному управлению всем хозяйством.

2 декабря 1917 года ВЦИК и Совет Народных Комиссаров РСФСР приняли декрет об образовании из Всероссийского совета рабочего контроля, из представителей от всех народных комиссариатов и из «сведущих лиц, приглашаемых с совещательным голосом», Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), задачей которого была «организация народного хозяйства и государственных финансов»⁴⁴. Этот декрет был принят также по инициативе В. И. Ленина.

Высший Совет Народного Хозяйства имел право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области производства, распределения и государственных финансов.

ВСНХ был призван объединять и направлять работу местных экономических отделов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, включающих в себя местные органы рабочего контроля, а также комиссариатов труда, торговли и промышленности, продовольствия и проч.⁴⁵

Декреты Советского правительства о рабочем контроле, о Высшем Совете Народного Хозяйства подорвали экономическую базу господства буржуазии, позволили приступить к социалистическим преобразованиям в экономическом строе страны. Органы рабочего контроля и советы народного хозяйства сыграли важнейшую роль в деле вовлечения широких масс трудящихся в строительство нового общественного строя.

⁴³ Там же, стр. 26.

⁴⁴ Там же, стр. 27.

⁴⁵ Там же, стр. 27—28.

Известие о победе Великого Октября в Петрограде придало новую энергию и рабочему классу Дагестана в его борьбе за установление рабочего контроля. 25 октября 1917 года на очередном заседании Порт-Петровского объединенного Совета рабочих и военных депутатов, когда обсуждалась телеграмма о переходе власти в Петрограде в руки народа, депутат Совета Майлов потребовал созвать на следующий же день митинг и обсудить на нем вопрос об установлении контроля над производством ⁴⁶.

Работу по установлению рабочего контроля возглавили руководимые большевиками исполнительный комитет Порт-Петровского Совета и созданный в начале декабря 1917 года Военно-революционный комитет. На новый этап поднялась работа по установлению рабочего контроля и в Дербенте, где власть в руки Советов перешла в конце декабря 1917 года.

Непосредственно осуществляли рабочий контроль профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и их контрольные комиссии. Так, комиссия профессионального союза рабочих рыбных промыслов установила рабочий контроль на промыслах, принадлежащих бакинскому миллионеру Тагиеву.

«Делегаты Петровского союза ловцов, — говорилось в жалобе доверенного фирмы Тагиева, поданной им декабре 1917 года в Союз объединенных горцев Северного Кавказа, — разъезжают по промыслам Тагиева и, опираясь на мандаты местных органов власти о регистрации материалов и орудий производства, самовольно выходят из пределов предоставленных им прав по учету промыслового имущества, осуществляют функции правительственной власти, предъявляя к фирме такие требования, которые направлены к полному захвату всего управления делами предприятия и регламентации всей промысловой деятельности: воспрещают рядить ловцов без разрешения союза, предлагают рассчитывать их по ценам, предъявленным союзом, не считаясь с ценами установленными, причем распространили эти требования также на подряженных уже ловцов на реке Сулак, воспрещают выдавать материалы и снасти ловцам и пользоваться самому предприятию этими снастями и материалами для своей промысловой надобности и устройства неводов, без актов рабочих, а также предлагают все расчеты и распоряжения по ведению дела брать от союза...» ⁴⁷.

На всех предприятиях Порт-Петровска Военно-революционный комитет ввел 8-часовой рабочий день. Кадеты и их приспешники развернули злобную кампанию против его введения.

⁴⁶ «Борьба за установление Советской власти в Дагестане. М., 1958, стр. 42.

⁴⁷ Там же, стр. 48—49.

Они заверяли, что производительность труда упадет, что рабочие, взявшие в свои руки управление промышленностью, доведут её до гибели и т. д. Однако, несмотря на сокращение рабочего дня, производительность не только не понизилась, а, наоборот, даже повысилась⁴⁸.

Эти факты красноречиво свидетельствовали о том, что в рабочем классе, освободившемся от пут капиталистической эксплуатации, заложен неиссякаемый запас сил и революционной энергии.

Одновременно дагестанский пролетариат предпринимает меры к улучшению своего материального положения. 7 ноября 1917 года союз грузчиков Порт-Петровска предъявил пароходным обществам новые требования: 1) увеличить расценки на 75%, 2) удвоить оплату сверхурочных работ в ночное время, 3) провести страхование грузчиков от несчастных случаев⁴⁹. Подобные требования предъявляют и другие профессиональные союзы.

Под руководством Порт-Петровского военно-революционного комитета на всех предприятиях создаются согласительные комиссии, составленные из представителей рабочих, служащих и предпринимателей. Комиссии вырабатывают коллективные договоры, предусматривающие значительное увеличение заработной платы, улучшение условий и охраны труда и т. д.⁵⁰.

По решению Совета рабочих депутатов Порт-Петровска от 5 февраля 1918 года, была упразднена «примирительная камера» ввиду того, что она «не является выразительницей воли народа, и не может стоять на страже интересов рабочих, ибо в ней половина состава—представители буржуазии, а политика соглашательства с буржуазией уже давно доказала всю свою пагубность для рабочих»⁵¹. Функции «примирительной камеры» были переданы Совету рабочих депутатов.

Отчаянно сопротивляясь мероприятиям Военно-революционного комитета, буржуазия, саботируя и утаивая оборотные средства, создала в городе невыносимое финансовое положение. Это вынудило Военно-революционный комитет принять крайние меры. Им было произведено обложение крупных предпринимателей города (получивших во время империалистической войны сверхприбыли) на сумму в 400 000 руб. в виде «чрезвычайного налога» «на экстренные нужды народа»⁵². Но по истечении назначенного срока не все предприниматели внесли положенную сумму, за что были подвергнуты аресту.

Буржуазия, поддержанная меньшевиками и эсерами, под-

48 «Вольный Дагестан». № 31, 9(22) февраля 1918 года.

49 ЦГА ДАССР, ф. 722—р, оп. 1, д. 2, л. 143.

50 «Вольный Дагестан», № 31, 9(22) февраля 1918 г.

51 «Вольный Дагестан», № 32, 10(23) февраля 1918 года.

52 Там же, № 38, 21 февраля (6 марта) 1918 года.

няла злобную кампанию против действий Военно-революционного комитета, что вызвало возмущение всех трудящихся города. На собраниях, организованных на всех предприятиях, рабочие выразили полное доверие Военно-революционному комитету. В резолюции одного из собраний говорилось: «Обсудив создавшееся положение в связи с арестами господ капиталистов и требуемой уплатой суммы в 400 000 руб. В-Р-Комитету, считаем требования последнего законными, как высшей власти гор. Петровска и единственного защитника трудового народа, и протестуем самым категорическим образом против защитников и прихвостней капитализма и против социалистической думы»⁵³.

В борьбе с саботажем буржуазии рабочий контроль сыграл немаловажную роль. Он помешал буржуазии превратить фабрики и заводы в опору контрреволюции. Осуществляя контроль, рабочие знакомились с хозяйственной деятельностью предприятий, учились управлению производством, выдвигали кадры организаторов-хозяйственников. Фабрично-заводские комитеты все больше вторгались в деятельность предприятий, отстраняли сочувствующую и преданную капиталистам администрацию от руководства предприятиями, брали все дело управления производством в свои руки.

В феврале 1918 года порт-петровский пролетариат делает первые шаги от национализации отдельных предприятий к организации управления всем народным хозяйством в целом, в чем ему значительно помог опыт работы по осуществлению рабочего контроля.

27 февраля Порт-Петровский военно-революционный комитет национализировал все рыбные промыслы Тагиева и образовал центральный комитет для управления этими промыслами⁵⁴. Национализированы были также и ряд других предприятий города: холодильник акционерного общества «Рыбак», бондарные предприятия, текстильная фабрика «Каспийская мануфактура», фабрики стальных канатов, гвоздильный завод, железнодорожный транспорт и т. д.

Однако работа по организации управления хозяйством была прервана в марте 1918 года, так как Порт-Петровск заняли войска Дагестанского буржуазно-националистического исполкома и «национальная» милиция Гоцинского. Лишь восстановление Советской власти в Порт-Петровске и Дербенте (в конце апреля) и распространение её в глубь Дагестана создали возможность продолжить эту работу.

Прежде всего необходимо было наладить финансовое хо-

⁵³ Там же. «Социалистическая» дума, как она себя именovala, некоторое время существовала рядом с Военревкомом и была упразднена, когда полностью выявилась её контрреволюционная сущность — В. Г.

⁵⁴ ЦГАОР Азерб. ССР, ф. 58, д. 106, л. 189.

зьяйство. Большую часть капиталов вывезла буржуазия, бежавшая при вступлении советских отрядов. Оставшаяся буржуазия пыталась утаить свои капиталы. Чтобы не допустить их утечки, военно-революционные комитеты создают чрезвычайные комиссариаты финансов. При Дагестанском областном военно-революционном комитете чрезвычайным комиссаром финансов был назначен М. М. Хизроев⁵⁵.

Уже 27 апреля 1918 года, на третий день освобождения Дербента, председатель комитета революционной обороны г. Дербента и его районов В. А. Бешенцев объявил, что «все движимое и недвижимое имущество, принадлежащее лицам, бежавшим из города в день вступления советских войск, секвестровано в пользу Советской республики»⁵⁶. Буржуазия была обложена контрибуцией в 1 млн. рублей⁵⁷.

Дагестанский военно-революционный комитет 3 мая конфисковал имущество общества «Джамиат Исламие» и «милликомитета»⁵⁸, а 14 мая был наложен арест на капиталы М. М. Мавраева, Р. М. Мавраева, Д. Апашева, ген. Халилова, Н. Б. Тарковского, Асельдера Казаналипова⁵⁹. Дербентская организация «Гуммет» 7-го июня вынесла решение о передаче всего имущества дербентского мусульманского национального комитета в ведение «Гуммета»⁶⁰.

Военно-революционные комитеты восстановили прежде всего управление ранее национализированными предприятиями железнодорожного транспорта и портовыми сооружениями. Восстанавливается также управление фабрикой «Каспийская мануфактура», холодильником, гвоздильным заводом, бондарными и другими предприятиями г. Порт-Петровска. Военно-революционные комитеты эту работу проводили под руководством Бакинского Совета Народных Комиссаров и его Совета народного хозяйства, возглавляемого И. Т. Фиолетовым. Декреты Бакинского СНК, распоряжения и постановления Совета народного хозяйства распространялись и на Дагестан.

22 мая 1918 года Бакинский Совнарком национализировал все недра земли в Бакинской губернии и Дагестанской области, где велась добыча или разведка нефти и озокерита⁶¹, а декретом от 2 июня 1918 года, на основании постановления

⁵⁵ ЦГА ДАССР, ф. 528—р, оп. 1, д. 11, л. 64.

⁵⁶ «Известия Комитета Революционной обороны г. Дербента», № 12, 29 мая 1918 г.

⁵⁷ «Известия СНК г. Дербента», № 4, 9 мая 1918 г.

⁵⁸ ЦГА ДАССР, ф. 528—р, оп. 1, д. 11, л. 2.

⁵⁹ Там же, л. 14.

⁶⁰ «Известия Комитета Революционной обороны г. Дербента», № 18, 23 июня 1918 г.

⁶¹ Там же, № 14, от 5 июня 1918 г.

СНК РСФСР, были национализированы все нефтяные предприятия⁶².

28 мая 1918 года специальным декретом Бакинского Совнаркома были национализированы рыбные промыслы Г. З. Тагиева в Порт-Петровске.

«Ввиду того, что промыслы Тагиева были брошены им на произвол судьбы, что за это время самими рабочими налажен технический аппарат по управлению этими промыслами,—говорилось в декрете,—промыслы Тагиева в Порт-Петровске со всем товаром, движимым и недвижимым инвентарем объявить государственной собственностью—национализировать. Назначить комиссара с передачей ему верховного управления промыслами, оставив за комитетом рабочих организационно-технические функции по управлению»⁶³. Этим же декретом в распоряжение комиссара была ассигнована сумма в 2 млн. рублей в качестве оборотного капитала⁶⁴.

Бакинский Совнарком провел национализацию и Каспийского торгового флота.

В декрете, принятом 6 июня 1918 года, говорилось:

«1) Весь Каспийский торговый флот, принадлежащий акционерным обществам, паевым товариществам, торговым домам, единоличным предпринимателям, владеющим морскими и речными судами всех типов со всем движимым и недвижимым имуществом, кассовой наличностью, текущими счетами в кредитных учреждениях и вообще, в чем бы оно не состояло, активом и пассивом этих предприятий, объявляется неделимой собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской республики.

2) В число национализированных предприятий входят все береговые сооружения и предприятия, обслуживающие торговый флот, а именно: а) доки с мастерскими, б) механические заводы, в) плавучие средства, г) наливные станции со всем движимым и недвижимым имуществом и все приспособления для погрузки и налива судов.

3) Все отделы судоходных предприятий, занятые страховыми, экспедиторскими и другими операциями, подлежат национализации»⁶⁵.

Осуществляя национализацию торгового флота, приписанного к Петровскому порту, и всех портовых сооружений, исполком Порт-Петровского Совета созывает особое собрание для образования местного комитета по портовым делам⁶⁶. На

⁶² «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане». Документы и материалы 1917—1918 гг. Баку, 1957, стр. 453—457.

⁶³ «Известия Бакинского Совета», № 99, 28 мая 1918 г.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ «Известия Бакинского Совета», № 107, 6 июня 1918 г.

⁶⁶ ЦГА ДАССР, ф. 139, оп. 1, д. 60, лл. 33, 34, 39.

собрании кроме представителей рабочих и служащих порта присутствовали три представителя исполкома Совета во главе с зав. гражданским отделом исполкома Н. Е. Луциковичем. Комитету по портовым делам вверялось управление торговым портом по всем вопросам: техническим, хозяйственным, торговым. В ведение Комитета по портовым делам были отданы все капиталы торгового порта, заведование всеми работами в порту и т. д. Все управления—административные, хозяйственные, технические, строительные—подчинялись Комитету по портовым делам и являлись его органами.

Хозяйственные органы Дагестана национализируют и ряд более мелких предприятий.

11 июня отдел народного хозяйства Петровского Совета на основании закона о социализации земли издал постановление о передаче всех виноградников со всем инвентарем в ведение отдела⁶⁷. 12 июня исполком Дербентского Совета издал постановление о национализации всех мельниц, находящихся в пределах города Дербента, и передал их в ведение городского хозяйства⁶⁸.

Национализированные предприятия управлялись заводскими, фабричными, промысловыми и прочими комитетами: Так, в Порт-Петровске функционировал Петровский центральный комитет национализированных предприятий Тагиева, фабрично-заводской комитет текстильной фабрики «Каспийская мануфактура» и т. д. На железной дороге осуществлялось коллективное управление во главе с комиссаром⁶⁹.

Работу ненационализированных предприятий контролировали органы рабочего контроля и профессиональные союзы.

Предприятиями промышленности, транспорта, продовольственным делом и торговлей в целом руководили военно-революционные комитеты, их отделы труда и созданные несколько позже при Советах отделы народного хозяйства.

Совет народного хозяйства исполкома Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов Дагестанской области возглавил М.-М. Хизроев. В Порт-Петровске—заведующим отделом народного хозяйства был Н. И. Тутьшкин⁷⁰, в Дербенте комиссаром народного хозяйства утвердили М. Гаджиева⁷¹.

Для контроля над крупными национализированными предприятиями промышленности и транспорта, промыслами, для улучшения их работы Советы создавали при отделе народного хозяйства специальные подотделы. В некоторых случаях от-

67 «Известия Порт-Петровского Совета», № 7, 11 июня 1918 г.

68 «Известия Дербентского Совета», № 7(25), 14 июля 1918 г.

69 «Красный Дагестан», № 23, 2 июля 1918 г.

70 «Известия Порт-Петровского Совета», № 7, 11 июня 1918 г.

71 «Известия Дагестанского Совета», № 8(26), 17 июля 1918 г.

дельные управления выделялись в самостоятельные отделы. Так, Порт-Петровский Совет образовал подотдел рыболовства, обязав его «поставить на должную высоту рыбные промыслы, позаботиться о сохранении в целости имеющегося на промыслах имущества и продуктов, заботиться заготовкой нужных орудий лова к предстоящему осеннему сезону... «На подотдел также возлагались обязанности контроля деятельности центрального исполнительного комитета национализированных предприятий фирмы Тагиева. В случае надобности подотдел мог реорганизовать комитет и «вливать в него свежие силы от рабочих организаций г. Петровска». По всем вопросам подотделу предлагалось входить в контакт с Советом народного хозяйства Бакинского Совета Народных Комиссаров⁷².

Для управления национализированными виноградниками отдел народного хозяйства Порт-Петровского Совета создал подотдел виноградарства⁷³. В самостоятельную единицу был выделен отдел путей сообщения и водного транспорта⁷⁴.

Вся работа по установлению рабочего контроля над производством, по организации управления им проводилась в интересах самих производителей. Материальное положение рабочих немного улучшилось. Отделы труда совместно с профессиональными союзами проделали большую работу, чтобы вытащить рабочий класс из нищеты и невежества и создать ему необходимые условия для нормальной жизни.

Профессиональные союзы к этому времени и организационно и политически окрепли. Число их также выросло—в союзы организовались рабочие и служащие всех профессий. В июне 1918 года только в Петровске было 13 профессиональных союзов: металлистов, бондарей, текстильщиков, объединенный союз грузчиков, промысловых рабочих и чернорабочих, печатников, табачников, государственных служащих, учителей, служащих торгово-промышленных предприятий, медицинских работников, трудовой интеллигенции, театральных рабочих, швейцаров и официантов⁷⁵. Все порт-петровские профсоюзы объединились в единый Совет профессиональных союзов.

В Темир-Хан-Шуре существовали союзы грузчиков, кожевников, домашней прислуги, служащих городских учреждений и союз рабочих и земледельцев. В последний входили также секции плотников, портных, слесарей, кузнецов, печатников и заготовщиков⁷⁶.

Профессиональные союзы играли огромную роль в налаживании работы предприятий и их управления. Без санкции

⁷² ЦГА ДАССР, ф. 722—р, оп. 1, д. 5, л. 160.

⁷³ «Известия Порт-Петровского Совета», № 7, 11 июня 1918 г.

⁷⁴ ЦГА ДАССР, ф. 697—р, оп. 1, д. 3, л. 3.

⁷⁵ ЦГА ДАССР, ф. 722—р, оп. 1, д. 25, л. 160.

⁷⁶ Там же, ф. 135, оп. 1, д. 1, лл. 89—90.

профсоюзов ни управления национализированных предприятий, ни частные предприниматели не имели права принять кого-либо на работу. Профессиональные союзы совместно с отделами труда и народного хозяйства вырабатывали коллективные договоры. Первым выработал коллективный договор по всем предприятиям Порт-Петровский Совет профессиональных союзов. Этот договор был взят за основу дербентскими профсоюзами. При выработке условий коллективного договора владельцы дербентских национализированных предприятий отказались принять участие в заседаниях комиссии и признать коллективный договор, и он был введен в качестве обязательного постановления (постановление Комитета революционной обороны г. Дербента от 3 июня 1918 г.)⁷⁷.

Коллективные договоры предусматривали значительное повышение заработной платы всем без исключения рабочим и служащим. В августе 1918 года Порт-Петровский Совет утвердил новые повышенные ставки рабочим и служащим. Кроме того, бондарям, работавшим с собственным инструментом, и медицинским служащим в инфекционных бараках была утверждена прибавка в сумме 50 рублей к месячной зарплате, а грузчикам заработная плата была повышена на 80%⁷⁸.

Большое внимание большевистские организации Дагестана уделяли продовольственному вопросу. Борьба с голодом, борьба за ликвидацию продовольственного кризиса, к которому привели империалистическая война, хозяйничанье Временного правительства и саботаж имущих классов, рассматривалась как важнейшая задача партии и Советской власти. «Борьба за хлеб, — говорил В. И. Ленин, — это борьба за социализм».

Чтобы ликвидировать продовольственный кризис и наладить продовольственное снабжение трудящихся, военно-революционные комитеты реорганизуют продовольственные отделы и продовольственные директории, оставшиеся от органов Временного правительства и приспособливают их к решению новых задач. Продовольственные органы остались и при создании Советов на правах отделов и комиссариатов при исполкомах.

В работе по улучшению продовольственного дела продовольственным органам военно-революционных комитетов и Советов большую помощь оказывали профессиональные союзы и их комиссии.

В распоряжение отделов и комиссариатов были отданы все находящиеся в области продовольственные запасы, которые дали им возможность сразу наладить снабжение трудя-

⁷⁷ «Известия Комитета революционной обороны г. Дербента», № 15, 7 июня 1918 года

⁷⁸ ЦГА ДАССР, ф. 722—р, оп. 2, д. 1, л. 47.

щихся. К примеру, в начале мая 1918 года, заслушав заявление комиссара по реквизиции, Дербентский Совнарком распределил муку, предназначенную для контрреволюционной «дикой дивизии»⁷⁹, между рабочими — иранцами и «союзом всех профессиональностей»⁸⁰.

В области ощущался острый недостаток хлеба, большие запасы которого имелись на Северном Кавказе. Продовольственные отделы Дагестана создавали необходимые запасы фруктов и фруктовых консервов, бязи, которую выработывала порт-петровская фабрика «Каспийская мануфактура», нефтепродуктов и т. д. для обмена на хлеб.

Темир-Хан-Шуринский городской продовольственный комиссариат, на основании постановления областного Военно-революционного комитета от 10 июня 1918 года, предложил всем владельцам консервных заводов представить в комиссариат письменные сведения о количестве имеющихся у них консервов, сушеных фруктов, орехов и пряностей. За неправильные сведения владельцы заводов, как сообщалось в постановлении, будут привлекаться к «ответственности по законам военно-революционного времени, а обнаруженные сверх указанных в сведениях консервы будут немедленно конфискованы»⁸¹.

Владельцы должны были также вывесить на своих заводах объявление следующего содержания: «Сей завод согласно постановлению Дагестанского областного военно-революционного комитета поступил в распоряжение Темир-Хан-Шуринского городского продовольственного комиссариата»⁸².

Закупку и обмен продуктов на хлеб в Кизляре, Терской области и других местах Северного Кавказа от имени Военно-революционного комитета и исполкома Советов и продовольственных отделов производили особые комиссии. Так, в мае 1918 года Дагестанский областной Военно-революционный комитет создал «особую комиссию по закупке хлеба для Дагестанской области и Красной армии»⁸³.

Для пополнения запасов хлеба продовольственные отделы совместно с отделами труда организовали уборку урожая на полях бежавших беков и ханов. При Порт-Петровском Совете была создана комиссия по уборке хлеба. В своем объявлении комиссия сообщала, что «труд всех граждан г. Петровска и его районов, как мужского так и женского пола, с 17-летнего воз-

⁷⁹ Имеется в виду дивизия, дислоцированная в районе Елисаветполя. Она была орудием в руках елисаветпольских беков — В. Г.

⁸⁰ «Известия СНК г. Дербента», № 4, 9 мая 1918 г.

⁸¹ «Борьба за установление Советской власти в Дагестане», стр. 132.

⁸² Там же.

⁸³ ЦГА ДАССР, ф. 528—р, оп. 1, д. 3, л. 58.

раста до 55 лет мужчин и 40 лет женщин, с 29 июня мобилизуется для нужд сельскохозяйственных, по уборке хлебов»⁸⁴.

Рабочие и служащие фабрик, заводов и учреждений, за исключением обслуживающих городские продовольственные предприятия, торговлю, фабрику «Каспийская мануфактура», связь, печать и транспорт, подлежали мобилизации. На особый учет было взято нетрудовое население. Мобилизацию беженцев и спекулянтов, находящихся на железнодорожных станциях, осуществлял железнодорожный комитет⁸⁵. Трудовая повинность была введена также и другими Советами. Темир-Хан-Шуринский Совет ввел её 30 июня 1918 г.⁸⁶

Продовольственные комитеты, в интересах беднейшего крестьянства, устанавливали твердые цены на хлеб, предоставляли право сельским Советам реквизировать у кулаков излишки хлеба и других продуктов.

В письме исполкома Дагестанского областного Совета сельским Советам сообщалось, что «в обязанность сельских Советов входит установление твердых цен на продукты первой необходимости, производство реквизиций у зажиточных сельчан и кулаков своего селения по твердым ценам хлебных и других продуктов продовольствия и распределения между беднейшим населением по установленным ценам»⁸⁷.

В этом же письме говорилось, что если богачи и кулаки будут саботировать это постановление, скрывать хлебные и иные продукты, оказывать вооруженное сопротивление и т. д., то сельские Советы имеют право «через сельскую советскую милицию» устранять «всякие препятствия и скрытие хлебных продуктов», «не останавливаясь перед наложением штрафа вооруженной силой. В случае невозможности устранить саботаж со стороны богачей и спекулянтов вооруженной силой сельской милиции, то донести об этом военному отделу»⁸⁸.

В то же время военно-революционные комитеты, исполкомы Советов предостерегали сельские Советы против самочинных без ведома исполкома реквизиций. Исполком Дагестанского областного Совета предупреждал, что самовольные реквизиции «будут преследоваться исполнительным комитетом и виновные привлекаться к законной ответственности»⁸⁹.

Дагестанская беднота в этот период не только обеспечивала себя хлебом и другим продовольствием, но оказывала сильную помощь в снабжении трудящихся городов и Красной Армии. Так, например, Карабудахкентский сельский Совет

⁸⁴ «Известия Порт-Петровского Совета», № 24, 3 июля 1918 г.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ «Борьба за установление Советской власти в Дагестане», стр. 154.

⁸⁷ Там же, стр. 179.

⁸⁸ Там же, стр. 179—180.

⁸⁹ Там же, стр. 183.

вынес постановление передать весь излишек хлеба в областной продовольственный отдел⁹⁰. Такие решения принимались и другими сельскими Советами.

Ликвидируя продовольственный кризис в области, органы Советской власти в Дагестане оказывали значительную продовольственную помощь бакинскому пролетариату, который в тяжелых условиях наступившего голода мужественно отбивал атаки контрреволюционных сил и турецких интервентов.

Таким образом, рабочий класс Дагестана, используя свободы, завоеванные в результате свержения самодержавия, создает свои организации—профессиональные союзы, Советы рабочих депутатов. С первых же дней эти организации вступают в борьбу с предпринимателями, начинают осуществлять рабочий контроль над производством и распределением продуктов.

Осенью, когда в Порт-Петровске и Дербенте среди рабочих усиливается влияние большевистских организаций, профессиональное движение поднимается на более организованную ступень. Профессиональные союзы и Советы начинают более решительно выступать против предпринимателей, тверже осуществлять контроль за работой предприятий, приступают к выработке коллективных договоров.

С переходом всей полноты власти в руки Советов работа по осуществлению рабочего контроля поднимается на более высокий уровень. Повсеместно вводится 8-часовой рабочий день, улучшается материальное положение рабочих, ликвидируются «примирительные камеры», функции их передаются Советам рабочих депутатов, коллективные договоры вводятся на всех предприятиях.

Постепенно рабочий класс от рабочего контроля переходит к конфискации наиболее крупных предприятий промышленности и транспорта, к непосредственному управлению хозяйством. При Советах создаются отделы труда, советы народного хозяйства, продовольственные отделы, в руках которых сосредоточивается управление хозяйством.

Отделы труда, советы народного хозяйства, продовольственные отделы, директории и комиссариаты Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов, руководимые большевистскими организациями, за короткий период существования Советской власти в Дагестане в 1918 году, несмотря

⁹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 135—р, оп. 1, д. 2, л. 159,

на невыносимо тяжелые условия, ликвидировали в основном частную собственность на средства производства, национализировав наиболее крупные предприятия промышленности, транспорта и рыбные промыслы. На остальных, более мелких предприятиях, установили действенный рабочий контроль, организовали строго регламентированное управление всей хозяйственной жизнью, наладили регулярное производство, разрешили, в основном, продовольственный кризис, осуществили распределение продуктов в интересах трудящихся.

РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ ДАГЕСТАНА В РАЗВЕРТЫВАНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ ЗА ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ.

В апреле 1929 года XVI Всесоюзная конференция ВКП(б) утвердила первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР — знаменитую первую пятилетку.

План первой пятилетки представлял собой грандиозную программу хозяйственного строительства, перевооружения промышленности и сельского хозяйства на базе новой, современной техники и развертывания социалистического наступления в стране. Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать на социалистической основе не только промышленность в целом, но и транспорт и сельское хозяйство. Пятилетний план был рассчитан на вытеснение капиталистических элементов, ликвидацию многоукладности хозяйства и обеспечение безраздельного господства социалистических форм хозяйства.

Большое место в пятилетнем плане занимали вопросы подъема экономики и культуры отсталых национальных окраин страны, ликвидации их фактического неравенства. Еще в 1927 году XV съезд Коммунистической партии, указывая на необходимость составления первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, записал в своих решениях, что «пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам подъема экономики и культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов, исходя из необходимости постепенной ликвидации их экономической и культурной отсталости, соответственно предусматривая более быстрый темп развития их экономики и культуры, исходя из увязки нужд и потребностей этих районов с нуждами и потребностями Союза»¹.

¹ «КПСС в резолюциях...», ч. II, изд. 7, стр. 463.

Пятилетний план предусматривал огромный рост капиталовложений в народное хозяйство. Так, размер капиталовложений в народное хозяйство СССР был определен в 64,6 млрд. руб. против 26,5 млрд. руб., вложенных за предшествующее пятилетие, с 1923 по 1928 год.

Еще больше возрасли капиталовложения в экономику национальных окраин. Так, например, общий рост капитальных вложений по Дагестану за пятилетие, в сравнении с 1929 годом, увеличивался почти в 7 раз². Основные установки развития и реконструкции хозяйства ДАССР, утвержденные XI Дагпартконференцией и VIII Вседагестанским съездом Советов 1930 года, предусматривали дальнейшее увеличение капиталовложений в промышленность, энергетику, транспорт. Так, из общей суммы капиталовложений за пятилетие 46 проц. предполагалось вложить в указанные отрасли.

Пятилетний план предусматривал как строительство новых предприятий, так и реконструкцию старых, лучшую организацию производства, повышение качества продукции, снижение отпускных цен. В республике создавались и развивались такие важнейшие отрасли промышленности как нефтяная, химическая, металлообрабатывающая, пищевкусовая. Выпуск валовой продукции намечалось увеличить с 33 млн. руб. в 1928 году до 93,5 млн. руб. в 1932—33 гг. Рост основных фондов промышленности должен был составить за пятилетие 443 проц., в то время как по СССР в целом только 289 проц.³. Это говорило о том, что задача дальнейшего подтягивания экономики и культуры национальных областей и республик, намеченная XV съездом партии, начинала неуклонно проводиться в жизнь.

Осуществление грандиозного плана развернутого социалистического наступления было связано с огромными трудностями. Преодоление этих трудностей и осуществление пятилетнего плана было возможно лишь «на основе величайшего роста активности и организованности трудящихся масс вообще и рабочего класса в особенности, на основе всемерного вовлечения миллионных масс рабочего класса в социалистическое строительство и в управление хозяйством, на основе всемерного развертывания социалистического соревнования и мощного развития самокритики миллионных масс снизу против бюрократических извращений госаппарата»⁴.

XVI конференция ВКП(б) приняла специальную резолюцию о ближайших задачах борьбы с бюрократизмом, поставив борьбу с бюрократизмом, борьбу за упрощение и удешев-

² «Очерки истории Дагестана», т. II, Дагкнигоиздат, 1957, стр. 194.

³ «10 лет социалистического строительства ДАССР», Махачкала, 1932, стр. 44.

⁴ «КПСС в резолюциях...», ч. II, изд. 7, стр. 574.

ление аппарата и приближение его к массам в ряд особо важных задач партии.

В осуществлении заданий пятилетки, а также в борьбе с бюрократизмом важное место принадлежало социалистическому соревнованию. Оно являлось одной из форм самокритики, рожденной инициативой и творчеством широких масс.

XVI партконференция, утвердив план первой пятилетки, обратилась ко всем рабочим и трудящимся крестьянам с призывом:

«Товарищи рабочие и трудящиеся крестьяне!

Для преодоления трудностей социалистического строительства, для развертывания дальнейшего наступления на капиталистические элементы в городе и деревне, для выполнения пятилетнего плана — организуйте соревнование во всех областях строительства, организуйте соревнование заводов, фабрик, шахт, железных дорог, совхозов, колхозов, советских учреждений, школ и больниц.

Организуйте соревнование за снижение себестоимости, за повышение производительности труда, за укрепление трудовой дисциплины, за расширение посевных площадей, за поднятие урожайности, за вовлечение крестьянства в колхозы и кооперации, за упрощение госаппарата и укрепление его связи с массами, за улучшение работы культурно-бытовых учреждений, обслуживающих массы трудящихся...

Соревнование, пробуждая творческую энергию и инициативу масс, должно стать постоянным методом вовлечения трудящихся в социалистическое строительство.

Социалистическое соревнование — могучее средство пробуждения и организации инициативы масс для выполнения пятилетнего плана и вместе с тем могучее средство развития самокритики снизу.

Соревнование и пятилетка неразрывно связаны между собой»⁵.

Обращение большевистской партии ко всем трудящимся вызвало огромный подъем трудового героизма. Социалистическое соревнование широко развернулось по всей стране.

В распространении социалистических методов труда, в развертывании социалистического соревнования важнейшую роль должны были сыграть профессиональные союзы. «Профсоюзы и хозорганы, — было записано в обращении XVI конференции ВКП(б), — должны широко применить систему поощрения участников соревнования. Имена лучших рабочих, лучших специалистов, лучших хозяйственников, агрономов, названия совхозов и шахт, лучших совхозов и колхозов должны стать известны всей стране»⁶.

⁵ Там же, стр. 617—618.

⁶ Там же.

Профсоюзы Дагестана вместе с комсомольскими и другими общественными организациями, под руководством обкома партии начали большую работу по развертыванию социалистического соревнования, развитию принципов коммунистического отношения к труду. Организация ударных бригад, производственные смотры, переключки, конкурсы и т. д. стали приобретать огромное значение для всего дела строительства социализма. В соревновании рос новый тип советского рабочего, росли роль и участие народных масс в управлении государством.

Развернувшееся по всей стране социалистическое соревнование становилось массовым движением рабочего класса за повышение производительности труда, за досрочное выполнение производственных планов и за овладение новой техникой. Возникали и быстро распространялись новые нормы труда, новые формы соревнования.

Еще в самом начале 1929 года, 26 января, «Комсомольская правда» выступила с обращением ко всей молодежи страны с призывом организовать всесоюзное социалистическое соревнование за снижение себестоимости продукции и улучшение ее качества. Почин комсомола нашел широкий отклик.

В Дагестане инициативу комсомола первыми поддержали молодые рабочие фабрики им. III Интернационала и бондарного завода. На фабрике себестоимость продукции была снижена только за один год на 7,6 проц., на бондарном заводе — на 10,2 проц., на городской электростанции — на 12,5 проц.⁷ Резко уменьшились прогулы, повысилась производительность труда. Так, по союзу кожевников прогулы уменьшились на 13 проц., по союзу химиков — на 9 проц., по союзу печатников — на 15 проц. и т. д.

В январе—феврале 1929 года, по инициативе газеты «Правда», проводился всесоюзный смотр производственных совещаний. Смотр ставил задачу: с помощью широкого участия рабочих выявить недостатки производства, активизировать работу производственных совещаний, добиться стопроцентной их посещаемости и деловитости обсуждения всех актуальных вопросов.

Профсоюзные организации Дагестана активно включились в это большое мероприятие. Была утверждена Центральная смотровая комиссия, куда вошли представители от Дагсовпрофа, Дагсовнархоза, редакции газеты «Красный Дагестан», Махачкалинского ГК ВКП(б) и Учкпрофсоюза. На крупных предприятиях были организованы смотровые тройки. Были

⁷ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 12, д. 1, л. 127.

установлены специальные премии за лучшую работу производственных совещаний⁸.

Смотр превратился в средство мобилизации трудящихся на борьбу за улучшение количественных и качественных показателей работы, рационализацию производства, повышение производительности труда, снижение себестоимости продукции. Ход смотра широко освещался в республиканской печати. За время смотра были внесены десятки рационализаторских предложений, давших только по пяти предприятиям (рыбоконсервный завод, фабрика им. III Интернационала, нефтеперегонный завод, бондарный завод, завод «Дагестанские огни») около 100 тыс. рублей экономии.

На бондарном заводе техник А. Дурнев установил транспортер для перегрузки готовой продукции (бочек) из цеха во двор. Это новшество принесло за год 3762 руб. экономии. Рационализатор Громов установил специальные трубы для всасывания опилок от станков. Третий рационализатор И. Жерядок нашел способ использования бракованного лесоматериала. Всего по этому заводу за 1929 год поступило 54 рационализаторских предложения, из них 44 было внедрено в производство⁹.

На фабрике им. III Интернационала мастер В. Инжауров предложил новую конструкцию пневматической подачи хлопка. Группа рабочих фабрики М. Ахмедов, А. Старостина и др. изменили технологию одного из производственных процессов, в результате чего фабрика стала получать более 5 тыс. руб. экономии в год¹⁰. Высокую сознательность проявили рабочие фабрики тт. Старцев, Почкалов, Журавский, Лисицын, Родионов и Мартынов на капитальном ремонте электростанции фабрики. В праздничные дни, работая по 18 часов в сутки, они отремонтировали все агрегаты, детально проверили все узлы электростанции и в ходе ремонта заменили некоторые устаревшие машины новыми¹¹.

Хороших результатов добился рационализатор инженер т. Гриценко на нефтеперегонном заводе «Красный пролетарий». За короткий срок он дал несколько предложений по улучшению технического состояния завода. Для темных и светлых нефтепродуктов были установлены ловушки и проведена канализация. Это мероприятие дало заводу большую экономию. Была также переоборудована сортировка, что не только дало экономию светлых нефтепродуктов, но также значительно улучшило условия работы нефтяников¹².

⁸ Газ. «Красный Дагестан», 28 января 1929 г.

⁹ ЦГА ДАССР, ф. 59—р, оп. 11, д. 38, л. 5.

¹⁰ Там же, л. 11.

¹¹ Газ. «Красный Дагестан», 14 ноября 1928 г.

¹² Там же.

Пятилетний план развития народного хозяйства Дагестана предусматривал строительство и ввод в эксплуатацию крупных промышленных объектов. Одним из таких объектов был Махачкалинский химический завод, строительство которого шло ударными темпами. Строители трудились с чувством большой ответственности, с исключительным энтузиазмом. На стройке развернулось социалистическое соревнование. За 34 рабочих дня рабочие под руководством инженера Писарева довели постройку главного корпуса до 50 проц., а печное отделение и щелочной цех были выстроены больше чем наполовину. Одновременно возводились складские помещения и общественные здания. Завод рос не по дням, а по часам¹³.

Важнейшее значение в развитии соцсоревнования имело постановление ЦК партии от 9 мая 1929 года «О социалистическом соревновании фабрик и заводов». Партия указала, что соцсоревнование должно стать постоянным методом вовлечения трудящихся в социалистическое строительство, в управление хозяйством и государством.

Постановление ЦК партии нашло горячий отклик среди трудящихся, социалистическое соревнование развернулось с особой силой. Рабочие, целые коллективы стали брать на себя повышенные обязательства. Так, грузчики Дагпогруза взяли обязательство немедленно изжить прогулы, поднять трудовую дисциплину, повысить производительность труда на 15 проц., не допускать простоя судов и поездов. Рабочие, служащие и ИТР коммунального треста обязались сэкономить горючее и обтирочный материал на 5 проц., улучшить качество монтажа электрических и водопроводных установок, улучшить обслуживание населения¹⁴. Коллектив Дагрыбтреста решил повысить производительность труда на 12 проц., снизить себестоимость продукции на 7 проц., окончательно изжить прогулы. На соревнование был вызван коллектив Азербайджанского рыбтреста¹⁵.

С бакинской фабрикой им. Ленина соревновался коллектив махачкалинской фабрики им. III Интернационала. Соревнование с предприятием братской республики способствовало усилению дружбы между народами, позволило обмениваться опытом по взаимному использованию всего нового, прогрессивного, помогло коллективам обоих предприятий повысить производительность труда, улучшить производственные показатели. В ходе этого соревнования махачкалинская фабрика им. III Интернационала вышла победительницей и добилась следующих результатов. Производительность ткацкого станка за одну смену на фабрике им. Ленина равнялась 30 м., а

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, 6 мая 1929 г.

¹⁵ Там же, 7 июня 1929 г.

на фабрике им. III Интернационала — 41 м. Себестоимость 1 м. бязи на фабрике им. Ленина 38,4 коп., а на фабрике им. III Интернационала — 30 коп. У текстильщиков Махачкалы была также значительно меньше себестоимость пряжи¹⁶.

Коллектив фабрики им. III Интернационала блестяще справился с годовым планом, дал государству десятки тысяч рублей экономии.

Соревнование нашло горячую поддержку и среди работников транспорта. Вот открытое письмо таксировщиков линейной и городской станций Махачкала II к таксировщикам линейных и городских станций городов: Грозный, Владикавказ, Георгиевск, Моздок, Прохладная, Дербент и Баку.

«Дорогие товарищи!

Социалистическое соревнование — верный путь к поднятию производительности труда в нашем хозяйстве. Учитывая важность соревнования, мы, таксировщики линейной и городской станций Махачкала II также желаем принять в нем участие и поэтому вызываем на соревнование таксировщиков линейных и городских станций: Грозный, Владикавказ, Георгиевск, Моздок, Прохладная, Дербент и Баку. Неправильная таксировка грузов приносит колоссальный ущерб дороге и создает массу ненужной переписки. Средний процент неправильной таксировки по дороге доведен до 10,5. Вызывая на соревнование, мы обязуемся снизить неправильную таксировку до 5 проц.»¹⁷.

Завод «Дагестанские огни» вступил в социалистическое соревнование с Константиновским стекольным заводом на Донбассе. Коллективы обоих заводов обязались уменьшить бой стекла, снизить себестоимость продукции на 10 проц., повысить производительность труда на 15 проц. Махачкалинский рыбоконсервный завод заключил договор с Грозненским консервным заводом, по которому махачкалинцы обязывались к концу 1929/30 хозяйственного года повысить производительность труда на 25 проц., снизить себестоимость продукции на 11 проц., уменьшить брак до 0,5 проц.¹⁸.

Соревнование, охватывая все новые отряды рабочих, выдвигало передовиков, помогало изживать недостатки, устраняло неполадки производства, способствовало повышению производительности труда и улучшению качества продукции. Махачкалинские паровозники, включившись в соревнование с железнодорожниками Дербента, на 12 км увеличили скорость локомотивов, стали без опоздания водить тяжеловесные составы, строго соблюдать график движения. В 1929 году производительность труда повысилась в хлопчатобумажной про-

¹⁶ Там же, 28 мая 1929 г.

¹⁷ Там же, 9 июня 1929 г.

¹⁸ «Очерки истории Дагестана», т. II, Махачкала, 1957, стр. 201.

мышленности на 14 проц., в стекольной — на 97 проц., в консервной — на 10 проц.¹⁹.

Социалистическое соревнование не только охватывало все отрасли производства, всех рабочих, служащих и ИТР, но и обогащалось новыми формами. В марте 1929 года в газете «Труд» было опубликовано обращение рабочих завода «Красный путиловец» об организации шефства над станками. Профсоюзные организации Дагестана сразу же подхватили это хорошее начинание ленинградских рабочих. На всех предприятиях были проведены собрания профсоюзного актива, где обсуждалось обращение коллектива завода «Красный путиловец». Соревнование проходило под знаком борьбы с безхозяйственным отношением к инструментам, за бережливое отношение к социалистической собственности.

Большую помощь профсоюзам в организации соревнования оказывали комсомольские комитеты, создавшие на каждом предприятии молодежные посты.

Профессиональные союзы и комсомольские организации, поддерживая инициативу рабочих в развитии социалистического соревнования, использовали для этого массовую работу в клубах, красных уголках, общежитиях. Лучшие методы и формы соревнования становились достоянием всех фабрик и заводов.

В развитии социалистического соревнования, ударничества важную роль играли специалисты. Поэтому профсоюзы проводили большую работу среди специалистов, привлекали их к организации соревнования, к широкой пропаганде передовых методов работы.

В мае 1929 года, по инициативе профсоюзов, было созвано в Махачкале общегородское собрание специалистов, на котором стоял один вопрос: участие специалистов в социалистическом соревновании. Участники собрания единодушно приняли резолюцию. В ней говорилось, что специалисты будут:

«1. Активно участвовать в организации и успешном проведении социалистического соревнования, срочно и полностью выполнять взятые на себя обязательства;

2. Активно помогать рабочим и профессиональным организациям успешно развивать соревнование, особенно там, где оно еще плохо организовано;

3. Активно участвовать в работе производственных и экономических комиссий, способствуя оживлению их деятельности;

4. Участвовать в рационализации процессов производства, управления на предприятиях, работы советских аппаратов, способствуя проявлению творческой инициативы рабочими и

¹⁹ Газ. «Красный Дагестан», 18—19 декабря 1929 г.

служащими, помогая им в обосновании и оформлении ценных рационализаторских предложений;

5. Помочь профорганам организовать производственное просвещение рабочих и служащих, повышать их квалификацию путем организации технических кружков, курсов и т. п., беря на себя безвозмездное руководство этими кружками;

6. Способствовать воспитанию рабочих и служащих в духе нового социалистического отношения к производству, всемерно бороться с разгильдяйством и недисциплинированностью»²⁰.

С призывом активно включиться в социалистическое соревнование специалисты Махачкалы обратились к специалистам всех городов Дагестана. Инженеры, техники, люди умственного труда брали на себя обязательства содействовать рабочему изобретательству, усилить борьбу за снижение себестоимости продукции, за повышение производительности труда. Проведение воспитательной работы среди рабочих способствовало укреплению трудовой дисциплины, уменьшению прогулов, увеличению загрузки рабочего дня.

Как известно, в 1929 году коренной перелом произошел и в развитии сельского хозяйства — началось массовое вступление середняков в колхозы. Крестьянство прочно вступило на социалистический путь развития. К концу 1929 года число колхозов выросло до 425, а хозяйств в них с 5606 (3,3 проц.) до 16224 (9,1 проц.), т. е. почти в три раза. Задание пятилетнего плана на конец 1930 года было превышено в два раза²¹.

Коллективизация сельского хозяйства проходила на базе индустриализации страны, при активной помощи города деревне. Поэтому вполне естественно, что в деревню проникали новые производственные отношения, которые способствовали коренному преобразованию жизни и быта крестьянства. Между городом и селом устанавливались прочные связи, основанные на социалистическом соревновании тружеников промышленности и сельского хозяйства. Рабочие и крестьяне брали на себя новые обязательства, заключали договоры на социалистическое соревнование. Вот один из таких договоров.

«Договор на социалистическое соревнование между профсоюзом рабочих-печатников города Кизляра и хлебобобовыми станции Александро-Невской.

Коллектив союза печатников обязуется:

1. Улучшить качество и технику газеты «Красный землероб», расширить ее, особенно отдел сельского хозяйства и улучшить доставку подписчикам-крестьянам в деревню.

²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 11, д. 36, л. 1.

²¹ Г. Османов. Коллективизация сельского хозяйства в Дагестане, Махачкала, 1961, стр. 87.

2. Поднять трудовую дисциплину, уменьшить и совсем ликвидировать прогулы, путем рационализации и улучшения качества работы поднять производительность труда в типографии на 15 проц. и снизить себестоимость продукции на 10 проц. Уменьшить брак в наборном и печатном цехах типографии.

Крестьяне станицы Александровской обязуются:

1. Расширить посевную площадь на 30 проц. и поднять урожайность на 25 проц. путем обработки земли более совершенными методами и посева кондиционным зерном;

2. Коллективизировать все бедняцко-средняцкие хозяйства станицы;

3. Полностью ликвидировать неграмотность среди взрослых;

4. Все хлебные излишки своевременно сдавать в кооперацию, ведя решительную борьбу с кулачеством и спекуляцией;

5. Распространить заем индустриализации с тем, чтобы не было ни одного двора без облигации;

Срок действия договора до 14 октября 1930 года, т. е. до праздника урожая и коллективизации»²².

Заключение таких договоров и взятие на себя повышенных обязательств практиковалось повсеместно. Договоры эти укрепляли связи между городом и селом, способствовали росту промышленного и сельскохозяйственного производства.

Профсоюзные организации соревновались за усиление помощи деревне, за успешное проведение мероприятий по коллективизации сельского хозяйства. Городские рабочие, объединенные в профессиональные союзы, шефствовали над аулами. В городах были созданы шефские общества, которые имели свой устав, кадры, средства. Так, первый параграф устава махачкалинского шефского общества гласил: «Общество ставит своей целью укрепить и развивать союз рабочих города с крестьянством посредством планомерной кампании и организационно-хозяйственной помощи аулу, а также развивать соревнование и ударничество, пробуждать в крестьянской массе широкую самодеятельность в советском строительстве аула и закреплять связь местных органов с широкими массами крестьянства»²³.

Важнейшее значение в переустройстве деревни имело решение пленума ЦК партии о выдвижении 25 тысяч рабочих, имеющих опыт организационно-политической работы, в качестве организаторов и руководителей колхозов.

Решением Дагобкома партии было направлено в колхозы 30 рабочих. Однако, желающих поехать на работу в аул оказалось гораздо больше, чем намечалось обкомом. Только на

²² ЦГА ДАССР, ф. 71-р, оп. 10, л. 2, л. 12.

²³ Газ. «Красный Дагестан», 16 февраля 1928 г.

одном Махачкалинском химзаводе было 50 добровольцев. Отъезжающие в колхозы заключали хозяйственно-политические договоры с остающимися на предприятиях рабочими и служащими, брали обязательства выполнить все задачи по социалистической переделке сельского хозяйства. Остающиеся обещали приложить все усилия для выполнения промфинпланов, повышения производительности труда, улучшения качества выпускаемой продукции²⁴.

Большую роль в развертывании коллективизации и социалистического соревнования в сельском хозяйстве сыграл союз сельхозрабочих. К 1930 году он имел более 12 тысяч членов. В соревнование включились батрачки и горянки, что само по себе говорило об улучшении работы союза среди женщин.

Кроме деятельности по учету батрачества и защиты его прав от эксплуататоров — нанимателей, союз проявлял большую заботу о заключении договоров, трудовых соглашений, о распространении передового опыта и передовых методов труда в деревне. Проводимая профсоюзами массово-разъяснительная работа среди крестьян и батрачества способствовала социалистическому преобразованию деревни, повышала трудовую активность и энтузиазм трудящихся.

Фронт социалистического соревнования и ударничества неуклонно ширился. В соревнование включались рабочие, крестьяне, люди умственного труда. На 1 января 1930 года в республике было заключено 333 социалистических договора, охватывавших 21241 рабочего и служащего²⁵. В массах рабочего класса родился знаменитый лозунг: «Пятилетку — в четыре года!». Лозунг распространился по всей стране, охватил широкие слои трудящихся. Труд из подневольного, каким он был при капитализме, все более превращался в дело чести, доблести и геройства.

Партийная организация республики повседневно руководила социалистическим соревнованием, стремилась установить более тесную связь профсоюзной работы с хозяйственным строительством, укрепляла работу производственных комиссий и совещаний, поощряла проявления рационализаторской и творческой инициативы рабочих и инженерно-технических работников. Заметно оживилась деятельность коммунистических фракций профсоюзных организаций. Усилилась массовая работа среди членов профсоюза, а через них — среди рабочих.

В 1929 году в газете «Правда» была впервые опубликована статья В. И. Ленина «Как организовать соревнование?».

²⁴ Ростов, обл. госархив, ф. 2287, оп. 4, д. 54/1275, л. 19.

²⁵ Г. Д. Д а н и я л о в. Социалистические преобразования в Дагестане 1921—1941 гг. Дагкнигоиздат, Махачкала, 1960, стр. 187—188.

Статья сыграла большую роль в развитии социалистического соревнования.

«Социализм, — писал В. И. Ленин, — не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно *широко*, действительно в *массовом* размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами»²⁶.

В день 6-й годовщины со дня смерти В. И. Ленина, 21 января 1930 года, ВЦСПС и ВЛКСМ объявили призыв рабочих в ударные бригады и обратились с воззванием: «Не менее 500 тысяч новых ленинских ударников — лучшая память о Ленине, лучшее выполнение его заветов о социалистическом соревновании!». Ударные бригады стали создаваться на всех предприятиях, новостройках. Ударные бригады явились продолжателями лучших традиций участников коммунистических субботников.

Таким образом, социалистическое соревнование стало массовым движением рабочего класса, трудящегося крестьянства, трудовой интеллигенции и советской молодежи за повышение производительности труда, за досрочное выполнение грандиозных планов первой пятилетки.

Партийные и профсоюзные организации Дагестана возглавили социалистическое соревнование рабочих. На фабриках и заводах, новостройках и в учреждениях проходили собрания и митинги, на которых обсуждались обращение XVI партконференции и статья В. И. Ленина. В решении собрания передовиков производства города Махачкалы было записано: «Мы, передовики социалистической стройки Дагестанской республики, в ответ на призыв ЦК ВКП(б)... все как один, объявляем себя мобилизованными на ликвидацию прорыва на участках нашего строительства под лозунгом: «За организованную подготовку встречи нового года — новых крупнейших побед в социалистическом строительстве!». Мы обязуемся возглавить активность и творческий энтузиазм широких рабочих масс гор. Махачкалы за ликвидацию прорыва, за перевыполнение плана»²⁷.

Для подведения итогов развития социалистического соревнования и обмена опытом в декабре 1929 года был созван съезд ударных бригад. В центре внимания съезда стояли вопросы рационализации производства, улучшения организации труда и методов работы, снижения себестоимости и повыше-

²⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 367.

²⁷ Г. Д. Даниялов. Социалистические преобразования в Дагестане 1921—1941 гг., Дагкиногиздат, 1960, стр. 187.

ния качества продукции. Съезд призвал всех рабочих включаться в социалистическое соревнование, создавать ударные бригады и добиваться перерастания этих бригад в ударные цехи и ударные предприятия²⁸.

Ударные бригады, организованные на предприятиях Ленинграда и Москвы, стали возникать и в Дагестане. Впервые они появились на железной дороге и на фабрике им. III Интернационала. Число ударников социалистического производства росло. Если в 1929 году в республике насчитывалось 560 ударников, то в 1930 году их стало более 10 тысяч²⁹. Ширилось движение под лозунгом: «Пятилетку — в 4 года!», увеличивалось число соревнующихся.

Лучшие ударники республики представлялись к получению премий, их имена заносились в Книгу почета. Так, были выдвинуты на премию за отличные показатели в работе М. Ибрагимов — бахильщик промысла № 6 Рубасской группы, А. Власов — лучший производственник цинковаренного завода, рабочие Фролков, Воронин и прядильщица Скипкина с фабрики им. III Интернационала и др.³⁰.

Наиболее заслуженные рабочие выдвигались на присвоение звания Героя Труда.

На присвоение этого звания были выдвинуты котельщик Сергеев, металлист Селимов и др.³¹. Только за 1928 и 1929 годы профсоюзами было премировано 1167 ударников, а 1 октября 1930 года — в День ударника — 896 передовых рабочих³².

По инициативе Дагсовпрофа в Дагестане стал проводиться День ударника. Впервые он отмечался 1 октября 1930 года. Президиум Дагсовпрофа обратился ко всем трудящимся республики с призывом отметить День ударника успешным завершением заданий второго года пятилетки, увеличением числа соревнующихся, ударников, передовиков производства.

Не только отдельные рабочие, но и целые коллективы предприятий откликнулись на этот призыв. Фабрики, заводы отдавали рапорты о своих достижениях, брали на себя повышенные обязательства. Так, коллектив Махачкалинского нефтеперегонного завода досрочно выполнил годовой план, снизил себестоимость продукции на 12 проц. Значительно повысилась производительность труда. Докладывая о своих достижениях, рабочие завода писали: «На заводе проявлялись факты правооппортунистического течения, когда некото-

²⁸ «История профсоюзного движения в СССР», вып. II, Профиздат, 1955, стр. 200—201.

²⁹ Газ. «Красный Дагестан», 5 мая 1931 г.

³⁰ Там же.

³¹ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 10, л. 33, л. 15.

³² «На путях большевистской перестройки». Махачкала, 1931, стр. 21.

рые не верили в наши планы. Рабочий класс, нефтяники ответили на это неверие движением ударничества и усилением дисциплины... Наши достижения есть фактор, который показывает всему миру правильность взятых темпов, правильность генеральной линии Коммунистической партии. Если капиталисты, оппортунисты и подпевалы всех мастей говорили, что наши планы нереальны, если классовые враги стараются вставить нам палки в колеса, чтобы помешать выполнению наших планов, чтобы подорвать нашу мощь, то рабочие-нефтяники доказали и докажут, что мы не только можем в срок выполнить план, но и на два года короче»³³.

За ударную работу коллектив фабрики им. III Интернационала получил переходящее Красное Знамя. На 1 апреля 1931 года на фабрике было 441 ударник; они в полтора—два раза перевыполняли нормы. На фабрике был проведен месячник рационализации и борьбы с потерями. За время месячника поступило 160 рационализаторских предложений, большинство которых внедрено в производство. Экономический эффект от них составил 62 тысячи рублей. На фабрике были организованы курсы повышения квалификации технических кадров, открыто отделение университета техники³⁴.

Социалистическое соревнование успешно разворачивалось также и на других предприятиях. Борьба за выполнение пятилетнего плана закладывала прочные основы для новых, более высоких форм социалистического труда.

Первые итоги социалистического соревнования и ударного труда были подведены на IX съезде профсоюзов Дагестана, состоявшемся в апреле 1931 года. К этому времени число членов профсоюза достигло 59 тысяч человек³⁵. Значительно возросло число профсоюзных организаций. Перестройка работы профсоюзов, прошедшая после VIII съезда, содействовала быстрому разворачиванию социалистического соревнования, выполнению и перевыполнению производственных заданий каждым предприятием.

На съезде отмечалось, что выполнение планов пятилетки в Дагестане идет успешно и что пятилетку можно выполнить не только в 4 года, но даже значительно раньше. Трудовой энтузиазм рабочих, их непоколебимая преданность Родине и делу победы социализма доказали маловерам, чуждым и обюрократившимся элементам, оппортунистам всех мастей, что Дагестан твердо идет по пути социалистического строительства и что уже нет таких сил, которые могли бы свернуть его с этого единственно правильного пути.

³³ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 13, д. 2, л. 31.

³⁴ Там же, д. 1, л. 90.

³⁵ Там же, л. 28.

От имени 59 тысяч организованных членов профсоюзов Дагестана делегаты IX съезда профсоюзов обратились к Дагестанскому комитету ВКП(б) с приветственным письмом. «Под руководством ДК ВКП(б), — говорилось в письме, — профсоюзы Дагестана ведут массы в бой за выполнение пятилетки в 4 года. Под руководством ДК ВКП(б) профсоюзы организовали массы на борьбу за большевистские темпы, организовали новые социалистические формы труда. За период между VIII и IX съездами предприятия и совхозы Дагестана впитали в себя новые десятки тысяч горцев националов, вовлекли их в поход за новые темпы. На основе директив ДК ВКП(б) профсоюзы приобщили в основном эти массы к производству, развернули работу по их классовому воспитанию.

IX съезд профсоюзов твердо заявляет, что профсоюзы и в дальнейшем будут вести массы в бой за еще большее повышение темпов, за выполнение и перевыполнение заданий партии»³⁶.

В 1929/30 году прирост продукции в общей системе промышленности Дагестана возрос по сравнению с 1928/29 годом на 62,5 проц. Если совхозы в 1929 году засеяли 17,4 тыс. га, то в 1930 году посеы совхозов составили 77,3 тыс. га. Более чем на 20 проц. увеличилось поголовье скота³⁷. Огромные достижения были в работе транспорта, жилищном строительстве, торговле. Больших успехов добилось народное просвещение и здравоохранение.

Съезд профсоюзов с удовлетворением констатировал, что итоги социалистического соревнования и ударничества оказались значительно большими, чем это предполагалось. Так, например, в 1929/30 году предполагалось получить экономию за счет повышения производительности труда в 120 тыс. рублей, а фактически она превысила 200 тыс. рублей. Число ударников росло невиданными темпами. Если в 1929 году в Дагестане было 560 ударников, в 1930 году — 6950, то в 1931 году их стало 10 470³⁸. В 1932 году число ударников возросло по сравнению с 1929—1930 годами втрое. Социалистическим соревнованием было охвачено в 1932 году 37 150 человек³⁹. Неуклонно повышалась производительность труда. По союзу пищевиков она повысилась на 32 проц., по союзу строителей — на 21 проц., по союзу местного транспорта — на 12 проц. и т. д.⁴⁰.

На фабрике им. III Интернационала, на бондарном заводе, консервном заводе были организованы так называемые «об-

³⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 12, д. 289, л. 47.

³⁷ ЦГА ДАССР, ф. 59—р, оп. 13, д. 1, л. 28.

³⁸ Там же, л. 36.

³⁹ Газ. «Дагестанская правда», 24 марта 1932 г.

⁴⁰ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 13, д. 1, л. 37.

ществленные буксиры», которые закреплялись за отстающими бригадами и участками предприятий. Рабочие выступали с встречными планами в честь IX съезда профсоюзов Дагестана, многим ударным бригадам было присвоено имя IX съезда профсоюзов.

Социалистическое соревнование и ударничество было тесно связано с постановкой профсоюзной работы. Поэтому, естественно, съезд уделил большое внимание перестройке работы профсоюзных организаций в соответствии с требованиями реконструктивного периода.

Съезд осудил прорывы и уклоны в профработе отдельных союзов (водники, кожевники, рабпрос), указал на необходимость укрепить профсоюзный аппарат новыми людьми, передовыми производственниками, доказавшими на деле свою преданность партии и Родине. Только таким путем было возможно претворить в жизнь лозунг о повороте профсоюзов «лицом к производству».

Большую роль в развертывании социалистического соревнования играла материальная сторона дела. Правильная постановка вопросов финансовой политики, заработная плата рабочих и служащих, премии и прогрессивки, нормы и расценки были неразрывно связаны с ростом трудовой активности рабочих, с ростом соревнования и ударничества.

После IX съезда профсоюзы вплотную стали заниматься прогрессивно-премиальной оплатой рабочих и вводить эту передовую систему на предприятиях республики. В первую очередь на прогрессивно-премиальную систему оплаты перешли завод «Дагестанские огни», фабрика им. III Интернационала и Махачкалинская типография⁴¹.

Введение прогрессивно-премиальной оплаты труда имело важное значение для улучшения работы предприятий, для дальнейшего развертывания социалистического соревнования. Оно заложило основу для более совершенных форм социалистического труда.

В 1931 году в республике зародилось новое патриотическое движение под названием «Фонд 1000». Инициаторами этого движения явились рабочие бондарного завода им. Ермошкина. Рабочие, служащие, инженерно-технические работники предприятий Дагестана решили внести 1000 рационализаторских предложений с большим экономическим эффектом. Предложения эти поступали в «Фонд 1000» и фиксировались Дагсовнархозом и Дагсовпрофом. На предприятиях для полного и точного учета, а также для содействия рационализаторам были организованы бризы (бюро рационализации и изобретательства).

⁴¹ Газ. «Красный Дагестан», 4 августа 1931 г.

Инициатива рабочих бондарного завода пашла горячую поддержку среди всех трудящихся республики. Только по промышленности ДЦСНХ за короткий срок было внесено 673 предложения, из которых принято и внедрено в производство 568. Годовая экономия от них составила около 1 млн. рублей⁴².

На фабрике им. III Интернационала рационализаторские предложения внесли 329 человек, на бондарном заводе поступило 265 предложений. Так, например, на фабрике им. III Интернационала увеличение конуса мотора путем переконструкции передач дало экономию 9 тыс. рублей. На бондарном заводе была реконструирована балансирующая пила, от чего государство получило экономию 5 тыс. рублей и значительно облегчился труд рабочих⁴³.

Росла творческая инициатива рабочих. Со всех предприятий поступили рационализаторские предложения. Так «Фонд 1000» вскоре превратился в «Фонд 2000»⁴⁴.

Рационализаторы посвящали свои предложения открывшейся 18 января 1932 года XII Дагестанской партконференции. Для занесения лучших рационализаторов, передовиков производства была создана Почетная книга ударников. Первыми кандидатами в Почетную книгу ударников были утверждены Л. Абдуллаев — бригадир бригады № 7 грузчиков Махачкалинского морского порта, Н. Пахрутдинов — лучший рабочий фабрики им. III Интернационала, М. Канаян — лучший сгонщик нефтеперегонного завода «Красный пролетарий», И. Джабраилов — мастер-ударник текстильного цеха фабрики им. III Интернационала, Н. Блянина — текстильщица, обслуживавшая 7 станков, А. Баширов — транспортник, в полтора раза перевыполнивший норму, М. Мухтаров — ст. кочегар Махачкалинской электростанции, Д. Картавочкин — мастер-ударник завода «Красный пролетарий» и многие другие⁴⁵.

Новой, более прогрессивной формой социалистического соревнования явились хозрасчетные бригады⁴⁶. В 1931—32 годах создание хозрасчетных бригад стало массовым движением передовых рабочих страны.

Хозрасчетные бригады лучшего всего отвечали основному лозунгу ударничества и социалистического соревнования: «При данных материальных средствах, на основе большой экономии, лучшего использования производственных возможностей, лучшей мобилизации сил и лучшего практического руководства дать стране больше продукции и лучшего каче-

⁴² Газ. «Дагестанская правда», 10 января 1932 г.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 13, д. 1, л. 148.

⁴⁵ Газ. «Красный Дагестан», 7 ноября 1931 г.

⁴⁶ Газ. «Молот», 18 сентября 1932 г.

ства»⁴⁷. Поэтому перед профсоюзами стояла задача не только создать на каждом предприятии хозрасчетные бригады, но и превратить их в бригады образцовой социалистической организации труда.

Однако в организации хозрасчетных бригад в Дагестане имелись серьезные недочеты. Недостаточное внимание уделялось бригадиру хозрасчетной бригады. Бригадир кое-где не стал еще действительным организатором труда в бригаде. Этому мешала недооценка роли бригадира, нередко были вмешательства в его функции, ненужная опека над ним.

Все эти недочеты в организации хозрасчетных бригад неоднократно обсуждались на профсоюзных собраниях, в Дагсовпрофе. Профорганы совместно с хозяйственными руководителями проводили дни помощи хозрасчетным бригадам, создавали им необходимые условия для работы. Эти меры способствовали превращению хозрасчетных бригад в высшую форму социалистического соревнования.

В 1932 году на предприятиях республики насчитывалось больше 100 хозрасчетных бригад. Число их с каждым днем увеличивалось. Рабочие принимали активное участие в обсуждении промфинпланов, выдвигали встречные планы. Так, при обсуждении промфинплана 1931 года было выдвинуто 73 встречных плана⁴⁸.

Важную роль в развертывании социалистического соревнования сыграла передача руководства соревнованием непосредственно в руки фабрично-заводских и местных комитетов профсоюзов. Все штабы и комиссии по руководству соревнованием, состоявшие из представителей различных организаций, были ликвидированы. Была осуждена порочная практика некоторых фабзавместкомов, объявлявших о вступлении предприятия в соревнование и о вызове на соревнование других предприятий без обсуждения этого вопроса на рабочих собраниях.

Эти организационные мероприятия, направленные на всемерное развитие массового социалистического соревнования, нашли полную поддержку среди членов профсоюза, среди

	1929 г.	1930 г.		1931 г.		в % % к 1930 г
		количество	в % % к 1929 г.	количество	в % % к 1929 г.	
Соцдоговора	180	350	194	433	240	124
Соревнующиеся	11715	20765	116	25018	213	120
Ударники	560	6950	1241	10047	1794	144

⁴⁷ Из резолюции 17 Всесоюзной конференции ВКП(б).

⁴⁸ Газ. «Дагестанская правда», 24 марта 1932 г.

трудящихся масс. Вот таблица, показывающая рост соцсоревнования в Дагестане к концу первой пятилетки⁴⁹.

Эти цифры говорят о том, какими бурными темпами росло социалистическое соревнование и ударничество. Достаточно указать, что за 2 года число соревнующихся увеличилось более чем в два раза, а число ударников — почти в 20 раз.

Исключительное значение для развития социалистического соревнования имело вхождение Дагестана в состав Северо-Кавказского края. Дагестанские профсоюзы, выполняя решения крайкома партии и Крайсовпрофа, стали более конкретно заниматься вопросами соревнования и ударничества, повышения производительности труда, снижения себестоимости продукции.

Вхождение в Северо-Кавказский край означало установление тесных взаимосвязей рабочих Дагестана с рабочими крупнейших в стране предприятий Ростова-на-Дону и других городов края. Оно обеспечило боевые темпы работы, способствовало развитию социалистической промышленности республики, следовательно досрочному выполнению грандиозных планов пятилетки.

На это указывал IX съезд профсоюзов Северо-Кавказского края, состоявшийся в конце марта — начале апреля 1932 года. В своих решениях съезд отметил большие успехи, достигнутые народами Дагестана в социалистическом строительстве, в развертывании социалистического соревнования и ударничества, в распространении коммунистических методов труда. Съезд призвал всех рабочих, трудящихся крестьян и интеллигенцию края с новой силой включиться в борьбу за выполнение заданий пятилетки, за победу социализма⁵⁰.

Вся наша страна, все советские люди под руководством Коммунистической партии создавали фундамент социалистической экономики. Ленинская идея социалистического соревнования с новой силой охватывала страну. Грандиозные задачи пятилетнего плана, невиданные перспективы роста и развития экономики нашей Родины вызвали к жизни творческую инициативу широких слоев трудящихся, выявляли новые организаторские силы рабочего класса.

В результате выполнения первой пятилетки в нашей стране была ликвидирована технико-экономическая отсталость, унаследованная от царской России, созданы новые отрасли промышленности, построены десятки и сотни новых больших заводов, базирующихся на новейшей современной технике. Объем промышленной продукции страны увеличился в сравнении с 1928 годом почти в 2,5 раза. Удельный вес промыш-

⁴⁹ Жур. «Социалистическое строительство Дагестана», 1931, №№ 3—4, стр. 38.

⁵⁰ Ростов. обл. госархив, ф. 2287-р, оп. 4, д. 66/801, лл. 34—36.

ленности в национальном доходе страны увеличился с 25,5 проц. в 1913 году и 34,8 проц. в 1928 году до 46,4 проц. в 1933 году.

В области сельского хозяйства первая пятилетка была пятилеткой коллективизации. Удельный вес общественного сектора в валовой продукции всего сельского хозяйства повысился с 7 проц. в 1929 году до 79,5 проц. в 1933 году.

Первая пятилетка преобразила нашу страну. Из страны аграрной она превратилась в страну индустриальную. В СССР была создана первоклассная промышленность, созданы новые отрасли производства, пущены в ход тысячи новых современных промышленных предприятий и индустриальных гигантов. Одним из основных завоеваний первой пятилетки явилось уничтожение безработицы и избавление рабочих СССР от ее ужасов.

Важнейшим достижением первой пятилетки, определившим все последующее развитие нашей страны, явилась окончательная победа социалистической системы хозяйства над системой капиталистической как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Победа социалистического способа производства в СССР и его полное торжество означили ликвидацию паразитических классов и исчезновение в стране эксплуатации человека человеком.

Огромных успехов в подъеме экономики и культуры за пятилетие добились и народы Дагестана. Пятилетка для республики явилась периодом решительной перестройки всей работы, периодом дальнейшего движения вперед во всех областях социалистического строительства. За годы первой пятилетки продукция промышленности республики с 35,9 млн. рублей в 1929 году увеличилась до 97,1 млн. рублей в 1932 году, продукция сельского хозяйства за этот же период — с 57 млн. рублей до 95,5 млн. рублей⁵¹. Удельный вес промышленной продукции увеличился с 43,9 проц. в 1929 году до 58,3 проц. в 1931 году⁵². Следовательно, уже к началу второй пятилетки Дагестан из аграрной республики превратился в индустриально-аграрную.

С ростом промышленности численно рос рабочий класс. Количество наемных рабочих с 73,3 тыс. чел. в 1930 году увеличилось до 98,4 тыс. чел. т. е. на 33,5 проц. Создавались рабочие кадры из местных народностей. Так, если в 1929 году рабочие из коренных народностей Дагестана составляли 46,6 проц. к общему числу рабочих, то в 1932 году их стало 53,6 проц.⁵³

⁵¹ «Дагестан к 15-й годовщине Октября». Даггосиздат, Махачкала, 1932, стр. 18.

⁵² Г. Д. Даниялов. Социалистические преобразования в Дагестане 1921—1941 гг., Махачкала, 1960, стр. 192.

⁵³ Газ. «Дагестанская правда», 22 марта 1932 г.

На основе роста промышленности и укрепления производства были достигнуты значительные успехи в социалистической реконструкции сельского хозяйства. На начало 1932 года в среднем в Дагестане было коллективизировано 24,3 проц. хозяйств, а на плоскости — 54,7 проц. хозяйств⁵⁴. Социалистический сектор занимал в 1932 году 47,6 проц. всей посевной площади, а скота в социалистическом секторе насчитывалось до 46 проц. Валовая продукция социалистического сектора в конце 1932 года должна была составить 56 проц. всей продукции⁵⁵. Росла техническая вооруженность сельского хозяйства. Благодаря этому, число колхозов, обслуживаемых МТС, в 1932 году возросло почти в 2 раза против 1931 г., а степень механизации пахотных работ с 50 до 77 проц.⁵⁶

Развертывалась большая работа по культурному строительству. Шла упорная борьба за ликвидацию неграмотности, за создание кадров местной интеллигенции, за осуществление политики партии в развитии национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов Дагестана. Только за 1930—1932 годы было построено 277 школ. На 1 января 1932 года всеобщем было охвачено 80 проц. детей школьного возраста⁵⁷, более 250 тыс. человек взрослого населения были вовлечены в ликпункты и школы малограмотных. Сеть медицинских и детских учреждений возросла против 1924 года почти в 2 раза. Развивалась литература и искусство народов Дагестана.

Немалая роль в хозяйственном и культурном строительстве, в выполнении и перевыполнении заданий пятилетнего плана принадлежала профессиональным союзам и руководимому ими социалистическому соревнованию. Соревнование пробуждало творческую энергию масс, воспитывало людей, вовлекало их в социалистическое строительство.

«Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота р я д о в ы х р а б о ч и х об увеличении производительности труда...» — указывал В. И. Ленин⁵⁸. Добровольное повышение норм выработки, работа в праздничные дни, гигантский рост предложений производственных совещаний, бойкот лодырям и прогульщикам, борьба за повышение производительности труда — все это стало характерным для периода великого наступления социализма. Это означало, что в психологии масс и в их отношении к труду произошел громадный перелом. Социали-

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ ЦГА ДАССР, ф. 59-р, оп. 14, д. 1, л. 81.

⁵⁶ Г. Османов. Коллективизация сельского хозяйства в Дагестане, Махачкала. 1961, стр. 121.

⁵⁷ Г. Ш. Каймаразов. Культурное строительство в Дагестане (1920—1940 гг.). Махачкала, 1960, стр. 68.

⁵⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 394.

стическое соревнование и ударничество стали решающей силой дальнейшего развития социалистического производства.

Под руководством областной партийной организации профсоюзы Дагестана развертывали социалистическое соревнование и коммунистические методы труда, вели трудящихся на преодоление трудностей, которые вставали перед республикой на пути построения фундамента социалистической экономики. И, как отмечалось на XII Дагестанской партконференции⁵⁹, профсоюзы Дагестана в этом большом деле имели значительные достижения. В то же время грандиозные задачи развития экономики и культуры республики требовали от профессиональных союзов дальнейшей мобилизации творческой активности широких масс трудящихся, максимального напряжения сил и энергии для построения социализма.

Прошли годы и десятилетия. Советский народ под руководством Коммунистической партии успешно выполнил планы предвоенных пятилеток, построил социализм, одержал всемирно-историческую победу в Великой Отечественной войне. В послевоенный период советская экономика и культура получили дальнейшее развитие. Ныне советские люди с величайшим воодушевлением претворяют в жизнь исторические решения XXII съезда КПСС — съезда строителей коммунистического общества.

Во всей хозяйственной и культурной жизни нашей страны профсоюзы принимают самое активное участие. Ни один сколько-нибудь важный вопрос не решается у нас без участия профсоюзов. Особенно возросла роль профсоюзов после XX съезда КПСС. Дальнейшему повышению активности и расширению функций профсоюзных организаций способствуют решения XXII съезда партии.

В речи на V Всемирном конгрессе профсоюзов 9 декабря 1961 года Н. С. Хрущев сказал: «Если всю хозяйственную, культурную и общественную деятельность в нашей стране представить как корабль, который ведет такой опытный кормчий, как Коммунистическая партия, то рядом с ним на капитанском мостике этого корабля стоят и профсоюзы»⁶⁰.

⁵⁹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 13, д. 1, л. 208.

⁶⁰ Газ. «Правда», 10 декабря 1961 г.

ВОВЛЕЧЕНИЕ ЖЕНЩИН-ГОРЯНОК В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ (1920—1940 гг.).

«Для полного освобождения женщины и действительного равенства ее с мужчиной, — писал В. И. Ленин, — нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина¹.

Октябрьская революция, ликвидировавшая частную собственность на землю, фабрики, заводы и превратившая их в общенародное достояние, создала необходимые объективные условия для организации общественного хозяйства и участия женщины в общественном производительном труде.

Используя эти объективные условия, Коммунистическая партия и Советское правительство развернули огромную работу по созданию социалистической экономики.

Особенно трудно было создать общественное хозяйство и вовлечь в него женщин на бывших колониальных окраинах России. Народы этих окраин, в частности народы Дагестана, намного отстали в своем экономическом и культурном развитии от населения центральной России.

В Дагестане Советская власть получила в наследство самую отсталую экономику. В 1913 году здесь вырабатывалось в 2,6 раза меньше промышленной продукции на душу населения, чем в России в целом².

В связи с этим в первые годы Советской власти Дагестан не имел необходимой производственной базы для широкого вовлечения женщины в промышленное и сельскохозяйственное производство.

Перед народами Дагестана, как и перед народами других колониальных окраин, стояла грандиозная задача — совер-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 25.

² Г. Д. Данилов. Социалистические преобразования в Дагестане. Махачкала, 1960, стр. 126.

шить гигантский прыжок от средневековья к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Основные усилия партийной организации Дагестана были направлены на развитие промышленности и втягивание в нее местного крестьянства. Между тем женщина-горянка составляла больше половины крестьянского населения Дагестана. Поэтому вовлечение горянки в промышленное производство имело огромное значение.

Вовлечению горянок в производство способствовали основные мероприятия Советской власти, направленные на создание социалистической экономики: национализация предприятий, их расширение и реконструкция, строительство новых промышленных предприятий.

В частности, в 1920 году было национализировано крупнейшее предприятие текстильной промышленности Дагестана — бумагопрядильная и ткацкая фабрика «Каспийская мануфактура».

В 1923—1924 гг. на фабрике работало 724 человека, в том числе 347 женщин и из них 39 горянок³. На фабрике были организованы ясли на 85 мест⁴, школа для повышения квалификации работниц и школа по ликвидации неграмотности. Было создано также делегатское собрание работниц. Делегатки являлись наиболее активными участницами проведения всех мероприятий по восстановлению фабрики и улучшения ее работы.

С восстановлением фабрики наметилась тенденция к вытеснению женского труда мужским. Так, в 1924—1925 году количество работниц сократилось на 40 человек, в том числе горянок — на 17.

Чтобы преодолеть эту опасную тенденцию, был принят ряд мер, при приеме на работу преимущество стали отдавать женщинам, особенно горянкам; им в первую очередь предоставляли жилую площадь: были приняты меры к повышению квалификации работниц. Благодаря этому количество работниц значительно возросло. Если в 1925 году на фабрике работали 307 женщин, в том числе 22 горянки, что составляло 7 проц. к общему числу работниц, то в 1926 году уже было 442 женщины и из них 110 горянок или 24 процента к общему числу работниц⁵.

Вовлечению горянок в промышленное производство способствовали также восстановление и дальнейшее развитие пищевой промышленности, особенно консервной.

К 1926 году число горянок, занятых в фруктово-консервной промышленности, составило 85 процентов к общему числу

³ Дагестанская промышленность за пять лет 1920—25 гг., стр. 41.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 4 д. 4, л. 181.

⁵ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, ед. хр. 268, л. 173.

женщин, работающих на предприятиях этой промышленности; на рыбоконсервном заводе они составили 60 процентов, а во всей промышленности республики — 23,2 процента к общему числу женщин-работниц⁶.

Наряду с восстановлением промышленных предприятий, правительство республики проводило большую работу по централизации кустарных промыслов и планомерной организации их работы.

В Дагестане издавна были развиты кустарные промыслы. Из них суконный, коврово-паласный и бурочный являлись основными. Ими занимались исключительно женщины-горянки. Поэтому централизация кустарных промыслов и планомерная организация их работы означали использование огромных возможностей для вовлечения горянок в общественное производство.

За годы империалистической и гражданской войн кустарная промышленность пришла в упадок. В особенно тяжелом положении было ковровое производство. Отсутствие рынков сбыта и красителей, которые ранее доставлялись из-за границы, нехватка сырья пагубно отражались на состоянии этого производства.

«Кустари коврового производства — исключительно женщины-горянки, лишенные ныне заработка, полуголодные и в буквальном смысле раздетые влчат жалкое существование. Помощь нужна быстрая и реальная, иначе кустарям коврового производства грозит вымирание», читаем мы в докладной записке о состоянии кустарной промышленности в 1923 году.

Подъем кустарных промыслов был одним из основных вопросов оздоровления экономики нагорного Дагестана. При этом он имел и огромное политическое значение — кустарными промыслами занималось свыше одной трети взрослого населения, в том числе более 100 тыс. женщин-горянок⁷. Подъем кустарных промыслов должен был улучшить экономическое положение горянок, повысить их культурный уровень и создать условия для политической работы среди них.

Единственной возможной формой общественного хозяйства в кустарной промышленности являлась кооперация. Поэтому все мероприятия по поднятию кустарных промыслов следовало проводить через кооперирование кустарей.

Для руководства работой по организации кустарно-промысловых товариществ в Дагестане была образована тройка в составе председателя ЦСНХ — Ханмагомедова, представителей ЦК Последгола — Виноградова, Дагсоюз — Фатеева. Был выработан типовой устав промысловых товариществ кустарей применительно к дагестанским условиям. Для проведе-

⁶ Там же, ед. хр. 81, л. 9.

⁷ ЦГА ДАССР, ф. 168-р, оп. 3, д. 15, л. 532.

ния работы по кооперированию кустарей вся территория Дагестана была разбита на семь районов, куда были направлены представители центра — инструкторы по кооперации.

Обком партии, Совет Народных Комиссаров ДАССР, ДИСНХ обратились с воззванием к дагестанским кустарям, в котором говорилось:

«Дагестанское Советское правительство в заботах о поднятии благосостояния горского населения ныне принимает все меры к восстановлению кустарной промышленности и к оказанию помощи кустарям... но кустарей в Дагестане очень много и правительство не имеет возможности оказывать помощь каждому отдельно кустарю-хозяину. Кустари в своих собственных интересах должны пойти навстречу начинаниям Советского правительства и облегчить ему эту задачу, объединившись для совместной работы по производству в большие группы — товарищества, во главе которых станут ваши выборные правления. Эти общества, в свою очередь, объединятся в союз всех дагестанских кустарей. Такая организация значительно облегчит правительству дело оказания вам всякой помощи и поддержки».

В воззвании далее говорилось о пользе кооперации в деле сбыта товаров, получении кредита, обновлении производства, улучшении быта, развитии культуры. Воззвание заканчивалось следующим призывом.

«Объединяйтесь, товарищи кустари, и знайте, что ваше благополучие в ваших собственных руках и, что дагестанское Советское правительство всеми силами и средствами пойдет на помощь нуждам и желаниям организованного кустаря»⁸.

Летом 1924 года правительство ДАССР провело кампанию по кооперированию кустарей, которая закончилась в сентябре организацией 39 кооперативных товариществ, преимущественно в сельских местностях, объединивших 1547 членов⁹. 20 сентября 1924 года был созван съезд уполномоченных кооперативных товариществ, учредивший Дагестанский союз кустарно-промысловых кооперативов. Это положило начало широкому разворачиванию кооперирования кустарей.

Особое внимание уделялось вовлечению горянок в кустарные артели. Организация женских кустарных артелей имела место еще в 1922 году. Организаторами их были работники женотделов, которые привлекали горянок через артели не только к производственной деятельности, но и к общественной работе и ликвидации неграмотности. Во многих районах работа среди женщин была начата именно с организации кустарных артелей.

Широкое вовлечение горянок в кустарно-промысловую ко-

⁸ ЦГА ДАССР. ф. 168-р, оп. 3, л. 15, л. 460.

⁹ Там же, л. 132.

операцию началось с 1924—1925 года. В конце года уже насчитывалось 26 кустарно-промысловых товариществ по ковровому, суконному, бурочному производству. В этих товариществах состояло 1047 горянок¹⁰.

Кооперирование кустарей усиливается в 1928—1929 году, что объясняется ростом материальных выгод, которые давала кустарям кустарно-промысловая кооперация. В 1928 году количество артелей возросло до 33. В артелях состояло 2683 женщины¹¹. По отдельным видам производства артели распределялись следующим образом: ковровых — 11, суконных — 12, бурочных — 4, паласных — 1, войлочных — 1 и швейных — 4. Большинство артелей было сосредоточено в округах: ковровые — в Буйнакском (Н. Казанище), Кюринском, Кайтаго-Табасаранском, Самурском; суконные — в Даргинском, Лакском, Андийском; бурочные и паласные — в Андийском, войлочные — в Самурском и швейные — в Лакском.

На развитие кустарной промышленности с 1 октября 1924 года по 1 октября 1928 года правительством Дагестана было выделено 130 тыс. рублей долгосрочных и безвозвратных ссуд, а правительством РСФСР — свыше 235 тыс. рублей¹².

Кустпромсоюз снабжал женские артели шерстью, способствовал сбыту их продукции. Для инструктирования женских артелей кустпромсоюз имел специального инструктора-женщину.

Благодаря всем этим мероприятиям партийной организации и правительства Дагестана, промысловая кооперация укрепилась. Валовая продукция кустарной промышленности в 1926—27 году исчислялась в 4 млн. рублей, а в 1927—28 году в 4,5 млн. рублей¹³.

Для определения нужд кустарной промышленности и путей ее дальнейшего развития в 1929 году была произведена специальная перепись. В результате переписи было зарегистрировано 109 видов промыслов, в которых было занято 44 419 человек. Из этого количества 25 775 чел. было занято в суконном, ковровом, бурочно-войлочном и трикотажно-швейном производстве¹⁴. Следовательно, наиболее распространенными отраслями кустарного производства и к этому времени были те отрасли, где применялся исключительно труд женщин-горянок.

В сукноткачестве было занято 16 370 женщин горянок¹⁵. Несмотря на то, что сырьем для сукноткачества служила на-

¹⁰ Там же, л. 508.

¹¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 282, л. 6.

¹² ЦГА ДАССР, ф. 343-р, оп. 3, д. 6, л. 7.

¹³ Там же.

¹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 12, д. 215, л. 29.

¹⁵ Там же.

туральная шерсть лучших сортов, продукция выпускалась невысокого качества при высокой себестоимости. Поэтому в интересах более рационального использования остродефицитной шерсти кустарное сукноткачество было в дальнейшем свернуто. Труд кустарей, занятых в этом промысле, был постепенно переключен на другие отрасли кустарной промышленности (швейная, трикотажная, ковровая и т. д.) или же на сельскохозяйственное производство (садоводство, шелководство и т. д.).

Такое же будущее было и у бурочно-войлочного производства, тоже развивавшегося на базе переработки остродефицитной шерсти, преимущественно тонких сортов. Ковроткачество, получившее большое распространение в южном Дагестане, являлось наиболее перспективным промыслом. Здесь в 1929 году было занято 3273 чел.¹⁶

Для снабжения кустарей фабричной пряжей, в 1930 году в Дербенте была построена прядильная фабрика. Это освободило женщин-кустарей от изнурительного и малопродуктивного ручного прядения.

В разных селениях южного Дагестана было построено 8 мастерских, позволивших вовлечь в общественное производство до 1 тыс. женщин-кустарей. Для подготовки соответствующих кадров был создан специальный техникум.

Ковроткачество ежегодно давало продукцию на сумму около 2 млн. рублей, причем это была продукция, шедшая главным образом на экспорт.

Трикотажно-швейный промысел, в котором согласно данным переписи 1929 года был занят 2881 человек, получил значительное распространение. При этом в горных районах преимущественно было развито трикотажное производство, а в городах — швейное. В период реконструкции народного хозяйства этот промысел в основном был кооперирован. Ручное производство трикотажа было заменено машинным. Работа выполнялась в общих мастерских.

Среди кустарных промыслов, в которых почти исключительно применялся труд горянок, надо указать и на гончарное производство. В горах Дагестана издавна известны центры этого производства — аулы Балхар и Сулевкент. Согласно переписи 1929 года женщин-кустарей гончарного производства насчитывалось здесь свыше 500 человек. Однако продукция гончарного промысла имела тогда лишь местное значение.

Одновременно с восстановлением промышленных предприятий было начато строительство новых фабрик и заводов. В течение шести лет (1922—1928), предшествовавших первой пятилетке, были построены и пущены в эксплуатацию рыбо-

¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 117-р, оп. 12, д. 215, л. 29.

консервный завод в Махачкале, крупный механизированный (с новыми машинами системы Фурко) завод оконного стекла в Дагестанских Огнях и Хасавюртовский овощно-томатный завод. В Дербенте начато было строительство шерстемоечной и шерстепрядильной фабрики «Дагюн»¹⁷.

Вместе с промышленностью всего Советского Союза дагестанская промышленность достигла довоенного уровня в 1925—1926 году. Ее валовая продукция составила 23 270 тыс. рублей, против довоенных 13 381 тыс. рублей¹⁸.

Индустриализация республики открывала новые возможности для вовлечения горянок в промышленное производство. Рост числа горянок на предприятиях происходил как путем индивидуального набора, так и через общественные организации, посылавшие представителей промышленных предприятий в районы для вербовки работниц. Значительная работа по вербовке горянок проводилась через женотделы, профессиональные союзы и комсомольские организации.

Число горянок-работниц неуклонно повышается. Так, с 1925 по 1928 год количество их возросло с 41 до 627 человек, или с 5,4 проц. до 36,3 проц. по отношению к общему числу женщин-работниц.

Однако текучесть состава горянок на предприятиях не прекращалась. Кроме того, преобладающая масса горянок не имела квалификации, вследствие чего 3—4 разряды были их основными разрядами и средний заработок горянок не превышал 45 рублей, тогда как средний заработок всех женщин-работниц составлял 50 рублей¹⁹. В промышленность шли горянки преимущественно в возрасте 40—45 лет. Молодые горянки в силу бытовых условий поступали на работу очень редко. При этом девушки, вовлеченные в ФЗУ, выходя замуж, зачастую уезжали в горы и теряли связь с производством.

Таким образом, текучесть кадров горянок на производстве, их низкая квалификация, пожилой возраст работниц снижали производительность их труда. Поэтому перед партийными, профсоюзными, комсомольскими организациями и хозяйственными органами стояла задача вести работу по закреплению горянок на производстве, повышению их квалификации и по вовлечению в промышленное производство молодых горянок. Все эти вопросы были в центре внимания партийной организации Дагестана в период индустриализации республики.

В связи с утверждением первого пятилетнего плана вопрос

¹⁷ «Статистико-экономический справочник по ДАССР», 1933, стр. 8.

¹⁸ «10 лет социалистического строительства ДАССР», Махачкала, 1931, стр. 39.

¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 24-р, оп. 9, д. 6, л. 144.

о вовлечении женщин в промышленное производство встал еще острее.

По указанию Центрального Комитета партии и СНК СССР, Народным комиссариатом труда СССР в 1930 году был разработан особый пятилетний план вовлечения женщин в производство. Согласно этому плану намечалось в ближайшие годы вовлечь в промышленность страны один миллион 600 тыс. женщин²⁰.

Борясь за реализацию плана вовлечения женщин в промышленное производство, партийные, комсомольские, профсоюзные организации, хозяйственные органы Дагестанской республики развернули большую работу среди женщин.

31 октября 1930 года ДЦСНХ издал приказ о вовлечении женщин в производство. В этом приказе предлагалось: при приеме на работу женщин предпочтение отдавать горянкам независимо от квалификации и других условий и в первую очередь женам и дочерям рабочих; предприятия легкой промышленности обязаны были 80% брони подростков заполнять девушками, преимущественно горянками; при комплектовании ФЗУ на этих предприятиях также предлагалось 80% мест предоставить девушкам, преимущественно горянкам, предлагалось также всемерно вовлекать горянок в работу различных курсов и кружков по повышению квалификации работниц.

Совнархоз предлагал предоставлять принимаемым на предприятия горянкам преимущественно такую работу, на которой они получали бы определенную квалификацию. При обучении в порядке индивидуального и бригадного ученичества горянок прикрепляли к мастерам, владеющим местными языками.

В приказе Совнархоза обращалось также внимание на необходимость улучшения жилищно-бытовых условий работниц и на увеличение сети детских учреждений на предприятиях, где работают женщины²¹.

Проведение в жизнь этого приказа значительно улучшило работу по вовлечению горянок в производство.

В марте 1931 года IV пленум Дагестанского обкома партии обсудил вопрос «О работе среди женщин». Пленум отметил возросшую активность женщин в социалистическом строительстве и указал на наличие ряда недостатков в работе среди женщин. Пленум обязал бюро обкома партии и фракцию СНК ДАССР в месячный срок составить план вовлечения женщин во все отрасли промышленного производства и повышения квалификации работниц до конца пятилетки, предложил Наркомздраву, Наркомпросу, профсоюзным и другим

²⁰ В. Быльшай. Решение женского вопроса в СССР. М., 1958, стр. 123.

²¹ ЦГА ДАССР, ф. 39-р, оп. 2, д. 39, л. 52.

общественным организациям улучшить культурно-бытовое обслуживание работниц. Пленум обязал также Дагкустпромсоюз и ДЦСНХ улучшить работу по кооперированию кустарей, своевременному снабжению их сырьем и т. д.²² На основании решения IV пленума обкома партии Народным комиссариатом труда ДАССР была организована проверка 13 главных предприятий республики для выявления возможности внедрения женского труда. Проверка показала возможность значительного увеличения количества женщин в промышленности (свыше 21 тыс. чел.). Исходя из этих возможностей был составлен план вовлечения женщин в производство

По этому плану намечалось увеличение числа женщин в ценовой промышленности на 1746 чел. (постоянных кадров), в том числе горянок — на 1259 человек. Участие женщин в ценовой промышленности при этом поднималось до 73,4%, а горянок — до 38,9% по отношению ко всем рабочим, или до 52,9% к общему числу женщин-работниц²³.

В республике развернулась огромная работа по реализации этого плана вербовки женской рабочей силы по районам. Специальные бригады из старых работниц проводили в аулах массовую работу среди горянок. Были проведены курсовые мероприятия по повышению квалификации работниц, приняты меры к ликвидации текучести женской рабочей силы на предприятиях, улучшению работы по ликвидации неграмотности среди работниц, по расширению сети детских учреждений и т. д.

Партийная организация республики боролась не только за вовлечение женщин в производство, но и за то, чтобы путем технического образования женских кадров сделать труд женщин-работниц более квалифицированным. Поэтому при приеме в средние и высшие учебные заведения устанавливались льготы для женщин, открывались специальные женские учебные заведения, показательные мастерские, бронировались места для женщин-горянок и всех работниц в учебных заведениях. При учебных заведениях и мастерских создавались интернаты для девушек-горянок. Так, например, только за 1930—1932 годы были проведены курсы работниц трикотажного производства, курсы кооперативного актива, открыт ковровый техникум в Дербенте, ковровая учебно-показательная мастерская на 70 горянок в сел. Ахты, трикотажная учебно-показательная мастерская в сел. Цудахар²⁴. При всех этих учебных заведениях и мастерских были созданы интернаты²⁵.

²² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 12, д. 5, лл. 337—338.

²³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 11, д. 363, лл. 225—226.

²⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 15, д. 1, лл. 325—327.

²⁵ ЦГА ДАССР, ф. 168-р, оп. 13, д. 51, л. 59.

К концу первой пятилетки во всех специальных средних и высших учебных заведениях республики обучалось 444 женщины, в том числе 207 горянок²⁶.

Вовлечению горянок в промышленное производство и уменьшению их текучести способствовали улучшение бытовых условий горянок, особенно расширение сети детских учреждений и улучшение их работы. Охрана материнства и младенчества занимала видное место в работе Наркомата здравоохранения, профсоюзов и других организаций. Значительную работу по улучшению работы детских учреждений проводила женская общественность.

На содержание детских учреждений шли главным образом средства общественных организаций и средств населения. Женщины-активистки устраивали вечера в пользу детских учреждений, организовывали субботники, проверяли состоятельные работы яслей и детских площадок.

Одним из достижений в работе детских учреждений была подготовка кадров для этих учреждений из женщин горянок. В течение 1932—1933 года было подготовлено на республиканских курсах 67 воспитательниц, из них 28 горянок, на межрайонных курсах 344 чел. Это дало возможность значительно увеличить число детских учреждений на промышленных предприятиях. Так, в 1930 году при промышленных предприятиях республики было 4 яслей с 10 койками, а в 1933 году— 34 с 1220 койками²⁷.

Дагестанская республика по работе детских учреждений заняла первое место на Северном Кавказе и получила в 1933 году переходящее Красное знамя.

Большое значение для активизации женщин имели организационные мероприятия, проводившиеся партийными организациями республики — съезды, конференции, собрания женщин. Они мобилизовали женские массы на выполнение заданий пятилетки, помогали преодолевать имеющиеся трудности. В марте 1932 года был созван общедагестанский съезд женщин-горянок, на котором присутствовала 301 делегатка из 30 районов республики. Съезд обсудил вопрос об участии женщин в хозяйственном и культурном строительстве. С докладом по этому вопросу выступил председатель СНК ДАССР К. Мамедбеков²⁸.

В докладе отмечалось недостаточное вовлечение женщин, особенно горянок, в промышленность и совхозы. В связи с этим делегатки съезда просили правительство республики принять решительные меры к максимальному расширению курсовых мероприятий, улучшению культурно-бытового об-

²⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 15, д. 615, л. 10.

²⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 15, д. 615, л. 11.

²⁸ Там же, ф. 1, оп. 13, д. 485, л. 10 и д. 443, лл. 35—37.

служивания горянок-работниц и крестьянок, укрепить делегатские собрания хорошо подготовленными партийными кадрами, усилить продвижение женщин с менее квалифицированной работы на более квалифицированную.

Съезд указал на необходимость вовлечения женщин в социалистическое соревнование и ударничество на промышленных предприятиях, в совхозах и колхозах. Съезд уделил также большое внимание улучшению работы кустарной промышленности путем расширения строительства крупных кустарных мастерских, снабжения их усовершенствованными орудиями труда, улучшения организации сбыта готовой продукции.

Съезд обратился с воззванием ко всем трудящимся горянкам Дагестана с призывом: «Все труженицы Дагестана — гор и плоскости — должны стойко и организованно бороться за проведение в жизнь планов четвертого заключительного года пятилетки, стать активными строителями социализма»²⁹.

После съезда большое внимание было уделено новым формам труда, полному охвату работниц социалистическим соревнованием и ударничеством. К концу первой пятилетки соревнованием было охвачено 42,9% работниц промышленных предприятий и 55% женщин-кустарей, а ударничеством — 30% работниц кустарной промышленности³⁰.

Среди ударниц было немало передовых горянок. Так, например, о Рамазановой — одной из лучших работниц фабрики им. III Интернационала — газета «Красный Дагестан» писала: «Если на каком-нибудь участке требуется подкрепление, Рамазанова никогда не откажется дать свою помощь высококвалифицированной работницы. Она непреременный участник всех субботников. На своем плохом оборудовании она показывает темп ударной работы, перевыполняя производственное задание»³¹.

Среди лучших ударников дагестанских предприятий, премированных путевками на поездку по новостройкам Северного Кавказа, были горянка Хандухова, работница фабрики «Дагюн», и Абрамова, работница рыбоконсервного завода³².

Лучшими ударницами Буйнакского консервного завода являлись Патимат Омарова, Аджимамаева, Ильдарова и др.³³.

Отличные результаты работы показали горянки не только в городах, но и на предприятиях нагорного Дагестана. Так, лучшей ударницей гергебильского консервного завода была

²⁹ «Революция и горец», 1932, № 4.

³⁰ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 13, д. 443, л. 218.

³¹ «Красный Дагестан», 7 ноября 1931.

³² Там же, 2 октября.

³³ Там же, 2 и 7 октября.

горянка Осмалова, ходжалмахинского — Омарова, казику-мужской трикотажной артели — Патимат Гажалиева³⁴ и др.

Огромную работу по вовлечению женщин в промышленное производство, по созданию бытовых условий для них, по поднятию культурного уровня и квалификаций работниц проводила партийная организация через профессиональные союзы. Еще в начале восстановительного периода были выделены профорганизаторы по работе среди женщин, их по Дагестану было 20 человек. Профорганизаторы проводили работу среди женщин в тесной связи и под руководством Дагженотдела. Дагженотдел заслушивал отчеты о работе профорганизаторов, собирал совещания их и направлял работу профсоюзов среди женщин. Профорганизаторы проводили работу по вовлечению женщин-работниц в профсоюзы, по ликвидации их неграмотности, организовывали кружки по ознакомлению женщин с профдвижением, вели работу по улучшению бытовых условий работниц.

Однако эта форма работы имела существенные недостатки, так как месткомы и фабрично-заводские комитеты, рассчитывая на профорганизаторов, в большинстве случаев сами почти никакой работы среди работниц не вели.

Поэтому оргбюро ЦК ВКП(б) приняло 31 мая 1926 года постановление «Об улучшении работы профсоюзов среди женщин-работниц». В постановлении указывалось, что за работу, связанную с воспитанием, трудом и бытом женщины-работницы, должен отвечать не организатор, не отдельное лицо, а фабзавком в целом.

В соответствии с этим постановлением на предприятиях были организованы постоянные комиссии по изучению и улучшению женского труда, которые проводили свою работу под руководством центральной комиссии по изучению и улучшению женского труда.

Благодаря всем этим мероприятиям количество членов профсоюзов неуклонно росло за счет женщин. К концу 1926 года в 21 профсоюз в ДАССР было вовлечено 3966 женщин, из них 274 горянки³⁵, а в 1927 году количество членов профсоюзов увеличилось за счет женщин до 5151 и из них горянок было 385³⁶.

С развитием промышленности росло и количество женщин членов союза. В конце первой пятилетки профсоюзами была охвачена 2251 горянка³⁷. Таким образом, в течение первой пятилетки количество горянок в профсоюзах возросло с 385

³⁴ Там же, 14, 24 октября.

³⁵ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 384, л. 4.

³⁶ Там же, оп. 7, д. 345, л. 46.

³⁷ Там же, оп. 15, д. 615, л. 7.

до 2251 или почти в 6 раз. Это результат огромной работы профсоюзных организаций среди горянок.

Партийная организация республики мобилизовала всю общественность, весь рабочий класс и трудовую интеллигенцию на выполнение пятилетки в четыре года. Нацеливая массы на выполнение и перевыполнение народнохозяйственных планов, особенно на создание социалистической промышленности как основы социалистического преобразования республики, партийная организация взяла на вооружение выдвинутые самим рабочим классом формы работы — социалистическое соревнование и ударничество.

По призыву ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ в январе 1930 года развернулось движение ударных бригад. Они создавались на предприятиях и в учреждениях. Ударничество являлось продолжением и развитием лучших традиций коммунистических субботников. Первые ударные бригады появились на железной дороге, фабрике имени III Интернационала, стекольном заводе. В 1932 году в республике уже насчитывалось 90 хозрасчетных бригад, было заключено 578 социалистических договоров и имелось 12 780 ударников. По сравнению с 1929—30 годом число ударников возросло на 316%, количество хозрасчетных бригад увеличилось вдвое, а число соревнующихся — на 321%. Движение передовиков производства возглавили партийные, профсоюзные и комсомольские организации. Благодаря общенародной борьбе первая пятилетка была выполнена и перевыполнена в четыре года³⁸.

Стоимость валовой продукции всей промышленности Дагестана в 1932 году достигла 97,1 млн. рублей, против 13,3 млн. рублей в 1913 году, т. е. возросла в 7 раз. Число занятых в промышленности рабочих увеличилось более чем в 4 раза³⁹. Таким образом, в период первой пятилетки народы Дагестана при помощи Советского правительства и русского народа добились больших успехов в борьбе за преодоление фактического неравенства и заложили основы индустриализации своей республики.

Успехи промышленного строительства и огромная работа партийных, хозяйственных и государственных органов и общественных организаций по вовлечению горянок в промышленность и создание условий для их работы дали свои результаты. Процент женщин в составе рабочих в ценовой промышленности республики увеличился с 24 в 1930 году до 41,9 в 1932 году, процент горянок соответственно увеличился с 9,6 до 27,6⁴⁰.

³⁸ «Статистико-экономический справочник ДАССР». Изд. «Северный Кавказ». Ростов-на-Дону, 1933, стр. 9—10.

³⁹ Г. Д. Д а н и я л о в. Социалистические преобразования в Дагестане. Махачкала, 1960, стр. 191.

⁴⁰ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 13, д. 16, л. 16.

В системе Кустпромсоюза в первую пятилетку было объединено 7202 кустаря, 95% которых составляли горянки.

Таким образом, в результате выполнения первой пятилетки были достигнуты значительные успехи в деле вовлечения горянок в промышленность, закрепления их на производстве, повышения квалификации работниц, создания благоприятных условий для их работы, а также кооперирования женщин-кустарей.

Однако эти успехи были недостаточными, тем более, что в Дагестане преобладала легкая и пищевая промышленность, где женский труд мог применяться очень широко. План вовлечения женщин в промышленность не был выполнен. По плану предполагалось до конца пятилетки довести процент работниц-горянок в составе рабочих местных национальностей до 38,9, а он был доведен лишь до 27,6.

Основными причинами невыполнения плана были наличие бытовых предрассудков, мешавших вовлекать в промышленность горянок, особенно молодых, а также существовавшая еще недооценка женского труда отдельными руководителями промышленных предприятий.

Досрочно выполнив первый пятилетний план, трудящиеся нашей страны под руководством Коммунистической партии приступили к осуществлению второй пятилетки.

Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.) был принят на XVII съезде ВКП(б). Основные задачи второй пятилетки заключались в том, чтобы завершить реконструкцию всего народного хозяйства на базе новейшей техники, окончательно ликвидировать в стране капиталистические элементы, полностью уничтожить причины, порождающие эксплуатацию человека человеком, завершить коллективизацию сельского хозяйства. При этом была намечена широкая программа дальнейшего повышения материального и культурного уровня рабочих и крестьян.

Задачи в области подъема экономики и культуры ранее отсталых окраин России вытекали из общих задач социалистических преобразований в Советском Союзе.

Благодаря помощи Дагестану со стороны Советского правительства и северокавказских краевых организаций, в первые же годы второй пятилетки республика добилась серьезных успехов в развитии промышленности. Основные производственные фонды важнейших отраслей крупной промышленности Дагестана только за три года второй пятилетки (1933—1935 гг.) возросли более чем в полтора раза. В 1935 году в республике насчитывалось 1627 действующих промыш-

ленных предприятий, т. е. на 176 предприятий больше, чем в 1933 году⁴¹.

С ростом промышленности росла потребность в кадрах рабочих. Это создавало новые возможности для вовлечения горянок в промышленное производство. Партийная организация Дагестана, проводила в годы второй пятилетки большую работу по дальнейшему вовлечению горянок, особенно молодых, в промышленное производство, выдвижению женщин-горянок на руководящие должности, охране правового положения горянок, усилению культурно-массовой работы среди женской рабочей молодежи и повышению ее квалификации.

Как указывалось выше, одной из причин невыполнения плана вовлечения горянок в промышленное производство являлось наличие бытовых пережитков, из-за которых многих женщин-горянок, особенно молодых, родители, мужья, родственники не пускали работать за пределами своего селения, района. В связи с этим в 1932 году из 2565 женщин, работавших в промышленности, число горянок в возрасте от 18 до 22 лет составляло только 817 человек. Поэтому перед партийной организацией республики по-прежнему стояла задача усиления работы по вовлечению в промышленное производство женской молодежи.

5 мая 1935 года бюро Дагестанского обкома партии приняло решение «Об усилении массово-политической работы среди женщин и вовлечении их в промышленность, хозяйственные и кооперативные аппараты и в органы управления»⁴².

Принимались также меры к усилению борьбы с нарушителями прав горянок. 27 июля 1935 года Президиум Даг. ЦИКа обсуждал вопрос «О работе судебно-следственных органов по защите прав женщин-горянок»⁴³, после чего был создан институт общественных следователей из числа женщин-горянок. С января 1936 года начались выборы женщин-общественных следователей. Подготовка к выборам сопровождалась большой массово-политической работой среди женщин. На собраниях делались доклады о правах женщин, о советских законах, охраняющих эти права. Всего было избрано 153 общественных следователя, утвержденных затем прокуратурой ДАССР. Общественные следователи вскрывали факты нарушения прав женщин и добивались через органы суда осуждения лиц, нарушающих эти права.

Значительную работу по вовлечению женской молодежи в социалистическое строительство партийная организация рес-

⁴¹ Г. Даниялов. Социалистические преобразования в Дагестане. Махачкала, 1960, стр. 194.

⁴² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 16, д. 713, лл. 79—102.

⁴³ Там же, оп. 17, д. 585, лл. 30—31.

публики проводила через комсомол. В 1935 и 1938 гг. обком комсомола провел два съезда женской молодежи. Первый съезд обсудил вопросы о выдвижении женщин-горянок и о культурно-массовой и политико-воспитательной работе среди женской молодежи. Большое внимание съезд уделил борьбе с пережитками прошлого в отношении к женщине, вовлечению горянок в промышленное производство и повышению их квалификации. Исходя из указаний обкома партии от 5 мая 1935 года съезд выдвинул перед комсомольской организацией республики задачи: шире вовлекать девушек-горянок в промышленное производство, выдвигать на руководящую работу девушек-активисток, обеспечить ликвидацию неграмотности среди девушек в течение 1935—1936 года. Было предложено также: при наборе в вузы обеспечить 20% мест для девушек-горянок, а при наборе в техникумы — 40% мест; улучшить политико-воспитательную работу среди женской молодежи; привлекать женщин-горянок к работе следственных органов с целью полного обеспечения защиты прав женщин⁴⁴.

15 октября 1935 года бюро обкома партии приняло постановление «Об итогах съезда женской молодежи». Этим постановлением бюро обязывало партийные, хозяйственные, комсомольские органы развернуть работу по проведению в жизнь решений первого съезда женской молодежи.

Съезд женской молодежи способствовал улучшению работы комсомольских организаций среди девушек-горянок. Проведенная комсомолом после съезда отчетно-перевыборная кампания проходила под знаком широкого привлечения комсомолок-горянок к активному участию в работе комсомольских органов.

В отчетно-перевыборных собраниях приняли участие 95—98 процентов комсомолок-горянок, комсоргами и секретарями первичных организаций комсомола было избрано 263 девушки, в состав райкомов и горкомов ВЛКСМ — 310 девушек, что составляло к общему числу всех членов райкомов и горкомов комсомола 30,8 процента⁴⁵.

Съезд и последующая работа среди девушек усилили их тягу в комсомол. Так, если за третий квартал 1935 года (до съезда) было принято в комсомол 169 девушек, то за IV квартал (после съезда) принято 387, а за три квартала 1936 года было принято в комсомол 1150 девушек-горянок⁴⁶. Комсомольская организация республики возросла в 1936 году за счет девушек-горянок на 18%, а в 1937 году на 22%⁴⁷.

⁴⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 16, д. 704, лл. 1—6.

⁴⁵ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 17, д. 462, л. 53.

⁴⁶ Там же, оп. 18, д. 3, л. 78.

⁴⁷ Там же, ф. 4, оп. 25, д. 1, л. 83.

Значительная работа была проведена по выявлению лучших активисток и выдвижению их на руководящую работу. В течение года после съезда женской молодежи было выдвинуто на руководящую работу в сельских местностях 796 девушек, на районные руководящие должности 30 девушек и на руководящую работу республиканского масштаба 15⁴⁸ (среди них Хадижат Кабидова, С. Шапиева, Б. Джафарова, Рамазанова, Даудова, Пашаева и др.).

Усилилось выдвижение женщин и на промышленных предприятиях. В 1936 году в качестве директора фабрики им. III Интернационала была выдвинута Л. Т. Старостина, работавшая на этой фабрике с 1904 года и имевшая 25-летний опыт текстильщицы⁴⁹. В качестве бригадиров в цехах было выдвинуто 15 женщин, начальниками цехов — 5, на административно-хозяйственную работу — 8, были повышены разряды 45 женщинам, на учебу направлено в порядке выдвижения — 8 женщин, на прочие виды работ выдвинуто 6⁵⁰.

После съезда женской молодежи развернулась также работа по организации комсомольско-молодежных бригад на промышленных предприятиях. К началу 1936 года таких бригад было 45. Лучшей из этих бригад являлась бригада, организованная горянкой З. Абдуллаевой на Махачкалинском рыбоконсервном заводе. Эта бригада выполняла производственный план на 200 процентов, в то время, как мужские бригады выполняли его на 163—167 процентов.

Значительная работа проводилась по повышению квалификации работниц. В 1935—1936 году учебой было охвачено 613 работниц, в том числе кружками техминимума 130, индивидуально-бригадным ученичеством — 43 и школами ФЗУ — 61. В промышленность республики с 1933 по 1937 год было вовлечено 437 девушек-горянок, из которых 172 обучались в ФЗУ и получили специальность.

Работа партийной и комсомольской организации среди женской молодежи предопределила повышение активности женской молодежи в общественно-политической и экономической жизни республики. На первое января 1937 года на руководящую государственную, хозяйственную и общественную работу было выдвинуто 780 женщин, на различных курсах подготовлена 1331 женщина, в том числе 517 горянок⁵¹.

Благодаря всему этому расширились возможности подготовки квалифицированных женских кадров для народного хозяйства республики.

Замечательный почин Алексея Стаханова послужил при-

⁴⁸ Там же, оп. 16, д. 1064, л. 37.

⁴⁹ Там же, оп. 17, д. 462, л. 2.

⁵⁰ Там же, ф. 4, оп. 24, д. 2, л. 65.

⁵¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 4, оп. 25, д. 1, л. 83.

мером для дагестанских рабочих. В Дагестане появились свои стахановцы и стахановки, которые буквально преобразили отдельные предприятия республики. Взять, к примеру, Буйнакский кожевенно-обувной комбинат. В 1930 году среднегодовая выработка одного рабочего составляла 610 пар обуви, а в 1936 году она достигла 1120 пар. Среди стахановцев этого комбината достойное место занимали женщины-горянки: в конце 1937 года из 85 стахановцев местных национальностей 26 были женщины-горянки. Лучшие образцы труда показывала Зоя Рашидова, перевыполнявшая нормы выработки в полтора—два раза.

Самые высокие показатели выполнения планового задания давали на Буйнакском консервном заводе работница Баканова (212 проц.), на Хасавюртовском консервном заводе—Ислангереева и Алибекова⁵². Лучшей стахановкой на фабрике имени III Интернационала была горянка Уружбекова.

Стахановское движение, начавшееся с выдающихся достижений отдельных рабочих, в 1936 году приобретает в Дагестане массовый характер. На многих предприятиях передовые методы труда стахановцев стали достоянием целых коллективов бригад, участков, смен. Стахановским движением охватывались все новые и новые коллективы. С промышленных предприятий городов оно перебросилось в женские артели в горах.

Социалистическое преобразование республики — таков был итог выполнения двух пятилеток, итог ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского государства, благодаря которой трудящиеся Дагестана изжили свою былую экономическую отсталость.

Учитывая нарастающую угрозу военного нападения империалистов на нашу страну, XVIII съезд партии поставил задачу создания больших государственных резервов. Надо было обеспечить и резервы рабочей силы. Они должны были создаваться в основном путем дополнительного вовлечения женщин в производство. В связи с этим в 1939 году началось движение советских патриоток за овладение мужскими профессиями.

Значительную роль в мобилизации женщин Дагестана на выполнение заданий третьей пятилетки сыграло постановление бюро обкома партии «О мероприятиях по вовлечению женщин в промышленность, транспорт и другие отрасли производства» от 25 октября 1939 года⁵³. Постановление обязывало руководителей предприятий и партийные организации значительно увеличить количество женщин на производстве и число учащих ФЗУ за счет девушек, организовать курсы

⁵² ЦГА ДАССР, ф. 37-п, оп. 23, д. 34, лл. 17, 21.

⁵³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 21, д. 883, л. 61.

по подготовке мастеров из женщин, увеличить индустриальное ученичество в цехах за счет женщин, принять меры к созданию женских резервов и улучшению культурно-бытового обслуживания работниц. В результате выполнения этого постановления количество горянок, занятых в промышленном производстве, значительно увеличилось. В начале 1939 года на промышленных предприятиях республики (без Каспийска) работало 3220 женщин, в том числе 755 горянок, к концу года количество женщин возросло до 4106, в том числе горянок — до 1197⁵⁴

На ряде предприятий женщины составляли основную силу. Так, в апреле 1940 года на фабрике имени III Интернационала из 1262 рабочих было 847 женщин, в том числе 232 горянки⁵⁵. С 1925 по 1940 год количество женщин на этой фабрике возросло в два с лишним раза, количество горянок — в десять с половиной раз (в 1925 году было 22 горянки, а в 1940 году — 232).

На рыбоконсервном заводе в 1940 году из 678 рабочих было 394 женщины, то есть количество работниц на этом заводе по сравнению с 1925 годом возросло в 15 раз. На фабрике «Дагюн» женщины составили 50 процентов рабочих.

Больших достижений республика добилась в кооперировании кустарей. С 1927 по 1940 год количество горянок, охваченных промкооперацией, увеличилось более чем в 7 раз и составило в 1940 году более 85 процентов всех кооперированных кустарей. Удельный вес женщин (рабочих и служащих) во всей промышленности республики в 1940 году составил 40 процентов⁵⁶.

Таким образом, партийные, советские и хозяйственные органы республики уделяли особое внимание вовлечению женщин-горянок в промышленное производство. На работу в первую очередь принимались горянки, проводилась вербовка рабочей силы в горах, при фабриках и заводах создавались детские учреждения. Большая работа проводилась по изживанию остатков патриархально-феодальных отношений к женщине, которые мешали вовлечению горянок в общественное производство. Проводилась также работа по созданию квалифицированных женских кадров из горянок (ученичество, курсы мастеров социалистического труда, техминимум, ФЗУ, специальные женские учебные заведения, вовлечение девушек в высшие и специальные средние учебные заведения и т. д.).

⁵⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 20, д. 726, л. 16.

⁵⁵ Там же, оп. 21, д. 888, л. 61.

⁵⁶ Статистический сборник «Народное хозяйство ДАССР», 1958, стр. 84.

Для вовлечения горянок в промышленное производство и для ликвидации безработицы среди женщин решающее значение имела индустриализация республики. Созданная в результате социалистической индустриализации мощная промышленность поглощала весь избыток рабочей силы. Еще в 1930 году безработица в Дагестане была окончательно ликвидирована.

Создание социалистической экономики и культуры, таким образом, позволило решить задачу фактического раскрепощения горянки, ликвидации ее экономической зависимости.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ЭКОНОМИКА КОЛХОЗОВ ДАГЕСТАНА ПОСЛЕ СЕНТЯБРЬСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС (1953—1960 гг.)

Колхозный строй, созданный под руководством Коммунистической партии, показал великую жизненную силу ленинского кооперативного плана. Осуществление коллективизации сельского хозяйства доказало преимущества крупного коллективного хозяйства, основанного на общественной собственности на средства производства, перед раздробленным мелко-товарным крестьянским хозяйством, а также перед капиталистическим сельскохозяйственным производством. Оно обеспечило упрочение в деревне социалистического способа производства и открыло простор развитию производительных сил.

Социалистическая система хозяйства выдержала суровое испытание войной. Несмотря на большой урон, колхозы и совхозы нашей страны бесперебойно снабжали армию и население продовольствием, а промышленность — сырьем. После окончания войны, благодаря прочности советского общественного строя, социалистическое сельское хозяйство, как и другие отрасли народного хозяйства, в короткий срок — к концу четвертой пятилетки — в основном было восстановлено.

Колхозы и совхозы страны добились значительного роста производства продукции сельского хозяйства и ее высокой товарности. В послевоенные годы было восстановлено и значительно расширено производство зерна, увеличились государственные заготовки и реализация продукции сельского хозяйства. По мере всестороннего развития экономики колхозов росло общественное богатство, увеличивались денежные и натуральные доходы колхозников.

Однако уровень производства сельскохозяйственных продуктов в стране не удовлетворял в полной мере растущие потребности населения в продуктах питания, а легкой и пище-

вой промышленности — в сырье. Огромные возможности крупного социалистического сельского хозяйства использовались недостаточно и темпы его развития не соответствовали технической оснащенности. Такое положение становилось серьезным препятствием для роста доходности колхозов и колхозников.

В течение длительного периода после войны производство зерна в стране находилось почти на уровне дореволюционной России. Среднегодовой валовой сбор зерна в 1910—1914 гг. составлял 4380 млн. пудов, а в 1949—1953 гг. — 4942 млн. пудов¹.

Отставание зернового хозяйства и недостаток кормов отрицательно сказывались на состоянии животноводства. На протяжении многих лет животноводство было самой отстающей отраслью сельского хозяйства. Так, к началу 1953 года поголовье коров в стране было на 3,5 млн. меньше, чем к началу 1941 года. Продуктивность общественного животноводства во многих колхозах страны была крайне низкой. В 1953 году производство молока составило по отношению к 1950 году только 103 проц.² Из года в год все острее испытывался недостаток молока, масла, мяса и других животноводческих продуктов. Многие колхозы оставались экономически слабыми и доходы колхозников низкими.

Сельское хозяйство Дагестана за годы послевоенных пятилеток с помощью правительства Союза ССР усиленно оснащалось новой техникой. Только в годы четвертой пятилетки было получено 814 тракторов, 165 комбайнов, 37 самоходных сенокосилок, 197 электростригальных агрегатов, 17 грейдеров, 27 скреперов, 13 бульдозеров, 362 канавокопателя, 7 экскаваторов. Значительная часть этой техники в 1953 году была сосредоточена в 32 машинно-тракторных и машинно-животноводческих станциях, обслуживавших колхозы³.

В результате принятых Советским правительством организационных мер по дальнейшему повышению уровня обобществления колхозного производства число колхозов в Дагестане сократилось с 1170 в 1940 году до 816 в 1950 году и до 637 — в 1953 году, следовательно, увеличилось и число хозяйств в каждом колхозе — с 150 в 1940 году до 219 — в 1953 году.

Все это способствовало дальнейшему хозяйственному укреплению колхозов. Так, в 1953 году посевные площади их превысили довоенный уровень, поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 19,5 проц., коров — на 77,8 проц., а овец

¹ «Пленум ЦК КПСС 15—19 декабря 1958 г.». Стенографический отчет, М., 1958 г., стр. 13.

² «Народное хозяйство СССР». Статистический сборник, М., Госполитиздат, 1956 г., стр. 101—119.

³ «Очерки истории Дагестана», т. II, Махачкала, 1957 г., стр. 367, 375.

и коз — на 35,4 проц.⁴. Площадь общественных посевов на один колхоз увеличилась с 321 га в 1940 году до 385 га в 1950 году и до 549 га в 1953 году. Значительно увеличились и общественные фонды колхозов. Неделимые фонды увеличились в среднем на один колхоз с 654 тыс. рублей в 1950 году до 934 тыс. рублей в 1953 году, а денежные доходы возросли соответственно с 241 тыс. до 406 тыс. рублей⁵.

Колхозное крестьянство республики уделяло большое внимание, наряду с общим ростом поголовья скота, выращиванию высокопродуктивных пород животных. Институт животноводства республики (ныне НИИСХ Дагестана) совместно с передовиками животноводства колхоза им. Омарова Чохского вывел высокопродуктивную породу овец «Дагестанская горная»: Отдельные передовые колхозы Гунибского, Буйнакского, Кулинского, Лакского и других районов к 1953 году довели средний удой от каждой коровы до 1000 и 1200 литров молока в год, настриг шерсти в передовых колхозах в среднем с каждой овцы достиг 3 кг⁶.

Однако к 1953 году многие отрасли сельского хозяйства Дагестана в целом не достигли даже уровня довоенного 1940 года. Так, валовой сбор всех зерновых культур в 1940 году во всех категориях хозяйств составил 2236 тыс. центнеров, а в 1953 году — лишь 1494 тыс. центнеров⁷.

В результате слабого укомплектования ферм маточным поголовьем, большого процента яловости и отставания кормовой базы не получало должного развития и общественное животноводство. Только в 1952 году, вследствие большой яловости маточного поголовья, колхозы республики недополучили около 33 тыс. голов телят и свыше 180 тыс. ягнят и козлят⁸.

За 6 послевоенных лет (1946—1952 гг.) падеж овец и коз в колхозах республики составил 39 проц. к полученному за все эти годы приплоду. Потери крупного рогатого скота составили соответственно 63 проц. к числу родившихся телят. В 1952 году в колхозах Бабаюртовского района был получен приплод в 480 голов телят и такое же количество крупного рогатого скота всех возрастов пало. В колхозах Агульского района, при приплоде телят в 1689 голов, пало скота 1804 головы⁹.

В 1940 году в Дагестане во всех категориях хозяйств было 543,6 тыс. голов крупного рогатого скота и из них 194,8 тыс.

⁴ «Советский Дагестан за 40 лет» (стат. сборник), Махачкала, 1960 г., стр. 65—67.

⁵ Там же, стр. 27, 30, 83, 84.

⁶ «Очерки истории Дагестана, т. II, Махачкала, 1957, стр. 418.

⁷ «Советский Дагестан за 40 лет», стр. 62.

⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 110, д. 8. лл. 43, 44, 45.

⁹ Там же, оп. 109, д. 16, лл. 19, 20.

коров, а в 1953 году крупного рогатого скота насчитывалось лишь 494,9 тыс., а коров — 147,9 тыс.¹⁰

В связи с большими размерами падежа, многие животноводческие колхозы не обеспечили выполнения установленного государственного плана воспроизводства стада. В отдельных районах государственное задание по развитию животноводства перекладывалось на садоводческие колхозы. Этот «легкий путь» выполнения государственного плана в ряде случаев приводил к сокращению садов и превращению их в сенокосы.

Так, например, с 1945 по 1952 гг. в колхозах Ботлихского района площадь садов уменьшилась на 24 проц., в Каякентском, Цудахарском, Гунибском районах — от 12 до 15 проц., а в Буйнакском районе была допущена гибель 33 проц. черешневых садов, которые в довоенные годы имели всесоюзное значение¹¹.

По характеристике Н. С. Хрущева, к 1953 году «сложилось явное несоответствие между темпами роста нашей крупной социалистической индустрии, городского населения, материального благосостояния трудящихся масс, с одной стороны, и современным уровнем сельскохозяйственного производства, с другой»¹².

Это несоответствие могло превратиться в серьезное препятствие и задержать дальнейший подъем народного хозяйства, рост благосостояния трудящихся, продвижение народов нашей страны к коммунизму.

Партия и ее ленинский Центральный Комитет разработали меры по ликвидации этой диспропорции в развитии экономики страны и наметили программу крутого подъема социалистического сельского хозяйства.

Эта огромной важности экономическая задача получила всесторонний анализ на состоявшемся в сентябре 1953 года пленуме Центрального Комитета КПСС. Сентябрьский и последующие пленумы ЦК КПСС занимают выдающееся место в истории Коммунистической партии, играют важную роль в крутом подъеме экономики нашей страны. Они положили начало новому этапу в развитии и укреплении колхозов и всего советского социалистического строя.

Сентябрьский пленум, глубоко проанализировав состояние сельского хозяйства, вскрыл причины отставания его важнейших отраслей.

Пленум подчеркнул, что «Коммунистическая партия последовательно проводила курс на всемерное развертывание

¹⁰ «Советский Дагестан за 40 лет», стр. 64.

¹¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 110, д. 8, лл. 124, 125.

¹² Н. С. Хрущев. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. М., 1953 г., стр. 6.

тяжелой индустрии, как необходимого условия успешного развития всех отраслей народного хозяйства, и добилась на этом пути крупнейших успехов. На решение этой первоочередной народнохозяйственной задачи было обращено главное внимание, сюда направлялись основные силы и средства. Делом индустриализации были заняты наши лучшие кадры. У нас не было возможности обеспечить одновременное развитие высокими темпами и тяжелой индустрии, и сельского хозяйства, и легкой промышленности»¹³.

Но наряду с этой объективной причиной были и другие причины, коренившиеся в недостатках руководства сельским хозяйством. Наиболее важной из них было нарушение одного из основных принципов социалистического хозяйствования — принципа материальной заинтересованности работников в развитии производства. Хорошо работающим колхозам, получающим высокие урожаи сельскохозяйственных культур и добывающимся высокой продуктивности животноводства, давались иногда большие задания по обязательным поставкам государству, чем отстающим, плохо работающим колхозам. Заготовительные и закупочные цены на продукты животноводства, картофель и овощи были низкими. Кроме того, нарушение принципов артельной формы колхоза, являющейся единственно правильной формой на весь период социализма, приводило к ослаблению правильного сочетания общественного и личного интересов колхозников. В. И. Ленин еще в 1921 году писал, что в период перехода от социализма к коммунизму хозяйство нужно строить «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...». «Иначе, — говорил далее Ленин, — вы не подойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму»¹⁴.

В прошлом, до 1953 года, развитие социалистического сельского хозяйства тормозилось также из-за неудовлетворительного использования мощной техники, отставания механизации в области животноводства, производства картофеля и других культур.

Как отмечалось на пленуме, ослабление темпов развития сельского хозяйства было вызвано и неудовлетворительным руководством колхозами, МТС и совхозами со стороны партийных, советских и сельскохозяйственных органов, отсутствием опытных кадров, низкой трудовой дисциплиной и плохой организацией труда колхозников.

Сентябрьский пленум ЦК КПСС разработал программу крутого подъема социалистического сельского хозяйства.

¹³ «КПСС в резолюциях», ч. III, стр. 612.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 36.

Пленум постановил ликвидировать в ближайшие годы отставание в развитии животноводства, создав прочную кормовую базу, определил мероприятия по увеличению производства картофеля, овощей, повышению урожайности зерновых и технических культур, дальнейшему улучшению работы МТС и руководству сельским хозяйством.

В соответствии с решением пленума Совет Министров СССР в 1953 году повысил заготовительные цены на скот и птицу более чем в 5,5 раза, на молоко — в 2 раза¹⁵. Кроме того, были снижены нормы обязательных поставок с общественного и личного хозяйства, а также рекомендовано ежемесячное авансирование колхозников.

Вместе с тем, в целях улучшения руководства сельским хозяйством, был принят новый порядок планирования в сельском хозяйстве. Отправным началом нового порядка является планирование товарной продукции, производимой в колхозах и совхозах. В то же время изменение старой практики планирования сельского хозяйства предоставило широкую инициативу колхозам в более полном использовании всех их возможностей, с учетом местных условий. При новом планировании общественного хозяйства колхозы учитывают своеобразие почвенных и климатических условий, наличие путей сообщения, обеспеченность рабочей силой, трудовые навыки колхозников и т. д. Наряду с этим колхозам было также разрешено вносить поправки в устав сельхозартели с учетом местных особенностей. Все это способствовало подъему творческой активности масс и постепенному росту и укреплению экономики колхозов.

После сентябрьского пленума ЦК КПСС труженики сельского хозяйства осуществили под руководством партии поистине революционные преобразования, сыгравшие решающую роль в подъеме экономики колхозов. Наиболее важным из них является укрепление материально-технической базы колхозов и реорганизация МТС.

На основе решения пленума ЦК КПСС было значительно увеличено производство сельскохозяйственных машин, тракторов, минеральных удобрений и ядохимикатов, а также увеличены ассигнования колхозам на их приобретение. Вложения из государственного бюджета позволили значительно укрепить материально-техническую базу сельского хозяйства. Количество тракторов в пересчете на 15-сильные в сельском хозяйстве СССР увеличилось с 1239 тыс. в 1953 году до 1700 тыс. на 1 июля 1958 года, зерновых комбайнов с 318 тыс. до 483 тыс., грузовых автомобилей с 424 тыс. до 660 тыс. По сравнению с довоенным 1940 годом количество тракторов, зер-

¹⁵ «Правда», 19 августа 1957 г

новых комбайнов и грузовых автомобилей к началу 1958 года увеличилось в сельском хозяйстве нашей страны в 2—3 раза¹⁶.

Серьезные успехи в оснащении сельского хозяйства новой техникой после сентябрьского пленума достигнуты и в Дагестанской АССР. Общее среднегодовое количество тракторов в переводе на 15-силыные с 1953 по 1957 гг. увеличилось более чем в 3,5 раза, а комбайнов — в 3,6 раза¹⁷. За 1954—1958 гг. тракторный и комбайновый парки МТС и МЖС республики почти полностью обновились. Только на оснащение МТС новой техникой государство ежегодно расходовало более 35 млн. рублей¹⁸. На строительство производственных и бытовых помещений МТС с 1955 по 1958 год было вложено более 33 млн. рублей¹⁹.

Из года в год в республике расширялась индустриальная база сельского хозяйства. К началу 1958 года МТС обслуживали более 95 проц. колхозов республики. В этом году в республике было уже 36 МТС и МЖС, в которых насчитывалось свыше 2 тыс. тракторов, более 900 комбайнов и большое количество других машин на общую сумму в 146 млн. рублей²⁰.

Наряду с применением машин в полеводстве, началась механизация трудоемких процессов в животноводстве. На молочнотоварных фермах таких передовых колхозов, как им. Жданова гор. Дербента, им. О. Чохского Гунибского района, им. Орджоникидзе сел. Н. Казанище Буйнакского района и других, благодаря механизации трудоемких процессов, значительно снизились трудовые затраты. В ряде передовых хозяйств республики внедряется автодоение, механизированная очистка помещений от навоза, подача кормов, и в более чем 64 колхозах организована механическая подача воды к помещениям для скота²¹.

Укрепление материально-технической базы МТС и МЖС позволило значительно расширить применение механизации в горных колхозах республики. Использование тракторов в сельском хозяйстве Левашинского, Табасаранского, Хунзахского, Гунибского и ряда других горных районов республики показало, что при соответствующей организации работ и правильном выборе земельных участков, трактора, комбайны и другие сельскохозяйственные машины вполне могут быть применены в этих районах.

16 «СССР в цифрах». Статистический сборник, М., 1958 г., стр. 179.

17 Статуправление ДАССР. Основные показатели развития сельского хозяйства республики в новых границах.

18 Здесь и далее денежные выражения даны в старом масштабе.

19 М. Абуев. Сельское хозяйство Дагестана на подъеме, Махачкала, 1959 г., стр. 16.

20 По данным Даг. статуправления.

21 МСХ ДАССР, отдел экономики и организации труда. Группировки колхозов за 1960 г., стр. 8.

Бюро Дагестанского обкома КПСС еще в 1954 году включило в зону обслуживания МТС 77 колхозов горных районов республики. Эти колхозы стали применять в своем хозяйстве технику 11 тракторных отрядов, организованных специально для горных районов, помимо этого тракторы и другие сельскохозяйственные машины 35 хозрасчетных бригад обслуживали прикутанные хозяйства многих колхозов²².

Тракторные отряды горных районов провели большую работу по расширению проездных дорог и террас. В ряде колхозов ликвидированы старые межи и созданы участки, на которых можно использовать поступающую в распоряжение колхозов технику.

МТС и МЖС сыграли огромную роль в создании и упрочении колхозного строя, в техническом оснащении сельского хозяйства, в укреплении союза рабочего класса и крестьянства. За годы, истекшие после сентябрьского пленума ЦК КПСС, МТС явились организующей силой в борьбе за ликвидацию отставания отдельных отраслей сельскохозяйственного производства, в осуществлении принятых партией решений по вопросам сельского хозяйства²³. Так, в колхозах Дагестанской АССР в 1953 году МТС подняли в общей сложности 880 тыс. гектаров мягкой пахоты, а в 1957 году она достигла 1 млн. 790 тыс. гектаров. Если к 1958 году производство молока в колхозах республики возросло в 2,5 раза, мяса — в 1,8 раза, шерсти — в 1,7 раза, то в этих достижениях немалая роль принадлежала МТС и МЖС. Следует заметить, что только в колхозе им. Ленина Хасавюртовского района за 8 лет с помощью механизаторов было освоено более 2 тыс. гектаров новых земель, посажено более 350 га садов и виноградников, валовой сбор зерна доведен до 3,5 тыс. тонн, а денежный доход колхоза вырос до 4,5 млн. рублей²⁴.

Однако необходимо отметить, что в ряде случаев одной из основных причин слабости того или иного колхоза являлась неудовлетворительная работа МТС.

В МТС часто простаивали тракторы. Так, в 1957 году в напряженный момент сельскохозяйственных работ тракторный парк республики простоял более 32 тыс. тракторо-дней²⁵, т. е. каждый трактор простоял в среднем около 16 тракторо-дней.

В ряде МТС была низкой средняя выработка на один трактор. Например, в Табасаранской, Касумкентской и Магарам-

²² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 110, д. 28, лл. 374, 375, 389.

²³ «КПСС в резолюциях...», ч. IV, стр. 316, 317.

²⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 114, д. 8, лл. 41, 53.

²⁵ Там же, оп. 113, д. 1, л. 34.

кентской МТС она составляла около 250—300 га мягкой пахоты²⁶.

Система оплаты членов тракторной бригады тоже не повышала заинтересованность в получении высоких урожаев, в своевременном проведении всех сельскохозяйственных работ и укреплении экономики колхоза.

Во многих колхозах уровень механизации трудоемких работ в животноводстве мало способствовал повышению производительности труда, а себестоимость животноводческой продукции продолжала оставаться крайне высокой.

Так, в 1956 году было намечено снижение себестоимости 1 центнера мяса до 622,2 руб., 1 кг шерсти до 21 руб. 75 коп.; фактически же себестоимость 1 центнера мяса составила 1161 руб. 90 коп., 1 кг шерсти — 32 руб. 01 коп. Себестоимость центнера зерна в колхозах, обслуживаемых Табасаранской МТС — 170 руб. 50 коп., в Ногайской — 161 руб. 50 коп. и Магарамкентской — 105 руб.²⁷.

На новом этапе развития, когда многие колхозы стали крупными и экономически крепкими, существовавшая форма производственно-технического обслуживания колхозов через МТС перестала соответствовать потребностям развития производительных сил, стала тормозить подъем экономики колхозов, связывать инициативу руководителей и широких масс в деле лучшего использования резервов колхозного производства. Особенно отрицательно стало сказываться на дальнейшем развитии колхозов то, что на одной и той же земле вели хозяйство два социалистических предприятия — колхоз и МТС. Февральский (1958 г.) пленум ЦК КПСС решил, что «в интересах дальнейшего подъема социалистического сельского хозяйства страны, развития колхозного строя целесообразно изменить существующий порядок производственно-технического обслуживания колхозов и постепенно реорганизовать машинно-тракторные станции, которые, сыграв большую положительную роль, уже во многом исчерпали свои основные функции. Теперь, когда большинство колхозов в состоянии приобретать и правильно — более производительно использовать тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины, целесообразно перейти к продаже этих машин непосредственно колхозам»²⁸.

На основе решения пленума, Верховный Совет Союза ССР в марте 1958 года постановил реорганизовать машинно-тракторные станции в ремонтно-технические станции и перейти к продаже сельскохозяйственных машин непосредственно колхозам.

²⁶ Там же, оп. 112, д. 1, лл. 14, 15.

²⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 113, д. 1, л. 34.

²⁸ «КПСС в резолюциях...», ч. IV, стр. 317.

Уже весной 1958 года, после февральско-мартовского пленума ЦК КПСС более 210 колхозов Дагестанской АССР купили сельхозтехники на общую сумму 33,8 млн. руб.²⁹ За 1959—1960 гг. колхозами израсходовано на приобретение тракторов, комбайнов, автомашин и т. п. свыше 148 млн. рублей³⁰. Меньше чем за два года после реорганизации МТС сельское хозяйство республики получило 1294 новых трактора, 600 комбайнов, 1670 автомашин и свыше 8 тысяч сельскохозяйственных машин и орудий³¹. Суммарная тяговая мощность колхозных тракторов в 1960 году составляла 62,5 тыс. лошадиных сил³². В колхозах, совхозах, МТС, РТС и МЖС республики в 1960 году работало более 3,3 тыс. тракторов, 1,3 тыс. комбайнов, 4,6 тыс. автомашин и около 30 тыс. разных сельскохозяйственных машин и орудий³³.

В результате улучшения технического оснащения в равнинных и предгорных зерновых колхозах республики механизированы: пахота полностью, сев — на 98 проц., уборка зерновых — на 95 проц. Дагестан в области механизации полеводства на плоскости обогнал многие зарубежные государства, в том числе Пакистан, Иран и другие страны Востока³⁴.

После реорганизации МТС и перехода техники в руки колхозов из года в год растет производительность труда, повышается урожайность сельхозкультур и значительно снижается себестоимость продукции. Так, затраты в расчете на 1 центнер зерна в 1959 году снизились до 76 руб. 98 коп.³⁵ против 81 руб. 87 коп. в 1958 году. Еще более убедительны примеры по отдельным передовым колхозам республики. Так, себестоимость 1 центнера сена в колхозе с. Хунзах в 1954 году составляла 11 руб., а в 1958 году с внедрением механизации в производство кормов она снизилась до 6 руб. 99 коп. В колхозе им. Карла Маркса того же района себестоимость 1 центнера зерна в 1954 году составляла 225 руб., а в 1958 году — 56 руб.³⁶

Еще ниже уровень затрат в высокомеханизированных хозяйствах плоскостной зоны республики. Например, в 1959 году себестоимость 1 центнера пшеницы в колхозе имени

²⁹ МСХ ДАССР, ф. оргколхозного отдела, материалы и отчеты отдела механизации за 1958 г.

³⁰ «Сельское хозяйство Северного Кавказа», № 3, 1960 г., стр. 5, 6.

³¹ «Дагестанская правда», 31 января 1960 г.

³² Статуправление ДАССР. Сводный годовой отчет колхозов 1960 г., стр. 25, 26.

³³ Жур. «Сельское хозяйство Северного Кавказа», № 3, 1960 г. стр. 5.

³⁴ А. Д. Даниялов. Советский Дагестан, М., 1960, стр. 137.

³⁵ МСХ ДАССР. Данные из сводного годового отчета колхозов за 1958—1959 гг.

³⁶ Там же. Данные из годовых отчетов колхозов за 1954, 1958 гг.

К. Маркса Хасавюртовского района была 22 руб. 40 коп., а себестоимость центнера кукурузы не превышала 14 руб 50 коп.³⁷

Таким образом, уже три года работы по-новому показывали, что сосредоточение в руках колхозов земли и машин открывает новые возможности для развития сельского хозяйства, способствует значительному повышению механизации отраслей сельского хозяйства, более умелому и разностороннему использованию техники и снижению себестоимости всех тракторных работ. Так, например, колхоз им. К. Маркса Хасавюртовского района имеет 24 трактора, 8 комбайнов, 25 автомашин, ремонтные мастерские, теплоэлектростанцию, пилораму, кузницу и другие производственные объекты. Среднегодовая выработка мягкой пахоты на один 15-сильный трактор за 1959 год составляла в этом колхозе 604 га, или на 18 гектаров больше, чем в 1957 году в Хасавюртовской МТС. Наряду с этим, в колхозе значительно снижена себестоимость мягкой пахоты. Если в Хасавюртовской МТС в 1958 году затраты на гектар мягкой пахоты составляли 32 руб., то в колхозе им. К. Маркса в 1959 году — 28 рублей, или на 4 рубля меньше, чем в МТС³⁸.

Снижение себестоимости колхозной продукции имеет широкое практическое значение. «Чем меньше времени требуется обществу на производство пшеницы, скота и т. д., — указывает Карл Маркс, — тем больше времени оно выигрывает для другого производства материального или духовного. Как для отдельного человека, так и для общества, всестороннее его развитие, его потребление и его деятельность зависят от сбережения времени»³⁹.

Как известно, экономия времени достигается прежде всего путем неуклонного роста производительности труда на базе широкой механизации.

Чтобы ликвидировать отставание сельского хозяйства от промышленности и превратить его в высокоразвитую отрасль хозяйства коммунистического общества необходимо в первую очередь быстрый рост производительности сельскохозяйственного труда, «более высокий по своим темпам, чем в промышленном производстве»⁴⁰.

Дальнейшее оснащение сельского хозяйства техникой, применение комплексной механизации, использование средств автоматизации и систем машин, отвечающих условиям каждой зоны, а также электрификация всех отраслей сельского хо-

³⁷ Данные взяты нами из отчетов бухгалтерии колхоза на 1959 г.

³⁸ Данные взяты нами из годовых отчетов и текущей отчетности бухгалтерии колхоза за 1957, 1958, 1959 гг.

³⁹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IV, стр. 119.

⁴⁰ Программа КПСС, «Правда», 2 ноября 1961 г.

зйства — вот источники роста производительности труда в колхозном производстве.

Одним из коренных вопросов политики партии в области дальнейшего развития сельского хозяйства, как подчеркивается в решениях мартовского пленума ЦК КПСС, и впредь остается усиление материально-технической помощи колхозам и совхозам. «Но самое главное и неотложное сейчас, — говорил в своем заключительном слове на пленуме Н. С. Хрущев, — это добиться лучшего использования техники и оборудования, лучше организовать труд в колхозах и совхозах и тем самым обеспечить быстрый рост производства сельскохозяйственных продуктов на базе той техники, которая уже имеется в колхозах и совхозах».

В колхозах и совхозах нашей республики есть много примеров хорошего использования техники. Колхозы Каякентского, Кизлярского, Тарумовского, Хасавюртовского, Бабаюртовского районов выработали на условный 15-сильный трактор от 500 до 550 гектаров мягкой пахоты. Но в целом по республике выработка на условный трактор остается низкой и составляет по колхозам — 307, по совхозам — 364 и по отделениям «Сельхозтехники» — 471 гектар.

Несмотря на то, что после сентябрьского пленума ЦК КПСС и последующих решений партии и правительства произошло серьезное улучшение материально-технической базы колхозов, сейчас все еще много неиспользованных резервов в области механизации сельского хозяйства. Следует отметить, что в колхозах горных районов еще низок уровень механизации отраслей производства. В республике почти отсутствуют малогабаритные сельскохозяйственные машины, которые могли бы принести большой экономический эффект особенно для колхозов горной зоны. Не высок уровень применения электричества в производственных процессах колхозов республики.

На современном этапе развития колхозов «мы должны поставить перед собой цель — создать условия, которые позволили бы вести сельское хозяйство так, чтобы оно не зависело от капризов природы»⁴¹. Сельскохозяйственное производство должно быть организовано таким образом, чтобы оно каждый год, при любых климатических условиях, гарантировало получение необходимых стране продуктов для полного удовлетворения потребностей народа. Поэтому необходимо еще больше продвинуть сельскохозяйственные машины в горы, расширить применение электричества во всех отраслях сельского хозяйства и развернуть ирригационные работы.

Наряду с ростом материально-технической базы, после

⁴¹ Н. С. Хрущев. Речь на январском (1961 г.) пленуме ЦК КПСС. газ. «Дагестанская правда», 24 января 1961 г.

сентябрьского пленума ЦК КПСС серьезные изменения произошли в развитии растениеводства и животноводства, а также же увеличились денежные доходы и общественные фонды колхозов.

За годы после сентябрьского пленума ЦК КПСС в целях увеличения производства зерна был осуществлен целый ряд важнейших мероприятий:

Во-первых, партия при поддержке всего народа осуществила великую программу освоения целины;

Во-вторых, значительно расширены посевы и повышена урожайность кукурузы. Эта культура продвинута в новые районы. Пересмотрена структура посевных площадей с тем, чтобы заменить малоурожайные культуры более урожайными зерновыми и другими сельскохозяйственными культурами;

В-третьих, увеличился сбор зерна на старопашотных землях за счет повышения урожайности и сокращения потерь.

Благодаря принятым партией мерам в стране значительно выросло производство зерна. Если в 1953 году у нас было произведено 5,3 млрд. пудов зерна, то в 1960 году его производство достигло 8,1 млрд. пудов. По данным ЦСУ СССР, в 1954—1960 гг. в районах освоения целины поднят 41 миллион гектаров земель⁴². Расчеты показывают, что за счет одного товарного зерна государство не только покрыло все вложения в сельское хозяйство целинных районов, но сверх того получило чистого дохода за этот период свыше 32 млрд. рублей. Страна получает за счет целины 40 процентов заготовок хлеба⁴³.

За истекшее семилетие путем рационального использования старопашотных площадей и освоения новых земель значительно улучшилось зерновое хозяйство Дагестанской АССР.

Рост посевных площадей Дагестанской АССР под зерновыми и бобовыми культурами за последние годы характеризуется следующими данными⁴⁴:

Вся посевная площадь в 1960 году по сравнению с 1940 годом увеличилась на 33,0 тыс. га, в том числе колхозная — почти на 25,0 тыс. га. Посевная площадь под наиболее ценной культурой — озимой пшеницей за то же время увеличилась на 49,3 тыс. га, в том числе колхозная — на 44,3 тыс. га. Заметно расширились посевы под ценнейшей зернофуражной культурой — кукурузой. Посевы кукурузы в 1960 году увеличились по сравнению с 1953 годом на 18,5 тыс. га, в том числе в колхозах почти на 20,0 тыс. га. Но вместе с тем замечает-

⁴² Там же, 25 января 1961 г

⁴³ Там же.

⁴⁴ «Советский Дагестан за 40 лет», стр. 34, 48.

ся недооценка таких важных культур, как бобовые. В 1959 году по сравнению с довоенным 1940 годом посеы бобовых были сокращены более чем в 2 раза ⁴⁵.

(в тыс. га)

	1940 г.		1953 г.		1960 г.	
	По всем категориям хозяйств	Из них в колхозах	По всем категориям хозяйств	Из них в колхозах	По всем категориям хозяйств	Из них в колхозах
Вся посевная площадь	406,4	361,6	420,3	363,5	439,4	386,0
Все зерновые	332,5	303,4	349,5	304,9	342,5	305,0
В том числе:						
Пшеница озимая	137,8	136,9	148,2	141,6	187,1	181,2
Ячмень озимый	20,0	16,8	20,0	17,4	28,3	22,8
Пшеница яровая	11,5	9,9	28,2	23,5	8,6	5,5
Кукуруза	61,4	51,3	58,2	43,6	76,7	63,0
Бобовые	6,8	5,8	8,2	7,9	3,1*	2,8**

Одновременно с расширением посевных площадей увеличилась урожайность зерновых культур. Растет валовой сбор зерна в республике; с 149,4 тыс. тонн в 1953 году он возрос до 357, 3 тыс. тонн в 1959 году ⁴⁶. За семилетие валовой сбор урожая зерновых культур в колхозах республики возрос более чем в 2,7 раза и в 1960 году составил 347,2 тыс тонн ⁴⁷.

Повышение урожайности зерновых, особенно пшеницы, достигнуто путем применения прогрессивных методов агротехники и внедрения в производство опыта передовиков. Сев озимых производится в большинстве колхозов республики узкорежным и перекрестным способами, на значительной площади посеы получают подкормку минеральными и местными удобрениями.

Важнейшим резервом увеличения валового сбора зерна колосовых культур явился раздельный способ уборки урожая, снизивший потери хлеба не менее чем по 2—3 центнера на каждом гектаре. Кроме того, большинство колхозов, располагая собственным парком уборочных машин, проводят уборку в сжатые сроки за 10—15 дней и тем самым сокращают потери зерна.

Рост урожайности зерновых культур по Дагестану ниже средних показателей урожайности зерновых по Союзу ССР. Но резервы роста урожайности в колхозах республики в по-

⁴⁵ Там же.

* По данным 1959 г.

** По данным 1959 г.

⁴⁶ Там же, стр. 62.

⁴⁷ Статуправление ДАССР. Сводный годовой отчет колхозов за 1960 г., стр. 6, 7.

следние годы стали использоваться в должной степени. Это подтверждается тем фактом, что в 1960 году среднюю урожайность зерновых культур колхозы республики довели до 11,2 центнера с гектара⁴⁸.

Конечно, это не предел. Благодаря распространению опыта передовых хозяйств и широкому использованию резервов увеличения производства зерна труженики колхозных полей в соответствии с решениями январского (1961 г.) пленума ЦК КПСС стремятся взять рубежи передовых хозяйств — «наших маяков».

В Дагестане из года в год растет число передовых колхозов и целых районов по производству зерна. Так, в 1960 году труженики сельского хозяйства Бабаюртовского района с площади более 12 тысяч гектаров собрали в среднем по 18 центнеров зерна с гектара. Еще лучшие показатели имеют многие передовые хозяйства этого района. Например, колхоз им. К. Маркса сел. Тамаза-тюбе, которым руководит тридцатитысячник Алисултан Меджидов, в 1960 году собрал урожай озимых по 20—30 центнеров с гектара. Бригадир этого же колхоза агроном Бийгерей Саидгаджиев на площади 1003 гектара получил по 23 центнера зерна озимых с гектара, а с площади 20 гектаров — по 40,2 центнера⁴⁹.

Важнейшим источником увеличения ресурсов зерна и надежным средством укрепления кормовой базы животноводства является расширение посевов и повышение урожайности кукурузы, возделываемой на зерно.

Во всех зонах республики значительно увеличился удельный вес кукурузы. Кукуруза, продвигаясь в новые районы, стала заменять малоурожайные культуры. В целом структура посевных площадей колхозов республики с 1953 года претерпевала изменения. Ведущее место в ней занимает пшеница. Удельный вес посевов пшеницы по сравнению с довоенным 1940 годом возрос почти на 8 проц. Намечается некоторый рост удельного веса кукурузы на зерно, но допущено неоправданно большое сокращение посевов бобовых культур. Кроме того, несмотря на рост посевных площадей колхозов, замечается некоторое падение удельного веса посевов высокоурожайных зерновых культур в общей структуре пашен. Одновременно наблюдается значительное расширение посевной площади под кормовыми культурами, где 3,7 проц. занимают многолетние травы.

Таким образом, если в структуре посевных площадей 1940 года зерновые занимали 83,9 проц., то в 1959 году они не превышали 78,2 проц. Удельный вес кормовых культур с мало-

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ «Дагестанская правда», 19 мая 1961 г.

урожайными травами в структуре посевов с 3,9 проц. в 1940 году возрос до 16,3 проц. в 1959 году. Посевы многолетних трав и малоурожайных зерновых культур и сейчас еще занимают большое место в структуре посевных площадей (12% пашни), несмотря на осуждение этой практики. Поэтому необходимо пересмотреть структуру посевных площадей с учетом расширения производства зерна кукурузы, бобовых и других высокоурожайных культур. Н. С. Хрущев в отчетном докладе ЦК КПСС XXII съезду КПСС отмечал: «Широкое внедрение кукурузы, гороха и кормовых бобов — это не частная задача, а важнейшее направление в развитии нашего земледелия».

В прошлом в колхозах было распространено шаблонное внедрение травопольной системы, заключавшееся в том, что посевы многолетних трав производились без учета экономической эффективности, их сеяли даже на богарных землях.

Второй пленум Дагестанского обкома КПСС (1954 г.), решительно осудив неправильный подход к разработке схем севооборотов и травопольной системы, нацелил руководителей колхозов на расширение посевов кукурузы, как высокоурожайной кормовой и продовольственной культуры.

Кукуруза помогла серьезно улучшить кормовую базу, лучше обеспечить животноводство сочными и концентрированными кормами, стала играть решающую роль в увеличении производства продуктов животноводства.

Хотя средний урожай кукурузы на зерно с гектара в колхозах республики все еще остается низким — 10,9 цент. (1960 г.)⁵⁰, однако теперь уже нет сомнения в том, что колхозы Дагестана путем улучшения культуры земледелия и внесения достаточного количества удобрений могут получить высокие и устойчивые урожаи кукурузы. Об этом свидетельствуют успехи многих передовых хозяйств. Так, в 1960 году звеньевой колхоза им. К. Маркса Хасавюртовского района Магомедханов получил по 45 центнеров зерна кукурузы с гектара на площади 49 гектаров⁵¹, а звено Салейхан Ибрашевой из колхоза им. К. Маркса сел. Тамаза-Тюбе Бабаюртовского района вырастило по 41 центн. зерна на площади 30 гектаров⁵². В колхозе имени Ленина Хасавюртовского района, где председателем тридцатитысячник Алихан Алиханов, в 1960 году на площади 829 гектаров собрано по 30 цент. сухого зерна кукурузы с гектара⁵³.

В соответствии с решениями январского (1961 г.) пленума

⁵⁰ Статуправление ДАССР, сводный годовой отчет колхозов за 1960 г., стр. 6.

⁵¹ «Дагестанская правда», 26 января 1961 г.

⁵² Там же, 6 апреля 1961 г.

⁵³ Там же, 2 марта 1961 г.

ЦК КПСС, труженики сельского хозяйства Дагестана, широко распространяя квадратно-гнездовой способ выращивания кукурузы и засевая ею хорошо удобренные, вспаханные на зябь поля, наметили получить на равнине урожай зерна по 40 цент. с гектара на площади 25 тысяч гектаров. С остальных площадей, размещаемых на поливных землях — по 30 цент., с богарных участков — по 20 центнеров; урожай зеленой массы на поливных участках — по 300—350 и на богарных — по 200—250 центнеров с гектара⁵⁴.

Урожай кукурузы 1961 года составил в республике примерно 16,8 и более центнеров с гектара. Колхозы им. Калинина сел. Мюрего, им. Ленина сел. Сергокала, им. Калинина сел. Губден уже собрали в среднем по 25—30 центнеров зерна кукурузы на богарных землях. Отдельные бригады и звенья получили более высокие урожаи. Так, механизированное звено комсомольца А. Гамидова (из колхоза им. Калинина с. Мюрего) со 170 гектаров закрепленных площадей собрало в среднем по 50 центнеров зерна с гектара⁵⁵.

Все это позволит значительно пополнить зерновые ресурсы республики и создать прочную кормовую базу для общественного скота.

За годы, прошедшие после сентябрьского пленума ЦК КПСС, наряду с ростом валового сбора зерна и других продуктов растениеводства, значительно возрос объем их продажи государству. В производстве товарной продукции растениеводства доминирующее положение занимают колхозы и совхозы плоскостной зоны республики. Здесь сосредоточено от 75 до 94 процентов производства товарной продукции зерна, подсолнечника, овощей и винограда. Доля товарности картофеля и фруктов на плоскости не высока, товарность первого составляет 21,2 проц., а вторых — лишь 14,8 проц. Ведущее место в производстве товарной продукции картофеля и фруктов принадлежит горной зоне. Здесь сосредоточено 58,6 проц. производства товарной продукции фруктов и 47,1 проц. картофеля. В предгорной зоне товарность зерна занимает 17,7 проц., картофеля — 31,7, фруктов — 26,6 проц.⁵⁶

Новый порядок планирования и постановление июльского (1958 г.) пленума ЦК КПСС «Об отмене обязательных поставок и натуроплаты за работы МТС, о новом порядке, ценах и условиях заготовок сельскохозяйственных продуктов» способствуют повышению материального стимула в производстве продуктов растениеводства и рациональному размещению этих культур. Все это позволяет из года в год расширять

⁵⁴ Там же, 26 января 1961 г.

⁵⁵ Там же, 24 сентября 1961 г.

⁵⁶ По данным НИИСХ ДАССР, отдел экономики. Краткий научный отчет за 1959 г., стр. 3.

продажу продуктов растениеводства государству и увеличивать их товарность, о чем свидетельствует следующая таблица:

Рост государственных заготовок продуктов растениеводства
(в тыс. тонн) ⁵⁷.

	Г о д ы				1960 г. в % к 1953 г.
	1953	1954	1958	1960	
1. Всего заготовлено и закуплено зерна	19,7	47,9	63,1	66,2	336,0
В том числе у колхозов	14,5	45,6	57,5	64,1	442,0
Картофеля	1,3	2,1	1,2	0,9	—
В том числе у колхозов	1,1	1,9	1,2	0,9	—
Овощей	10,7	17,1	28,7	26,2	244,8
В том числе у колхозов	9,7	16,5	21,9	19,2	197,8
Винограда	14,2	23,7	38,5	36,6	256,4
В том числе у колхозов	6,2	8,7	21,0	18,1	291,9
Плодов	12,5	24,8	23,4	17,4	139,2
В том числе у колхозов	10,7	20,0	20,0	11,0	102,8

В 1960 году продажа зерна государству колхозами республики по сравнению с 1954 годом возросла в 1,4 раза, овощей, — 1,5 раза, винограда — 2,0 раза. Продажа картофеля несколько уменьшена. Но следует отметить, что фактическая товарность картофеля значительно выше, т. к. ведется рыночная торговля им с приусадебных земель.

В условиях Дагестана производство картофеля и овощебахчевых культур приносит колхозам большие доходы. Но несмотря на это, производство их, особенно в колхозах, развивается замедленными темпами. Начиная с 1957 года можно заметить даже некоторое сокращение посевной площади колхозов под картофелем и овощами. Это объясняется тем, что, несмотря на большую трудоемкость этих культур, слабо внедряется механизация при их производстве. Недостаточно также осуществляется в этой отрасли принцип материальной заинтересованности. В результате большого рыночного спроса на картофель и овощи, растет производство этих культур на приусадебных участках колхозников. В связи с этим отвлекается

⁵⁷ Таблица составлена на основе данных Дагестанского статуправления и по годовым отчетам колхозов.

значительная часть рабочей силы и нарушается трудовая дисциплина.

Таким образом, обеспечение населения республики овоще-бахчевыми культурами, картофелем и другими продуктами путем расширения их производства в общественном хозяйстве может значительно улучшить трудовую дисциплину колхозников, оно позволит еще больше повысить уровень благосостояния тружеников сельского хозяйства.

При росте материального благосостояния трудящихся, производство сельскохозяйственных продуктов должно опережать спрос населения. Поэтому главной задачей тружеников сельского хозяйства в настоящее время является наиболее полное использование имеющихся возможностей для резкого увеличения производства зерна, технических культур, картофеля и овощей. «Основным звеном дальнейшего развития всего сельского хозяйства, базой быстрого роста животноводства, — указано в Программе КПСС, — является ускоренный подъем производства зерна»⁵⁸.

Следует заметить, что достигнутый уровень урожайности сельскохозяйственных культур и производства зерна в колхозах и совхозах республики не отвечает нашим возможностям и задачам, которые поставлены XXII съездом партии и мартовским пленумом ЦК КПСС.

В своем докладе на третьем пленуме Дагестанского обкома КПСС первый секретарь тов. Даниялов А. Д. указал, что в республике крайне неудовлетворительно решаются вопросы рационального использования земель: за последние четыре года (1958—1961 гг.) пашня и многолетние насаждения в колхозах и совхозах увеличились только на 49,3 тыс. гектаров. Несмотря на небольшую долю пашен в общем массиве сельскохозяйственных угодий, особенно колхозов горной зоны, освоение новых земель идет крайне неудовлетворительно. В 1961 году было намечено освоение 38 тыс. га, а освоено лишь 10,9 тыс. га. Колхозы имени Хизроева и Карла Маркса Хунзахского района, имея 5—8 тыс. га пригодных для освоения земель, распахали: первый 20 га, а второй — ни одного гектара. Колхозы Советского района из общего пахотного массива в 5,8 тыс. га в Бабаюртовском и Тарумовском районах используют под пашню только 1,4 тыс. га.

Вместе с тем одним из серьезных недостатков в использовании земель, особенно на плоскости, является применение переложной системы земледелия. Некоторые колхозы горной зоны забрасывают даже плодородные террасные участки, они выбывают из сельскохозяйственного оборота, взамен же их распахиваются новые земли на зимних пастбищах.

⁵⁸ Программа КПСС, «Правда», 2 ноября 1961 г.

Несмотря на некоторое улучшение структуры посевных площадей и увеличение в ней доли зерновых культур, производство сельскохозяйственных продуктов в республике не отвечает современным требованиям. Как отмечалось, в ряде районов и колхозов в структуре посевов большое место отводилось травам, чистым парам и малоурожайным культурам.

Известно, что в условиях поливного земледелия наиболее выгодной культурой является кукуруза, однако ей уделяется недостаточное внимание, орошаемые земли в большинстве колхозов и совхозов используются под колосовые культуры.

Таким образом, чтобы ликвидировать серьезные недостатки в зерновом хозяйстве, необходимо решительно отказаться от остатков травополя, расширить пахотный фонд за счет распашки малопродуктивных лугопастбищных угодий, внедрить пропашную систему земледелия и рационально использовать орошаемые земли, где целесообразно разместить сады и виноградники, а также особенно высокоурожайную зернофуражную культуру — кукурузу.

Наряду с зерновым хозяйством и производством других продуктов растениеводства, за годы после сентябрьского пленума ЦК КПСС Дагестан имеет заметные успехи в развитии садоводства и виноградарства.

Еще в годы первой послевоенной пятилетки секретарь Дагестанского обкома КПСС тов. Даниялов А. Д. указывал, что Дагестан имеет самые благоприятные природные условия для развития плодоводства, виноградарства, овощеводства и бахчеводства. Поэтому трудящиеся республики должны в полной мере поставить на службу государственным задачам развития народного хозяйства страны эти благоприятные условия⁵⁹.

Особенно широкие возможности развития садоводства представлены колхозам республики после сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС и с введением нового порядка планирования, открывшего пути рациональному развитию отраслей сельского хозяйства.

Как известно, вопрос о рациональном размещении отраслей сельского хозяйства был поставлен еще на XVI съезде ВКП(б). Значительное развитие он получил в 1939 году на Украине, когда по предложению Н. С. Хрущева началось внедрение научно-обоснованной системы ведения сельского хозяйства. Однако особое значение эта проблема приобрела в связи с решениями сентябрьского и последующих пленумов Центрального Комитета, а также XX и XXII съездов КПСС по вопросам дальнейшего развития сельского хозяйства.

⁵⁹ А. Д. Даниялов. Мичуринская биологическая наука и очередные задачи развития сельского хозяйства Дагестана, Махачкала, 1949 г., стр. 27.

В прошлом при размещении и специализации отраслей сельского хозяйства из поля зрения экономистов выпадали такие актуальные экономические факторы как уровень затрат живого и овеществленного труда на производство одних и тех же продуктов в разных природно-экономических условиях, степень урожайности и эффективности использования земли для выращивания тех или иных культур. В планировании и размещении отраслей хозяйства недостаточно учитывались накопленные знания сельского хозяйства и исторически сложившийся опыт по выращиванию культур в различных зонах республики. Новые условия планирования и последующие мероприятия партии и правительства оказали серьезное содействие успехам развития садоводства и виноградарства в Дагестане.

В 1960 году по сравнению с 1952 годом площадь под садами и виноградниками увеличилась в Дагестане более чем в 3 раза и составила 78,6 тыс. гектаров, против 22,0 тысяч гектаров на начало 1954 года⁶⁰.

Только за последние пять лет в республике посажено около 32 тыс. гектаров садов и 18 тыс. гектаров виноградников. Организовано 16 садоводческих, виноградарских и плодопитомнических совхозов⁶¹.

Если в 1952 году плодоягодные насаждения колхозов занимали лишь 15,9 тыс. гектаров, то в 1960 году под садами колхозов занято 40,5 тыс. гектаров⁶².

Наибольшей площадью фруктовых садов обладает горная зона республики, особенно ее горно-долинные районы. Удельный вес этой зоны в производстве товарной продукции плодородства составляет 58,6 проц. Виноградарство в основном сосредоточено на плоскости. 94,4 проц. товарной продукции винограда производится в колхозах и совхозах этой зоны. В предгорье удельный вес товарной продукции плодородства составляет около 26,6 проц., а товарная продукция винограда здесь незначительна, она не превышает 3,3 проц. от всего товарного винограда республики⁶³.

Высокие урожаи и низкая себестоимость плодов и винограда являются весьма эффективными условиями получения больших доходов и повышения материального благосостояния колхозников.

Доход от плодов и винограда в районах плоскостной зоны в 4,3 раза, в предгорье — в 3,7 раза, а в горной зоне — в 3,2 раза больше, чем себестоимость продукции этих культур⁶⁴.

⁶⁰ «Дагестанская правда», 13 октября 1960 г.

⁶¹ «Сельское хозяйство Северного Кавказа», № 7, 1959, стр. 8.

⁶² Народное хозяйство ДАССР (Статистический сборник). Махачкала, 1958. Отчет Статуправления по садоводству за 1960 г.

⁶³ По данным НИИСХ ДАССР. Краткий научный отчет за 1958, 1959 гг.

⁶⁴ Там же. Краткий научный отчет отдела экономики за 1957 г., стр. 57.

Садоводство и виноградарство в ряде районов республики стало основным источником улучшения материального благосостояния колхозников. Так, в 1959 году в Кизлярском районе денежный доход от виноградарства составил 71,8 проц. всех денежных доходов колхозов, а средний урожай с гектара плодоносящих виноградников — по 146,9 центнера⁶⁵.

Крупным центром виноградарства и виноделия в республике является гор. Дербент и колхозы Дербентского района. В настоящее время во всех категориях хозяйств здесь сосредоточено 8,6 тыс. гектаров виноградников и 18 тыс. гектаров плодовых садов. В 1959 году колхозы города и района имели 45,5 млн. руб. доходов, в том числе от виноградарства 70 проц., или 31,3 млн. руб.⁶⁶.

Многие колхозы Касумкентского района увеличивают свои денежные доходы за счет роста садоводства и виноградарства. В 1959 году в общем денежном доходе доля доходов от виноградарства и садоводства составляла здесь от 60 до 70 проц.⁶⁷.

Ежегодно большие доходы от садоводства получают колхозы предгорных и горных районов. В колхозе имени Дзержинского Гергебильского района урожайность фруктов с гектара в 1960 году составила 90 центн., а себестоимость центнера — лишь 31 руб.⁶⁸.

В ряде передовых колхозов и совхозов республики, опираясь на достижения агрономической науки и богатый опыт мичуринцев, получают на больших площадях по 150—200 и более центнеров плодов и винограда с гектара, а передовые бригады и звенья — по 200, 250 и даже 400 центнеров⁶⁹.

Особенно убеждают факты экономической эффективности развития садоводства и виноградарства Дагестана, если сравнить возможности нашей республики с большими возможностями Краснодарского края. Об этом свидетельствует приводимая ниже таблица.

Таким образом, высокая экономическая эффективность садоводства и виноградарства требует превращения Дагестана в республику высокоразвитого садоводства и виноградарства при рациональном сочетании этих отраслей с зерновым хозяйством и мясо-молочным скотоводством.

Большой экономический эффект даст также дальнейшее развертывание работы по расширению террасного садоводства и уплотнению яблоневых, грушевых, абрикосовых и других сильнорослых пород путем посадки между ними персиков,

⁶⁵ «Дагестанская правда», 13 октября 1960 г.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ «Дагестанская правда», 14 октября 1960 г.

⁶⁹ «Сельское хозяйство Северного Кавказа», № 7, 1959 г., стр. 7.

ягодных кустарников и т. п. Все это позволит последовательно провести интенсификацию в отраслях растениеводства и повысить рентабельность хозяйства.

Экономическая эффективность плодоводства ⁷⁰

	Краснодарский край	Дагестанская АССР
1. Урожайность плодов с 1 га в центн.	21,82	23,01
2. Выход плодов на человеко-день в кг.	10,3	19,3
3. Денежный доход на 1 т/день в рублях	23,83	27,4
4. Затраты чел.-дн. на 1 центн.	9,7	6,1
5. Себестоимость плодов в рублях на 1 центн.	175,0	92

Наряду с развитием отраслей растениеводства, в последние годы колхозы Дагестана добились заметных достижений и в области подъема животноводства.

Однако следует отметить, что несмотря на некоторый рост животноводства в послевоенные годы, в Дагестане даже после сентябрьского пленума ЦК КПСС были низкими темпы роста животноводства. Годовые отчеты колхозов за ряд послевоенных лет показали небольшую долю животноводческих продуктов в выдачах на трудодень. В этой отрасли производства работало не более 12—15 проц. колхозников, а затраты на покупку скота не покрывались доходами от животноводства⁷¹.

В 1954 году ЦК КПСС, проверив работу Дагестанского обкома партии, обратил особое внимание на серьезное отставание сельского хозяйства, особенно животноводства республики. На основе указаний ЦК КПСС III пленум (1954 г.) обкома КПСС подчеркивал, что в результате недостаточного использования богатых возможностей «сельское хозяйство республики топчется на месте»⁷², а развитие животноводства «катится вниз»⁷³. Поэтому в республике был предпринят ряд важнейших мероприятий по подъему общественного животноводства: прежде всего была укреплена кормовая база и закреплены пастбища за колхозами. Серьезная работа была проделана по улучшению ухода и содержанию скота. Значительно улучшились породный состав и использование резервов увеличения продуктивности животных. Широко развернулось в этой отрасли социалистическое соревнование, был практически использован принцип материальной заинтересо-

⁷⁰ Там же.

⁷¹ И. Р. Нахшуров. К вопросу о размещении и специализации сельского хозяйства. «Дагестанская правда», 23 мая 1956 г.

⁷² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 112, д. 10, л. 22.

⁷³ Там же.

ванности животноводов в увеличении поголовья и повышении продуктивности скота.

В результате осуществления мероприятий, намеченных сентябрьским (1953 г.) и январским (1955 г.) пленумами ЦК КПСС и последующими решениями партии и правительства, с 1953 по 1960 годы поголовье скота республики по всем категориям хозяйств увеличилось: крупного рогатого скота — на 137,1 тыс. голов, в том числе коров — на 76,0 тыс. голов, поголовье овец — на 314,7 тыс. голов и свиней — на 17,9 тыс. голов⁷⁴. В 1960 году по сравнению с 1955 годом поголовье крупного рогатого скота в колхозах увеличилось на 16,4%, в том числе коров на 17,3%, поголовье овец — на 43,7%, свиней — более чем в 4 раза⁷⁵.

Этот рост характеризуется следующими данными:

(в тыс. голов по всем категориям)⁷⁶.

Виды скота	Г о д ы			1960 в % к	
	1941	1953	1960	1941	1953
1. Крупный рогатый скот	514,9	494,9	632,0	122,7	127,7
2. В том числе коровы	185,2	147,9	223,9	120,8	151,3
3. Овцы и козы	2341,7	2950,4	3117,6	133,1	105,6
4. Свиньи	38,6	23,8	41,7	108,2	175,2

Среднегодовые удои молока от одной коровы в колхозах увеличились за эти годы более чем в 2,4 раза и в 1960 году составляли 1142 литра. Средний настриг шерсти на одну овцу повысился с 1,5 кг в 1953 году до 2,2 кг в 1960 году⁷⁷.

Новый курс Коммунистической партии и Советского правительства, открывший широкие возможности улучшения благосостояния трудящихся, обеспечил серьезный рост поголовья скота в личном хозяйстве колхозников. Рост поголовья скота в хозяйстве колхозников после новых мероприятий партии и правительства является закономерным явлением.

В решениях сентябрьского пленума ЦК КПСС указывалось, что «во многих колхозах нарушенным оказался важнейший принцип артельной формы хозяйства — правильное сочетание общественного и личного в артели при подчинении личных интересов общественным»⁷⁸. Завышение нормы поставок продуктов с приусадебного хозяйства, имевшиеся недостатки в налоговой политике привели к сокращению поголовья ко-

⁷⁴ «Советский Дагестан за 40 лет», Махачкала, 1960 г., стр. 65.

⁷⁵ Там же, стр. 64.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ По данным годовых отчетов колхозов за 1953—1960 гг.

⁷⁸ «КПСС в резолюциях», ч. III, стр. 613.

ров, свиней и овец в личной собственности колхозников. Такое положение не только ущемляло интересы колхозников, но и вело к извращению природы артельной формы, «являющейся единственно правильной формой коллективного хозяйства на весь период социализма»⁷⁹.

В новых условиях развития колхозов, с ростом темпов расширенного воспроизводства общественного скота все более увеличивается удовлетворение личных потребностей колхозников в продуктах животноводства с колхозного сектора и таким образом постепенно отпадает необходимость держать скот в личном подсобном хозяйстве. На этот путь уже становятся многие колхозы нашей страны. Образцом удовлетворения личных потребностей колхозников в продуктах животноводства с общественного хозяйства является колхоз села Калиновки Курской области. Значительную работу в этой области осуществляют и в таких передовых хозяйствах Дагестана, как колхозы сел. Хунзах и им. К. Маркса Хунзахского района, сельхозартели сел. Согратль и О. Чохского Гунибского района, им. К. Маркса и им. Орджоникидзе Хасавюртовского района.

Но пока общественное животноводство еще не может полностью удовлетворять потребности всего населения, в том числе и потребности колхозников в продуктах животноводства, наличие скота в подсобном хозяйстве колхозника при соблюдении устава и без раздувания личного хозяйства в ущерб общественным интересам не является помехой. Оно служит подспорьем общественному животноводству и, следовательно, выгодно как для колхозников, так и для колхоза и государства.

Таким образом, в результате роста экономики сельскохозяйственных артелей: «На определенном этапе общественное хозяйство колхозов достигнет такого уровня развития, когда станет возможным за счет его ресурсов полностью удовлетворять потребности колхозников»⁸⁰. На этой основе общественное хозяйство полностью обеспечит потребности колхозников и личное подсобное хозяйство постепенно изживет себя экономически.

В общественном животноводстве сложилась известная закономерность непрерывного качественного улучшения всех видов скота. Особенно после январского (1955 г.) пленума ЦК КПСС в колхозах республики началось заметное улучшение породного состава животных. Так, если в 1955 году насчитывалось 68,7 проц. породных овец⁸¹, то к 1960 году их стало 87 проц. Породные животные в общем поголовье крупного

⁷⁹ Там же, стр. 614.

⁸⁰ Программа КПСС, «Правда», 2 ноября 1961 г.

⁸¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 112, д. 11, л. 16.

рогатого скота составляют 37 проц.⁸². Колхозы Табасаранского, Хасавюртовского, Буйнакского, Хунзахского, Гунибского, Кулинского районов, систематически улучшая породность животных, почти полностью заменили поголовье грубошерстных овец. Опыты передовых колхозов республики показывают, что, улучшая породность и условия содержания овец, средний настриг шерсти можно увеличить в 3—4 раза. С лучших племенных овец в колхозах республики было настрижено до 15 кг тонкой мериносовой шерсти⁸³.

Наряду с созданием новой породы овец «Дагестанская горная» в настоящее время завершаются работы по выведению высокопродуктивной мясо-молочной породы крупного рогатого скота — «Дагестанской бурой».

За последние годы, с ростом поголовья и улучшением породного состава, а также благодаря хорошему уходу и содержанию скота, серьезно возросло производство валовой продукции животноводства, что видно из приводимой ниже таблицы⁸⁴.

(в тыс. тонн, яйца в млн. шт.).

Годы	1953		1955		1959		1960		1960 в % к 1953	
	все категории хозяйств	колхозы								
1. Молоко	84,4	32,6	127,4	51,4	183,8	80,7	181,3	84,0	214,8	223,9
2. Мясо (в убойном весе)	34,3	18,9	23,8	14,5	38,6	20,5	41,6	22,8	121,3	120,6
3. Шерсть	4,39	3,8	3,9	3,38	6,2	4,5	6,6	4,6	50,3	121,0
4. Яйца (млн. шт.)	100,7	6,9	72,5	5,9	59,3	7,0	68,0	10,5	—	152,1

Производство молока в нашей республике по сравнению с 1953 годом увеличилось в 2,1 раза, мяса (в убойном весе) — на 21,3 проц., шерсти — на 50,3 проц., яиц в колхозах на 52,1 проц.

Опыт передовых районов, колхозов и бригад различных зон Дагестанской АССР говорит о наличии больших резервов для дальнейшего увеличения производства продуктов живот-

⁸² «Дагестанская правда», 25 декабря 1960 г.

⁸³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 112, д. 16, л. 127.

⁸⁴ «Советский Дагестан за 40 лет», стр. 79—80 (Данные за 1960 г. по отчетам Статуправления ДАССР).

новодства. Так, производство мяса на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий в колхозе сел. Хунзах в 2 раза выше, чем среднереспубликанское и составляет 31,5 центн. против 14,5 центн. по республике. Производство молока на 100 гектаров сельхозугодий в колхозе им. Орджоникидзе Хасавюртовского района в 2,5 раза выше, чем среднереспубликанское, т. е. 88 центн. против 30,3 центн. В колхозе им. Ленина Гунибского района шерсти произведено на 100 гектаров сельхозугодий почти в 1,5 раза больше, чем в среднем по республике (3 центн. против 1,7 центн.).

Но даже эти показатели передовых хозяйств нас не могут удовлетворять. На основе решений мартовского пленума ЦК КПСС колхозы и совхозы республики в ближайшие годы должны обеспечить производство мяса по 75 центнеров на 100 га пашни и 16 центнеров на 100 га других угодий.

Известно, что в увеличении производства мяса и других продуктов животноводства решающее значение имеет насыщенность поголовья на 100 га сельскохозяйственных угодий. По данным на 1 января 1962 года, на 100 га земельных угодий в колхозах республики приходилось всего 12 голов крупного рогатого скота, в том числе 3 коровы и 82 головы овец и коз. Если в 1961 году в целом по нашей стране на 100 га сельскохозяйственных угодий в колхозах и совхозах был произведен 121 центнер молока, то в Дагестане колхозы произвели всего 32 центнера молока.

Эти факты показывают какие колоссальные резервы увеличения производства мяса, молока и шерсти таит в себе улучшение кормления, ухода и содержания, а также увеличение плотности скота на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий.

В связи с ростом производства продуктов животноводства, повышением заготовительных цен и упорядочением системы заготовок сельскохозяйственных продуктов на основе решений июльского (1958 г.) и январского (1961 г.) пленумов ЦК КПСС, увеличилась продажа колхозами продуктов животноводства государству. Об этом свидетельствуют следующие данные:

(В тыс. тонн)⁸⁵

Продукция	Г о д ы					1960 в % к 1953
	1953	1955	1958	1959	1960	
Мясо в живом весе	22,3	15,7	19,3	27,7	32,2	144,3
Молоко	15,6	22,7	35,2	44,0	49,5	317,3
Шерсть	3,5	3,6	4,2	4,4	5,3	151,4
Яйца (млн. шт.)	2,3	2,0	3,3	4,9	7,3	317,3

⁸⁵ Таблица составлена по материалам статуправления ДАССР. (Архив статуправления, фонд отдела текущей отчетности по с/х за 1950—1959 гг.). Основные показатели развития с/х ДАССР даны в новых границах.

В 1959 году колхозы республики досрочно выполнили план продажи государству всех видов продуктов животноводства. По итогам работы за II квартал этого года Дагестанской АССР было присуждено переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР, а по результатам за год — вторая денежная премия.

В 1959 году по сравнению с 1958 годом производство мяса в колхозах возросло на 30 проц., молока — на 12 проц., шерсти — на 4 проц.⁸⁶. В 1960 году колхозы и совхозы республики продали государству мяса на 37,7 тыс. центн., молока — на 57,3 тыс. центн., шерсти — на 2,8 тыс. центн. и яиц на 3,3 млн. штук больше, чем в 1959 году⁸⁷.

В результате развития различных отраслей хозяйства и увеличения производства валовой продукции сельского хозяйства, в республике из года в год растут денежные доходы и неделимые фонды колхозов. Быстрому увеличению денежных доходов способствовали и мероприятия по повышению материальной заинтересованности колхозников, прежде всего, повышение в 1953—1958 годах государственных закупочных и заготовительных цен на продукты сельского хозяйства.

На основе решений сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, в Дагестане, в результате повышения закупочных цен и изменения уровня сдачи и закупок продукции, колхозы стали получать 70 млн. рублей в год дополнительных доходов⁸⁸. Новое повышение заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты по нашим расчетам принесло колхозам республики за продажу животноводческой продукции только в 1960 году 138,7 млн. рублей дополнительных средств, а отмена заготовок сельскохозяйственных продуктов с хозяйств колхозников, рабочих и служащих ежегодно приносит им более 38,2 млн. рублей дохода⁸⁹.

Новый закон о сельскохозяйственном налоге только в 1953, 1954 гг. предоставил колхозникам, рабочим и служащим республики, не имеющим коров, льготы на сумму более 12 млн. рублей⁹⁰. В республике в 1955 году сельскохозяйственный налог с хозяйств колхозников в среднем уменьшился против 1952 года на 39,6%⁹¹.

Все это способствовало значительному улучшению обеспеченности населения. На 1 января 1961 года число бескоровных хозяйств в республике уменьшилось на 13 процентов против 1953 года. Кроме того, повысилась обеспеченность кол-

⁸⁶ «Сельское хозяйство Северного Кавказа», № 3, 1960, стр. 5, 6.

⁸⁷ «Дагестанская правда», 3 января 1961 г.

⁸⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 109, л. 16, л. 9.

⁸⁹ Расчеты по данным Статуправления ДАССР.

⁹⁰ Министерство финансов ДАССР. Краткий анализ влияния закона о с/х налоге 1953 г. на личные хозяйства колхозников.

⁹¹ Там же. Об экономическом значении закона о с/х налоге.

хозников мелким скотом: так, если в 1953 году на одно хозяйство приходилась в среднем одна овца или коза, то в 1955 году — почти 3 головы⁹², а в 1960 году — 4,6 головы⁹³.

Денежные доходы колхозов республики с 258,9 млн. рублей в 1953 году возросли до 698,5 млн. рублей в 1960 году. В среднем на один колхоз в этом году приходилось 932 тыс. рублей, а в 1953 году только 406 тыс. рублей⁹⁴.

Неделимые фонды с 595,0 млн. рублей в 1953 году увеличились до 1306,0 млн. рублей в 1958 году. В 1958 году на один колхоз приходится в среднем 1714 тыс. рублей неделимого фонда * против 934 тыс. руб. в 1953 году⁹⁵.

Выдача продуктов и денег в расчете на один трудодень повысилась в среднем (в денежном выражении) с 5 руб. 36 коп. в 1953 году до 10 руб. 13 коп. в 1960 году, или почти в два раза⁹⁶.

Характерной особенностью распределения доходов на трудодни в новых условиях развития колхозов является непосредственное увеличение денежных выдач при постепенном сокращении распределения доходов в натуральном виде. Так, например, в колхозах Гунибского района общий объем выдач на трудодни, денег и продуктов, при стоимости последних по государственным розничным ценам, увеличился с 11,1 млн. руб. в 1953 году до 31,8 млн. рублей в 1957 году, т. е. почти в три раза. При этом выдача в натуральном виде за то же время возросла лишь в полтора раза, а денежная выдача в 3,3 раза. Кроме того, удельный вес выдачи натурой, достигший 36,1 проц. в 1953 году, снизился до 21,7 проц. в 1957 году⁹⁷. Эти примеры говорят о значительном росте товарности колхозного производства и о появлении зачатков постепенного приближения организации и оплаты труда «к уровню и формам, сложившимся на государственных предприятиях»⁹⁸.

Огромное значение в росте благосостояния и повышении материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда сыграл принятый сентябрьским (1953 г.) пленумом ЦК КПСС порядок авансирования колхозников. Практика авансирования колхозников получила особенно широкое распространение после опубликования постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О ежемесячном аванси-

⁹² Там же.

⁹³ По данным Статуправления ДАССР.

⁹⁴ «Советский Дагестан за 40 лет», стр. 83, а так же сводный годовой отчет колхозов за 1960 г. (Статуправление ДАССР).

* С учетом переоценки 1958 г.

⁹⁵ «Советский Дагестан за 40 лет», стр. 83.

⁹⁶ Архив МСХ ДАССР, ф. орг. колхозного отдела. Выборки из годовых отчетов с 1940 по 1957 гг. и сводный годовой отчет колхозов за 1960 г.

⁹⁷ Данные взяты нами из материалов Гунибской районной экономической конференции 1958 г.

⁹⁸ Программа КПСС, «Правда», 2 ноября 1961 г.

ровании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах». Многие колхозы Дагестана путем ежегодных отчислений создали переходящие денежно-натуральные фонды и перешли к регулярному ежемесячному авансированию колхозников. В последние годы выдача денежных авансов практикуется в 58 проц. колхозов республики, но около 41,5 проц. колхозов все еще не выдают денежных авансов. Следует заметить, что этот факт отрицательно сказывается на повышении трудовой активности колхозников и сдерживает темпы роста экономики отдельных колхозов⁹⁹.

Почти все колхозы Дагестанской АССР пересмотрели старые нормы выработки, перешли к более прогрессивным нормам и приняли новый порядок оплаты трудодня натурой и деньгами. Некоторые передовые колхозы пошли еще дальше, они перешли на ежемесячную оплату труда по твердым денежным расценкам за норму выработки или за единицу продукции. В настоящее время денежная оплата труда применяется в экономически мощных колхозах Караногайского, Гунибского и Чародинского районов.

Но современная стадия развития колхоза пока еще не отрицает возможности различных форм ежемесячной гарантированной оплаты труда — с трудоднем и без него. Поэтому в какой бы форме не оплачивался труд колхозников «самое важное — обеспечить необходимую связь между размером трудового вклада каждого члена артели, производительностью его труда и величиной получаемого им вознаграждения»¹⁰⁰.

Годы, прошедшие после сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, известны также значительным ростом колхозных кадров. Общее число тридцатитысячников, работавших в колхозах республики, превышало 250 человек¹⁰¹; в настоящее время в колхозах республики работают 411 агрономов, 150 зоотехников, 326 ветврачей и ветфельдшеров и 129 инженеров и механиков¹⁰². Посланцы партии совместно со специалистами сельского хозяйства, с помощью республиканской партийной организации за короткий срок ликвидировали отставание хозяйств многих колхозов.

Важнейшим событием в изучении руководства сельским хозяйством явится перестройка управления сельским хозяйством на основе решения мартовского пленума ЦК КПСС. В Дагестанской АССР уже созданы 14 территориальных производственных колхозно-совхозных управления. Руководители

⁹⁹ МСХ ДАССР, отдел экономики. «Группировки колхозов за 1960 год», стр. 6.

¹⁰⁰ Жур. «Коммунист», № 8, 1961 г., стр. 119.

¹⁰¹ «Очерки истории Дагестана», т. II, стр. 443, Махачкала, 1957 г.

¹⁰² Статуправление ДАССР. Отчет о численности и составе руководящих работников, специалистов, механизаторов в колхозах на 1 апреля 1961 г.

колхозно-совхозных управлений и специалисты сельского хозяйства направят всю деятельность производственных управлений на увеличение производства сельскохозяйственных продуктов с тем, чтобы обеспечить выполнение государственных планов закупок, создание государственных резервов и фондов колхозов и совхозов.

Хотя в республике все еще имеется около 63 экономически слабых колхозов с годовыми доходами до 100 тыс. рублей¹⁰³, число колхозов-миллионеров с 36 в 1953 году возросло до 204 в 1958 году. За то же время число колхозов средней экономической мощности с годовым доходом от 500 тыс. до 1 млн. руб. увеличилось в 2 раза¹⁰⁴.

Несмотря на значительный рост общественного хозяйства и увеличение производства животноводческих продуктов в колхозах республики, темпы роста производства зерна и животноводческих продуктов все еще не отвечают современным требованиям, а по производству мяса на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий Дагестан отстает от краев, областей и республик Северного Кавказа. Во многих колхозах все еще недостаточно используются резервы роста животноводства. До последнего времени мало внимания уделялось своевременной случке, искусственному осеменению и ликвидации яловости животных. В результате от 10 до 20 проц. коров и овцематок оставались ежегодно яловыми¹⁰⁵. Слабо используются резервы получения дополнительного приплода, все еще мало распространен метод зимнего и уплотненного окота овец. В колхозах республики низок удельный вес коров в структуре стада крупного рогатого скота (26,9 проц.).

Таким образом, одной из серьезных причин, сдерживающих рост поголовья скота в колхозах и совхозах, является крайне неудовлетворительное воспроизводство стада. Так, в 1961 году было получено 88 телят на 100 маток и 89 ягнят на 100 овцематок. Особенно слабо поставлена работа по воспроизводству стада в Табасаранском, Гергебильском, Касумкентском и Цунтинском районах. Кроме того, существующая структура стада не может обеспечить расширенное воспроизводство общественного поголовья скота и увеличение производства мяса, молока, шерсти.

В колхозах и совхозах республики удельный вес маток в отарах составляет немногим более 50%. Если количество маток довести хотя бы до 60—65%, то колхозы и совхозы имели бы возможность дополнительно получить 114—170 тыс.

¹⁰³ Архив МСХ ДАССР, ф. орг. колхозного отдела, д. № 60. Сводные отчетные данные за 1953—1959 гг.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ «Сельское хозяйство Северного Кавказа», № 7, 1959 г., стр. 4.

гнят. Если число коров в республике довести до 40% к общему стаду, то при том же уровне выхода телят на 100 маток колхозы и совхозы дополнительно могли бы иметь телят до 37 тысяч голов и молока более 40 тыс. тонн при среднем надое 1055 кг. Рост общественного животноводства и повышение его продуктивности задерживается также неудовлетворительным состоянием кормовой базы. В ряде колхозов не проявляется должной заботы о заготовке концентрированных и сочных кормов, особенно кукурузного силоса.

Неудовлетворительная организация нагула и откорма, а также факты продажи государству молодых стельных коров приводят к сокращению дешевого мяса — свиноводство и птицеводство все еще не получили в колхозах республики соответствующего развития. Из 40 районов республики только 11 имеют колхозные свинофермы¹⁰⁶.

В современных условиях, когда интересы неуклонного повышения благосостояния народа требуют, чтобы производство опережало спрос, необходимо рациональнее использовать все резервы роста животноводства: улучшение племенной работы, ликвидацию яловости, внедрение зимнего и уплотненного окота овец, нагул, откорм, создание хорошей кормовой базы и т. п. Все это обеспечит дальнейший рост поголовья скота и увеличит производство животноводческой продукции.

Колхозы и совхозы Дагестана намечают произвести в конце семилетки около 600 тыс. тонн зерна, в том числе 200 тыс. тонн кукурузы; производство мяса увеличится в 3,6 раза, молока — в 2,5 раза и шерсти — в 2,8 раза. Количество овец за это же время возрастет на 1 млн. 200 тыс. голов. В ближайшие 2—3 года маточное поголовье коров в стаде достигнет 40—45%, а овцематок — 60%.

К 1965 году решено увеличить сбор плодов с 32,2 тыс. тонн (в 1958 г.) до 113,9 тыс. тонн, а производство винограда возрастет за это же время в 8 раз¹⁰⁷.

Новые перспективы движения деревни к коммунизму раскрывают исторические решения XXII съезда КПСС. Важнейшим условием построения коммунизма партия считает создание, наряду с могучей промышленностью, процветающего, всесторонне развитого высокопродуктивного сельского хозяйства. В новой Программе КПСС намечается мощный подъем производительных сил сельского хозяйства, который позволит достигнуть изобилия высококачественных продуктов питания для населения и сырья для промышленности. На ближайшее десятилетие КПСС ставит задачу увеличить общий подъем продукции сельского хозяйства примерно в 2,5 раза, а за 20 лет — в 3,5 раза.

¹⁰⁶ По данным статуправления ДАССР.

¹⁰⁷ По данным статуправления и Госплана ДАССР.

На основе решений мартовского пленума ЦК КПСС колхозы республики изыскивают новые резервы увеличения производства зерна, мяса, молока и других продуктов сельского хозяйства. За 1962—1980 годы колхозы республики имеют возможность освоить свыше 360 тыс. га под пашню, сады и виноградники. Это позволит довести площадь пашни до 700 тыс. га и многолетних насаждений до 250 тыс. га. С учетом имеющихся возможностей площадь орошаемых земель в республике к 1980 году составит 750 тыс. га против 315 тыс. га в 1961 году. На орошаемых землях целесообразно разместить до 200 тыс. га садов и виноградников, до 300 тыс. га кукурузы.

Перспективы предусматривают к 1980 году довести удельный вес зерновых культур в структуре посевных площадей до 71%. Таким образом, вместе с планируемым урожаем сельскохозяйственных культур все это позволит увеличить производство зерна и кормов примерно в 4 раза¹⁰⁸.

Крупные мероприятия, намечаемые Программой КПСС в области сельского хозяйства, направлены на то, чтобы все колхозы стали экономически мощными, а колхозники жили вполне обеспеченно. Растущие потребности колхозников будут полностью удовлетворяться за счет общественного хозяйства колхозов. За этот же счет колхозники будут пользоваться услугами столовых, пекарен, прачечных, детских яслей и садов, общенародных предприятий. Колхозники будут пользоваться всеми видами социального обеспечения за счет колхозных и государственных средств. В конечном итоге культурно-бытовые условия сельского населения сравняются с условиями жителей города.

Ликвидация социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней явится одним из важнейших достижений строительства коммунизма.

¹⁰⁸ «Дагестанская правда», 13 апреля 1962 г.

АРХЕОЛОГИЯ

М. Г. ГАДЖИЕВ.

ГИНЧИНСКИЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ.

(Предварительное сообщение).

Эпоха бронзы Дагестана до недавнего времени была известна преимущественно по памятникам, расположенным в узкой полосе приморского и частично предгорного Дагестана. Из горного же Дагестана сколько-нибудь достоверных сведений об этой эпохе, за исключением некоторых памятников, обследованных Северокавказской экспедицией в 1937—38 годах¹, не было известно. Благодаря систематическим и планомерным работам археологической экспедиции Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР в настоящее время в горном Дагестане открыто и частично исследовано значительное количество памятников, представляющих почти все этапы развития бронзового века. Среди них особый интерес представляет Гинчинский могильник. Могильник находится в урочище Гинчи около одноименного хутора, расположенного в 3-х км восточнее с. Тидиб Советского района, на правом берегу реки Гидерил-ор, притока р. Аварское Койсу. Террасированный склон, на котором расположен могильник, с юга и запада круто обрывается в овраги. С северной стороны склон примыкает к высокой горе, представляющей один из отрогов хр. Нукатль.

Могильник не имеет внешних признаков. Он был обнаружен случайно жителем сел. Урада Советского района Сураковатовым Хирамагомедом при рытье ям для хозяйственных надобностей. По его словам, погребения здесь были заключены в каменные плиты, а погребальный инвентарь состоял из глиняных сосудов и металлических изделий.

В 1956 году на могильнике был заложен разведочный раскоп размером 3×3 м. Было вскрыто 19 погребений и добыт

¹ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 51.

весьма своеобразный вещественный инвентарь, относящийся к эпохе бронзы².

Однако небольшие размеры работ, проведенных в этом году, не позволили полностью выяснить характер погребальных сооружений и отдельные детали погребального обряда.

В 1959 году работы на могильнике были продолжены и с тех пор он стал объектом систематических археологических исследований Дагестанской археологической экспедиции³.

В результате работ, проведенных на могильнике в течение 3-х полевых сезонов, была вскрыта значительная площадь (около 180 м²), на которой обнаружены круглые колодцеобразные каменные склепы, впущенные в землю и предназначенные для коллективных захоронений. Обычно склепы обнаруживаются под незначительной прослойкой земли, толщиной в 40—50 см. Они сложены из необработанных, но хорошо подобранных друг к другу камней и плит, положенных вертикально или плашмя в несколько ярусов, без применения скрепляющего раствора. Дном склепов служил тот грунт, в который они были впущены. Перекрытия их состояли из одной массивной плиты или нескольких плит меньших размеров. В последнем случае при раскопках плиты перекрытия оказывались внутри склепов, наполненных землей. Видимо это объясняется тем, что плиты помещались поверх деревянного настила, без которого закрыть большие склепы небольшими плитами практически невозможно. Размеры склепов неодинаковы. Диаметр их колеблется от 1,65 м. до 3,40 м.; высота—от 0,70 м. до 1,75 м.

Количество покойников в склепах колеблется от 4-х до 50 и более. Костяки располагались ярусами, на разных уровнях склепа. Приведем описание двух наиболее характерных для могильника склепов.

Склеп № 1 (1959⁴, рис. 1) находился на глубине 0,4 м. от поверхности и представлял собой каменное колодцеобразное погребальное сооружение овальной формы, впущенное в землю. На глубине 1,10 м. находился земляной пол склепа, имев-

² М. И. Пиккуль. Результаты археологических исследований 2-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1956 г. (отчет), ч. 1, РФ ИИЯЛ, д. № 2311.

³ См. Д. М. Атаев, М. Г. Гаджиев, М. Н. Погребова: Отчет о работе 2 горного отряда ДАЭ в 1959 г. РФ ИИЯЛ, д. 2637; Их же. Отчет о работе горного отряда ДАЭ в 1960 г. РФ ИИЯЛ, д. № 2776. В разные годы в раскопках Гинчинского могильника принимали участие мл. научные сотрудники Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР: М. И. Пиккуль—начальник 2-го горного отряда ДАЭ в 1956 г., Д. М. Атаев—начальник горного отряда ДАЭ, 1959, 1960 гг., В. М. Котович, М. Г. Гаджиев; аспирант А. Гаджиев; студенты Даггосуниверситета: Б. Арсланбеков, Б. Чикаев, Р. Алибеков, Ш. Ахмедов, О. Исаев, Б. Абдулмагомедов.

⁴ Нумерация склепов дается по полевой документации горного отряда Дагестанской археологической экспедиции 1959—1961 гг. В скобках указывается год исследования склепа.

ший слабый наклон в западном направлении. Стенка склепа сложена из больших необработанных камней, поставленных вертикально. Для придания большей устойчивости под ними с внутренней стороны заложены мелкие камни. Выше больших плит кладка произведена более мелкими плитами, положенными плашмя друг на друга в два, а местами и в три яруса (рис. 1, 3).

Кладка стены сухая без применения скрепляющего раствора. На глубине 0,40—0,60 м. внутри склепа находилось большое количество плоских плит от перекрытия, лежащих в беспорядке и частично перекрывавших друг друга (рис. 1, 1). Внутренние размеры склепа: диаметр по направлению с ЮВ на СЗ—2,20 м., с СВ на ЮЗ—1,80 м.; высота стенки—0,60—0,70 м.; толщина—0,20—0,40 м.

К северо-востоку от склепа, непосредственно у его стенки на уровне верхнего яруса кладки, на подстилке из небольших валунов находилась очажная яма, наполненная сильно обожженной землей и золой толщиной в 10—12 см. Очаг в плане имел круглую форму, а в профиле—сечение линзы (рис. 1, 1).

В склепе было обнаружено 19 костяков, расположенных в 3 яруса. В верхнем ярусе на глубине 0,60 м. и непосредственно под плитами перекрытия находилось 2 костяка (рис. 1, 2).

Один из них (№ 1) лежал поперек склепа на спине, в вытянутом положении, с согнутыми в локтевых сочленениях руками, головой на восток. При нем найдены обломки керамики, круглые бусы из раковины (рис. 2, 1—3).

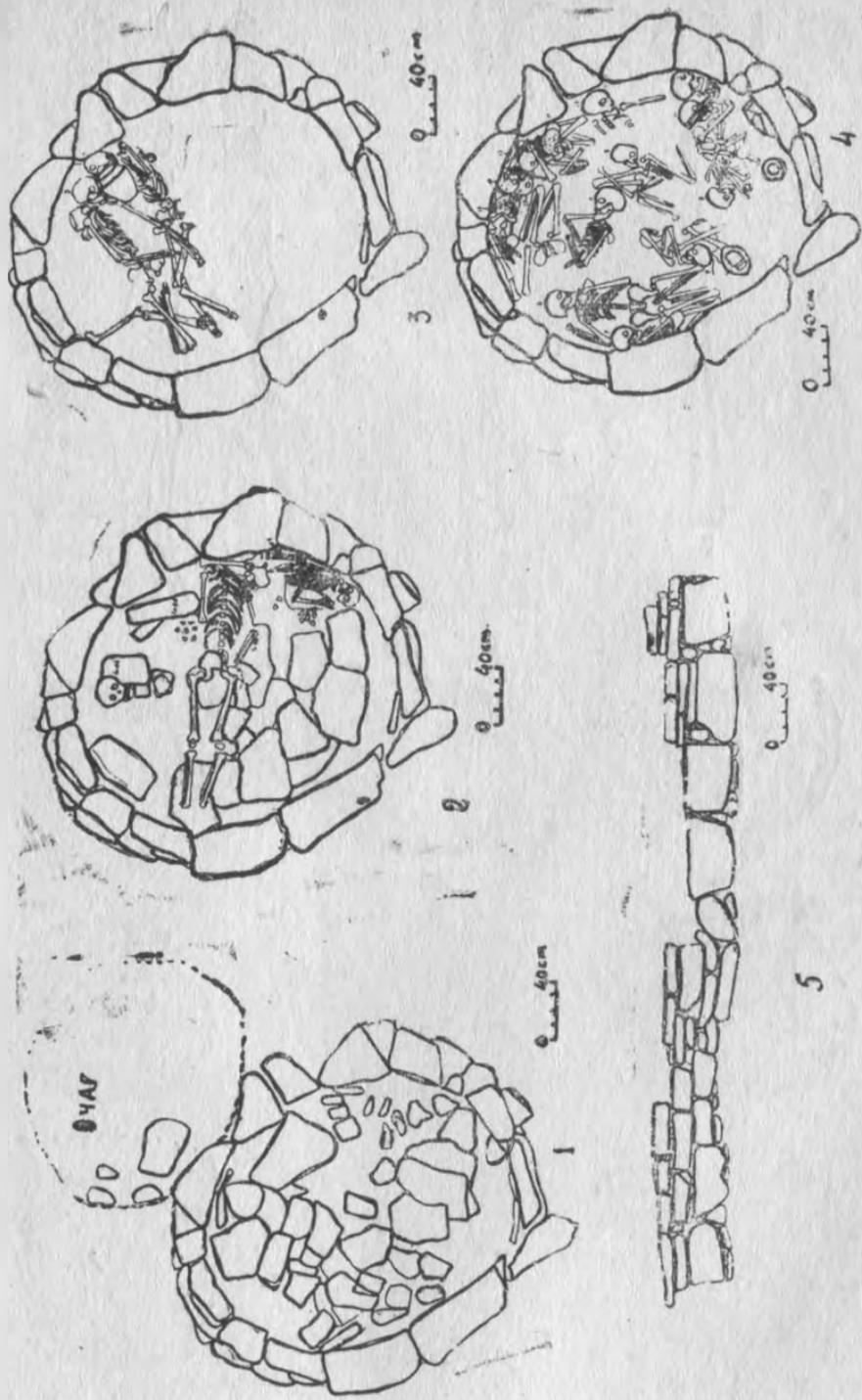
Костяк № 2 находился в изголовье первого скелета и располагался вдоль стенки склепа. Он лежал на спине с подогнутыми ногами, головой на юг. При нем находились несколько обломков керамики и подвеска из галечника (рис. 2, 4).

Оба костяка лежали на плитах, отделяющих верхний ярус от следующего яруса.

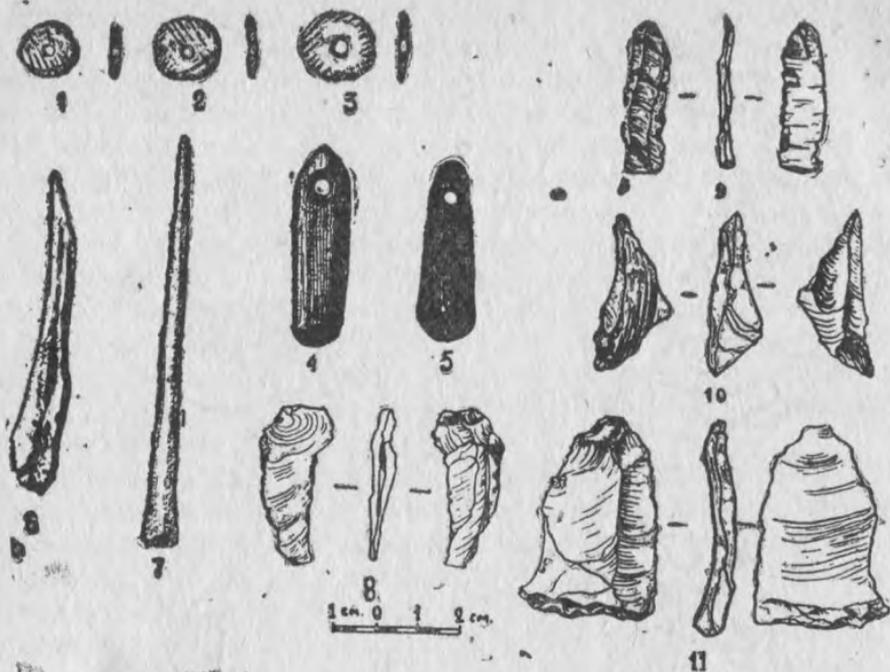
Во втором ярусе в северо-западной половине склепа, на глубине 0,80 м., также было 2 костяка (рис. 1, 3). Костяк № 3 лежал на левом боку, головой на северо-восток. Его правая рука была согнута в локте. Кисть лежала на пояснице. Левая нога была слегка подогнута.

Костяк № 4 лежал на правом боку параллельно костяку № 3 и головой на северо-восток. Левая рука у него согнута вверх, так что кисть находилась перед черепом.

При костяке 3 и 4 найдены: двуручный горшок со слабо обмазанным глиной туловом (рис. 3, 2 между двумя черепами), сосуд баночной формы (рис. 3, 3), часть миниатюрного горшочка (рис. 2, 12), круглодонный сосуд (рис. 2, 15), два кремневых и один обсидиановый отщеп (рис. 2, 8, 10, 11), костяная проколка (рис. 2, 6). Нижний, третий ярус был отделен от среднего только тонкой прослойкой земли. В нем на глуби-

Р и с. 1. План склепа № 1 1—перекрытие склепа; 2—первый (верхний) ярус; 3—второй (средний) ярус; 4—третий (нижний) ярус; 5—кладка стены склепа.

Р и с. 2. Инвентарь погребений в склепе № 1 1—3 бусы из раковины; 4—каменная подвеска; 5—подвеска из гагата; 6, 7—костяные проколки; 8, 9, 10—кремневые отщепы; 11—обсидиановый отщеп; 12—14, 20—горшочки; 15—17 — круглодонные сосуды; 18, 19 — чашечка и кружка.

не 0,95—1,10 м. расчищены остатки 15 костяков. Следует отметить, что в этом ярусе костяки сильно потревожены и в ряде случаев совершенно невозможно определить их первоначальное положение.

Костяк № 5 лежал в северной половине склепа на правом боку в сильно скорченном состоянии, головой на ЮВ—В. Руки были согнуты и кисти рук лежали на поясице. На тазовых костях найден сосуд баночной формы (рис. 3, 1), внутри которого был еще круглодонный сосудик (рис. 2, 17). Перед лицом

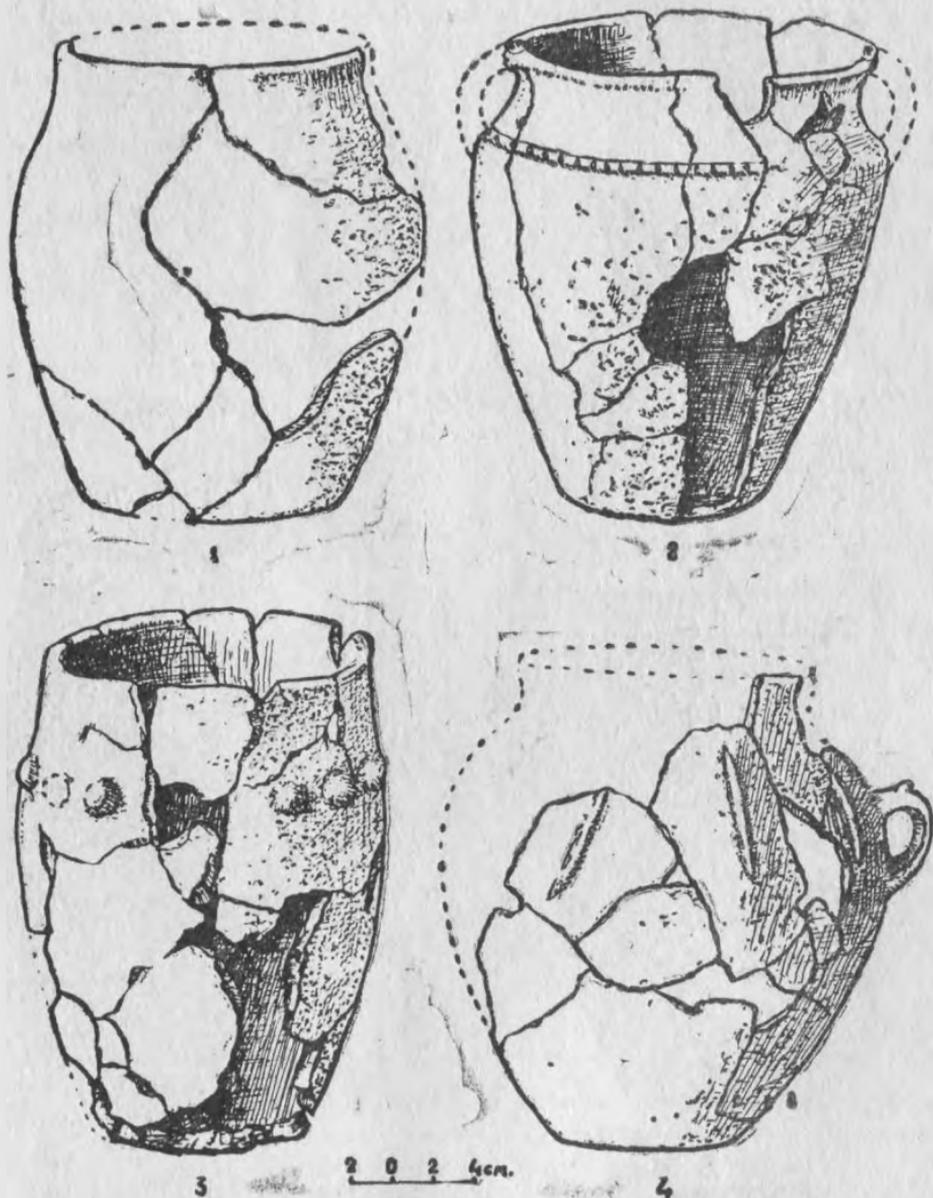

Рис. 3. Баночные сосуды и горшки из склепа № 1.

погребенного лежал горшок (рис. 3, 4), у шейных позвонков— гаговая подвеска (рис. 2, 5).

Костяк 6, принадлежавший взрослому человеку, лежал у западной стены на спине с сильно согнутыми в локтевых сочленениях руками и подогнутыми ногами, головой на север. Параллельно ему, к западу от него, на левом боку с подогну-

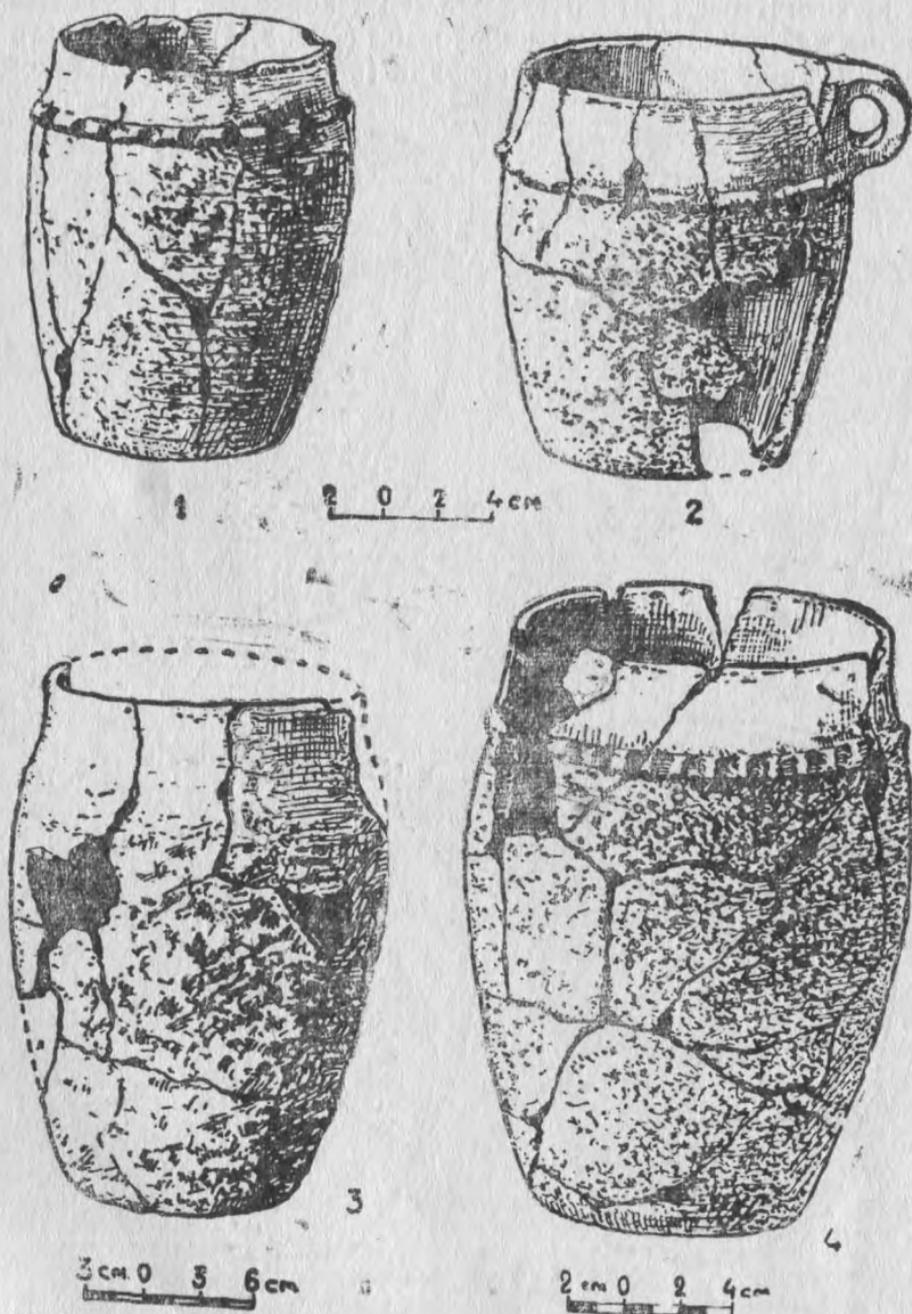

Рис. 4 Баночные сосуды из склепа № 1

тыми ногами, головой на север, лежал костяк подростка (№ 7).

Их инвентарь состоял из баночного сосуда и кружки баночной формы с обмазанной поверхностью, орнаментированной наклепным валиком (рис. 4, 2).

К юго-востоку от костяка № 6 лежали в беспорядке кости скелета № 8. При нем найдены 2 сосуда баночной формы (рис. 4, 1, 4), один из них (рис. 4, 1) — внутри миски (рис. 5, 6).

Костяк № 9 находился к ЮВ от костяка № 5. Судя по тому, что все кости в основном были сконцентрированы вокруг таза, он был погребен в сидячем положении. Среди костей находились отдельные обломки керамики.

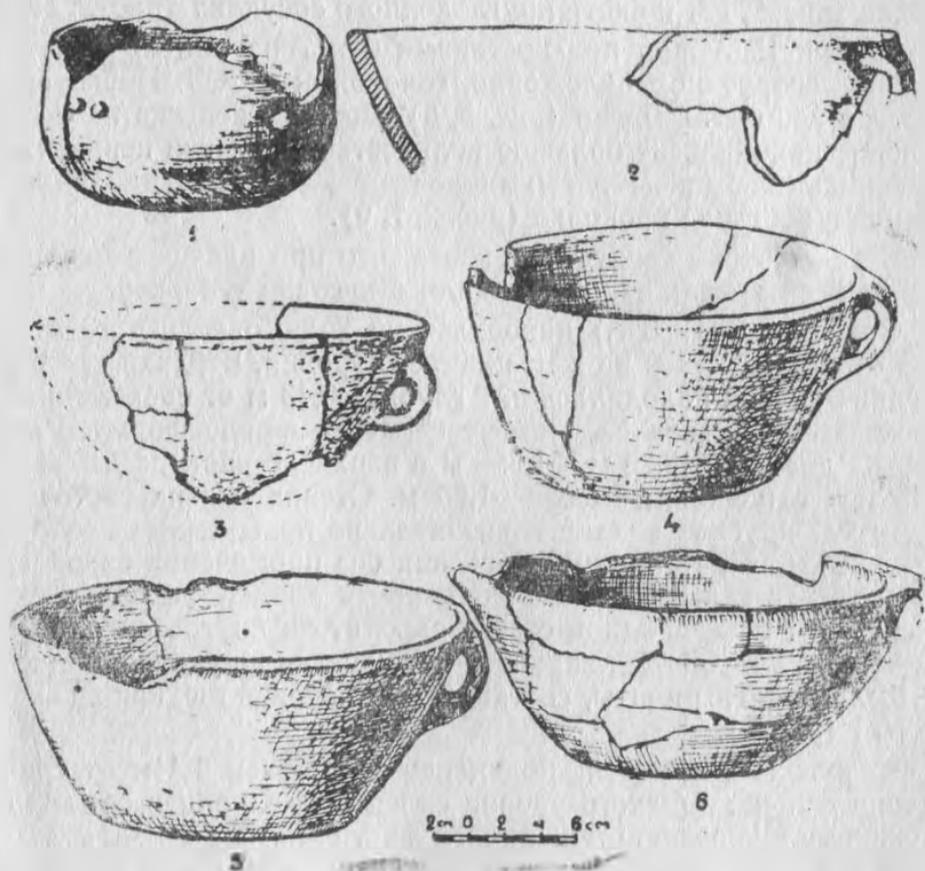

Рис. 5. Миски из склепа № 1.

В юго-восточной части склепа находились кости 3 скелетов (№ 10, 11, 12). Их черепа лежали по линии ЮЗЗ—СВВ, один лицом к югу, 2 лицом к востоку.

При этих скелетах найдены: 3 миски (рис. 5, 1, 2, 3), 2 сосуда баночной формы (рис. 4, 3), 2 миниатюрных горшочка (рис. 2, 13, 14) и маленькая кружка (рис. 2, 18).

К северо-востоку от костяка № 9 находились остатки скелета № 13 (череп, плечевые кости и позвонки). Костяк, видимо, лежал на спине, головой на СВ. Вместе с ним был положен и небольшой горшочек (рис. 2, 20).

У стенки северо-восточной части склепа в беспорядке лежали кости еще 5 скелетов №№ 14, 15, 16, 17, 18. Видимо, погребенные находились вдоль стенки в сидячем положении, а с течением времени их костные останки упали и приняли беспорядочное положение. Вполне возможно иное предположение, что костяки были сдвинуты к стенке, чтобы освободить место для захоронения еще одного покойника.

При них были найдены: миска (рис. 5, 4), миниатюрная чашечка (рис. 2, 19) и части круглодонного сосуда (рис. 2, 16).

Костяк 19 лежал под костяками 6 и 7 на правом боку в сильно скорченном положении, головой на ССЗ. Инвентарь состоял из одной миски (рис. 5, 5). Вокруг костяка на полу склепа находилось большое количество обломков керамики. Среди костей были найдены: микролитическая ножевидная пластинка и костяная проколка (рис. 2, 7, 9).

В заключение следует добавить, что при расчистке костяков во всех ярусах часто попадались кусочки угольков.

Склеп № 3 (1960 г.) находился на краю оврага в 13 м. к ЮЗ от склепа № 1 и на 2 м. ниже его уровня. Верхняя кладка стенки склепа находилась на глубине 0,43 м от современной поверхности. Склеп № 3 имеет сегментовидную форму. Размеры: диаметр—1,35 м × 1,65 м в верхней части и 2,10 м × 1,65 м у основания; высота—1,65 м. Стенка склепа состояла из 10—12-ярусной кладки горизонтально положенных необработанных плит. Кладка произведена без применения скрепляющего раствора. Плиты верхнего яруса кладки стены, за исключением юго-западной стены, заходят во внутрь склепа на 10—15 см. Определить характер перекрытия не удалось. Здесь не были найдены плиты, составлявшие перекрытие, как в склепе № 1 (рис. 6).

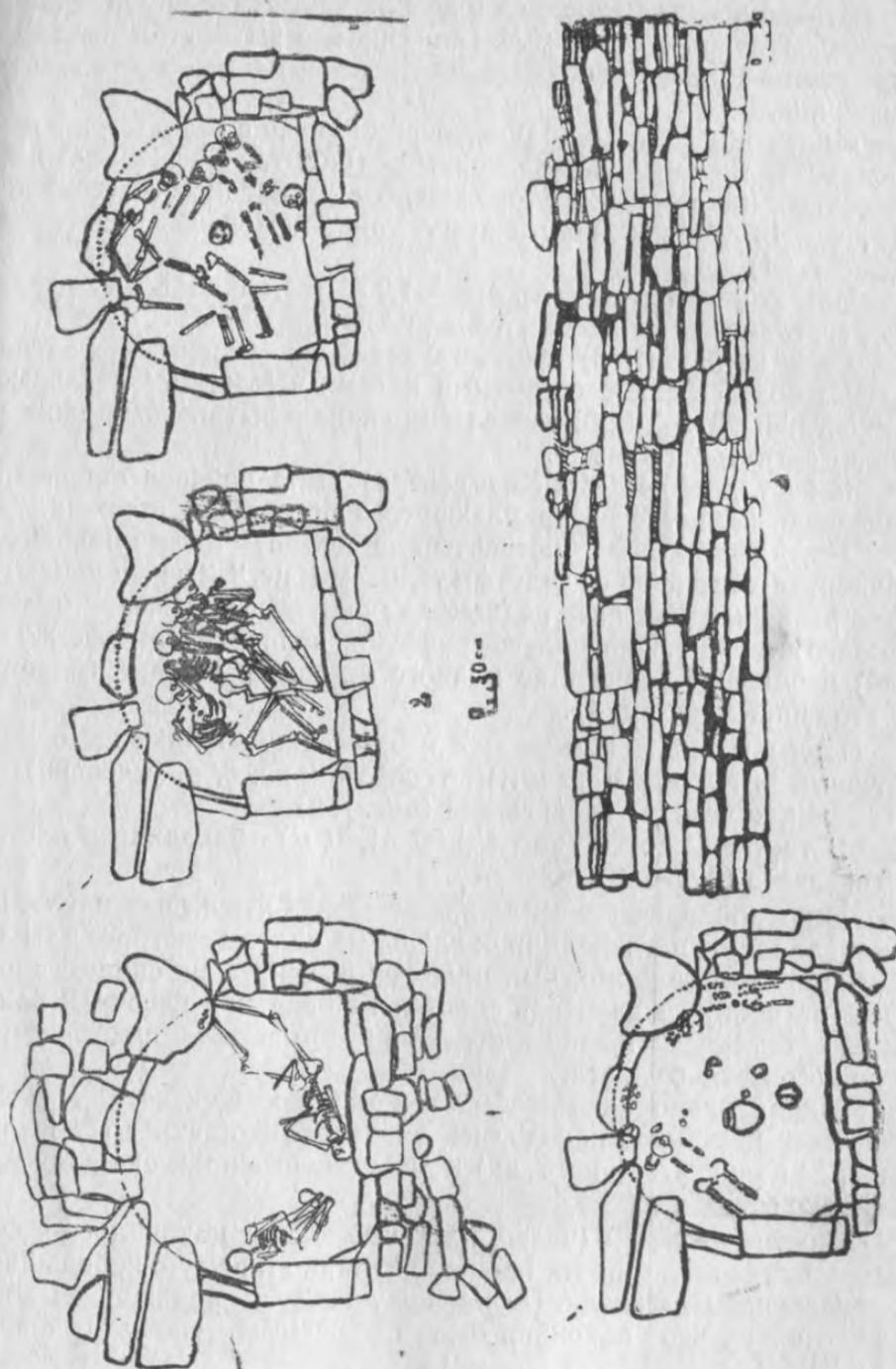
Человеческие кости появились с глубины 1,1 м от края стенки склепа. До этого уровня склеп был заполнен землей с большими включениями щебня и речного ила.

В склепе вскрыто 16 костяков, расположенных в 4 яруса и отделенных друг от друга тонкой прослойкой земли.

В верхнем ярусе, на глубине 1,1—1,2 м. от края стенки склепа, было 2 костяка.

Первый лежал в западной части склепа, грудью вниз в сильно скорченном положении, головой на север.

У головки плечевой кости левой руки находилась медная пластинчатая скоба, у ног—медный полусферический колпачок.

Р и с. 6 План склепа № 3 1—первый (верхний) ярус погребений
 2—второй ярус; 3—третий ярус; 4—четвертый ярус; 5—кладка стены
 склепа № 1

Второй костяк находился в южной части склепа. Он лежал перпендикулярно костяку № 1 на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Руки были согнуты в локтевых сочленениях.

Инвентарь состоял из бронзовой булавки с головкой в виде полукруга с опущенными краями (рис. 7, 26), 14 овальных височных подвесок в полтора оборота из бронзового стержня (рис. 7, 16—20) и подвески из тонкой медной пластинки (рис. 7, 21).

Во втором ярусе (гл. 1,20—1,30 м), параллельно друг другу, головами на восток, лежало 4 костяка.

Один из них (№ 3), первый с северной стороны, лежал на левом боку со слабо согнутыми ногами и руками. Остальные 3 костяка (№№ 4, 5, 6) лежали на спине в вытянутом положении с согнутыми руками.

У костяка № 4 (второй с севера) была найдена овальная височная подвеска из приплюснутого бронзового стержня.

При костяке № 5 (четвертый с севера) были найдены: одноручный горшок со вздутым туловом (рис. 8, 3 перед лицом), две овальные височные подвески из округлого в сечении бронзового стержня, два полусферических колпачка (рис. 7, 22—23) и большое количество мелкого бисера из белой и голубоватой пасты (рис. 7, 1).

При костяке № 6 (между 4 и 5 костяками) найдены одноручный горшок со вздутым туловом (рис. 8, 4, у черепа) и плоская круглая буса из гагата (рис. 7, 2).

В третьем ярусе (на гл. 1,30—1,40 м) находились кости 8 скелетов (рис. 6, 3).

В южной части склепа лицом вверх лежал череп (№ 7), а к западу от него были параллельные полосы костного тлена.

Покойник, видимо, был положен вытянуто на спине, головой на восток. Инвентарь состоял из овальной височной подвески, бисера из белой и голубоватой пасты и подвески из тонкого медного листа.

Параллельно костяку № 7 лежали кости скелета № 8. У шейных позвонков находились бронзовая булавка с головкой в виде полукруга (рис. 7, 25) и две височные подвески в полтора оборота.

Кости скелета 9 (череп, плечевые кости) находились к северу от костяка 8 почти перпендикулярно к нему с небольшим отклонением к западу. По расположению сохранившихся костей видно, что покойник был положен на спину головой на ЮЮЗ.

У черепа найдены овальные височные подвески в полтора оборота. В центре склепа находились обломки черепа и тлен от костей (№ 10). Среди костей были две уплощенные круглые бусы из гагата и большое количество бисера из белой и голу-

боватой пасты (среди них—одна с тремя «бородавками», рис. 7, 1).

Костяк II лежал поперек склепа, на спине, в вытянутом положении, головой на восток.

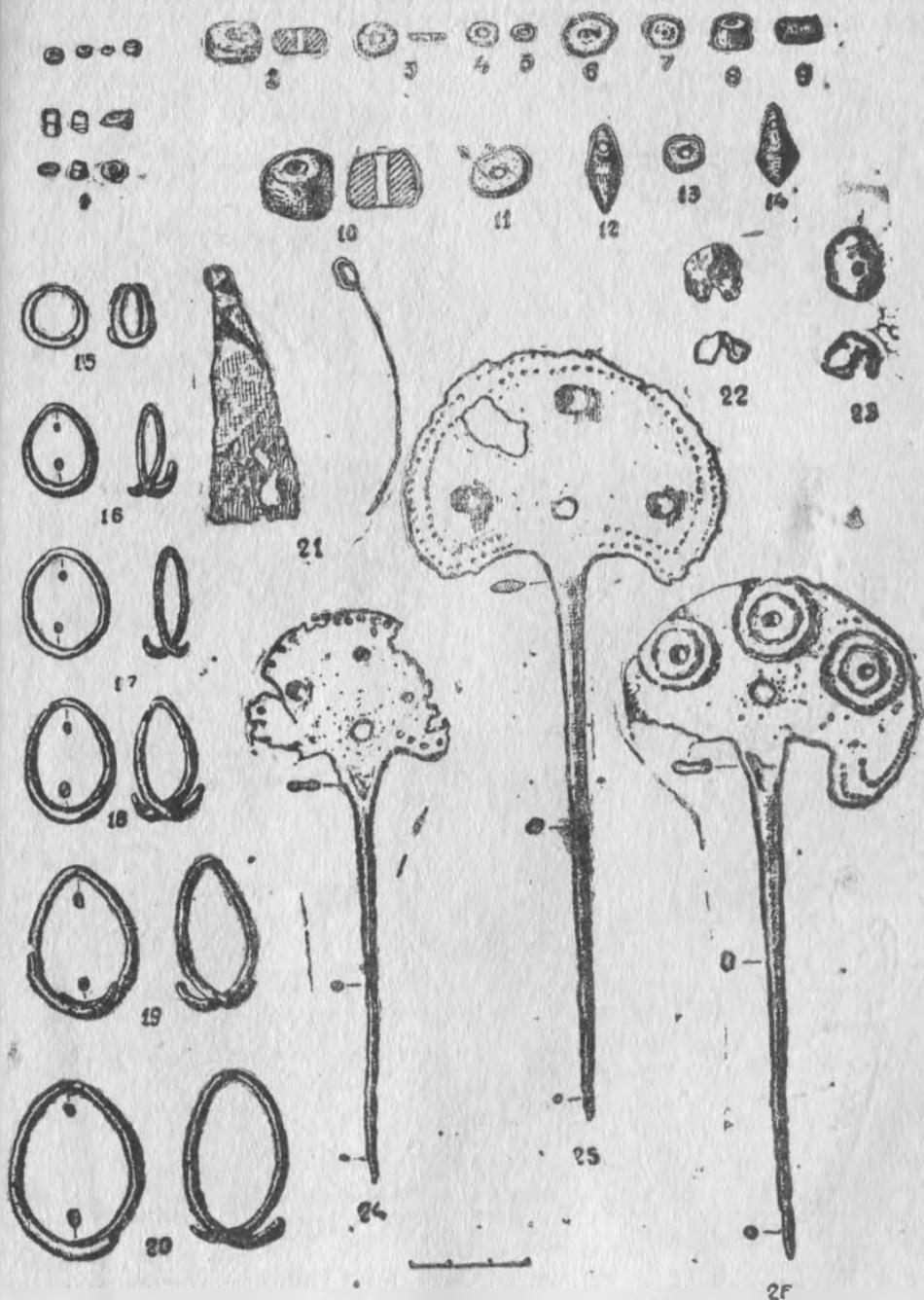

Рис. 7. Инвентарь погребений в склепе № 3 1—пастовые бусы; 2, 5, 10, 11, 13—бусы из гагата; 3, 4, 6, 7—бусы из раковины; 12, 14—подвески из гагата; 15—20—медные височные кольца; 21—подвеска из медной пластинки; 22, 23—полусферические колпачки; 24—26—булавки.

Костяк 12 лежал вдоль восточной стенки склепа на спине, головой на юг, со слабо согнутыми ногами. У шейных позвонков найдены две височные подвески в полтора оборота, ожерелье, состоящее из пастового бисера, бус из раковин и гагатовой подвески (рис. 7 1, 3—7, 12).

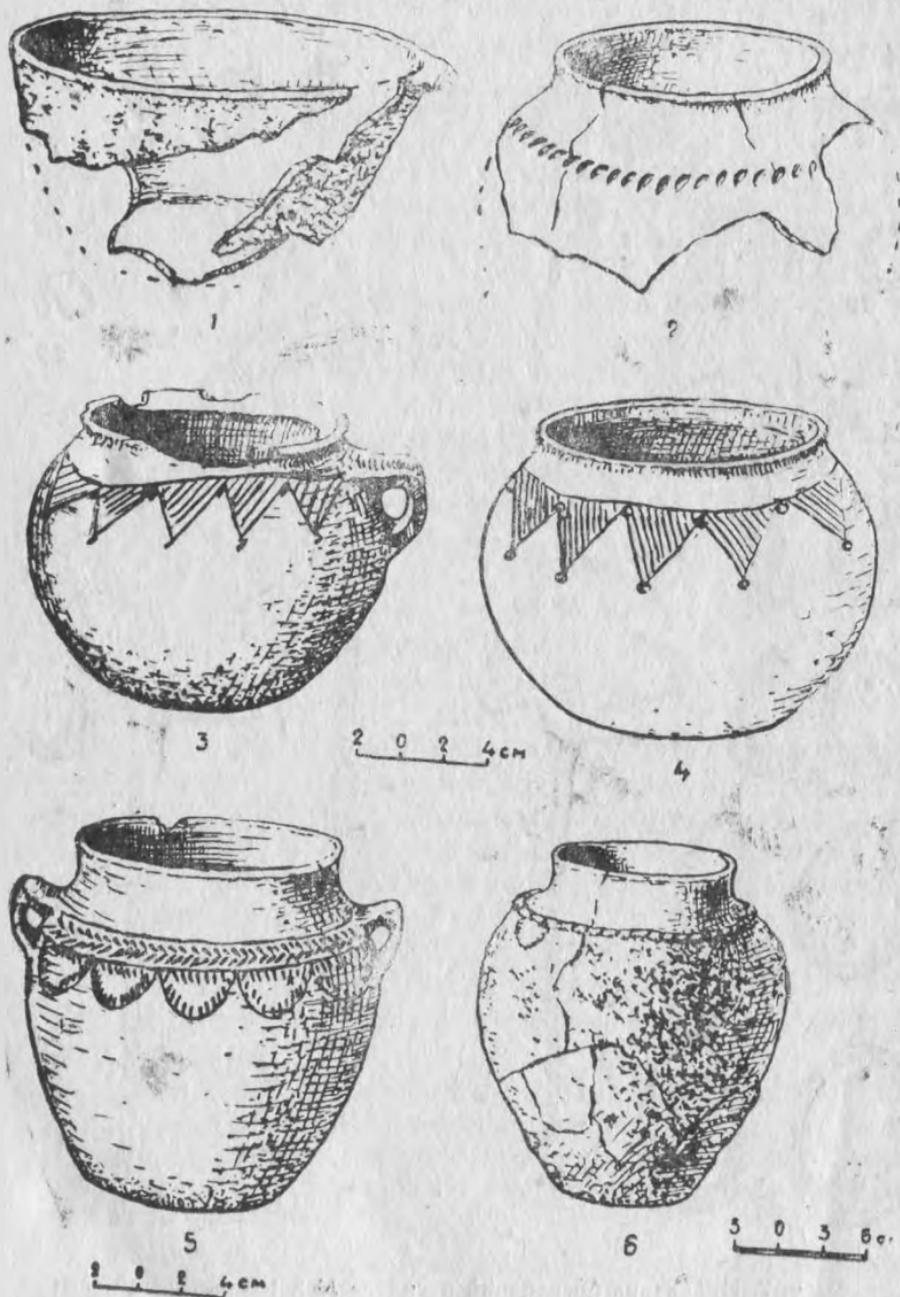
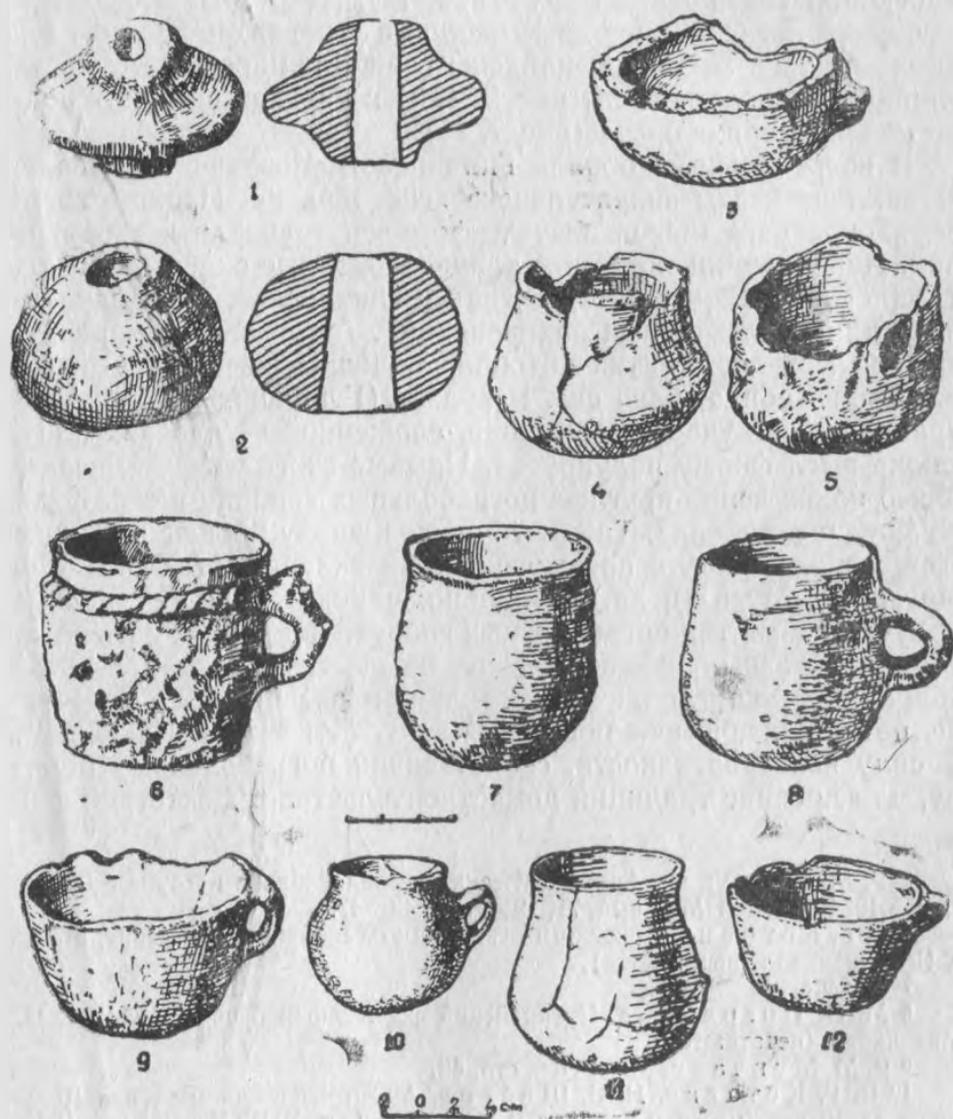

Рис. 8 Миска и горшки из склепа № 3

В северной части склепа находились кости скелета 13 (черепа, части плечевых костей и берцовые кости). Судя по их расположению, кость лежал на спине, головой на северо-восток. У юго-западной стенки сохранились обломки черепа и костный тлен, принадлежавшие костью 14. Рядом с ними были части миниатюрного сосудика с обмазанной глиной поверхностью.

Кроме того, в этом же ярусе у стенки, в западной части склепа были найдены бронзовая булавка с навершием в виде полукруга (рис. 7, 24), бисер из белой и голубоватой пасты и 4 бронзовых полусферических колпачка (рис. 7, 23).

Р и с. 9 Инвентарь погребений в склепе № 3 1—глиняная модель колеса; 2—глиняная булава; 3—8—миниатюрные сосудики (3—5, 7, 8—круглодонные); 9—12—чашки; 10, 11—круглодонные сосуды.

В нижнем ярусе (на гл. 1,40—1,65 м), на полу склепа были расчищены превратившиеся в тлен костные остатки 2 скелетов (рис. 6, 4).

Оба они, видимо, лежали на спине в вытянутом положении: один (костяк 15) в северной половине склепа, головой на восток, другой (16) в южной половине (у стенки склепа) головой на северо-восток.

На полу было большое количество разнообразных глиняных сосудов. Среди них миски (рис. 8, 1), горшки (рис. 8, 2, 6), круглодонные сосуды (рис. 9, 3—5, 7, 8, 10, 11), небольшие плоскодонные чашечки (рис. 9, 6, 9, 12). Некоторые миниатюрные сосудики были наполнены золой и угольками. Кроме того, около костяка № 6 были найдены глиняное навершие булавы, глиняная модель колеса (рис. 9, 1, 2) и круглая височная подвеска в полтора оборота (рис. 7, 15).

В погребальном обряде Гинчинского могильника прослеживаются черты значительного своеобразия. Прежде всего обращают внимание необычные формы погребальных сооружений. Наиболее близки к ним колодцеобразные склепы у с. Чох (Гунибский район), которые, как и гинчинские, предназначались для коллективных захоронений⁵. Аналогична им разрушенная могила, остатки которой виднелись на обрыве речки у хутора Хабада, близ сел. Ругуджа (Гунибский район). Сохранившийся участок ее стенки, сложенной из плоских плит, также имел форму полукруга⁶. Помимо этого имеются сведения о нахождении круглых погребальных гробниц в сел. Кули Кулинского района⁷. Таким образом в эпоху бронзы в горном Дагестане, наряду с прямоугольными склепами (склепы у с. Ирганай⁸, Муги⁹ и др.), довольно широкое распространение получил новый тип погребальных сооружений в виде каменных колодцеобразных склепов. Возникон, видимо, как результат подражания круглоплановым жилищам, известным в Дагестане по энеолитическим поселениям у с. Мекеги¹⁰ и Каякент¹¹. В силу консервативности, свойственной погребальному обряду, эти древние традиции домостроительства в Дагестане еще

⁵ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г., КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 43—47.

⁶ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, МАД, т. II, Махачкала (печатаются).

⁷ Там же.

⁸ М. Н. Погребова. Ирганайский склеп эпохи бронзы, МАД, т. II, Махачкала (печатаются).

⁹ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 48.

¹⁰ В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет (итоги и проблемы). УЗ ИИЯЛ, т. VIII, Махачкала. 1960, стр. 337.

¹¹ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., стр. 20. Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-восточного Кавказа, МИА, № 100, 1961, стр. 31.

долго сохранялись в погребальных сооружениях Гинчинского и других могильников горного Дагестана, хотя к этому времени повсеместно были распространены уже прямоугольные жилища (Верхнегунибское¹², Ирганайское¹³, Сигитминское¹⁴ поселения).

Гинчинские склепы служили коллективными усыпальницами, (подобно склепам, встречающимся в эпоху бронзы и в горах Северного Кавказа)¹⁵ и свидетельствуют о еще крепких родовых традициях их носителей.

Захоронения в склепах производились не одновременно, а через некоторые промежутки времени, что подтверждается расположением костяков ярусами, отделенными прослойкой земли, а иногда тонкими плитами, отсутствием каких-либо следов насильственного умерщвления кого-либо из погребенных, а также перемещением костей некоторых скелетов для освобождения места в склепе вновь погребенному. Наблюдения, сделанные в процессе раскопок, показали, что беспорядочное расположение костей некоторых скелетов связано с последним обстоятельством, а не с обрядом расчленения костяков¹⁶. В большинстве случаев удалось определить первоначальное положение погребенных. Их клали в вытянутом, скорченном или сидячем положении. Ориентация покойников неустойчива, но прослеживается определенная тенденция класть их головами на восток с незначительными отклонениями на север или на юг.

Из других деталей погребального обряда следует отметить посыпку покойников угольками, обычай класть в могилу миниатюрные сосуды, наполненные углем, устройство очага для разжигания погребальных костров. Все это связано с почитанием огня, которому в древности придавали магическую, очистительную силу.

Покойников сопровождало большое количество разнообразных глиняных сосудов, украшения и др. Посуда вылеплена

¹² В. М. Котович. Верхнегунибское поселение, МАД, т. II (печатается).

¹³ Д. М. Атаев, М. Г. Гаджиев и М. Н. Погребова. Отчет о работе 2 горного отряда ДАЭ в 1959 г., РФ ИИЯЛ, дело № 2637.

¹⁴ В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г., УЗ ИИЯЛ, т. III, Махачкала, 1957, стр. 158.

¹⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 78.

¹⁶ В литературу вошло мнение, что покойников в гинчинских склепах хоронили в расчлененном состоянии. Вывод этот был основан на незначительном материале разведочного раскопа 1956 г. и не подтвердился при последующих более широкого масштаба работах на могильнике. См. М. И. Пиккуль. Результаты археологических исследований 2-го горного отряда ДАЭ в 1956 г. Отчет. Часть I, Махачкала, 1957, РФ ИИЯЛ, дело № 2311; В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. стр. 165.

от руки из глины, содержащей большие примеси грубо толченого камня, что является характерной особенностью гинчинской керамики, за исключением миниатюрных тонкостенных сосудов, которые сделаны из хорошо отмученной глины. По способу обработки поверхности сосуды делятся на сосуды с лощенной поверхностью (рис. 3, 4 5, 2—6, 8, 2—5), и сосуды со сглаженной или грубо обмазанной поверхностью (рис. 3, 2, 3, 4, 8, 1, 6). Первые характеризуются черным или серым цветом, сравнительно хорошим обжигом и преимущественно нарезным орнаментом, а вторые—серой или коричневатой поверхностью, худшим обжигом и налепным орнаментом.

Учитывая форму и назначение сосудов, гинчинскую керамику можно подразделить на следующие группы.

1. Миски в виде перевернутого усеченного конуса с залощенной поверхностью и, как правило, с одной петлевидной ручкой, расположенной на краю бортика или несколько ниже его (рис. 5, 2—5; 8, 1). Миски являются характерной формой посуды памятников ранних этапов эпохи бронзы Дагестана (Гонобский¹⁷ и Карабудахкентский¹⁸ могильники; Верхнегунибское—нижние слои¹⁹ и Сигитминское²⁰ поселения). Ко времени поздней бронзы они исчезают как из обихода²¹, так и из погребального обряда.

У некоторых мисок наружная поверхность обмазана жидкой глиной (рис. 8, 1). Аналогичная миска известна только в Ругуджинском могильнике²².

К группе мисок близки еще два сосуда из склепа № 1. Первый из них имеет загнутый внутрь край и сливной носик (рис. 5, 6). С подобной формой посуды мы встречаемся в Дагестане впервые.

Второй сосуд близок к мискам, описанным выше, но в отличие от них стенки его почти прямые, плавно переходящие в широкое дно. Орнаментирован он налепными шишечками, расположенными симметрично в 4-х местах (рис. 5, 1).

II. Ко второй группе относятся высокие сосуды баночной формы с почти прямыми стенками, обмазанной жидкой глиной внешней поверхностью и заглаженным горлом (рис. 4, 1—4). Некоторые из них орнаментированы налепными валиками с

¹⁷ В. Г. Котович, Археологические работы в горном Дагестане. МАД, том II.

¹⁸ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ с. Карабудахкент.. МИА, № 68, 1958, стр. 147.

¹⁹ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение МАД, т. II.

²⁰ В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г., УЗ ИИЯЛ Дагфилвала АН СССР, т. III, 1957, стр. 157.

²¹ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение—памятник эпохи бронзы горного Дагестана. РФ ИИЯЛ, Махачкала, 1960, дело № 2846, стр. 28—

²² В. Г. Котович. Указ. соч., стр. 36, рис. 21.

пальцевыми вдавлениями, опоясывающими сосуд по низу горла и отделяющими обмазанную часть поверхности от горла (рис. 4, 1, 2, 4), Один из сосудов небольшого размера снабжен петлевидной ручкой (рис. 4, 2).

Среди этой группы керамики выделяется сосуд со сглаженной поверхностью, орнаментированный по середине верхней половины 9 наклепными шишечками, расположенными тремя группами по 3 в каждой (рис. 3, 3).

Орнаментация сосудов наклепными шишечками получила в Дагестане особенно широкое распространение в памятниках ранних этапов бронзового века.

Обработка поверхности, а также орнаментация посуды этой группы характерна для керамики эпохи бронзы Дагестана. Но своей необычной формой она заметно выделяется на ее фоне.

Наиболее близкие аналогии этой группе гинчинской керамики мы находим в могильнике Гатин-Кале (Чечено-Ингушетия)²³.

III. Третью группу составляют низкие широкогорлые горшки с вздутым туловом и слабо выраженным венчиком. Они снабжены одной или двумя ручками. Поверхность, серая или кирпичевая, заглажена. Орнамент, состоящий из нарезного узора в виде елочки, прочерченных треугольных или полукруглых фестонов, а также поясков из клиновидных насечек, характерен для керамики эпохи бронзы (рис. 8, 2—5).

Наибольшее сходство с этой группой наблюдается в керамике Миатлинских курганов²⁴.

Внутри этой группы выделяются 3 сосуда более вытянутых очертаний. Один из них (рис. 3, 4) имеет вздутое тулово, широкое горло с отогнутым наружу венчиком и небольшое дно. Коричневая поверхность его залощена. На выпуклой части тулова расположена петлевидная ручка с наклепной шишечкой на верхней площадке. Интересен орнамент из нескольких наклепных валиков, расположенных вертикально на верхней половине сосуда по низу горла. Подобный орнамент имеется на одном сосуде из Большого миатлинского кургана эпохи ранней бронзы²⁵.

Второй сосуд по форме близок к описанному, но, в отличие от него, поверхность его слабо обмазана жидкой глиной, а гор-

²³ В. И. Марковин. Археологические работы в Аргунском ущелье в 198 году, КСИА, вып. 84, 1961, стр. 51, рис. 15-4:

²⁴ В. И. Канивец. Миатли—новый памятник бронзового века в Северном Дагестане. МАД, т. I, 1959, стр. 45—49. В. И. Канивец и С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке. МАД т. I, 1959, стр. 60—84. И. П. Костюченко. Раскопки Миатлинского курганного оля в 1955 г., МАД, т. I, 1959, стр. 86—120.

²⁵ В. И. Канивец. Отчет о раскопках памятников бронзового века на Сулаке в 1957 г. РФ. ИИЯЛ, Махачкала, д. № 2485, стр. 20.

ло заглажено и снабжено двумя ручками, отходящими от края венчика (ручки не сохранились). Орнамент состоит из горизонтального налепного валика с насечками, расположенного на плечиках сосуда, на месте перегиба от стенок к венчику. (Рис. 3, 2).

Третий сосуд (склеп № 3, рис. 8, 2) имеет вздутое тулово, довольно широкое горло и сравнительно узкое дно. Коричневая поверхность грубо обмазана жидкой глиной, а горло заглажено. Орнамент состоит из налепного валика с насечками. По своей форме и способу обработки поверхности этот сосуд близок сосудам Хорочоевского могильника²⁶.

IV. В наибольшем количестве представлены плоскодонные горшочки, небольшие чашки (рис. 2, 12—14, 18—20; 9, 9, 12), а также круглодонные сосуды (рис. 2, 15—17; 9, 10—11). Особо интересны последние. Это небольшие горшочки с шаровидным туловом и округлым дном и, как правило, с одной ручкой в основании горла. Сделаны они из хорошо отмученной глины и хорошо обожжены. Поверхность большей части круглодонных сосудов имеет блестящее черное или серое лощение. Большинство их орнаментировано заштрихованными поясками, расположенными по низу шейки, и спускающимися от них косо зачерченными треугольниками.

Впервые круглодонные сосуды стали известны в Дагестане по раскопкам Гинчинского могильника. Теперь количество памятников, где обнаружены круглодонные сосуды, возросло причем они находятся преимущественно в горной части Дагестана, например, в Верхнегунибском поселении²⁷, Ирганайских склепах²⁸, в погребениях II типа Миатлинских курганов²⁹. Наличие большого количества круглодонных сосудов видимо, является специфической чертой керамики эпохи бронзы горного Дагестана. Появление их в Дагестане, судя по раскопкам Верхнегунибского поселения, относится к эпохе ранней бронзы. На Северном Кавказе они появились еще в энеолите (Луговое поселение)³⁰. Известны они и из Закавказья³¹.

V. Миниатюрные круглодонные и плоскодонные сосудики, подражающие подобным же сосудам более крупных размеров (рис. 9, 3—8). Маленькие размеры исключают возможность

²⁶ А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э., МИА, № 68, 1958, стр. 60, рис. 26, 1.

²⁷ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение. (МАД, т. II, Мхачкала).

²⁸ М. Н. Погребова. Ирганайский склеп эпохи бронзы (МАД, г. II, Мхачкала).

²⁹ В. И. Канивец. Указ соч., стр. 47.

³⁰ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961, стр. 111—112, рис. 33 и 34.

³¹ Сообщение Р. М. Мунчаева.

практического применения. Кроме того, они часто бывают наполнены золой и угольками, что свидетельствует о применении их для целей погребального ритуала.

Таким образом, в Гинчинской керамике, наряду с чертами, общими для дагестанской керамики эпохи бронзы, прослеживаются специфические черты, которые могут быть объяснены как признак локального характера культуры бронзы горного Дагестана.

Из других глиняных изделий следует отметить две находки, редкие для памятников эпохи бронзы Дагестана. Это глиняное навершие шаровидной булавы с коническим отверстием (рис. 9, 2) и глиняная модель колеса (рис. 9, 1).

Орудия труда встречаются очень редко. Они представлены несколькими кремневыми отщепами, пластинками со следами употребления и костяными проколками, являющимися частыми находками в памятниках эпохи бронзы (рис. 2, 6—11).

Разнообразен набор украшений могильника. Среди них бронзовые булавки, височные кольца, подвески, разнообразные бусы.

Булавки имеют плоские головки в виде полукруга, орнаментированные точечным узором, углублениями, концентрическими кругами. На головках имеется по одному сквозному отверстию (рис. 7, 24—26).

Обычно они находились в области шеи или под черепом, и, как правило, вместе с набором украшений женщин. Ими, видимо, пользовались для скрепления женского головного убора или одежды.

Аналогичная булавка происходит из погребений близ сел. Никар б. Гунибского округа Дагестанской области и хранится в фондах Государственного музея Грузии³². Другие точные аналогии гинчинским булавкам нам неизвестны. Сходство с ними прослеживается в булавах с дисковидными головками Квасатальского³³, Тлийского³⁴ могильников, Гатин-Кале в Чечено-Ингушетии³⁵. Аналогичные булавки с дисковидной головкой, украшенной точечным узором, происходящие из Кумбултского могильника, имеются и в собрании П. С. Уваровой³⁶.

³² Колл. Гос. музея Грузии № 38—09/3. Любезное сообщение Д. М. Атаева.

³³ О. М. Джапаридзе. Квасатальский могильник эпохи бронзы в южной Осетии. КСИИМК, вып. 60, 1956, стр. 26.

³⁴ Б. В. Тихонов. Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна (древний могильник в с. Тли). 1957, стр. 93, табл. II, 20—22.

³⁵ В. И. Марковин. Археологические работы в Аргунском ущелье в 1958 году, КСИА, вып. 84, 1961, стр. 51, рис. 15, 1—2.

³⁶ МАК, VIII, М., 1900, стр. 215, табл. XXXVII, 5, 6, 7.

Подобные булавки бытовали на Кавказе в эпоху средней бронзы. К тому же времени, видимо, относятся и гинчинские булавки, чему не противоречит их химический состав. Так, в одной из булавок (рис. 7, 26) содержится 99,1% меди, 0,02% олова, 0,1% мышьяка, а в другой (рис. 7, 24) 98,3% меди, 0,5% олова, 0,2% мышьяка, 0,1% сурьмы³⁷. Таким образом, булавки изготовлены из меди с незначительными примесями олова и мышьяка, преднамеренность присадки которых, по крайней мере, для первой булавки, сомнительна.

Височные подвески в полтора оборота, изготовленные из округлого в сечении медного стержня являлись наиболее распространенным видом украшений на Кавказе на всем протяжении бронзового века. Причем ранние формы подвесок имеют круглую форму, подобно подвескам Гнобского могильника³⁸, поздние—овальную, типичную для подвесок среднего слоя абхазских дольменов³⁹ и соответствующих ему комплексов таких могильников Северного Кавказа, как Кумбулта, Донифарс и др.⁴⁰ В Гинчинском могильнике представлены оба варианта этих подвесок (рис. 7, 15—20).

Пластинчатые подвески Гинчинского могильника в виде лопасти с загнутым для подвешивания концом близки к подобной же подвеске из склепов у с. Чох⁴¹ (рис. 7, 21). Такая подвеска видимо предшествовала в горном Дагестане цельным двулопастным пластинчатым подвескам, получившим широкое распространение в эпоху поздней бронзы⁴².

Полусферические колпачки с отверстием на вершине, судя по тому, что их находили в одном ряду с бусами, являлись составными элементами ожерелий. Они имеются в ранних комплексах Миатлинских курганов⁴³, в Чохских склепах⁴⁴, но широкое распространение получили в могильниках поздней бронзы (Хорочой⁴⁵, поздние комплексы Миатлинских курганов и др., рис. 7, 22—23).

³⁷ Анализы металлических предметов произведены в лаборатории археологической технологии Института истории АН Азерб. ССР И. Р. Селимхановым.

³⁸ В. Г. Котович. Указ. соч. стр. 32, рис. 18—19, 20, 21.

³⁹ Б. А. Куфтин. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 11, рис. 3.

⁴⁰ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода, МИА, № 23, 1951, стр. 48.

⁴¹ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г., стр. 47, рис. 11, 6.

⁴² А. П. Круглов. Северо-восточный Кавказ по II—I тыс. до н. э., стр. 68, рис. 28, 3.

⁴³ В. И. Канивец. Миатли — новый памятник бронзового века в Северном Дагестане, стр. 45.

⁴⁴ Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 47, рис. 11, 7.

⁴⁵ А. П. Круглов. Указ. соч., стр. 67, рис. 25-2 и 28-1, 2.

⁴⁶ В. И. Канивец. Указ. соч., стр. 48.

Бусы, найденные в могильнике, подразделяются на пастовые, каменные, раковинные. В наибольшем количестве представлены пастовые бусы (бисер) белого, зеленого, голубого и коричневого цветов, в виде коротких цилиндров длиной 1,5—5 мм, с диаметром не более 4 мм., сдвоенных цилиндров длиной до 6—7 мм, а также в виде плоских колец. Только в склепе № 3 подобных бус было найдено свыше 500 экз. (рис. 7, 1).

Особый интерес представляет бусина с тремя выступами («бородавками») из склепа № 3 (рис. 7, 1). «Бородавчатые» бусы встречаются на Северном Кавказе в строго ограниченных по времени памятниках и являются находками, датирующими комплексы, в которых они встречаются. Так, в большом количестве они были найдены во впускном погребении № 31 Нальчикского могильника, относящегося к концу средней поры развития бронзы на Кавказе, т. е. к III четверти II тыс. до н. э.⁴⁷ и в погребении № 16 Кумбултского могильника «Верхняя Рутха», датируемого Е. И. Крупновым второй половиной II тыс. до н. э.⁴⁸

В Дагестане, кроме Гинчинского могильника, «бородавчатые» бусы были найдены в Манасе (курган № 3, погребение № 3)⁴⁹, Миатли (курган № 2, гр. II)⁵⁰, относящихся к середине или III четверти II тыс. до н. э. и в склепах у с. Чох, которые видимо следует датировать тем же временем, что и Гинчинские⁵¹.

Каменные бусы и подвески сделаны из речной гальки (рис. 2, 4) или из гагата. Последние представлены в большом количестве и разнообразными формами. Среди них бусы в виде плоских колец и боченовидные (рис. 7, 2, 5, 10, 11, 13), конические и биконическое подвески (рис. 2, 5; 7, 12, 14). В настоящее время больше, чем где-либо на Кавказе, гагатовые бусы и подвески известны из Дагестана, что свидетельствует об их местном производстве. Отсюда они проникали в другие области Кавказа (могильник Гатин-кале)⁵². К тому же в Дагестане известны и месторождения гагата.

⁴⁷ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике, МИА, вып. 3, 1941, стр. 127, табл. II, рис. 9:

⁴⁸ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северного Кавказа докобанского периода, МИА, вып. 23, 1951, стр. 58—60, рис. 19.

⁴⁹ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане, СА, XXVI, 1956, стр. 202, рис. 5, 24.

⁵⁰ В. И. Каневец и С. С. Березанская. Курганы бронзового века на Сулаке, МАД, т. I, стр. 70, рис. 5.

⁵¹ Р. М. Мунчаев. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954, КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 45, рис. 11, 13.

⁵² В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.), МИА, 93, 1960, стр. 101.

Безусловно местного происхождения и плоские, круглые бусы из раковины, найденные в Гинчинском могильнике и широко распространенные в Дагестане в памятниках бронзового века (рис. 2, 1—3; 7, 3—7).

Для датировки Гинчинского могильника наибольшее значение имеет пастовая бусина с тремя «бородавками», Комплексы, в которых они найдены, датируются временем около середины — III четверти II тыс. до н. э.⁵³

Этим временем и определяется предварительная датировка Гинчинского могильника. Остальной инвентарь могильника не противоречит этому.

Действительно, керамика Гинчинского могильника, несмотря на ее образование, сближается с керамикой памятников среднего этапа бронзового века Дагестана, таких, как ирганайские склепы⁵⁴, Верхнегунибское поселение (второй слой)⁵⁵, I и II типы погребений миатлинских курганов⁵⁶, которые датируются временем около середины II тыс. до н. э. и др. Кроме того, в отдельных формах ее орнаментации прослеживаются черты, свойственные как керамике ранней бронзы Дагестана (Гонобский⁵⁷ и Карабудахкентский⁵⁸ могильники), Верхнегунибское поселение (нижний III слой)⁵⁹, так и поздней бронзы (Хорочоевский и др. могильники). Группа баночных сосудов наиболее близка к подобной же керамике могильника Гатин-Кале⁶⁰ (горная Чечня), относимого ко времени около середины II тыс. до н. э. В памятниках Дагестана и сопредельных районов Кавказа того же времени находит аналогию и некерамический инвентарь Гинчинского могильника.

Подводя предварительные итоги раскопкам Гинчинского могильника следует отметить, что материалы его и близких к нему памятников свидетельствуют о наличии в центральной части горного Дагестана локального варианта культуры эпохи бронзы, возможно связанного с определенной этнической общностью.

⁵³ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, М. 1957, стр. 80.

⁵⁴ М. Н. Погребова. Ирганайский склеп эпохи бронзы. (МАД, т. II, Махачкала).

⁵⁵ В. М., Котович. Верхнегунибское поселение.

⁵⁶ В. И. Канивец. Миатли — новый памятник бронзового века, стр. 45—47.

⁵⁷ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане, стр. 36.

⁵⁸ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ с. Карабудахкент, стр. 163—166.

⁵⁹ В. М. Котович. Указ. соч. (МАД, т. II, Махачкала).

⁶⁰ В. И. Марковин. Археологические работы в Аргунском ущелье в 1958 г., стр. 51, 54.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы.
ДАЭ — Дагестанская археологическая экспедиция.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института истории материальной культуры.
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях
Института археологии.
СА — Советская археология.
РФ — Рукописный фонд.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МАД — Материалы по археологии Дагестана.
УЗ — Ученые записки.
-

Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ДАННЫЕ ПО ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ ДАГЕСТАНА

Палеоантропологическое изучение Дагестана началось совсем недавно — первые данные появились в 1953 году в работе В. В. Бунака¹.

В 1959 г. и в 1961 г. опубликованы работы Н. Н. Миклашевской, посвященные краниологии Дагестана, сейчас подготавливается к печати работа Т. С. Кондукторовой, изучившей серию черепов из Верхне-Чирюртовского могильника хазаро-аланского времени.

Уже высказаны первые предположения об антропологическом облике древних обитателей Дагестана, о возможных путях становления современного антропологического типа народов Дагестана, то-есть палеоантропология Дагестана сделала свои первые шаги.

Цель настоящей работы прежде всего несколько увеличить имеющиеся данные по краниологии Дагестана и вместе с тем, на основании использования и обобщения всех известных автору данных, высказать несколько мыслей предположительного характера о становлении антропологического типа народов Дагестана.

Вводимый этой статьей материал происходит из удаленных один от другого могильников на территории Дагестана.

Краниологическая серия эпохи бронзы (вторая половина 2 тыс. до н. э.) добыта во время раскопок, проведенных в 1959—1960 гг. археологическим отрядом Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, под руководством Атаева Д. М., при участии автора (часть материала из могильника собрана аспирантом Института ИЯЛ Гаджиевым М. Г.), в местности (хутор) Гинчи близ селения Тидиб Советского района (бывш. Кахибский район). Могильник расположен на высоте около

¹ В. В. Бунак. Черепа из склепов Горного Кавказа в сравнительном освещении. Сб. музея антропол. и этнографии, т. XIV, М.-Л., 1953, стр. 354—363.

2-х тысяч метров в северо-западной части Дагестана, в центральной Аварии.

Сохранность черепов посредственная, многие из них потребовали значительной реставрации, в настоящее время из них обработано 12 мужских и 1 женский череп. Уже при беглом осмотре бросается в глаза значительная долихокrania, эллипсоидная форма черепной коробки (за исключением 2-х мужских и 1 женского черепа из склепа № 3, у которых черепная коробка короче и шире, особенно у женского), ортогнатность, довольно высокая лицевая часть черепа, резко выступающие носовые кости, значительное развитие сосцевидных отростков и надпереносья; отмеченные особенности на некоторых черепах ярко выражены. Эти особенности подтверждаются и данными измерений.

Описываемая краниологическая серия дает возможность впервые достоверно представить облик древних обитателей горного Дагестана. Многое в прошлом Дагестана неизвестно, загадочно — когда здесь впервые появился человек, происходила ли с течением времени смена населения, откуда сюда шли миграционные потоки, в какое время здесь появились предки современных, с одной стороны, столь разноязыких обитателей, с другой — очень однородных в антропологическом отношении.

Для того, чтобы ответить на эти вопросы потребуется затрата немалого количества труда представителей различных специальностей; антропологи же могут сказать, что, учитывая специфику сложения дагестанских народностей, их языков, культуры, быта, потребуется ни одна краниологическая серия, представляющая самые различные эпохи и самые различные этнотерриториальные зоны.

Всякое изучение сравнительно, и сравнение становится абсолютно необходимым, если изучаемый материал представлен одной малочисленной серией. Важно, что взять для сравнения, какой материал, из каких мест.

Принятая методика требует, чтобы сравнительный материал брался с той территории, на которой культура людей, оставивших памятник, была бы сходной с исследуемой.

Эту культурную связь населения Дагестана эпохи бронзы (включая и Гинчи) мы прослеживаем к северу (могильник Гатынкала, ЧИАССР) и к югу, на территории Азербайджана и Грузии². С этих территорий имеются краниологические се-

² Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, М. 1960, стр. 383.

Его же. Древняя история и культура Кабарды, М, 1957, стр. 98.

рии³, представляющие названную эпоху; правда точного хронологического совпадения нет, но, учитывая большую устойчивость вообще и малую дифференцированность в то время антропологического типа (что очень убедительно показано в работах В. В. Бунака и Г. Ф. Дебеца⁴), привлечение этих серий для сравнения достаточно обосновано.

Кавказ, особенно Закавказье и Дагестан, имел постоянные контакты с Передней Азией. Версия о заселении Кавказа этническими потоками Передней Азии имеет в науке большое признание. Это делает обоснованным привлечение материала из Передней Азии.

Культура юга России, Украины, Заволжья в эпоху бронзы постоянно ощущала на себе влияние культуры Северного Кавказа⁵. Учитывая это, мы взяли для сравнения и серию черепов из Поволжья⁶, тем более что она представляет такой антропологический тип, который отличается от южного, индосредиземноморского типа некоторыми своеобразными особенностями, называемыми в литературе протоевропейскими (массивность, большой скуловой диаметр, низкое лицо, низкие орбиты).

При сравнении серии из Гинчи (см. таблицу № 1) с другими сериями, прежде всего надо отметить большое сходство с черепами из Джемикента, затем с черепами из Севана, Самтавро II, нежели с черепами из Мингечаура, Самтавро I, причем Мингечаур первого периода наиболее отличается от гинчинской серии. Из серий с территории Передней Азии наибольшее отличие обнаруживают Тепе-Гиссар и Киш; очень близок к серии из Гинчи, за исключением прогнатности и носового указателя, Сиалк.

Большие отличия обнаруживаются при сравнении серий Гинчи и Н. Поволжья, именно в том направлении, в каком южный тип вообще отличается от протоевропейского, т. е. в размерах лицевого черепа.

Произведенное сопоставление позволяет нам высказать мнение, что исследуемая нами серия по антропологическому

³ Р. М. Касимова. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура (автореферат), М.-Л., 1956, стр. 2—9, 12—15; М. Г. Абдушелишвили. К палеоантропологии Самтварского могильника, Тбилиси, 1954, стр. 23—39.

⁴ В. В. Бунак. Древнейшие краниологические типы Передней Азии, Кр. сообщ. Института этнографии, Ш, М.-Л., 1947, стр. 76—79.

Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, М., 1948, стр. 106—108, 168—179.

⁵ Е. И. Крупнов. Древняя культура Северного Кавказа, М., 1960, стр. 341—356.

⁶ Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические материалы из погребения срубной культуры среднего Заволжья. Материалы и исследования по археологии СССР, № 42, М., 1954, стр. 485—491.

типу входит в круг южного, индосредиземноморского типа без какого-либо влияния со стороны северного типа.

Следовательно, древние обитатели Дагестана были сходны по антропологическому типу с населением Закавказья и Передней Азии и, учитывая общую недифференцированность антропологических типов в ту эпоху, различия между населением этих областей были очень незначительны.

Другая серия, исследуемая нами, происходит из местности Узун-тала — близ селения Чиркей Буйнакского района, из зоны перехода предгорья в горы. В настоящее время в этих местах проживают аварцы, однако, сохранилось предание, что ранее здесь жили кумыки, о чем говорит и топонимика данной местности (Узун-тала по кумыкски — длинный луг).

Почти все черепа взяты из одного склепа во время раскопок 1959 года, произведенных под руководством мл. научного сотрудника Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР Н. Д. Путинцевой.

Серия из Узун-талы грацильная (что очень затрудняло дифференциацию пола), ортогнатная, долихокранная, ортокранная, довольно узколицая, высота лица средняя, орбиты средней высоты, нос средней ширины (см. таблицу № 2).

Материал более или менее синхронный данному известен из разных могильников на территории Дагестана (Цилитль, Гоцатль, Верхний Чирюрт, Дегва, Агачкала, Миатли). Однако сравнение с ними затрудняется тем, что черепной материал из названных могильников крайне беден и неоднороден, например, из могильника Гоцатль известны 2 черепа, причем у одного черепа указатель 77, у другого 87.

Сравниваемые материалы Дегвы и Агачкалы однотипны по культуре с материалами Узун-Талы, образуя культуру предгорья Дагестана. Культура Верхнего Чирюрта, являясь вариантом культуры предгорья, имеет некоторые особенности, связываясь с культурой северокавказской⁷. Нами для сравнения еще взята аланская серия из Змейского могильника⁸. Не трудно заметить большое сходство исследуемой серии с серией из Дегвы нежели с Верхнечирюртовской; последняя же очень близка к аланской серии.

Таким образом, намеченные археологами связи по культуре подтверждаются и антропологическим материалом. Черепа из Змейска и Верхнего Чирюрта отличаются от черепов Узунталы—Дегвы большей круглоголовостью, большей шириной лица, более низкими орбитами, большей шириной носа.

⁷ В. Г. Кот о в и ч, Н. Ш е й х о в. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет 1961.

⁸ К. Х. Б е с л е к о в а. Краниология осетин и происхождение осетинского народа. Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, т. XIX, Орджоникидзе, 1957.

С другой стороны, черепа разбираемой нами серии близки по антропологическому типу к черепам из Мингечаура VI периода, т. е. несколько более ранним. Это сходство отмечено Н. Н. Миклашевской⁹ (1961 год), что позволило ей отнести черепа из Дегвы к каспийскому южному типу. Мы присоединяемся к мнению Н. Н. Миклашевской.

Н. Н. Миклашевская впервые высказала предположения о древних обитателях Дагестана на основании материала, изученного собственно ею и уже известного в литературе¹⁰. Предположения ее очень интересны и дальнейшие исследования по палеоантропологии Дагестана докажут насколько она права.

Нам бы хотелось вкратце воспроизвести их здесь.

Н. Н. Миклашевская высказывает предположения, что основная масса современного населения сложилась в результате смешения южного (каспийского) типа, который прослеживается здесь с древнейших времен, с более поздним элементом, который отмечается уже в скифо-сарматское время.

Далее, брахикранные широколицые типы имеют аналогию в поселениях степных культур. Поэтому более вероятным является предположение, что долихокранный узколицый тип, представленный в склепах Дегвы, Агачкалы, Дубаюрта, скорее следует связывать с каспийским типом современного населения, а брахикранный широколицый тип из могильников Херх и Миатлинский — с кавкасионским, имеющим наибольшее сходство с широколицыми типами севера, которые были распространены в скифо-сарматское время в Н. Поволжье, южной Украине, Западном Казахстане.

Нам кажется, что, если наличие на территории Дагестана с эпохи бронзы долихокранного, т. н. каспийского типа, является достаточно наглядным, то влияние скифо-сарматского, степного антропологического элемента на становление населения Дагестана является очень незначительным и очень спорным. Мы считаем маловероятной связь брахикранного широколицего кавкасионского варианта с скифо-сарматским, степным элементом. Во-первых, краниологический материал, датированный скифо-сарматским временем, с территории Дагестана крайне немногочисленен; во-вторых, этот материал, за исключением одного единственного черепа из Мамай-кутана, не говорит о брахикранныйности населения Дагестана в эту эпоху; в-третьих, скуловой диаметр, значительный на черепах из Карабудахкента и Манаса, на черепах из Новолакса, Мамай-кутана, Пиру невелик; этот противоречивый и скудный ма-

⁹ Н. Н. Миклашевская. Антропологический состав населения Дагестана в алано-хазарское время. Вопросы антропологии, вып. 5, М., 1960, стр. 115.

¹⁰ Там же, стр. 120—121.

териал не дает права говорить о значительном проникновении скифо-сарматских элементов в народности Дагестана, не говоря уже о смесе населения Дагестана в ту эпоху.

Более вероятно предполагать проникновение на территорию Дагестана антропологического элемента, несколько отличного от местного, в более позднее, хазаро-аланское время (говоря об этом, мы имеем в виду краниологический материал Верхне-Чирюртовского могильника и может быть Миатлинского могильника, имеющего антропологические и археологические параллели вне территории Дагестана), однако увязывать этот элемент со скифо-сарматским, как это делает Н. Н. Миклашевская, опять-таки трудно, учитывая разницу во времени и сложность миграционных движений в хазаро-аланское время.

Народы Дагестана, за исключением кумыков, сложились и развивались, как свидетельствует история, археология, языкознание, в значительной изоляции, особенно от севера, поэтому странным кажется увязывание развития кавкасионского варианта, т. е. типа, развивавшегося наиболее изолированно, с скифо-сарматским.

Если отвергнуть предположение о том, что брахикранный и широколицый антропологический тип населения Дагестана возникли под влиянием скифо-сарматского элемента, то приходится давать какое-то другое объяснение развитию брахикранный и широколицести. Нам кажется более верной точка зрения (отстаиваемая М. Г. Абдушелишвили¹¹) автохтонного развития кавкасионского типа, которая в свое время была высказана относительно происхождения антропологического типа грузин Г. Ф. Дебецем¹² и антропологического типа осетин, чеченцев, ингушей В. В. Бунаком¹³.

Можно предположить, что антропологический тип населения территории Дагестана в эпоху бронзы был очень близок к антропологическому типу населения Закавказья и Передней Азии. Данный антропологический тип без больших изменений сохранился вплоть до позднего средневековья, когда в силу внутреннего, автохтонного процесса развития антропологический тип стал претерпевать значительные изменения, а именно указатель стал повышаться, скуловой диаметр стал увеличиваться. Причина этих изменений пока не известна, может быть в этом повинны нарушения межродовых, межплеменных границ, расширение круга брачных связей, которые происходили в эпоху средневековья Дагестана, в период складывания военно-феодальной централизации.

¹¹ М. Г. Абдушелишвили. Об эпохальной изменчивости антропологических признаков. Краткое сообщение института этнографии, XXXIII, М., 1960, стр. 90—101.

¹² Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, М., 1948, стр. 276.

¹³ В. В. Бунак. Указ. соч., стр. 360—364.

НАДМОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДАГЕСТАНА XV—XVIII ВЕКОВ.

(по материалам лакских и даргинских районов).

Проблема изучения искусства Дагестана охватывает и вопрос о происхождении и развитии художественного образа в произведениях народных мастеров — художников Дагестана.

Данная статья ставит своей целью освещение идейной основы и развития художественных образов, возникших в той группе резных камней, которые используются как надмогильные памятники.

Искусство резьбы по камню является одной из старейших форм дагестанского народного творчества; оно здесь распространено повсеместно. Наиболее ярко искусство резьбы по камню представлено на надмогильных памятниках. В этом отношении сельские кладбища нашей республики являются своего рода музеями камнерезного искусства. Примерами служат кладбища селений Кумух Лакского района и Кубачи Дахадаевского района. Отметим, что здесь встречаются хорошо датированные комплексы надмогильных памятников, начинаая с XV века.

Серьезные трудности в изучении данной формы народного искусства появились в результате небрежного отношения к надмогильным памятникам, а подчас и уничтожением их.

Оставшиеся в целости надгробные стеллы представляют огромную ценность для исследователя и требуют незамедлительного изучения со стороны искусствоведов, историков, этнографов и художников. Они весьма верно характеризуют культурный уровень той или иной народности, отдельного района Дагестана и дают широкие возможности критического использования художественного наследия народа в нашей повседневной жизни.

Надо учитывать с какой ответственностью художник-кам-

нерез относится к работе по оформлению надгробного памятника. Народный мастер — автор надгробия, стараясь создать произведение стройной композиции и изящного узора, заботится не только о памяти погребенного, но стремится оставить память и о себе.

Несмотря на то, что надмогильные памятники являются произведениями народного творчества и находятся в тесной связи с материальным производством эпохи, они редко привлекались исследователями дагестанского искусства в качестве фактического материала.

В настоящей статье мы касаемся лишь части надгробий Дагестана, а именно надгробных стелл XV—XVIII веков, обнаруженных на территории, населенной даргинцами и лакцами. При этом древнейших форм дагестанских надгробий и истории их возникновения мы не касаемся.

После тщательного изучения и сопоставления форм надгробных стелл и способов их украшения в различных районах, населенных лакцами и даргинцами, нам удалось выявить три вида надгробий с каноническими контурами и схемой композиций в формах и орнаментике, которые сложились у даргинцев и лакцев в XV—XVIII веках и стали затем ведущими в общей массе их надгробных памятников.

Первый вид представлен надмогильными памятниками в виде каменной плиты трапецевидной формы с повернутым кверху широким основанием (см. рис. № 1, 2).

Второй вид — надмогильные памятники в виде прямоугольной каменной плиты (см. рис. № 9, 10).

Третий — надмогильный памятник в виде антропоморфной стеллы (см. рис. № 22, 23).

Первый вид надгробия характерен для территории кубачино-даргинского нагорья (сюда входят следующие селения Дахадаевского района: Кубачи, Ашти, Сутбук, Ураги, Ицари, Дзилебки, Кунки).

Второй вид распространен главным образом на территории Лакии (Лакский и Кулинский районы).

Третий в большинстве своем встречается на территории бывшего Акушинского «Союза вольных обществ» (сюда входят селения Акушинского и Левашинского районов, расположенных по бассейнам рек Акуша и Халагорк, и другие).

Из выделенных выше трех видов надгробий наиболее ранним является первый.

Исследование техники резьбы по камню рассматриваемых памятников дает нам возможность различать 7 видов резьбы по камню:

1. Графическая резьба (петрографика);
2. Двускатно-желобчатая резьба;
3. Пластическая резьба;

4. Плоская резьба с высоким рельефом и графической отделкой внутри силуэта фигуры;

5. Плоская резьба с высоким рельефом и двускатно-желобчатой отделкой внутри силуэта фигуры;

6. Треугольно-выемчатая резьба;

7. Плоская резьба с малой высотой рельефа.

Самой древней техникой нанесения резьбы на камень является графическая резьба, которая появилась и развилась в соответствии с архаическими формами орнамента.

Двускатно-желобчатая резьба есть дальнейшее развитие техники графической резьбы.

Эти два вида наиболее характерны лакским надгробиям XVI—XVIII веков.

Плоская резьба в высоком рельефе с графической или двускатно-желобчатой отделкой внутри силуэта характерна для ранних надгробий и резных камней с. Кубачи, а также Кайтага (см. рис. № 3, 6).

Пластическая резьба (третий вид) в развитых формах встречается на самых ранних памятниках с. Кубачи. Такая техника явилась результатом сильного развития монументально-художественных форм и влияния художественного ремесла по обработке металлов на искусство резьбы по камню. Пластическая резьба встречается и среди орнаментальных форм кумухских надгробий XV—XVI веков и в орнаментике надмогильных памятников XVIII—XIX века с. Сутбук (Дахадаевский район).

Особенность этого вида резьбы заключается в том, что моделировка первоначально вырезанного силуэта фигуры решается в скульптурно-орнаментальных и изобразительных формах (см. рис. 16).

Треугольно-выемчатая техника резьбы характерна для развитых форм геометрического орнамента.

Плоская резьба с небольшой высотой рельефа не подвергается графической отделке внутри силуэтов фигур. Последний вид является наиболее распространенным в пластике даргинских и лакских надмогильных памятников XIX—XX веков (рис. 27—31).

Все три вида надгробных памятников отличаются друг от друга и по украшениям их лицевой поверхности, т. е. схемой композиции орнаментального декора.

Для композиции украшения первого вида надгробия характерно главное обрамление, проходящее по верхнему и боковым краям плиты. Эта орнаментированная лента в верхней части плиты образует иногда полукруг. Обрамление представляет собою орнамент, образованный из эпиграфических элементов арабского алфавита стиля «цветущего куфи» и спиралеобразно развивающегося растительного узора, или без

него. Надпись в обрамлении содержит в себе «басмалу» или другое изречение из корана.

Поверхность внутри обрамления заполняется криволинейными медальонами подобными растительным мотивам, которые, прекрасно сочетаясь с промежуточными полями, образуют выразительный динамичный рисунок симметричного линейного узора с центральной осью (см. рис. 3). Тыльная сторона памятника свободна от украшения.

Композиция орнаментики надгробий второго вида характеризуется «п»-образными орнаментальными рамками. Они как бы вставляются одна в другую и совместно повторяют прямоугольную форму надмогильной плиты. Оставшееся свободным прямоугольное центральное поле заполняется орнаментированными медальонами разнообразной геометрической формы (рис. 9—10). Здесь для надписей отводится большая часть орнаментируемой поверхности¹.

Большинство надписей, сделанных на арабском языке, имеет религиозное содержание и предназначено возвеличивать авторитет погребенного. В этом отношении второй вид резко отличается от первого, где надписям, относящимся к памяти погребенного, отводится очень мало места. Такая надпись часто процарапывается шилом на бордюре орнаментальной ленты главного обрамления и заметна только с близкого расстояния (см. рис. № 3).

Орнаментальную схему третьего типа надгробия составляют украшения тимпанообразного навершия и прямоугольного поля корпуса памятника. Поле разделено тремя вертикальными полосами: средняя — широкая и две крайних — узкие.

Линия, отделяющая тимпанообразное навершие от остальной поверхности лицевой стороны, резко подчеркивается глубоким желобком. Лицевая поверхность навершия заполняется линейным орнаментом, две вертикальные полосы на корпусе — плоскостным орнаментом, средняя широкая — надписью, иногда — симметричным орнаментом. Навершие имеет головку, длинную шейку и выступающие плечики (см. рис. № 21 и 23).

Для третьего типа совсем не характерна схема «п»-образных орнаментальных рамок, которые встречаются в первых двух типах.

Украшение каждого типа композиционно органически увязывается и замечательно соответствует конфигурациям надгробных стелл. Каждый тип по форме и украшению вполне самобытен, в XV—XVIII веках не встречается вне пределов Дагестана и отражает специфику его искусства.

¹ В с. Кумух (Лакский район) встречаются памятники второго типа, имеющие надписи на главном обрамлении иногда на персидском языке.

Каждую из выделенных форм можно истолковать как порождение своеобразных локальных, исторически сложившихся обстоятельств в отдельных районах Дагестана.

Отсутствие в рассматриваемый период единой формы надгробия на всей территории Дагестана можно объяснить этнической пестротой и различной степенью развития социально-экономических отношений.

Разницей социально-экономических и природно-географических условий объясняется и различная степень развитости художественного ремесла в отдельных районах Дагестана.

В этом отношении в течение многих веков выделилась территория Кайтага и в частности с. Кубачи.

Близость территории Кайтага и Кубачей к г. Дербенту является также одной из причин развития художественных промыслов в данном районе.

Каменные рельефы и художественные изделия из металла, происходящие из с. Кубачи, являются значительными памятниками этого вида искусства средневекового Дагестана.

Комплекс средневековых кубачинских памятников был и остается предметом внимательного изучения учеными исследователями искусства Дагестана.

На территории Кайтага в с. Кала-Корейш обнаружен единственный в Дагестане михраб, украшенный резьбой по стукко. Не менее замечательна резьба и на деревянных дверях из того же Кала-Корейша.

В момент появления ранних надгробий первого типа в с. Кубачи уже существовали развитые формы орнамента, выросшие на местных традициях, перекликаясь с искусством сасанидского Ирана и Кавказской Албании.

До появления первого типа надгробия в Кайтаге бытовали сундукообразные надгробия и низкие, закругленные сверху, каменные плиты, своей формой повторяющие торцовую стенку того же сундукообразного надгробия.

Художественная форма, лежащая в основе первого вида надгробия, сразу обнаруживается при сравнении формы и орнаментации его с трапециевидным средневековым михрабом мечети в с. Кала-Корейш, украшенного резьбой по стукко (см. рис. №№ 34, 35) ².

Дату создания кала-корейшского михраба мы склонны поставить в те же хронологические рамки, в какие ставит

² Михраб трапециевидной формы со стукковым украшением из с. Кала-Корейш является редким в своем роде памятником. Единственное, что опубликовано о нем, это — надпись на левой вертикальной полосе (панели) «п»-образного обрамления, которая опубликована Б. А. Дорном в «Атласе к путешествию по Кавказу и южному побережью Каспийского моря»; СПб, 1895, табл. XVII.

основной комплекс средневековых памятников с. Кала-Корейш А. С. Башкиров, а именно между XII—XIII веками³.

В дальнейшем первый вид надгробия усложняется по форме и по орнаментации. К трапециевидной форме добавляется тимпан, контуры которого повторяют форму многолопастной арки. Эта форма, начиная с XVII века, становится окончательно господствующей в Кайтаге (см. рис. № 5).

Хорошо выражена эволюция формы и орнаментики на надгробиях, изготовленных в с. Сутбук (территория кубачино-даргинского нагорья), где в XVIII веке сложился позднейший вариант первого вида надгробия (рис. 4, 5).

В ранних произведениях сутбукцев применяется двухслойная моделировка растительных форм в резном камне. Позднее узор тимпана и остальной поверхности надгробия дробится и графические свойства все более и более обнаруживают себя. Прямолинейные и криволинейные замкнутые поверхности густо, во всех уголках заполняются сетью растительных форм (завитков, головок и розеток). Теперь трудно нащупать глазом рисунок основного стебля: нет строго намеченной компоновки узора.

В пышной растительной ткани из завитков, головок и розеток не трудно узнать кубачинский «мархарай», подчеркивающий на металле игру и цветовой эффект различных материалов. Ясно, что сутбукские камнерезы перенесли на камень графический узор, применявшийся в гравировке и чеканке по металлу.

Для орнамента кубачинских резных камней характерно бурное движение в упругих линиях, пышные, полнокровные формы силуэтов фигур и, главное, упругий стебель растения.

В XV—XVII веках, когда территория юго-восточного Кавказа и Дагестана стала «яблоком раздора» и местом частых военных столкновений между Турцией и Персией, в активную политическую жизнь включаются правители различных феодальных образований территории Дагестана.

Последние используют военную обстановку в целях расширения своих владений; выступают со своей дружиной то на стороне Персии, то на стороне Турции.

В этот период у лакцев появляются монументальные надгробные памятники (второй вид) казикумухским шамхалам, т. е. памятники так называемого «шамхальского стиля», близкого искусству Ширвана.

Эволюция надгробных стелл второго вида дает несколько типов в зависимости от их формы, при сохранении компози-

³ А. С. Башкиров, Средневековые памятники дагестанского аула Кала-Корейш, М., 1926; его же. Деревянные двери дагестанского аула Кала-Корейш, М., 1928; его же. Искусство Дагестана. Резные камни, М., 1931.

дионного единства в основе орнаментации самой поверхности стеллы. В XV—XVI вв.ряду с шамхальскими надгробиями внушительных размеров бытуют и надгробия рядового населения (первый вариант), небольшие по своим размерам, с полукруглым оформлением верхней конечности плиты (рис. № 11, 12)¹.

Начиная же с XVII века на основе шамхальского надгробия возникает и другой вариант второго вида надгробия, когда верхняя оконечность плиты завершается антропоморфным оформлением в виде головки и плечиков (см. рис. 13, 14).

Поверхность надгробия и навершия покрывается арханчскими формами орнамента в виде геометрического узора.

Этот второй тип надгробия после XVII века становится статичным и орнаментика «шамхальского стиля» постепенно вытесняется архаическими формами. Надгробие часто украшается со всех сторон: одна и та же схема орнаментации применяется для украшения лицевой и тыльной стороны. Традиционная схема украшения начинает приобретать все более условный характер, орнаментика упрощается до предела. Надписи занимают на украшаемой поверхности еще большую площадь, чем раньше.

Появление данного типа надгробия чрезвычайно интересно в том отношении, что оно связано с изгнанием в конце XVII века дагестанских шамхалов из с. Кумух и формальным подчинением Лакии как самостоятельного политического объединения с определенными границами выборному представителю феодальной знати — «халхлавчи»⁴.

Л. И. Лавров весьма удачно применяет выражение «шамхальский стиль» по отношению к памятникам лакских правителей, установленных до XVII века⁵. В такой же мере мы считаем возможным стиль упомянутого типа надгробия, устанавливаемого на могилах кумухских правителей после XVII века, называть «ханским стилем».

Второй вид надгробия характерен для Лакии XV—XVII вв. Он не имеет своего прообраза на территории Дагестана, но близкие аналогии формы и композиции украшения имеются в орнаменте архитектурных сооружений юго-восточного Кавказа, в частности, в ансамбле Дворца ширваншахов в г. Баку. Данный ансамбль, по определению известных знатоков архитектуры Азербайджана С. Дадашева и М. Усейнова, является крупнейшим памятником ширвано-апшеронской ветви азербайджанского зодчества. Из всего ансамбля, мы имеем в виду восточные ворота Дворца ширваншахов, так называемые «Ворота Мурада», построенные в 1586 году.

⁴ См. «Очерки истории Дагестана», т. 1, Махачкала, 1957, стр. 96.

⁵ См. Л. И. Лавров. Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции. С. М. АИЭ, т. XVII, М.-Л., 1957, стр. 382.

Характерной чертой орнаментального декора «Ворот Мурада» является украшение поверхности портала прямоугольной формы несколькими рамками из орнаментальных лент. Последние обрамляют центральную нишу с дверным проемом и, проходя по трем сторонам портала, повторяют его форму.

Высота портала гораздо больше ширины его. Поэтому вертикально идущие полосы плотно соприкасаются друг с другом, а горизонтальные — отстоят друг от друга на значительном расстоянии. Пространство между горизонтальными полосами «п»-образных рамок заполнено арабской надписью.

Украшение надмогильных памятников с. Кумух представляет композицию, построенную по такой же, но гораздо более упрощенной схеме композиции декора порталов Дворца ширваншахов (сравните рис. №№ 3, 4 с таблицами в указ. соч. С. Дадашева и М. Усейнова).

Различие в пространствах, образованных горизонтальными полосами обрамления, видимо, заставило кумухского мастера разделить украшаемую поверхность на отдельные прямоугольные участки различных размеров. Самый верхний участок имеет наибольшие размеры и часто форму вытянутого по вертикали прямоугольника. Под ним помещается участок меньших размеров, ниже — еще меньший и т. д. Такие площадки, уменьшаясь, превращаются в нижней части украшаемой поверхности в отрезок горизонтальной полосы, заполняемой надписью или линейным орнаментом (см. рис. № 10).

Сравнение орнаментальных мотивов и форм, рассмотренных памятников зодчества XV—XVI веков в г. Баку и с. Кумух, приводит к выводу, что камнерезы-кумухцы были хорошо знакомы с архитектурными памятниками Ширвана и юго-восточного Кавказа.

Стремление уподобить форму и украшение надмогильного памятника portalу или михрабу мечети — святыне мусульманской религии — не является исключительно дагестанской местной традицией. Подобные примеры встречаются на всем юго-восточном Кавказе и Ближнем Востоке⁶.

Третий вид с сильно вытянутой конической шейкой, шарообразной головкой, покатыми плечиками и сравнительно большей толщиной корпуса датируется не ранее второй половины XVIII века. Причем контуры формы надгробия третьего типа в дальнейшем почти не подвергаются изменениям. Основная масса надгробий третьего типа сосредоточена в сел. Акуша.

Жители этого селения рассказывали нам, что в Акушинском обществе существовала народная традиция хоронить покойников из сс. Уллуая, Карлабко, Тазиркент, Хасакент,

⁶ См. В. Жуковский. Развалины старого мерва. Древности Закаспийского края: Материалы по археологии России, № 16, Петербург, 1894, стр. 127, рис. 7.

Бархакент, Наскенд, Эбдакент, Цухта, Кака-Махи, Датуниш, Леваша на кладбище в с. Акуша. Только полстолетия тому назад население отказалось от этой традиции, которой придерживалось более двухсот лет.

Аналогий, равных по значимости приведенным для первых двух типов надгробий, невозможно найти для третьего типа надгробия. Укажем лишь на одно антропоморфное каменное изваяние, обнаруженное в местности Мамай-Кутан (Каякентский район ДАССР). Данное изваяние имеет голову и выступающие в стороны плечи. От головы на спину опускается коса⁷. По всему видно, что каменный истукан из Мамай-Кутана высечен из фрагмента или рукава гигантского каменного креста-монумента, часто встречающегося на Кавказе. Такие кресты-монументы датируются учеными XII—XIII веками⁸.

Итак, вне всякого сомнения, что и кумухские, и кубачинские художники-камнерезы в ранних надгробиях стремились уподобить их форму и схему украшения михрабу или порталу мечети. Идея, заложенная в образ надгробия, заключается в возвеличении авторитета представителя феодальной верхушки, на основе религиозных представлений народа.

Не приходится удивляться тому, что в с. Кумух XV—XVI веков надгробным памятникам шамхалов стремились придать вышеприведенную форму портала. Ведь любимым изречением из корана, помещаемым на шамхальских памятниках, было: «Смерть—ворота, через которые пройдет все».

Наличие идейной основы в декоре первого и второго типа надмогильных памятников дает возможность говорить о наличии идеи и в основе художественного образа третьего вида надгробия, т. е. антропоморфного памятника, широко распространенного на территории бывшего Акушинского «Союза вольных обществ» или «Акуша—Даргва».

Считаем, что фантазия акушинского художника-камнереза стремилась уподобить форму надгробия образу самого человека. Такой образ не является чуждым для дагестанца. Подобные образы встречаются на древнейших памятниках народного творчества в Дагестане и на Северном Кавказе еще в домусульманский период.

С самого начала появления у лакцев и даргинцев рассмотренных типов памятников в оформлении их замечается переплетение религиозных и эстетических представлений горцев. Если в древнейших надгробиях намечается равнозначность этих двух направлений, то в дальнейшем одна из них — религиозная — начинает терять свою значимость.

⁷ В настоящее время этот памятник установлен во дворе Института ИЯЛ им. Г. Цадасы в Махачкале.

⁸ Материалы по археологии Кавказа. Вып. VII. Москва, 1898. Табл. XXII, рис. 6. См. текст в таблице.

В формах и украшениях надмогильных памятников отражается классовая дифференциация лакского и даргинского населения. Мы уже говорили о сосуществовании двух достаточно зрелых форм надгробий в Верхнем Кайтаге еще до появления рассмотренных нами видов, это — саркофаг и низкая каменная плита с полукруглым верхом.

Классовая дифференциация особенно ярко отражена в формах и украшении надгробий с. Кумух (второй вид).

С самыми ранними памятниками «шамхальского стиля», а также с позднейшим вариантом его сосуществуют надгробные памятники большой давности, резко отличающиеся от первых по размерам и по материалу, т. е. качеству камня.

Такие памятники мы выделили как первый вариант второго вида надгробия (рис. №№ 11, 12).

В позднейших из них наблюдается иногда подражание некоторым формам и схеме орнаментации надгробий второго варианта второго вида. И здесь высота памятника не больше одного метра, а основная часть декора состоит из геометрического орнамента и архаических мотивов.

Украшения второго и первого вариантов близки к основному типу по тщательности моделировки и совершенству деталей.

Среди раннего комплекса надмогильных памятников с. Кубачи (XIV—XVIII в.) нельзя выделить те или иные варианты, как в Кумухском комплексе надгробий.

Ярко выраженное стремление к единой форме бросается в глаза и при обзоре комплекса надгробий XVII—XVIII веков с. Ашты (Дахадаевского района). Такая же картина наблюдается среди надмогильных памятников XVIII—начала XIX веков в с. Кума (Лакский район).

Изучение ведущих форм надгробных стелл селений Ашты и Кума показывает, что мы здесь имеем дело с художественными образами, возникшими на основе первых двух типов: их своеобразным истолкованием в соответствии с местными художественными традициями. Оба селения являются местом сосредоточения наиболее высокохудожественных памятников резьбы по камню XVIII—XIX веков.

Акушинские надгробия (третий вид) также не делятся на несколько вариантов с одинаковой художественной завершенностью каждого, как это отмечалось в надгробиях сс. Кала-Корейш и Кумух.

Причина устойчивости единой формы надгробия на территории Акушинского общества может быть объяснена одним из трех обстоятельств.

Первое. Позднее происхождение самой формы надгробия третьего типа как таковой. В соседней Лакни, граничащей с Акушинским обществом с востока и юго-востока, антропо-

морфные надгробия датируются на столетие раньше, чем самый старый антропоморфный памятник на акушинской территории.

Поэтому кумухские антропоморфные стеллы XVII века мы предположительно считаем прообразами Акушинского типа.

Второе обстоятельство. По рассказам местных жителей основная масса акушинских надгробий изготовлялась в селении Уллауя, которое и теперь остается самым значительным очагом камнерезного искусства во всем Дагестане⁹.

Причиной единства форм надгробий на территории «Акушинского союза» может служить и третье обстоятельство, которое мы считаем наиболее приемлемым. Если считать правильными выводы профессора Р. М. Магомедова, что к началу XIX века в Акушинском обществе наблюдается только переход от полупатриархальных отношений к раннефеодальным отношениям¹⁰, то становится понятным и естественным, что среди акушинских надгробий не выделяются разные формы или варианты надмогильных памятников. Этого не наблюдается и на территории удмийства Кайтагского или ханства Казикумухского.

Причину отмеченного нами однообразия форм надгробий в селениях Ашты и Кума мы также видим в самом составе населения, в узденском джамаате этих двух селений.

Украшения надмогильных памятников XV—XVIII веков представляют нам орнаментику периода закрепления религии ислама и патриархально-феодальных отношений в Дагестане¹¹.

У лакцев мы не имеем памятников искусства резьбы по камню, возникших ранее XIV века. Но на территории лакцев к началу рассматриваемого периода уже существовали развитые формы геометрического орнамента. Об этом говорит орнамент, употреблявшийся для украшения надгробных стелл незнатных горцев в с. Кумух (первый вариант второго вида). Геометрический стиль здесь позднее, правда временно, был вытеснен «шамхальским стилем» или растительным орнаментом.

В рассматриваемый период (XV—XIX вв.) орнаментика лакских и даргинских надгробий достигла высшей точки развития. Особенно большой путь прошел так называемый кубачинский орнамент. В течение нескольких веков широкий леи-

⁹ Ведущий мастер — камнерез из с. Уллауя Багандов Гасан Раджабович (74 года) нам сообщил, что здесь изготовлением стелл занимаются 200 лет. Видимо, это производство в Уллауя давно приобрело промышленный характер.

¹⁰ См. Р. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX вв. Махачкала, 1957, стр. 141, 142.

¹¹ Там же, стр. 399.

товидный стебель кубачинского орнамента превратился в незаметную линию стебля современного нам «мархарая» или «тутта»: трилистник превращается сперва в пятилепестковую, затем в многолепестковую пальметку (см. рис. №№ 6, 7, 8, 27, 28).

Кубачинец-камнерез прекрасно понимал симметрию и композиционный центр.

В период средневековья (XII—XIII вв.) орнамент с Кубачи отличался простотой построения, крупными формами, глубоким рельефом и стремлением к изобразительности (см. рис. № 6). Впрочем, в применении глубокого рельефа видят художественную выразительность и позднейшие мастера — камнерезы Даргинии.

Несмотря на то, что кубачинский орнамент подвергся заметному влиянию искусства Передней Азии, все же его никогда нельзя спутать ни с каким-либо восточным орнаментом, ни с орнаментом других народов Дагестана.

Переходя к характеристике эволюции форм орнамента, декора надгробий XV—XVIII веков у даргинцев, отметим, что для орнаментики надмогильных памятников Акушинского общества и Нижнего Кайтага характерно с давних времен сосуществование растительных мотивов с развитым геометрическим узором.

По-видимому, геометрический орнамент был распространен и на остальной территории даргинцев. Если среди кубачинских надгробий рассматриваемого периода не встречается геометрический орнамент, то это очевидно объясняется тем, что он здесь давно вытеснен растительным орнаментом, получившим особое развитие в металлопроизводстве кубачинцев. Нет сомнения в том, что орнаментальные мотивы в виде растительного узора здесь из металлопроизводства были перенесены в камнерезное искусство.

Надмогильные памятники Кайтага говорят о том, что здесь были распространены развитые формы не только древнейшего в Дагестане геометрического орнамента, но и ленточного орнамента, проникшего сюда вместе с христианством.

Формы надмогильных памятников создавались народными мастерами под воздействием религиозных представлений, связанных с похоронным обрядом.

В этом отношении интересна орнаментика надгробий Нижнего Кайтага и территории Акушинского общества, которая развивалась здесь сравнительно изолированно от внешнего мира и, следовательно, менее подвергалась влиянию заимствованных извне форм.

На территории Акушинского общества и в самом с. Акуша на позднейших надгробиях (XVIII—XIX веков), относящихся по форме к первому и третьему видам, можно встретить развитый слой геометрического орнамента.

В селениях Нижнего Кайтага встречается много надгробных памятников первого и второго видов, покрытых совершенно зрелыми формами ленточного орнамента.

Надо отметить, что на указанных территориях в творчестве народных мастеров-камнерезов замечается стремление к архаизации орнамента надмогильных памятников. Такие же моменты выступают в виде локальных особенностей и в орнаментике лакских надгробий.

Народные мастера переносят на надмогильные памятники формы орнаментации, применявшиеся в народном монументальном искусстве. Это говорит о том, что производство надмогильных памятников является неотъемлемой частью народного творчества, одной из форм его.

Среди орнаментики надгробных стелл на территории Нижнего Кайтага и Акушинского общества сравнительно чаще встречаются силуэтные изображения орудий производства, оружия, предметов труда и быта, которые при жизни были необходимы каждому из погребенных. Здесь нет стандартного сюжета. На надгробиях мужчин изображается: лук, колчан со стрелами, ружье (кремневое), пистолет, сабля, кинжал, пороховница, обувь и другие предметы. На надгробиях изображаются иногда сцены охоты, отдельный всадник и даже фигура пахаря с сохой и парой запряженных быков. Все эти предметы нанесены в плоском рельефе и до известной степени реалистичны.

На надгробиях женщин изображаются также предметы их личного пользования: сундук, ожерелья, браслеты, серьги, щипчики для выдергивания бровей и т. п.

Орнаментика рассматриваемого комплекса надгробий отражает и остатки архаических религиозных представлений. Так, на некоторых надгробных стеллах видны изображения фигуры лошади без седока с языческим крестом между ног или с астральными фигурами.

Детальное изучение рисунков надгробий в связи с датой установления надмогильного памятника дает богатый материал для изучения истории и культуры местного населения.

Самый факт появления упомянутых трех видов надмогильных памятников, с богатым орнаментальным убранством стимулировал дальнейшее развитие и обогащение орнаментики лакцев и даргинцев: линейный, центричный и плоскостной орнаменты обогатились новыми формами и мотивами.

Обзор исследуемого материала показывает, что в XV—XVII веках формы и орнаментика надгробий даргинцев и лакцев не имели еще единого стиля. Разнохарактерна орнаментика и источники, лежащие в ее основе. В некоторых формах орнаментация восходит к азербайджанским схемам, в других — к местным народным традициям (см. орнамент даргинцев и лакцев на рис. №№ 8, 15—19, 24—32). В каждом се-

лении или обществе вырабатываются своеобразные формы надмогильного памятника с монументальным украшением, которые отличаются от художественных форм соседних обществ и селений. В каждой группе селений или в отдельном селении рождается общая форма для всех надмогильных стелл данного пункта.

В XVIII веке производство надмогильных памятников начинает сосредоточиваться в отдельных селениях — центрах камнерезного дела. Такими селениями у даргинцев являются с. Сутбук Дахадаевского района и с. Уллуая Левашинского района.

Появлению таких очагов наряду с другими факторами способствовало и наличие поблизости богатых карьеров камня из замечательного мягкого песчаника.

У лакцев таких значительных центров по изготовлению надгробий мы не находим. Изготовление надгробий в указанных двух селениях уже в XVIII веке приобрело промысловый характер. Интересным фактом является то, что форма и украшение надгробий, изготовленных в с. Сутбук, до начала XVIII века отличаются резко выраженной архаичностью.

В XIX веке производство надмогильных памятников сосредоточивается в руках отдельных мастеров. Личность мастера теперь играет гораздо большую роль, чем прежде.

В XV—XVIII веках каждый мастер или несколько мастеров отдельно взятого селения или группы селений стремились к какой-то единой форме надмогильного памятника. При этом старались придерживаться утвердившихся форм и канонов. Но уже в конце XIX—начале XX веков отдельные мастера начинают выступать вполне самостоятельно, стараются оторваться от статичных форм и канонов, искать новые формы, выступают часто с собственными художественными формами. Все это толкает отдельных мастеров к усложнению форм надгробия, загромождению композиции излишней детализацией, витиеватости, ювелирной виртуозности, к сухости и ригористичности в трактовке орнаментальных форм.

Влияние форм надгробий и орнаментики указанных трех видов друг на друга начинается вскоре после их появления.

В конце XIX—начале XX веков формы и типы надгробий, возникших в различных районах Дагестана, окончательно смешиваются. Теперь в формах и декоре надгробия часто наблюдается эклектическое соединение различных типов и образцов.

Исследование надмогильных памятников даргинцев и лакцев дает возможность сделать следующие выводы.

Всю массу надмогильных памятников Дагестана можно рассматривать как комплекс монументально-декоративных памятников народного творчества, как явление общественное.

В орнаментике, в форме надгробий, в равной степени и в

надписях на них, отражена эпоха и культурный уровень народа на каждом определенном историческом отрезке времени.

Автор надеется, что данная статья и иллюстрации к ней окажут некоторую помощь изучающим материальную и духовную культуру народов Дагестана, а также архитекторам и художникам, интересующимся национальными формами дагестанского орнамента.

Надмогильные памятники, будучи произведениями народных мастеров, воплощают в себе идеи определенного коллектива, его характер, локальные особенности культуры.

Надмогильные стеллы Дагестана являются комплексом памятников народного декоративного искусства, тесно связанных с другими видами народного творчества — с художественной обработкой дерева и металла.

Надмогильные памятники даргинцев и лакцев, как и всего Дагестана, достойны внимательного изучения и тщательной охраны со стороны местных органов Советской власти.

ПОСЕЛЕНИЯ ДАРГИНЦЕВ В XIX—XX вв.

Поселения даргинцев не были до настоящего времени предметом специального исследования и поэтому материалы по этой теме ограничиваются как в дореволюционной, так и в советской историографии отдельными ограниченными описаниями и фрагментами. Тема поселений довольно тесно смыкается с темой жилища, отчего литература по ним имеет схожие черты и является даже в известной мере общей. Поэтому не останавливаясь специально на историографии поселений¹, отметим только наиболее характерные ее стороны. В дореволюционной—отсутствие специальных описаний, фрагментарность, нивелирование особенностей, смешение частного и общего, слабое внимание поселению до XIX века, усиленный интерес с оборонной точки зрения в XIX веке, плохое знакомство с внутренним Дагестаном, противоречивость в оценках и пр. Для советской—характерно появление специальных описаний и исследований, научная методология, большая роль археологии, дифференцированное изучение и т. д. К недостаткам ее можно отнести некоторую бессистемность в изучении, отсутствие единых методов и терминологии, недооценку сравнительно-исторического метода.

Данная статья является попыткой восполнить хотя бы отчасти пробел в изучении даргинских поселений.

1. Расселение (тип заселения)².

Даргинцы занимают территорию срединного Дагестана с тяготением к юго-востоку. Основная масса даргинцев заселяет горы и предгорье, однако, в XX веке возникли их поселения

¹ М. З. Османов. Жилище цудахарцев. «Ученые записки» ИИЯЛ Дагфлиаля АН СССР, т. IX, Махачкала, 1961.

² Мы придерживаемся, в основном, терминологии, предложенной М. В. Витовым в статье «О классификации поселений». СЭ, 1953, № 3.

и на плоскости. Кроме того, несколько выделяются по специфике природных условий и хозяйства поселения даргинцев в горнодолинной части. Таким образом, даргинцы занимают четыре природно-экономические зоны—плоскость, предгорье, горы, горные долины. Опыт изучения материальной культуры даргинцев подсказывает нам, что зональные различия более ощутимы, чем этнические, поэтому в поселениях каждой зоны имеются свои особенности. Ввиду этого в основу изучения поселений внутри народности мы берем не этнический принцип (Кайтагское, Цудахарское и т. д.), а зональный, по природно-экономическим, или как их еще называют, естественно-историческим зонам³.

Рассмотрим, какие факторы повлияли на расселение даргинцев.

Одно из важнейших условий для любого поселения—снабжение водой. В условиях низкой техники переброска воды на большие расстояния была невозможна, поэтому поселения располагались поблизости от воды (речка, источник и пр.).

Важная роль этого фактора прослеживается в расселении даргинцев (и всех дагестанцев) с древнейших стоянок до современных поселений. Таковы палеолитические и неолитические стоянки, расположенные на речных террасах Акушинки⁴, поселения энеолита, расположенные почти исключительно у рек⁵, эпохи бронзы⁶, средневековые поселения⁷ и возникшие в XVIII—XX веках⁸.

Другой важный фактор, действующий при расселении,—оборонительный. Даргинские селения, представляя собой естественные крепости, располагались с таким расчетом, чтобы к ним трудно было проникнуть и овладеть ими.

На эту особенность селостроительства в Дагестане указывали многие русские наблюдатели. Так, Н. Воронов писал, что «в Дагестане все что может служить для защиты страны... находится в целесообразном порядке: тропинки едва существуют, аулы неприступны, каждое жилище неудобопроницаемо и все эти кажущиеся нам неудобства дагестанской жизни

³ Ср. С. В. Зонн. Опыт естественно-исторического районирования Дагестана. «Сельское хозяйство Дагестана», М.-Л., 1946, стр. 69.

⁴ В. Г. Котович. Палеолитические и неолитические находения бассейна реки Акушинки. Рукоп. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2588, л. 70.

⁵ Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура северо-восточного Кавказа. МИА, 100, стр. 31.

⁶ В. М. Котович. Верхнегунибское поселение—памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2630, л. 12.

⁷ М. И. Пиккуль. Некоторые сведения о средневековых поселениях Дагестана. Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2532.

⁸ Например, сс. Хаджалмахи, Сергокала, Гурбуки, Первомайское и др.

носят на себе один стиль, созданы по плану как бы одного архитектора»⁹. С ним перекликаются Ф. Байерн, Е. Марков, Ф. Гене и др.¹⁰ Об этом же говорят и более ранние наблюдатели¹¹.

Стремление к недоступности и неприступности поселений вызывалось многими причинами экономического и политического характера. Главными из них являются, на наш взгляд, следующие: состояние всеобщей войны всех против всех в эпоху военной демократии, особенно сказавшееся в Дагестане, так как здесь затянулся процесс разложения родового строя и установления феодального; наличие по соседству богатых феодальных владений Грузии и Азербайджана, с которыми не прекращались взаимные столкновения и походы; этническая пестрота и разноплеменье, способствовавшие общению дагестанских народов. Последнее даже считалось некоторыми исследователями единственной причиной неприступности дагестанских аулов¹². Немаловажную роль сыграло в этом отношении и то обстоятельство, что Дагестан находился на горных путях из Азии в Европу, по которым свершилось много переселений и нашествий, и естественно, что аборигены пытались обезопасить себя от этих пришельцев. Достаточно вспомнить походы монголов в обход Дербента через нагорный Дагестан, поход Тимура против даргинцев, аварцев и лакцев, или учиненное им варварское истребление кайтаков¹³, или же походы Надир-шаха¹⁴.

Вопрос о неприступности дагестанских селений следует рассмотреть и с экономической точки зрения. В Дагестане было настолько сильно малоземелье, что горцы старались строиться в местах, с хозяйственной точки зрения не представляющих ценности (крутые склоны, скалы и пр.). Вспомним, что у даргинцев это малоземелье было еще острее—

⁹ Н. И. Воронов. Из путешествия по Дагестану. ССКГ, т. II, стр. 24.

¹⁰ Ф. Байерн. О древних сооружениях на Кавказе. ССК, т. I, стр. 300; Е. Марков. Кавказ в его настоящем и прошлом. «Живописная Россия», т. IX, М., 1883, стр. XLIII; Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане. «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы», под редакцией М. О. Косвена и Х. О. Хашаева, М., 1958, стр. 346.

¹¹ Напр., А. Лопухин. Журнал путешествия через Дагестан, стр. 130; Я. Стрейс. Три путешествия. Соцэкгиз, 1935, стр. 219; Низам-аддин Шами. Книга побед; В. Тиссенгаузен. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.-Л., 1941, стр. 123—124.

¹² Ср., например, М. И. Ткешелов. О географических и других условиях характера построек применительно к Кавказу. Изв. КОРГО, т. IX, № 1, стр. 117.

¹³ Шереф-ад-дин Иезди. Книга побед. В. Тиссенгаузен. Указ. соч., стр. 175.

¹⁴ См. А. И. Тамай. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741—1743). «Ученые записки» ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. V, Махачкала, 1958.

плотность по Дагестану была 20,1 чел. на 1 кв. м., а в Даргинском округе—46,3 чел.; количество десятин на один дым по Дагестану—21,1 а в Даргинском округе—8,3¹⁵. Так что иногда труднодоступность могла быть и следствием экономии земли¹⁶.

Все это легко проиллюстрировать на конкретных примерах. Даргинские селения располагаются или «на гребнях гор при соединении двух речек, обмывающих подошвы оных»¹⁷ (Цугни, Диблук, Харбук и др.), или на крутых склонах с речкой у подножия и без нее (Танты, Кубачи, Кала-Корейш, Тама, Хуршни, Санамахи, Урари, Ургани и др.), на вершинах не очень крутых склонов или холмов с речкой у основания (Акуша, Урахи, Леваши, Губден), речных террасах (Цудахар, Хаджалмахи), на высоких хребтах, близко к гребню (Наци, Дуакар, Гуладты, Мирзитта).

Следует сказать, что, судя по поселениям, оборонительный фактор часто превалировал над другими. Так, например, с. Диблук расположено на гребне горы, круто обрывающейся к ложам двух речек и месту их слияния и окружено таким образом с трех сторон пропастями, откуда никак невозможно проникнуть в село. Воду же диблукцы берут внизу, в речке, к которой ведет длинный крутой спуск.

Древность оборонительного фактора также, как и то, что он не вечен и действие его неодинаково в разные эпохи, так как это зависит от политического состояния общества, подтверждается археологическими материалами. Например, в неолите, для поселения характерна близость к воде и пастбищам, но нет недоступности. По-видимому, это связано с тем, что «фактор безопасности в ту эпоху уже не имел столь важного решающего значения», как в предшествующие эпохи¹⁸. Энеолит, бронза и раннее средневековье дают превалирование оборонительного фактора¹⁹, но в позднее средневековье, с образованием крупных политических объединений, он отступает на задний план²⁰ с тем, чтобы вновь выдвинуться в эпоху

¹⁵ Дагестанская область. Свод статистических данных. Тифлис, 1890, стр. V; Об остром безземелье см. также М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. ч. II, М., 1885, стр. 215; С. Габиев. Лаки, их прошлое и быт. СМОМПК, 1906, т. 36, стр. 100.

¹⁶ Ср. об этой зависимости в с. Куппа — В. А. Аедоницкий. Из поездки в Дагестан летом 1914 г. «Естествознание и география», 1916, № 8—10, стр. 5.

¹⁷ Ф. И. Генее. Указ. соч., стр. 346.

¹⁸ В. Г. Котович. Отчет о работе 1-го горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1957 г. Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2481, л. 61.

¹⁹ В. М. Котович. Указ. соч., л. 12; Р. М. Мунчаев. Указ. соч., стр. 32; Н. Д. Путинцева. Поселения эпохи раннего средневековья на Сулаке. Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2591, л. 11.

²⁰ Д. М. Атаев. Указ. соч., л. 45.

освободительных войн дагестанцев в XVIII—XIX вв.²¹. С присоединением к России, когда сильная центральная власть прекратила междоусобицы и нашествия, этот фактор потерял свое значение навсегда, и даже в старых аулах в это время наблюдается разрастание в сторону более пологих, доступных мест (Акуша, Губден, Урахи, Мекеги, Цудахар, Хаджалмахи и др.). Правда, в XIX—XX вв. становится заметнее влияние фактора экономии земли. Это особенно хорошо видно на примере садоводческих селений Арши, Хаджалмахи и др., которые, разрастаясь, оставляют ровные, удобные площади, карабкаются вверх по скалам или занимают неудобные склоны. Особенность состоит в том, что подчас трудно бывает с первого взгляда определить, почему селение занимает крутой склон, скалы и т. п.—из-за малоземелья или оборонительных соображений. Чаще всего обе причины действуют одновременно; чтобы различить чего здесь больше, надо не только видеть селение, но и хорошо знать географию и историю страны.

С хозяйственно-экономической деятельностью связан еще один фактор топографии даргинских поселений, их расположения. По археологическим и иным полевым материалам нам известны средневековые поселения даргинцев, которые располагались на малодоступных и неудобных для жизни местах. Это—«Канцала бек», «Харбатла ханала бек», «Аяла салле», «Рагыла диркья» и др. вокруг Хаджалмахи²², «Билала калъа» у Цудахара, «Тамдирхъла бек» у Куппа, «Аяла муза» у Хуршни, «Къалала бек!» близ Усиша, «Къала» в Бутри и др. Особенности их—небольшой размер, отдаленность друг от друга, близость к пастбищам и террасовым полям²³. Судя по указанным особенностям, это были небольшие родовые поселки²⁴.

Разложение родовых отношений и монголо-татарские нашествия XIII—XV вв. ускорили гибель этих поселков и появление новых территориально-родовых поселений. Для этих новых поселений характерны—большая величина, более низкие широты расположения, тяготение к речкам²⁵.

²¹ Ср. об этом у Е. Маркова, как он расписывает трудность овладения «орлиными», «разбойничьими гнездами» дагестанцев. Е. Марков. Указ. соч., стр. XLIII—XLIV.

²² См. о них у М. И. Артамонова. Отчет о работах Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК в Дагестане. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1602, л. 37. Характеристику этих поселений см. также у В. Г. Котвича. Отчет о работе 2-го Чиркейского (1-го горного) отряда Дагестанской археологической экспедиции ИИЯЛ в Дагестане. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2643, лл. 37—45, который в 1959 г. исследовал часть из них.

²³ Ср. связь величины поселений с потребностями в пастбищах: Н. Харузин. История развития жилища у кочевых и полукочевых народностей России, М., 1896, стр. 20.

²⁴ Ср. Д. М. Атаев. Указ. соч., лл. 43—45

²⁵ Там же.

Новым в них является и то, что они расположены на естественно-укрепленных местах в долинах, ущельях, у важнейших перевалов, проходов, как бы контролируя пути в свои земли, причем, как видно из остатков оборонительных сооружений (напр. у с. Губден), особое значение придавалось закрытию путей с плоскости в горы²⁶. Все это должно быть следствием того, что в эту эпоху, наряду с разложением родового строя, усиливаются связи и обмен между отдельными областями Дагестана, а оборонительные усилия после нашествий XII—XV вв. обращаются в первую очередь против пришельцев-завоевателей. К этому типу поселений можно отнести сс. Акуша, Цудахар, Губден, Усиша, Урахи, Урари, Мекеги и др.

В свете сказанного следует отметить, что в Дагестане в прошлом было много крупных селений. Даже после разорительных войн XVIII—XIX вв. у даргинцев насчитывалось свыше 30 сел с населением, превышающим 1000 человек²⁷. Наблюдатели часто подчеркивали это, указывая, что «дагестанцы живут большими селениями»²⁸. Некоторые даже называют их городами, например: «Макагу можно уподобить нашему уездному городу»²⁹ (о Мекеги).

Немаловажную роль в расселении, в топографии поселений играет и их ориентация. Для дагестанских поселений характерно стремление к солнечной ориентации, поэтому большинство даргинских селений расположено на южных склонах. Иногда, разрастаясь, село может занять и не южные склоны, но солнечная ориентация сохраняется. Стремление строиться лицом к солнцу имеет древнюю традицию и вызвано, в основном, причинами экономического порядка. Главная побудительная причина—получение от солнца как можно больше тепла. Показательно, что в горах, где мало лесов³⁰, эта тра-

²⁶ Ср. об этом Н. Д. Путинцев а. Указ. соч., л. 11.

²⁷ «Список населенным местам Кавказского края, имеющим более 1000 душ обоего пола». ССК, т. IV, 1878, стр. XI—XII; Кавказский календарь на 1884 г., стр. 153—169.

²⁸ Ф. И. Гене. Указ. соч., стр. 346; Ф. Байерн. Указ. соч., стр. 300; А. С. Заметки о северном и среднем Дагестане в военно-инженерном отношении. «Инженер. журн.», 1865, № 3, стр. 89; П. Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель. СПб, 1835, ч. III, стр. 253; А. З. (Зиссерман). 10 лет на Кавказе. «Современник», 1854, т. 48, № 11, стр. 35; А. Лопухин. Указ. соч., стр. 30.

²⁹ «Воспоминание о службе на Кавказе». Отрывок из записок офицера. «Москвитянин», 1851, ч. I, кн. 4, стр. 500; См. также Н. И. Кузнецов. В делях Дагестана. Изв. ИРГО, т. XLIX, 1913, вып. I—III, стр. 132; А. Лопухин. Указ. соч., стр. 30.

³⁰ См. например, Б. Ф. Добрынин. Даргинский округ. Физико-географический очерк. «Даргинцы. Социально-гигиеническое исследование народностей Дагестана». Вып. I, М.-Л., 1930, стр. 42; Д. И. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. «Известия РГО», 1884, XX, вып. 4, стр. 432.

диция осуществляется с большей последовательностью, чем в предгорье и на плоскости. Ввиду недостатка топлива, жилье в горах по существу не отапливалось, так как огонь разжигали только для приготовления пищи. В остальное время осуществляли своего рода «солнцеприем».

Интересное описание его (на примере аварцев) дал Н. Львов: «Горцы во время сильных морозов, засев в темные сакли, обогрсаемые лишь по утрам скудным огнем для вскипячения галушек, не показываются на улице до тех пор, пока не проглянет солнце. Когда же оно обогреет немного зимний воздух, тогда все прятавшиеся от стужи—мужчины, женщины, старики, молодежь оставляют сакли и размещаются на крышах, галлереях или где-нибудь в загнисье, на солнечной стороне»³¹. В хозяйственной деятельности горца солнечные лучи играли значительную роль — сушка и вяление мяса и фруктов, обработка шерсти, сушка сена, кизяка, сыра, нагревание воды, сушка пряжи, зерна и белья и проч.

Видимо, ориентация имела в прошлом, во времена язычества, и ритуальное значение. Некоторые пережиточные явления в культуре даргинцев (преобладание изображения солнца в украшениях, клятвы именем солнца, традиция не закрываться от солнца, а передвигаться в уже имеющуюся тень, связь превосходных степеней красоты, доброты и пр. с солнцем и многое другое)³² позволяют проследить это.

Из сказанного следует, что в расселении даргинцев главную роль играли такие факторы, как близость воды, пашен, пастбищ, солнечная ориентация, безземелье, оборонительный фактор, особенности рельефа и пр., причем действие их, влияние, неодинаковы, как сравнительно между собой, так и в разные исторические эпохи.

2. Типы поселений.

Типология даргинских поселений в XIX—XX вв. отражает историю селообразования у даргинцев. Поскольку в основе типологии лежит социально-экономическая природа поселения, то именно по типам мы лучше всего судим о том, что поселение не только отрасль материальной культуры, но и продукт социально-экономического строя, который накладывает на тип свой отпечаток.

В XIX—XX вв. мы встречаем два основных типа поселений — «ши» (село) и «маши», «махи», «ая» (отселок, хутор). Различия в названиях связаны с особенностями образования

³¹ Н. Львов. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени. ССКГ, т. III, стр. 6.

³² Ср. о главном языческом божестве—солнце у соседей даргинцев—лакцев. С. Г а б и е в. Указ. соч., стр. 12.

этих поселений. «Ши» — это самостоятельно возникшие селения, основатели которых не могут быть отнесены к тому или иному селению или местности, и время возникновения их теряется в глубине веков.

Судя по материалам они являют собой этап перехода от родовых поселений к территориально-родовым.

«Маши» — это отселки и хутора, основанные выходцами из «ши», в результате развития производительных сил и распада патриархальных семей. Например, у этнической группы цудахарцев имеется только одно «ши» — Цудахар, а остальные считаются его отселками.

Анализ полевых и археологических материалов позволяет нам говорить еще об одном типе поселений — небольших родовых поселках, в результате распада которых и образовались «ши». Например, тот же Цудахар возник, по-видимому, из остатков родовых поселений («Рагъила диркья», «Аяла-элле», «Аяла салле», «Харбатла ханала бек», «Берла мик», «Гамбирхъла бек», «Билала Калъа» и др.), которые перестали существовать в результате разложения составляющих их родов и довершившего этот процесс военного разгрома. Цудахар лежит в самом юго-восточном углу своих земель, а большинство этих поселков на северо-западе. Видимо, пришельцы шли по Кутишинскому хребту и остатки населения бежали от них к югу. Если вспомнить, что даже поздние арабские источники называют предполагаемых даргинцев (шандан)³³ самыми ярыми врагами мусульман³⁴, а персидские — времен Тимура — указывают, что жители Ашкуджа были неверными и им на помощь пришли казикумуки и аухары³⁵ (аварцы), то становится понятным и беспощадный разгром этих поселений, и то, что остатки их укрылись на границах казикумуков. Предание об основании Цудахара выходцами из поселения «Харбатла ханала бек»³⁶ также говорит в пользу такого предположения.

Со временем, когда аул разросся и рост производительных сил потребовал освоения северо-западных земель, начался обратный процесс расселения из Цудахара и образования отселков. Это тоже подтверждается преданиями. Они говорят, что община Цудахара вынесла решение о том, чтобы каждая семья, имеющая нескольких сыновей, поселила по одному из них на пограничных землях для охраны их от соседей. В этом решении нетрудно видеть главное — разрастание и распад

³³ См. А. History of Sharvan and Darband in the 10th—11th centuries by V. Minorsky. London. 1958. pp. 42—43, 101—102, 103—104.

³⁴ V. Minorsky. Ibid. п. 26.

³⁵ Низам-ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 123; Шереф-ад-дин Иезди. Указ. соч., стр. 185.

³⁶ Вариант этого предания приведен Д. Н. Анучиным в его отчете о поездке в Дагестан, стр. 429.

больших патриархальных семей, развитие производительных сил и отсюда надобность в освоении новых земель и поселении на них «лишних» сыновей.

Дальнейший распад больших семей, безземелье, кровная месть и пр. служили источниками роста этих поселений. Характерно, что община Цудахара не признает их поселениями и поэтому в них нет общины и все дела решаются в Цудахаре. Разумеется Цудахар не смог остановить их естественного роста и, постепенно вырастая, они обрели независимость и самостоятельность³⁷. Но Цудахар продолжал сохранять главенствующее положение, отчасти благодаря традиции и особенно — цудахарскому кадию, который считался главой всего общества цудахарцев и поэтому его авторитет задержал децентралистские тенденции растущих отселков.

Процессы селообразования в других этнических группах даргинцев были во многом сходны. Так, например, с. Лица в Кайтаге образовалось, по преданию, из остатков семи поселений, пострадавших от сильной эпидемии³⁸. Аналогичное предание имеется о сюргинских селениях Хуршни (из пяти селений)³⁹ и Бутри (из шести)⁴⁰, акушинских Гапшима и Усиша и многих других.

Можно было бы ожидать, что в даргинском предгорье, которое в XIX в. резко отличалось от нагорья степенью развитости феодальных отношений (Нижний Кайтаг, Губден), в селообразовании должны быть различия. Однако это не так. Возьмем например, с. Губден. В легенде о возникновении этого крупнейшего даргинского селения говорится о том, что оно образовалось в результате слияния нескольких селений, по инициативе главы одного из них — старика Губдена⁴¹, в целях лучшей обороны. Но история Губдена имеет некоторые особенности. Близость к плоскости и наличие там своих земель привели к тому, что он оказался в зависимости от шамхала, контролировавшего плоскость. Это усугублялось тем, что близость к плоскости требовала покровительства шамхала в отношениях с крупными государствами (Персия, Турция, Россия). Случай подобного подчинения своему влиянию уцмием акушинцев, в 1725 году, упоминается И. Гербером⁴².

³⁷ О быстром росте отселков Цудахара см. «Даргинский округ». Свод статистических данных. Тифлис, 1887, стр. 34—37.

³⁸ Полевой материал 1960 г. Инф. А. Салихов, 60 лет.

³⁹ Полевой материал 1961 г. Инф. Р. Разиев, 85 лет.

⁴⁰ Полевой материал 1960 г. Инф. Закаръяев, 65 лет.

⁴¹ Полевой материал 1960 г. Инф. Р. Карабдагов, 50 лет; А. Бакиханов в работе «Гюлистан-Ирам» (Баку, 1926, стр. 30) и Г. Алкадари в «Асари Дагестан» (Махачкала, 1929, стр. 30) приводят эпизод о встрече Тимура с Губденом, причем у обоих старик Губден ошибочно считается кумыком и селение кумыкским.

⁴² И. Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. «История, география и этнография Дагестана», стр. 101—102.

Другая особенность развития Губдена в том, что здесь, до присоединения к России, не развилась система отселков, поэтому аул сильно вырос, став крупнейшим селом в Дагестане. Причина этого —, по-видимому, близость к плоскости и постоянная опасность нападений. В XIX веке, когда шамхал с помощью русских войск укрепил свое положение и власть⁴³, Губден уже без всяких оговорок числится «деревней шамхальского владения»⁴⁴, этим и объясняется, наверно, ошибка А. Бакиханова, Г. Алкадари и других ученых в отношении этнической принадлежности Губдена.

В предгорье Кайтага селообразование происходило так же. Например, с. Рука образовалось из трех селений, развалины которых сохранились и поныне. Жители Рука говорят, что эти селения были покинуты в результате какого-то бедствия. Сел. Рука иногда даже называют Эвши («Три селения»), намекая на его происхождение⁴⁵.

Таким образом, мы находим три типа даргинских поселений: 1) родовые поселки, 2) территориально-родовые («ши») и 3) чисто территориальные («маши»), каждый из которых отражает этап в истории селообразования даргинцев, причем первый тип в XIX веке не встречается и существовал, по всей вероятности, примерно до XI—XIV вв. В XIX веке различия между «ши» и «маши» во многом стираются, но увеличиваются различия между типами поселений отдельных частей даргинской территории (напр., горы и предгорье). Эти новые различия вызваны особенностями исторического развития сел этих территорий, которые определялись такими факторами, как экономическая мощь села, стратегическое положение, близость к крупным феодальным владениям, географическое положение относительно других даргинских сел и плоскости, связи и пр.

Особо следует остановиться на поселениях, образовавшихся в советскую эпоху. Выбор места для поселения с учетом всех природных факторов, общественное хозяйство, территориально-производственный принцип группировки селения, общность интересов всего коллектива, новая народная власть, правильная планировка села, санитарная благоустроенность и многое другое — все это дает нам право выделить четвертый тип поселений — советское село (колхозное и совхозное). Яркими примерами советских сел являются сс. Гурбуки Сергокалинского района и Первомайское — Каякентского. Сел.

⁴³ Ср. об этом В. Линден. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1917, стр. 107.

⁴⁴ А. З. (Зиссерман). Указ. соч., стр. 35.

⁴⁵ Полевой материал 1961 г. Инф. М. Абакаров, 70 лет. Названия некоторых других сел также подчеркивают образование их из многих селений. Например, Гапшима («Три села»), Киша («Со многих селений») и др.

Гурбуки возникло в 20 годы, когда сюда выселились из Губдена 10 хозяйств во главе с И. Карабудаговым и организовали ТОЗ. Хозяйство росло, рос и новый аул; нынче это благоустроенное большое село, объединяющее членов сельхозартели им. В. И. Ленина во главе с бессменным руководителем колхоза и села — И. Карабудаговым.

Совершенно новым видом селообразования, отражающим черты социалистического селостроительства, является переселение части даргинских сел на плоскость. Таким селом является названное Первомайское, основателями которого явились горцы из Дахадаевского и Акушинского районов, обосновавшиеся здесь в благоустроенном селе, с наделением земель для хозяйства. А ведь именно за эти земли горцы раньше платили, чтобы пасти здесь зимой свой скот.

В заключение несколько слов о бытующей в Дагестане традиции связывать с пришельцами происхождение некоторых старейших сел. Так, например, основание Мекеги относят к евреям, Губден — к армянам, Цудахар — к грузинам. В этом пужно видеть распространенное в народе смешение религии с ее носителями, распространителями. Отнесение ряда сел к евреям могло возникнуть во времена хазаров, когда значительная часть Даргинии входила, по-видимому, в их державу⁴⁶.

Что касается Губдена и армян в этом, видимо, следует видеть факт былого распространения ими здесь христианства.

О миссионерской деятельности армяно-албанских епископов в Дагестане, к северу от Дарбанда, в частности о деяниях епископа Израиля, «который многие страны хазаров и гуннов обратил в христианство», мы встречаем рассказ у Моисея Каганкатваца⁴⁷.

Несколько сложнее вопрос с цудахарцами, т. к. относя их к грузинам, предание дает их прародине тюркское название.

Вероятно, это связано с тем, что Тимур оставил здесь свои опорные пункты и один из них, расположенный у водопада, получил название Суахар («водопад» — по тюркски). В народе же сохранилась память о дотимуровских временах, об эпохе могущества Грузии, когда здесь, как и у соседних аварцев⁴⁸, могло распространиться христианство, а, следовательно, и отнесение к грузинам.

⁴⁶ Ср., например, у Якута, где он называет Шайдан «одной из земель хазаров». Цит. по V. Minorsky. Ibid., p. 101. В отношении же кайтаков Минорский считает эту связь еще более тесной. Ibid., p. 93.

⁴⁷ История агван Моисея Каганкатваца. СПб, 1861, стр. 192—203, 238.

⁴⁸ Ср. Д. М. Агаев. Христианские древности Аварии. «Ученые записки» Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. IV, Махачкала, 1958: А. Р. Шихсаидов. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. «Ученые записки» Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. III, Махачкала, 1957.

Надо сказать, что такое смешение религиозной принадлежности с этнической и национальной довольно характерно для Дагестана. Так, здесь не мыслят араба-христианина, а после тесного знакомства с русскими, христианство стали называть «урус дин» («русская религия»), а всех христиан, независимо от национальности — «урус» (русский).

В свете вышеизложенного можно считать, что поселения даргинцев проделали долгий путь развития от родовых поселков до современных советских сел. Социально-экономическая структура поселений и отчасти их форма изменялись каждую эпоху, соответственно этапам общественного развития.

Для родового строя характерны родовые, соседствующие поселки, для периода его разложения и установления феодальных отношений — крупные территориально-родовые поселения, с постепенным превалированием территориального принципа, для времени дальнейшего развития феодализма и расширения товарных отношений — территориальные поселения, основанные выходцами из крупных сел, для эпохи социализма — советское село.

3. Группировка поселений (тип расселения).

Группировка поселений даргинцев является типичной для всего Дагестана. Обычно это скученное поселение, центром которого служит небольшая площадь — годекан («гимай», «кумасы»), где раньше проходили сельские сборы, игрища и пр. Ровное место для площади чаще бывало на окраинах. С утверждением ислама, когда на площади стали строить и аульскую мечеть, значение этого центра как места сбора еще более увеличилось. Случаев совпадения геометрического центра с общественным было мало, т. к. аул представлял собой скученное, террасообразное поселение, с ярко выраженной вертикальной зональностью, и места для площади внутри аула часто не оставалось. О сильной скученности поселений говорят такие данные: в селах, расположенных на некрутых склонах или холмах (Цудахар, Куппа, Хаджалмахи, Акуша, Урахи, Мекеги и др.), только у 10 проц. домов коэффициент застройки колебался от 25 до 38, а у остальных — до 82 проц.⁴⁹ В аулах, расположенных на скалах, гребнях гор, крутых склонах (Харбук, Наци, Цугни, Гуладты, Дуакар, Хуршни, Мирзитта, Тама и др.), наблюдается часто стопроцентная застройка участка, иными словами дома расположены впритык, налезая один на другой, как ступени гигантской

⁴⁹ «Даргинцы», стр. 136—137; полевой материал 1959—1961 гг.

лестницы⁵⁰. Неудивительно поэтому, что улицы аула, этого «скопища саклей» (о Харбуке)⁵¹ были «узкие, кривые, шириною два—три аршина»⁵², что «дома несколькими этажами стоят друг над другом» (о Чирахе)⁵³, или же «нагромождены одна сверх другой крепости-сакли» (о Куппе)⁵⁴. Образное описание такого дагестанского аула мы встречаем у Е. Маркова: «Улицы нет в ауле; каменные двухярусные бойницы, которые горец называет саклями... отступают друг от друга ровно настолько, чтобы человек с трудом мог протиснуться среди них. Над крышей одной бойницы торчит другая, над другой — третья и ножом расколота щель, заменяющая улицу, вьется и лепится, как змея, по отвесной круче, у подножья всех этих без порядка насыпанных в кучу каменных редутов»⁵⁵.

Следует отметить, что вертикальная зональность или ступенчатая архитектура характерна для Дагестана, начиная еще с бронзового века. Ярким примером ступенчатого поселения являются поселения бронзового века «Кумрала када» близ сел. Усиша и Верхнегунибское поселение⁵⁶.

Лишь с конца XIX века, когда упала роль оборонительного фактора, стало внедряться горизонтальное селостроительство, особенно развившееся в советское время. Примером этого является аул Цудахар, разрушенный в 1877 году и вновь построенный на новом, ровном месте царскими властями именно для того, чтобы он не мог быть «крепостью, представляющей весьма крепкую оборону»⁵⁷, как говорил о дагестанских аулах Ф. Гене.

Следует отметить, что в поселениях вертикальной зональности в XX веке и особенно в советское время стали переходить на принцип горизонтальной зональности, и нынешние старые аулы сочетают обычно оба принципа: старая часть аула остается скученной, с «узкими и кривыми проходами вместо улиц»⁵⁸, и только со временем постепенно разрежастся, а на окраинах, где есть ровные места, возникают новые

⁵⁰ Полевой материал 1959—1961 гг.; ср. также «Даргинцы», стр. 136—137.

⁵¹ П. Ф. Свидерский. К антропологии даргинцев. «Весь Кавказ», № 1, Тифлис, 1903, стр. 11.

⁵² И. И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233.

⁵³ Н. И. Кузнецов. В делях Дагестана, стр. 132.

⁵⁴ М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, ч. II, стр. 214.

⁵⁵ Е. Марков. Кавказ. «Живописная Россия», т. IX, стр. XLIII.

⁵⁶ В. Г. Котович. Отчет о работе 2 Чиркейского (1 горного) отряда Дагестанской археологической экспедиции ИИЯЛ в Дагестане, стр. 64; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение—памятник эпохи бронзы горного Дагестана, лл. 12, 66.

⁵⁷ Ф. И. Гене. Сведения о горном Дагестане, стр. 346.

⁵⁸ «Дагестанская область в 1891 году», КК на 1893 г., стр. 177.

благоустроенные кварталы, с равномерным группированием домов, с прямыми улицами, усадьбами, озеленением, общественными зданиями.

Эти поселения можно назвать вертикально-горизонтальными (например, Акуша, Леваша, Губден, Санчи, Мекеги, Танта, Арши, Киша и др.). В еще большей степени сказанное относится к советскому типу поселений, таким, как Гурбуки, Первомайское, Сергокала и др. Эти поселения нельзя назвать разбросанными поселениями хуторского типа, скорее это компактные селения малоусадебного типа.

В связи с группировкой домов поселения находится и вопрос о санитарном состоянии аула. В этом наблюдатели далеко не единодушны, что мы уже отмечали.

Думается, что ближе всех к истине был И. Пантюхов, который, отмечая отрицательные стороны дагестанского селения, тем не менее считал, что «устройство поселений и жилищ лезгин вполне целесообразно», что «типы лезгинской сакли и аула выработались рядом многих поколений и вполне приспособлены к данным условиям»⁵⁹. Правда, вначале, введенный в заблуждение некоторыми авторами, он считал, что «грязь внутри и кучи навоза и домашних отбросов, отсутствие отхожих мест, улиц, площадей, зелени дополняет антисанитарную картину аулов»⁶⁰. Но побыв в Дагестане он уже заявляет: «грязи и нечистоты на улицах, о которых так распространялись некоторые наблюдатели, мы не наблюдали»⁶¹. О чистоте в с. Чирах говорит и Н. Кузнецов⁶².

Все-таки большая скученность в селениях, плохая вентиляция и скопление испарений, отсутствие зеленых насаждений и пр. не могли не сказываться на санитарном состоянии аулов. увеличивали заболеваемость и смертность, особенно детскую. Эту сторону аула подметил тот же И. Пантюхов, который писал, что «целесообразное в климатическом и хозяйственном отношении устройство аулов и жилищ очень опасно в случаях появления инфекционных заболеваний»⁶³. Дело ухудшалось еще тем, что специальной уборки дореволюционный аул не знал и все отбросы, навоз, сор и пр. оставались на улице или держались на дворах или открытых с улицы нишах со стоком для жижи.

Большая загрязненность была в горных аулах, где большая скученность домов, улицы-туннели с вечно непросыхающей грязью и больше скота; меньше — в предгорье (разре-

⁵⁹ И. И. Пантюхов. Современные лезгины. «Кавказ», 1901, № 233.

⁶⁰ И. И. Пантюхов. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1886, стр. 106.

⁶¹ И. И. Пантюхов. Современные лезгины. Там же.

⁶² Н. И. Кузнецов. Указ. соч., стр. 132.

⁶³ И. И. Пантюхов. Современные лезгины. Там же.

женность») и горных долинах (меньше скота, много солнца, отсутствие туннелей). Антисанитария несколько смягчалась тем, что навоз собирали для кизяка, а во время сильных дождей бурные потоки смывали всю грязь и нечистоты.

В наше время положение коренным образом изменилось. Разрежение аулов, выход на свободные окраины, озеленение, создание специальных подсобных помещений, вынесение из аула общественных построек для скота и продуктов, постоянный санитарный надзор, повышение общей культуры населения и пр. — все это не могло не улучшить санитарного состояния аула.

Что касается общественной группировки даргинского аула, то он делится, обычно, на кварталы. Вопрос о квартальном делении дагестанских селений, о том какие общественные группы его заселяли является одним из самых неясных и запутанных. В дореволюционной историографии, для которой вообще было характерно удревнение общественных форм в Дагестане, принято было считать, что кварталы в аулах являются родовыми, что они являются местом проживания отдельных родовых коллективов (тухумов) ⁶⁴.

Однако наш полевой материал не подтверждает этого, и главным в группировке селения является территориальный принцип. Лишь в немногих местах сохранились следы тухумного расселения. Например, в кайтагском с. Джирбачи старики помнят потухумное расселение, когда каждый тухум имел свой участок для строительства, свои угодья. Название тухумов — «Мардаки», «Бачатай», «Къамати», «Мамадай», «Уцмала Хасан», «Къалайти», «Чунтухъи» ⁶⁵. В с. Бутри было 4 тухумных квартала (къат) и у каждого были свои угодья, переход которых из квартала в квартал не допускался; если даже в квартале оставался один человек, он владел всеми его угодьями ⁶⁶. Также 4 квартала (къат) было и в Цудахаре, и здесь тоже были квартальные угодья, но пашня, сады давно стали частной собственностью ⁶⁷. В с. Гулли кварталов не помнят, но утверждают, что тухумы занимали в ауле отдельные участки ⁶⁸.

Остальные селения дают нам пример квартального деле-

⁶⁴ Так, например, М. Ковалевский, правильно отметив, что в XIX в. дагестанский аул не является родовым, и что налицо уже слободское и хutorское поселение, тем не менее считал, что соседская сельская община состоит из нескольких тухумов, которые, занимая свои кварталы, составляли территориально-родовое село. т. е. то, что уже находилось в состоянии разложения. «Закон и обычай на Кавказе», М., 1890, ч. II, стр. 158—160.

⁶⁵ Полевой материал 1961 г. Инф. Салихов А.

⁶⁶ Полевой материал, 1961 г., Инф. Закарьяев М.

⁶⁷ То же. Инф. К. Муртузалиев.

⁶⁸ То же. Инф. М. Казиханов, 80 лет.

ния, не связанного по происхождению с родовыми коллективами.

Например, в с. Усиша было 9 кварталов (кьюкья), созданных для удобства при различных переделах, работах и пр. Тухумной собственности не было, общинные угодья делились на 9 паев и перераспределялись каждый год по жребию между кварталами, а потом внутри них. Большинство названий кварталов — территориальное — «Къарагул» («Верхний квартал»), «Шарликунт» («У водоема»), «Къаттикунт» («Живущие в ущелье»), «Хьаршикунт» («Нижнесельские»), «Илашакунт» («Заднесельские») и др.⁶⁹

Аналогичная картина в Гапшиме, который делился на три соседских квартала — «Чебах кьат» («Верхний квартал»), «Убах кьат» («Нижний»), «Арус кьат» («Русский», то-есть обращенный к России, «Северный»). Здесь пашня общины делилась поровну между всеми ее членами, а угодья — равными долями между кварталами. О том, что территориальный принцип вначале сочетался с родовым свидетельствует размер паев, не менявшийся в зависимости от числа членов квартала⁷⁰.

Территориальное происхождение и название имеют кварталы и в других аулах. Например, в с. Мекеги из 12 кварталов 10 имеют топографические названия⁷¹, в с. Чумлы⁷² и Акуша⁷³ из 4 — все 4, в Хаджалмахи из 6 — все 6⁷⁴.

Эти примеры свидетельствуют о том, что большинство поселений образовалось по территориальному принципу, причем на первом этапе их образования территориальный принцип еще сочетался с родовым, так как не могло быть резкого скачка от родового к соседскому. Видимо, селения образовали остатки родовых коллективов, которые выбирали отдельные места, и это первоначальное разделение могло иногда сохраниться как традиция, отзвук былого. Сохранению таких традиций способствовали изолированность селения, многочисленность и живучесть первоначального родового коллектива, малый приток населения со стороны после основания, отсутствие больших потрясений и катастроф и пр.

Примечательно, что в большинстве селений число кварталов четное. Надо полагать, что при образовании селений еще соблюдались принципы дуально-родовых связей, что сосед-

⁶⁹ То же. Инф. Г. Асхабов, 90 лет.

⁷⁰ То же. Инф. О. Алиев, 80 лет.

⁷¹ Полевой материал 1961 г. Инф. И. Курбанбагандов, 98 лет; М. Чанкуров, 70 лет.

⁷² Полевой материал 1961 г. Инф. А. Мутуков.

⁷³ Полевой материал 1961 г. Инф. М. Алиев, 60 лет. Ср. также В. Вильер де Лиль Адам. Две недели в Даргинском округе. ССКГ, т. VIII, стр. 18.

⁷⁴ Полевой материал 1959 г. Инф. М. Дибиралиев, 57 лет.

ское село составляли родовые коллективы, сохранившие такие связи ⁷⁵.

Поэтому первоначальное территориальное селение имеет сильные пережитки родовых поселений, это территориально-родовое поселение, прогрессирующее в территориальное.

В пользу этого предположения говорит и принцип расположения в таких аулах домов рабов (лагов). Вначале, когда были еще сильные родовые традиции, совместное проживание лагов с другими поселянами не допускалось, им отводилось отдельное место, часто на несолнечной стороне, неудобное и плохое. Так, в Цудахаре им был выделен квартал «Цили тар», в Хаджалмахи их дома сосредоточивались, в основном, в «Эла кьат» («Задний квартал»).

Также, видимо, обстояло дело в кварталах «Заворотный» в Мекеги, «Задний квартал» в Усиша и др. ⁷⁶. Но в селениях чисто территориальных это отделение уже трудно проследить.

В целом следует считать, что даргинское селение XIX—XX вв. имеет территориально-квартальное деление, причем в советское время его можно даже назвать территориально-производственное квартальное деление. С топографической точки зрения старые селения — скученные, террасообразные, новые — усадебные селения компактной группировки.

4. Форма поселений.

Говоря о форме даргинского поселения, нужно прежде всего вспомнить, что в большинстве своем это скученное, террасообразное поселение с вертикальной зональностью. Тем не менее в нем можно найти особенности, позволяющие говорить о различных формах. В плане зональном можно найти три группы с качественными различиями:

1) нижнее предгорье, 2) горы с верхним предгорьем, 3) плоскость. Для первого характерно более разреженное заселение, отсутствие террас из домов, так как каждый дом имеет свой двор, пологость склона, иногда горизонтальная зональность, большее тяготение к речкам.

Для горного — скученность, вертикальная зональность и террасообразность, крутость склона, тяготение к скалистым склонам и гребням гор, некоторая отдаленность от рек.

Плоскостное село, так как оно является советским, учитывает удобства населения с бытовой и хозяйственной точки зрения, и является поселением, созданным по предварительному плану, с учетом всех современных удобств — прямые

⁷⁵ Ср. об этом М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 35—36.

⁷⁶ Полевой материал 1959—1961 гг.

широкие улицы, правильное водоснабжение, освещение, зеленые насаждения и пр.

Говорить о планировке старого даргинского аула довольно затруднительно, так как планировки как таковой не было, и аул скорее можно назвать беспланным. Однако какие-то принципы при селообразовании соблюдались. Например, даргинский аул не имеет внутри большой площади, она расположена чаще всего на краю селения, ближе к дороге.

Поскольку топография поселения не позволяла провести дорогу через село, то магистральные пути шли преимущественно по краю селения, и на этой дороге, у развилки, размещался обычно базар (например, в сс. Акуша, Урахи, Кубачи, Цудахар, Хулелая, Мекеги и др.). Но иногда необходимость требовала оставлять дорогу посреди села (Губден, Кища, Куппа и др.); в этом случае базар, годекан, водоразборные будки тяготели к ней. От этой главной улицы отходили, как ветви дерева, только под большим углом, улочки и проулки.

Прямолинейных улиц, образующих правильные кварталы, не существовало, что объясняется такими факторами, как рельеф, топография селения, тухумные связи, теснота и пр. В селениях, лежащих на крутых склонах, две улицы, идущие по краям аула, являются как бы радиусами, идущими от вершины аула и заключающими его в рамку, а между ними в меридиональном направлении — проулки, отрезки окружностей, и их пересечение образует сегменты — кварталы. Длина кварталов самая различная: от нескольких метров до двухсот, обычно от 20 до 50⁷⁷.

Часто главная улица запиралась воротами и здесь бывали сторожевые башни. Это наблюдалось еще в XIX веке. Об этом пишет Ф. И. Гене — «Обыкновенно имеют в селениях только два выхода, стараясь для сего избрать самые крепкие от природы места, кои нередко обороняются башнями или стенами»⁷⁸, и Ф. Байерн — «деревни, имеющие доступ единственно через одни узкие ворота, ведущие в темный проход»⁷⁹ и др. Память о таких воротах, иногда следы их сохранились поныне (например, в сс. Урахи, Губден, Гапшима, Хаджалмахи, Мекеги и др.). Сел. Гапшима, например, было расположено в теснине, которую легко запереть. После возвращения стада ворота запирались и ставился караул. У северного выхода из села, на скалах, была крепость с башней, видимо, оставшаяся со времени родовых поселков, послуживших базой для основания территориального Гапшима⁸⁰.

В большинстве селений главные улицы отсутствовали, бы-

⁷⁷ Ср. «Даргинцы», стр. 132.

⁷⁸ Ф. И. Гене. Указ. соч., стр. 346.

⁷⁹ Ф. Байерн. О древних сооружениях на Кавказе, стр. 300.

⁸⁰ Полевой материал 1961 г. Инф. О. Алиев.

ли только узкие улицы, проулки, а главной им служила проходящая по краю села дорога (например, в сел. Кубачи, Старый Цудахар, Цугни, Танты, Дигбук и др.). В некоторых селениях было по одной (Хаджалмахи, Куппа, Гапшима, Урахи, Санчи и др.) или несколько широких улиц (Губден, новый Цудахар). Более или менее широкие улицы образовывались и у подошв или границ соседних склонов, так как здесь проходили дождевые потоки и строиться было невыгодно. Это имело свое положительное значение, так как такие улицы, соединенные с большинством проулков, образовывали нечто вроде канализационной сети.

Вся система улиц, проулков, кварталов, тупиков носила очень запутанный характер и неискушенному человеку в ауле ориентироваться было очень трудно. В. Аедоницкий, например, описывает аул Хаджалмахи, отнюдь не самый скученный и запутанный, так: «аул... с узкими крутыми улочками, проходами, неожиданными тупиками, где нужно переваливать через крыши или двор, так что пройти в намеченное место без посторонней помощи совершенно невозможно»⁸¹.

Следует также сказать о расположении кладбища. В кавказоведческой литературе нередко говорилось о том, что кладбище находилось в центре села⁸², а участница экспедиции 1927 года в Даргинский округ Ю. В. Вадковская прямо утверждает, что в даргинских аулах «кладбища во многих случаях были расположены в черте самого населенного пункта, занимая большую площадь близко к центру селений»⁸³. Это явное недоразумение. Кладбище всегда располагалось на краю аула, выше или ниже его, занимая наиболее неудобные для пашни участки. В условиях такой скученности и тесноты, когда на счету был каждый кусочек земли, расположение кладбища внутри аула было нецелесообразно, не говоря уже о страхе перед душами умерших. Кладбища расположены в черте селения тогда, когда село в своем росте обогнало кладбище, ибо оно тоже бывало на южной стороне. Такие, отставшие от роста селения кладбища, которые когда-то были на краю селения, мы видим сейчас в сс. Леваши, Хаджалмахи, Акуша, Урари и др. В подавляющем большинстве селений они и сейчас находятся на краю (Губден, Урахи, Мекеги, Муги, Усиша, Цугни, Танты, Киша и др.).

Расположение кладбища на солнечной стороне имеет доисламские традиции, что является еще одним отголоском бытовавшего здесь культа солнца. В этом плане большой ин-

⁸¹ В. А. Аедоницкий. Из поездки в Дагестан летом 1914 года, стр. 1.

⁸² Ср., например, Б. Е. Деген-Ковалевский. Сванское селение как исторический источник. СЭ, 1936, № 4—5, стр. 41.

⁸³ «Даргинцы», стр. 140.

терес представляет средневековое поселение близ Хаджалмахи — «Берла мик»⁸⁴ («Лучина солнца»). Видимо, в этом поселении был какой-то жертвенный, ритуальный огонь, или светильники, посвященные солнцу. Местоположение поселения — на стыке дорог, ведущих в Казикумух, Акушу и Аварию — могло способствовать возникновению здесь некоего подобия храма солнца. Сказать что-либо определенное о расположении такого культового места внутри поселения трудно, так как раскопок средневековых поселений в нагорной Даргинии не проводилось.

Что касается другого культового места, где поклонялись деревьям, то оно располагалось вне селения, на возвышенном месте, у группы огромных дубов.

Поклонение деревьям в Дагестане зафиксировано и в письменных источниках. Так, автор X века М. Каганкатваци рассказывает, что епископ Израиль во время своей миссии в Варачане «приказал срубить старейшину и, так сказать, мать высоких деревьев», которое там «почитали спасителем богов, жизнеподателем и дарователем всех благ»⁸⁵. Аналогичное свидетельство имеется у Ибн-Русте (X век) — о городе, в котором «находится громадное дерево, не приносящее никаких плодов, собираются к нему жители города каждую среду, вешают на него разного рода плоды, поклоняются ему и приносят жертвы»⁸⁶. Этот город В. Минорский довольно убедительно отождествляет с даргинским селением Дибгаша⁸⁷. В селениях Кайтага и сейчас можно встретить дубы, у которых верующие мусульмане еще недавно устраивали сходки, моления, жертвоприношения, причем ни в коем случае не трогали дерево (не ломают, не режут и даже не сжигают упавшие ветви). Такие дубы — наиболее характерный пример объединения доисламских и мусульманских традиций — мы видели в сс. Джирбачи и Карацан.

В наше время планировка даргинских селений существенно изменилась, но не в корне, т. к. старые села сохраняют, в основном, старую конфигурацию, становясь только несколько просторнее. Но облик многих селений изменяется благодаря растущим по законам современного селостроительства окраинам. Общественный центр аула обычно перемещается сюда, замечается также переселение из старой части села на окраи-

⁸⁴ Археологическую характеристику поселения см. В. Г. Котович. Отчет о работе 2-го Чиркейского (1-го горного) отряда Дагестанской археологической экспедиции ИИЯЛ в Дагестане, лл. 37—45.

⁸⁵ М. Каганкатваци. История агван, стр. 200.

⁸⁶ Ибн-Рустэ. Книга драгоценных камней; Н. А. Караулов. Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, 32, стр. 49.

⁸⁷ V. Minor sky. A History of Sharvan and Darband in the 10th—11th centuries, p. 102.

ны (например, сс. Санчи, Уркарах, Кубачи, Акуша, Хаджалмахи, Леваши, Губден, Гапшима и др.).

Советское село, выросшее в наше время, коренным образом отличается от старого. Планировка его бывает уличной, размещение современных красивых домов на улице — равномерное, улицы и усадьбы засажены зелеными насаждениями, в центре аула находится площадь, где обычно сосредоточиваются общественные здания. Планировка улиц бывает радиальной от центра, или меридиональной, в виде нескольких прямых пересекающих улиц. Ярким примером такого села является Гурбуки. В центре его расположены здания правления колхоза и сельского клуба с парком вокруг. Отсюда радиусами расходятся улицы, обсаженные деревьями, часть из них на холме. Разрастаясь к окраинам, село как бы отказывается от радиальных улиц и переходит к меридиональным улицам в несколько рядов, поэтому план села несколько напоминает форму буквы «Ж».

На холме, на краю села, находятся школа, дом учителя и крупнейшая в Дагестане сельская больница, построенные колхозом.

На противоположной окраине расположены обширный гараж и механизированные МТФ, на двух других концах села — птицеферма и механические мастерские. Село имеет электрическое освещение, свой кинотеатр, магазин, буфет, электромельницу, лесопилку, кирпичный завод. Колхоз — один из крупнейших в Дагестане — является также одним из самых передовых и не сходит с республиканской Доски Почета.

В целом следует отметить, что для даргинского аула XIX—XX вв. характерны скученность, террасообразность, беспланоность, правда, с некоторыми традициями планирования. В советское время эти черты сглаживаются, теряют резкость, и выросшие уже в наше время села — это новый тип поселений, с новой формой — строго спланированное современное селение со всеми удобствами.

Некоторые вопросы об общих и отличительных чертах в поселениях народов Кавказа.

Поселения даргинцев, прошедших многовековой исторический путь бок о бок с народами Дагестана и Кавказа, имеют как общие для всех, так и специфические черты, объясняющиеся и регулируемые такими факторами как этническая и национальная близость, особенности в историческом развитии, специфика природно-географических условий, соседские связи, взаимовлияние и пр. Когда же речь идет об особенностях поселений внутри народа, народности, то на первый план выступают природные и экономические факторы, а этнические отступают на задний план и оказывается, что «этнографиче-

ская дробность не столь велика, как языковая»⁸⁸. Поэтому при классификации поселений в кавказской этнографической литературе также придерживаются зонального принципа: равнинное, предгорное, горное⁸⁹.

В отношении типологии мы видим почти ту же картину — родовые, территориально-родовые, соседские, советские. Кау горной Осетии, большие скученные села восточной Грузии и западной Армении, поселения пшавов, хевсуров, тушинов, мтиулов и др. представляют собой селения компактного скученного типа и «напоминают дагестанские горные аулы»⁹⁰.

С другой стороны, поселения горных чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, сванов, части аварцев «разбросаны по склонам и ущельям», но уже небольшими поселками и хуторами»⁹¹. Часть исследователей считает эти поселки родовыми (поселения карачаевцев и балкарцев еще недавно представляли собой небольшие родовые поселки)⁹², другие же считают, что поселения сванов, например, являются территориально-родовыми, причем соседский принцип начинает внедряться с XIII в.⁹³ Видимо, определенные исторические условия (оторванность, особенности рельефа, хозяйства и пр.) способствовали консервации родовых поселений, которые не разрушаясь, постепенно теряли родовый принцип и переходили на соседский, но сохраняли в названиях сел и кварталов, и некоторых институтах (взаимопомощь, например), традиции родового строя. В общем же, их, как и даргинские поселения, видимо следует относить к территориально-родовым, прогрессирующим к чисто соседским.

В отношении формы, планировки селений и их топографии различий больше. Возьмем равнинные поселения. Даргинское отличается от древних равнинных поселений других народов во многих отношениях, т. к. оно — советское село, следовательно его составляет один коллектив, занятый в социалистическом производстве, и оно строится по методам современного селостроительства.

В группировке мы тоже видим различие — в западной Грузии, равнинной Осетии, Чечне и Ингушетии, у адыгейцев,

⁸⁸ Е. М. Шиллинг. Дагестанская экспедиция 1946 г., КСИЭ, 4, стр. 33.

⁸⁹ Ср. например, Г. С. Читая. Грузинский этнографический атлас. Тезисы доклада на научной сессии, посвященной вопросам грузинского этнографического атласа. АН Груз. ССР, 1960, Тбилиси, стр. 17.

⁹⁰ С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 230. Ср. также стр. 206, 243, 263, 282 и А. З. (Зиссерман). 10 лет на Кавказе. Там же, т. 48, № 9, стр. 32.

⁹¹ С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 243, 281.

⁹² С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 270. См. также Б. Е. Деген-Ковалевский. Указ. соч., стр. 35, 39.

⁹³ А. И. Робакидзе. К вопросу о форме поселения в Сванети. КСИЭ, 29, стр. 57.

абхазцев и других народов усадебно-хуторской тип расселения, где поселения «представляют собою скорее систему хуторов, стоящих посреди своих участков» и тянувшихся «на всю длину своих земель»⁹⁴.

Даргинские же селения являются поселениями компактного типа, уличной формы, с небольшими усадьбами, где основная масса земли находится за пределами села. Это вызвано, на наш взгляд, двумя обстоятельствами:

1) заимствованием формы горного поселения, поскольку у даргинцев не было традиций равнинного селостроительства;

2) равнинные поселения даргинцев возникли в советское время, в эпоху механизации сельского хозяйства, когда растянутость поселения и большие усадьбы с участками приводят к непроизводительному расходу земли.

Предгорные селения, названные выше, схожи с равнинными, и особой разницы между ними нет, т. к. холмистая равнина незаметно переходит в предгорье.

Даргинское же предгорье разделяется на две подзоны — нижнее и верхнее. Для нижнего характерно поселение, близкое к равнинному, но в верхнем предгорье селение немногим отличается от горного. Сходную картину мы наблюдаем и у аварцев, где поселения предгорья (Салатавии) имеют такую же форму и группировку, как и даргинские. Несколько отличаются лезгинские предгорные селения, больше похожие своим обликом на равнинные⁹⁵, что связано с их поздним возникновением — уже в XIX веке.

Много сходства в горных поселениях кавказцев, у многих из них горные поселения расположены в неприступных местах и представляют собой «скопища саклей»⁹⁶.

Знаменательно, что эталоном для таких аулов служит обычно дагестанский аул.

Оборонительный фактор действует во всем Дагестане, поселения всех народностей обнаруживают это⁹⁷, можно даже найти селения очень похожие друг на друга. Таковые лезгинское Гельхен и даргинское Гапшима: селение группируется вокруг одной продольной улицы, окружено стенами, а «оба

⁹⁴ Б. Е. Деген-Ковалевский. Указ. соч., стр. 27—28. Об этом же ср. С. А. Токарев. Указ. соч., стр. 243, 249, 276; А. И. Робакидзе. Указ. соч., стр. 60—61; Н. В. Гильченко. Материалы по антропологии Кавказа. 1 Осетины, СПб, 1890, стр. 43 и др.

⁹⁵ См. С. С. Агаширинова. Поселения лезгин в XIX—начале XX вв. «Ученые записки» Ин-та ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, т. VI, Махачкала, 1959, стр. 243.

⁹⁶ П. Ф. Свидерский о с. Харбук. К антропологии даргинцев, стр. 11

⁹⁷ Ср. «Народы Дагестана», М., 1955; Н. Глинноецкий. Поездка в Дагестан», «Военный сборник», 1862, № 1, стр. 149; С. С. Агаширинова. Указ. соч., стр. 241; Б. А. Калоев. Поселение и жилище агулов. КСИЭ, 23, стр. 35 и др.

конца улицы имели запирающиеся ворота»⁹⁸. Планировка площадей, мечетей, базаров строится тоже на единых принципах, только система башен несколько отличается — у даргинцев и лезгин нет башен внутри села, у аварцев — есть, что вызвано, видимо, большей сохранностью тухумных кварталов и соответственно башен.

Оборонительный характер присущ и поселениям других народов Кавказа, живущих в сходных условиях, но бывают особенности. Например, сванские поселения открыты и доступны для тех, кто уже проник в их ущелья и долины. Башни в селении не имеют оборонительного значения для селения, а являются скорее порождением внутренних столкновений. Прав Б. Деген-Ковалевский, объяснявший это «исключительной природной неприступностью сванской территории» в целом, которая, «естественно, переводила боевую энергию сванов на защиту не столько отдельных селений, сколько снежных и скалистых перевалов и отвесных каменных дефиле, речных проходов»⁹⁹.

Другую форму своеобразной обороны мы видим в лесистых предгорьях Закавказья и Северного Кавказа, также вызванную особенностями расселения и характером поселений. Эти поселения хуторского типа, построенные из дерева, не могли служить для обороны в них самих, поэтому здесь сложилась особая тактика обороны — оставление поселений и партизанская война в лесах. Такая тактика практиковалась, например, грузинскими крестьянами при нашествиях турецких и персидских полчищ или чеченцами и адыгейцами в Кавказскую войну¹⁰⁰.

Наш материал пока совершенно недостаточен для более широкого освещения этого вопроса, но и этот материал показывает, что в поселениях даргинцев много общего и в то же время специфического в сравнении с поселениями других народов Кавказа, что связано как с национальными традициями, так и с различиями в природных условиях и историческом развитии. Все это подтверждает правильность положений советской этнографической школы, в противовес историко-племенной и антропогеографической школам буржуазной этнографии.

* * *

⁹⁸ Л. Б. Панек. Жильище лезгин. Рукоп. фонд Института ИЯЛ Даг-филиала АН СССР, д. 1779, л. 3.

⁹⁹ Б. Е. Деген-Ковалевский. Указ. соч., стр. 27.

¹⁰⁰ Ср. об этом: А. П. Ермолов. Переписка. СМОМПК. т. 45, стр. 8; М. Я. Ольшевский (генерал, тоже участник Кавказской войны). Воспоминания. Кавказ с 1841 по 1866 г., СПб, 1894, стр. 293. М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, ч. II, стр. 205.

Даргинские поселения не были в прошлом предметом специального описания или исследования. Материалы по поселениям мы встречаем только в виде фрагментов в различных сочинениях. Первыми данными о даргинских поселениях можно считать показания арабских и армянских источников о различных городах и крепостях в Дагестане.

Ценным подспорьем, иногда решающим, являются археологические материалы. Более полные материалы мы имеем с XVIII века, когда Дагестан вошел в тесное соприкосновение с Россией.

Дореволюционная этнография располагает значительным материалом, но односторонность подхода, отсутствие правильной методологии при сборе, нивелировка особенностей и пр. снижают его качество. В советское время поселения Дагестана описаны на научной методологической основе, однако даргинское поселение не описано.

Расселение даргинцев издревле складывалось из учета таких факторов, как хозяйство, его специфика, вода, рельеф, интересы обороны, ориентация и пр., причем в отдельные эпохи влияющие их различно.

Даргинские поселения можно разделить на 4 типа: 1) родовые поселки, 2) территориально-родовые села («ши»), 3) чисто соседские отселки («маши») и 4) советское село.

Ориентация обычно солнечная, но на равнине она не обязательна.

Группировка в XIX—XX вв. квартальная, некоторые из кварталов имеют пережитки родового расселения, в наше время — территориально-производственная (по бригадам).

Форма поселения — скученное, террасообразное (в горах) поселение, часто амфитеатром, без правильной планировки, с узкими улицами и крохотными площадями, без всяких зеленых насаждений. В наше время это строго спланированное современное село, с широкими улицами, светлыми красивыми домами, площадями, насаждениями, даже парками.

Что касается их сходства и различий — то здесь видны две стороны: этническая и природно-экономическая.

В целом следует признать некоторое превалирование второго, особенно внутри одного народа, но ни в коем случае нельзя игнорировать и этнического фактора, так как только учет их обоих дает правильную картину, что забывают сторонники историко-племенной и географической школ.

ЛИТЕРАТУРА

ПЕВЕЦ ДАРГИНСКОГО НАРОДА.

(К 130-летию со дня рождения Батырая).

Батырай—гордость даргинского народа. Его справедливо называют «отцом даргинской поэзии».

Творчество Батырая—значительное явление как в истории даргинской, так и во всей дагестанской литературе. Его поэзия явилась одним из источников, на которой возникла и развилась даргинская советская литература.

Являясь основоположником демократического направления в даргинской литературе, он создал яркие и запоминающиеся образы трудового крестьянства и противопоставил им класс эксплуататоров. Батыраевский образ храбреца — этот предшественник будущего борца за свободу — явился новым геросом в даргинской литературе, порожденным временем. Батырай ввел в литературу нового лирического героя, возвеличивающего угнетенную и бесправную горянку. Анализ произведений Батырая убеждает нас в том, что в них наряду с реалистическими образами тружеников и тунеядцев непременно присутствует еще один образ — образ лирического героя, в котором отразились лучшие черты сына века.

Батырай не писал свои стихи; он сочинял их устно и пел. Народная поэзия — основа его творчества. Многие его песни стали народными, и, наоборот, свои лучшие песни народ любовно связывает с именем Батырая. Батырай хранил в памяти тысячи строк народных песен. Поэт обладал такой же феноменальной памятью, как Джамбул и Стальский. Не повторяя уже однажды спетого, он держал его в своей памяти.

Рассказывают, что однажды Батырай воспел красоту одной молодой урахинки и, спустя десятки лет, когда выдавали замуж дочку этой женщины, он повторил свою песню, и спел новую прекрасную песню уже для дочери.

Темы для своих песен Батырай брал у народа и возвращал

ему более прекрасными, сохранив в них характерное для народа остроумие и мудрость.

Стихи поэта никем не записывались, но они не умерли вместе с ним. Им было суждено обессмертить его имя. Эти стихи переходили из уст в уста даргинского народа. Подлинная народность, высокая культура песенного мастерства, близость к народной поэзии — характерные черты творчества Батырая.

Большую роль в собирании и популяризации песен Батырая сыграли прежде всего видные деятели даргинской культуры.

Впервые стихи Батырая были собраны С. М. Омаровым¹, им же на основе этого материала был подготовлен первый сборник², изданный в 1928 году.

В 1954 году Даггизом был издан второй сборник³ песен Батырая на даргинском языке, составителем которого и автором предисловия был Г. Османов.

В журнале «Колхозник» за 1936 год впервые на русском языке были опубликованы две песни Батырая в переводе А. Шпирта, а в 1947 году Дагестанской научно-исследовательской базой АН СССР был издан первый сборник его стихов⁴. Этот сборник был переиздан сначала в Даггизе в 1958 году⁵, а потом в 1959 году в Москве⁶. Талантливые переводы стихов Батырая на русский язык Н. и Э. Капиевых содействовали тому, что эти песни стали достоянием всесоюзного читателя.

Многие же песни Батырая вошли в «Сборник песен даргинского народа»⁷, в даргинскую антологию⁸.

О творчестве Батырая были напечатаны небольшие статьи и заметки в журналах⁹ и газетах¹⁰. Краткие сведения о

1 Рукописный фонд Института ИЯЛ, дело № 213.

2 Батырай. Песни, Махачкала, 1928.

3 Батырай. Далуйти, МахIячкъала, 1954.

4 Батырай. Песни, Даггиз, Махачкала, 1947.

5 Батырай. Песни, Даггиз, Махачкала, 1958.

6 Батырай. Песни, ГИХЛ, 1959.

7 «Даргала назмуртала жуз», Дагъгиз, 1934.

8 «Даргала поэзияла антология», Дагъгиз, МахIячкъала, 1958.

9 Г. Османов. Батырай, «Дружба», 1959, № 3 (на дарг. языке);

А. Тарасенков. Творческие переводы, «Новый мир», 1940, № 10.

¹⁰ Э. Капиев. Из прошлого дагестанского фольклора, «Дагестанская правда», 12 июня 1935 г.; З. Зулъфукаров. Батырай, «Дагестанская правда», 9 мая 1956 г.; А. Алиев. Старик о Батырае, «Колхозное знамя», 2 июня 1959 г. (на дарг. языке) и др.

поэзии Батырая даются в вводной части «Очерков дагестанской советской литературы»¹¹.

Поэзией Батырая заинтересовались Алибег Тахо-Годи и Башир Далгат.

А. Тахо-Годи, по сообщению Р. Фатуева, бережно хранил тетрадь, где им были собраны 47 песен Батырая. К сожалению, эта тетрадь была бесследно утеряна в 1937 году и нам неизвестно, какие песни Батырая были им записаны. Из 47 песен до нас дошли только пять, и то в русском переводе (оригинал не сохранился). Две из них были переведены А. Шпиртом и опубликованы в журнале «Колхозник» за 1936 год, а три, с подстрочными переводами Тахо-Годи, сохранились в архиве Р. Фатуева и были опубликованы¹².

По рассказу литературоведа У. Б. Далгата, песни Батырая были записаны и большим любителем и ценителем даргинского фольклора, ее отцом Баширом Далгатом.

Все приведенные факты говорят о том большом интересе, с каким относятся исследователи и деятели культуры к поэзии этого замечательного певца.

Между тем, жизнь и творчество Батырая изучены еще далеко не достаточно. Нет работы (кроме вступительной статьи Н. Капиевой) к сборнику «Батырай», полностью охватывающей его поэзию.

* *
*

Батырай родился в 1831 году в селе Урахи. Отец его Омар был бедным безземельным крестьянином. Урахинцы — очень поэтический народ. Они сохраняли песни, легенды, сказания. Среди них было много одаренных певцов — импровизаторов, певших под аккомпанемент чунгура, сказителей, рассказывавших старинные предания и легенды. Поэтически одаренными были и родители будущего поэта. Хорошо играя на чунгуре, зная многие народные песни, легенды и сказки, общительный и жизнелюбивый отец Батырая был любимцем в народе. Его часто приглашали на различные увеселения.

Мать Батырая Шамай тоже хорошо знала даргинский фольклор. Она часто рассказывала детям сказки, пела песни, которые не прошли бесследно для будущего поэта.

Детские и юношеские годы Батырая нам неизвестны. Все, кто занимался творчеством Батырая, начинают его биографию с более зрелых лет.

¹¹ Б. Магомедов, А. Назаревич. Об истоках дагестанской советской литературы, «Очерки дагестанской советской литературы», Даггиз, Махачкала, 1957.

¹² Р. Фатуев. Из даргинской тетради, «Дагправда», 19 июня 1960 г.

Так, известно, что Батырай обзавелся семьей, когда ему было тридцать лет. Он долго любил девушку Аминат, но не мог жениться на ней: она была из богатой семьи, и родители ее не хотели выдать свою дочь за бедного крестьянина. Батырай похитил Аминат и по дороге очаровал ее своими песнями. Она дала согласие стать его женой. Родители Аминат долго не признавали этот брак. Только после вмешательства друзей поэта они были вынуждены смириться. Аминат оказалась достойной и верной подругой поэта.

Батырай жил жизнью простых тружеников — крестьян. Это не мешало ему слагать песни и под собственный аккомпанемент чунгура петь их в кругу друзей.

В народе сохранились легенды, рассказывавшие о прекрасном голосе поэта, покорявшем слушателей.

Рассказывают, что однажды, когда Батырай возвращался из очередного скитания, ему на дороге встретились знакомые. Среди них был незнакомый Батыраю кумык. Когда он узнал о способностях поэта, то иронически произнес: «Петь на родном языке всякий может, пусть ваш певец попробует спеть по-кумыкски».

По просьбе окружающих Батырай запел. Песня его заполнила ущелье. Она шла из самой души поэта, вызывая волнение в каждом слушающем. Песня не была кумыкской или даргинской: она сединаяла в себе мелодии двух соседних народов—мелодии высоких даргинских гор и широких кумыкских степей. Песня была могучая, звонкая, как горы, и широкая, раздольная, как степь.

Батырай кончил петь. Слушатели долго молчали. Безмолвен был и кумык, боясь нарушить торжественное молчание. И в этом молчании было признание силы таланта поэта.

Безусловно, Батырай начал слагать свои песни еще в юношеские годы. Возможно, некоторые любовные песни им и были сочинены в эти годы. К сожалению, нам неизвестно, какие стихи относятся к этому периоду. Их никто не записывал. Его песни были записаны после Великой Октябрьской социалистической революции.

Лишенный каких-либо средств существования, Батырай много скитался. Остановившись в аулах, он часто вступал в песенные состязания с другими даргинскими певцами. Например, в аулах Кубачи и Киша доньше помнят о приезде Батырая и о его песенном состязании с местными певцами Мунги Ахмедом и Цандалаем.

Вдоль и поперек исходил поэт родную даргинскую землю. Знакомство с людьми, с жизнью своего народа дало ему богатейший материал для последующего творчества. Поэт воочию убедился, какой невыносимо тяжелой была жизнь народа, и не мог молчать.

Он умер в нищете, примерно в 1910 году.

* * *

Как известно, в дореволюционной дагестанской поэзии широкое развитие получила любовная лирика. В ней был заложен большой социальный смысл: поэты вели борьбу за свободу человеческих чувств, за свободного человека, не скованного узами социального неравенства.

В постановке этого вопроса несомненную роль играла тема любви и в связи с ней образ возлюбленной — образ горянки.

Батырай шел в ногу со временем. Он так же, как и другие поэты Дагестана, начал свою литературную деятельность с обращения к теме любви.

Надо предполагать, что его цикл песен о любви появился раньше, чем циклы «О герое» и «О жизни». Большой гуманист своего времени, Батырай с проникновенным лиризмом и душевной теплотой воспроизвел тяжелую жизнь дооктябрьской горянки. Окутанная религиозными адатами, женщина в современном поэту обществе не находила ни любви, ни счастья. Дикие обычаи, низводившие и оскорблявшие человеческое достоинство женщины, калечили ее жизнь. Горянка была обездоленным и бесправным существом, не имевшим своего голоса в обществе.

Батырай первым в даргинской литературе поднял свой могучий голос в защиту женщины. Она в поэзии Батырая — существо, достойное возвеличивания, преклонения и свободной любви. Истинной любовью по Батыраю может называться лишь любовь, свободная от корысти, от эгоизма и других низких побуждений. Его горянка — носительница прекрасных внутренних и внешних качеств — достойна истинной любви.

В некоторых любовных песнях Батырая отражается горькая судьба молодой горянки, выданной замуж за старика.

Хъунца муцур мужукъла У бородатого старика
Мукъарагъуна хъунул. Жена, похожая на ягненка.

Несчастливая женская доля сравнивается с положением овцы, настигнутой волком. Любовь женщины заперта «в каменном доме» (мигла хъвяммела хъулир). Не слышно ее смеха, на «песни ласточек похожего» (ХІула гъайлиши мишул чатІнелалла хІиргъули).

Горянка, выданная замуж против своей воли, не забывает своего возлюбленного. Вот какую песню вкладывает Батырай в ее уста:

Гъиш давламаг хъуливли Пока этот паршивец дома,
Мавашуд хъалла бахІли, Не подходи к нашему дому;
Баллули хІулбела хІар, Зная о нашем чувстве,

Цяб хІвабли жаназан,
Дибъа хъадикъуллану.
Жявли ибкІаб хъайгІивли,
Мавашуд хъали алав,
Балули някъла лишан,
ГІязаб уркІул жугъутІъон,
ГІязаб хъадуркІуллану.

Он не выпустит меня из
дома,
Как темная могила не
выпускает трупа.
Пока хозяин дома,
Да пусть он скорее умрет,
Не ходи вокруг дома;
Увидев твои зовущие руки,
Подобно мучителю
Он будет меня терзать.

Песня говорит о бесправном положении женщины. Сама горянка понимает это, но она не может сделать решительного шага и уйти к любимому человеку. Поэт упрекает ее за рабскую, без протеста, покорность судьбе.

Большей частью влюбленным мешают корыстолюбивые родители. Это он, отец девушки:

ВицІнушураишир базъон
Шалали дихъиб дига
Дила цІудар дакъибис

Как в пятнадцать дней
луна,
Светлой ставшую любовь,
Чёрной сделал.

А мать:

ДурхІа мирхъе варъаон
Муръили духун карцІи
Дила къутІкъу дякъибис.

Как пчелиный мед весной,
Сладкой созданную страсть
в горечь превратила.

На любовь молодого человека девушка отвечает взаимностью, но любовь в тогдашнем обществе не приносила ни «добра», ни «света»: увлюбленных «разлучены сердца», «как вершины снежных гор» (УркІби дикІалли дели урхънира урхъираон), а тела — «точно с морем выси гор» (Чурхри гъарахъли дели муснира цубрираон).

Любви препятствует даже природа. Бесконечные степи, глубокие ущелья, высокие хребты залегли, как преграды, между влюбленными. Они символизируют существовавшие в тогдашнем обществе обычаи, мешавшие соединиться двум влюбленным сердцам. В этих песнях слышится горечь неразделенного чувства.

Поэту удалось показать внутренний мир горянки, ее желание скрыть свои переживания:

Субла хъунул саррану
НахІа дигагу или
Вари хІу дикІмадикІуд, —
Гъачам дигвибти гала
КІвильнейсра цабилкъану.

— Нет любви во мне теперь,
Я ведь замужем теперь.
— О, неправда, ты горишь,
Ты пожар в себе таишь:
Кто любил однажды, в том
Все горит былым огнем!

Любовь — всемогущее чувство. Истинная любовь способна сделать даже невозможное, идти наперекор природным законам. Она может «в самый знойный летний день» льдом покрыть реки (ДуцІрумла буцІар бархІи хІаркІла дубли миѣ утиб), а «в лютый зимний день» травами покрыть лед (Ургабил чиллилазир ши алав авлахѣуни дакІиши шиниш кялли).

Во многих любовных песнях даргинцев поется о постоянной любви. Героиня Батырая остается верной своему первому чувству, даже после замужества, хотя светлое чувство любви в тогдашнем обществе — редкое явление. Искреннюю любовь испытывают немногие: «из двухсот» «лишь двое». Также недоступна и настоящая страсть: «из трехсот» «лишь трое» переживают ее. Лирический герой поэта выражает мысли труженика-горца. Для него характерно теплое и гуманное отношение к горянке, борьба за свободу ее чувств.

Герой Батырая поражает нас задушевностью, искренностью, целомудренным отношением к горянке. В ней герой видит не только внешнюю красоту, но и богатство внутреннего мира.

Лирический герой Батырая — это глубоко мыслящий и чувствующий человек: он умеет искренне любить. Свою любимую он никогда никому не отдаст, если даже его сошлют в Сибирь.

Неразделенная любовь не порождает в лирическом герое Батырая пессимистическое чувство, наоборот, усиливает в нем страсть.

Поэт возвышенно романтически представляет себе настоящее чувство любви. Характеризуя его, он говорит:

Амѣур зубрела марка
КІантІ-кІантІли хІисаб

дикѣус,

Дила дига духури
Хисго или маркали.
Гъала хІебла шиниш къар
чІиѣ-чІиѣли лугІулирус,
Хъарманавша гул вава
ШехІлирквялера или.

Так осматриваю я
Каплю каждую с небес,
Может, упадет с дождем
Талисман моей любви.
Так считаю по весне
Каждый стебель на полях.
Может, выйдет из земли
Фиолетовый цветок.

Образ горянки у Батырая наделен яркими романтическими чертами. Чертами романтики отмечен портрет горянки: черные глаза, которые «ранят в сердце храбрецов», лоб, который «светит ночью городами», коса, которой она «обвила Дербент вокруг».

Возлюбленная у него — и «месяц ясный» (шала баз), и «золотой ягненок» (чубки мургѣ мукъара), и «семицветный цветок» (швяхІрумар жанай вава), и «двухнедельная луна»

(вицІну шурайширил баз), и «аравийский голубок» (цІуба араби лавгъа), и «беззаботная пчела» (дурхІя мирхъе), и «солнце южное» (хъар забла вана бархІи).

Глаза у любимой — «точно яхонты» (лягІлу—якьутла хІулби), они черные, «как цудахарский горох» (цІудхъулла хъараон). Брови у нее — «темны, как агат» (цІудара къашла нудбар), лоб же «бумажнобелый» (кагъалла анда), сама она юна «точно светлый летний день» (дуцІрум шалал бархІиван).

Как видно, образ горянки у Батырая носит явно романтический характер. Это возвышенное существо. В этом отношении этот образ имеет много общего с образом горянки аварского поэта Махмуда.

Особую выразительность придают стихам Батырая неожиданные, новые сравнения. Стан любимой вместо традиционного тополя превращается в телеграфный столб, глаза — в фарфоровые стаканы (ролики для укрепления электропроводки), брови — в телеграфные провода.

Вот что пишет один из первых исследователей поэта Н. В. Капиева. «Прелесть Батырая в его капризных, грациозных, всегда до дерзости смелых сравнениях и метафорах... Кому из русских или европейских поэтов пришло бы в голову сравнивать стан любимой с телеграфным столбом, а глаза её с фарфоровыми стаканчиками телеграфа? Но нужно захотеть и суметь войти в образный мир Батырая, посмотреть на эти предметы его восхищенными глазами. Для него телеграф — явление непонятное, необычайное, экзотическое. Это доброе, новое, что шло в горы из России. Это удивительно, значит, это достойно песни!».

Если учесть, как была представлена горянка в религиозной литературе, то станет ясно, какую большую роль в возвышении ее сыграл романтический образ Батырая. По сути дела своим образом горянки поэт бросил вызов всем тем, кто пытался ее представить низшим существом.

* * *

Если любовная лирика Батырая отмечена яркими романтическими красками, то произведения, посвященные трудовой жизни горцев, носят больше реалистический характер.

В своей поэзии Батырай разоблачает притеснителей народа, поднимает свой голос в защиту человека труда.

В его песнях представители народа — носители прекрасных духовных и нравственных качеств.

Вот перед нами песни Батырая, в которых изображены труженики даргинского аула Ванаша. Они не мыслят о счастье вне трудовой деятельности. Поле — их родная мать. Самая заветная мечта у них, чтобы проросло зерно из земли, чтобы

их неутомимый труд дал плоды. Урожай — самая большая радость в жизни крестьянина, но чаще всего погибали труды и надежды, а семьи голодали. Тяжелые жизненные условия требовали слишком много энергии и сил, чтобы обеспечить семью куском хлеба:

Алмаслиин шишаон,
Гьвяраили гьеш дуне,
Бигути хъалибарглис
Биклахъ сархусра или,
Хъуливад дуравхъунна
Ва Гямамалла Батырай.

Точно, как алмаз стекло,
Рассекая грудью мир,
Чтоб любимую семью
Обеспечить до зимы,
Вышел из дому один.
Ой, Омара Батырай!

Необеспеченность куском хлеба, тяжелое материальное положение — удел всех тружеников деревни, их постоянный спутник — нищета. Поэт рисует картины тяжелого труда хозяев клочка земли, обрабатываемого примитивными орудиями труда, на котором искони жили их деды и прадеды. В то же время у богачей «закрома полны зерном» и «на горах стада овец».

Эти реалистические картины примечательны тем, что они нарисованы не сторонним наблюдателем, а самим поэтом-тружеником. Батыраю удалось ярко и убедительно отобразить характерные явления даргинской деревни прошлого века, дать правдивые картины действительности.

Рисую картины тяжелого труда, отсталую жизнь крестьян, поэт сохраняет глубокую веру в народ, веру в лучшее будущее. Даже те строки, где Батырай с беспощадной правдивостью говорит о тяжёлой работе крестьян, проникнуты большим оптимизмом:

Стер ладони ты сохой.
С малых лет учась пахать.
С малых лет ты наполнял
Посевным зерном подол.
За труды твоих быков
И за твой, крестьянин, труд
Пусть пшеницей закрома
Будут полны через край.

Многие песни Батырая автобиографичны, что способствует усилению их лирического начала.

На гребнях высоких гор
Белой баранты чабан,
Сам ты голоден всегда
Мой забытый Батырай.

В гордой крепости Харбук
Оружейник Алимах,
Сам ты ходишь без брони,
Мой безумный Батырай.

Но такие стихи выходят за рамки личного. Они говорят о судьбах многих тружеников деревни, таких же, каким был сам Батырай.

Невыносимо тяжелые условия экономической и духовной жизни крестьян, бескультурье, темнота, обстановка отсталости и невежества не мешают им сохранить человеческий облик. Именно в этих суровых условиях проявляются лучшие качества тружеников деревни. Моральная чистота, трудолюбие, доброта, смелость, оптимизм—все это характерные черты героев Батырая.

Представители простого народа всегда отзывчивы и добры. Они рады оказать помощь любимому поэту, такому же труженику, как они сами.

Крестьянин Абдурагим из аула Гели доведен до крайней бедности, у него в хозяйстве нет даже лошади и он огорчен тем, что не может положительно ответить на вопрос друга—поэта:

Агурам хҮула ца нам	Нет ли у тебя того,
ТҮвяхҮми чяртлехҮдирцу-	Для кого и день и ночь
хьяан,	Безразличны, и на ком
Дуги — хҮири ахҮдиркҮан.	Ноги в грязь не попадут?

Но поэта выручает другой крестьянин — добрый Газали из аула Бачлуга. Он с удовольствием отдает поэту лошадь и доволен, что принес пользу другому, хотя эта лошадь — последняя поддержка в его скудном хозяйстве. Жадность не в его характере. Нищенская жизнь не может убить сердечной доброты, она — в крови простого народа. Поэт в простом человеке труда находит гуманистическое начало.

О трудовом крестьянстве Батырай говорит очень скупой вместе с тем образно. В этом и особенность мастерства поэта, стремящегося несколькими штрихами создавать меткие и запоминающиеся образы.

Нарисованные поэтом картины быта и труда крестьян несут в себе широкие обобщения. Они дают читателю яркое представление о жизни народа.

Типическими для даргинского аула являются образы Абдурагима из аула Гели, Газали из Бачлуги и других крестьян. Поэт о них говорит мало, но перед нами встает целостный образ бедного, но трудолюбивого, честного, доброго, отзывчивого, гостеприимного труженика деревни.

Тяжелое положение рядового крестьянства, неустанно трудившегося, а в жизни не имеющего никаких прав, было понятно хлебопашцу Батыраю. Ведь он сам прошел тяжелую, полную лишений жизнь горцев. Вот почему он гневно восклицает:

Ва хІула вархІял вагібш
Вайна дуне либкьалли
Някълар кърарчигъа гушли
Дугул хъулга къямма дий,
Вайна дуне либкьалли
Тевлайлир тази гушли
Дугул хІумхІраан мухъи.

Будь неладен этот свет,
что за подлая пора!
Сокол дохнет на руке,
Мясо ж вороны едят.
Да померкнет этот свет,
что за подлая пора!
Конь у стойла позабыт,
А ячмень ослам дают.

Батырай не остается равнодушным к страданиям народа. В песнях его звучит мощный голос поэта-бунтаря, протест против существующей действительности. Батырай еще не видит идеала. Ему не достает революционного опыта. Но этот неграмотный поэт разбирается в противоречиях жизни и выносит приговор миру собственников, присваивающих труд простого народа.

Батырай не только возвеличивает образ простого труженика, но и показывает моральное вырождение высших классов.

Богачи, которые всячески обирают народ, жадны. Сирагинский старшина, пригласив в гости поэта, на угощение выносит «черный хлеб полусырой и вонючий козий сыр» (АхІбир-ціб суса къацІра, гвягІбибил нусиара), а богач Минатли-Баганд — черствый кукурузный чурек и вареную морковь (Мучарира хъабихъиб дилхъун набадурира).

Лирический герой Батырая не может равнодушно смотреть на угнетение родного народа. Он не может быть слугой угнетателей. Враги народа — феодалы, духовенство — становятся и его врагами.

Мастерски противопоставляя трудолюбивому крестьянству представителей эксплуататорского класса, поэт создает образ угнетателя старого аула. Здесь и Минатли-Баганд — «первый богачей и ничтожный человек» (МахІаргивра давлашив, шавраливил увяхІил), и мугринский старшина, и урахионец Абдусалам-Кади. Они жадны, скупы, безжалостны к простому труженику. Эти черты метко схвачены поэтом. Богач Минатли-Баганд, его жена, сирагинский старшина нарисованы несколькими штрихами, но перед нами встают образы, одержимые одной страстью к наживе за счет трудового народа.

С необычной смелостью охарактеризовал поэт представителей верхушки аула. У них «закрома полны зерном» и «на горах стада овец». И это тогда, когда народ голодает, когда

у него «в доме хлеба не найти» и никогда «мяса не видать в котле».

Батырай часто отходит от постоянных образов фольклора, создавая тем самым качественно новые образы.

Интерес представляет вопрос о прототипах, встречающихся в его поэзии. Обычно это труженики деревни или же верхушка аула:

Ассаламу гялайкум, Ва Бяжлукан Гъазали	—Ассаламун алейкум, Газали из Бачлуги!
—Ассаламу гялайкум, Гъеликан Абдурахлим!	—Ассаламун алейкум, Из Гели Абдурагим!
—Ассаламу гялайкум, Гъалмагъ Минатла БахIянд!	—Ассаламун алейкум Друг мой, Минатли-Баганд!

Образы этих людей (Абдурагим Газали, Минатли-Баганд) — реально существующие.

Батырай пользовался всеми художественными средствами для того, чтобы его произведения пошли прямо в народ. Об этом говорят хорошо известные и близкие даргинцам аулы, которые описаны конкретно и вместе с тем образно.

Чарили саира ну Сирагъантла шилизи. ХъурахIили вашули Даргли бугул гурдаон Саира ну ХIурихъи. Датулли гымар гъавгъа Ватихъили аира Мугрила шила дубли. УмцIурра холал дуне Шидибяхъяра Хайдакъ.	И обратно повернув Я дошел до Сираги. Зол и голоден, один, Я приехал в Урахи. Оставляя за собой Злобный крик и суетню, До Мугри доехал я. Свет большой я обыскал И пришел через Хайдак.
--	---

Конкретность места действия, жизненность образов, взятых из современных поэту аулов, — яркое подтверждение тому, что Батырай стремился создать произведения, близкие и понятные народу.

Всей своей направленностью поэзия Батырая свидетельствует о зарождении новой литературы, правдиво отражающей явления действительности.

В современном Батыраю общественном строе тяжела была судьба человека. Лучших людей, по образному выражению Батырая, либо «сгубят чужаки», либо «царь на каторгу сошлет» (Я урхIилини хъаршу, я сибиллизи архъу). Этим и

объясняется появление в стихах Батырая образов тюрьмы и Сибири, ставшей местом ссылки лучших сынов-горцев.

«Коротка героя жизнь» (АхІна гъвабзала гІвямру дирар гъанушура дус), — заявляет в одном из произведений поэт. Царские палачи найдут причину, чтоб его арестовать, сослать в Сибирь. «К закованному в цепь горцу» «...в каторжной тюрьме» относятся безжалостно. Памятники «на краю дорог» (гъо дублир цІлда) являются поэтическими символами погибших героев.

Къириммажар сиглизир,
АхІ урчи сенгеллизир,
Шивухъун ахІна гъвабза
Урусла Сибиллизив.

Кремневку точит ржа,
Конь хороший в западне,
А прославленный храбрец
Сослан в царскую Сибирь.

Но и тогда рождались сильные, волевые, бесстрашные люди, готовые отдать свою жизнь во имя свободы народа. Таков и герой Батырая, который

ЧичІайла уркІи дирканил
Чархлизир къувват дихъис,
Къапланна ний дирхъибил,
Дулай някъби къувватил,
БекІ някъби сахаватил.

Чтобы сердце сделать креп-
ким,
Змеиное сердце поел.
Чтобы в теле была сила,
Выпил львиное молоко.
Он с сильными мускулами
И с щедрыми руками.

Ему посвящает поэт целый цикл своих стихов — «О герое». В этом образе воплощены лучшие черты народа: бесстрашие, отвага, чувство ответственности. Этот герой летит «гриву чудища схватив» (Ял дуцили аждагъа) и «вместо плети, сгоряча, взяв за голову змею» (БикІдуцили чичІала гІварчималис гъакІдикъул). И неудивительно, что враг, достигнутый им, «как от бури задрожит» (Мирслиин гонзаон зир-зир бикъул).

Такой герой — «друг отважных храбрецов» и буря для трусов. Он выражает интересы народа, выступает против его угнетения. Как и легендарный Хочбар, этот герой угоняет табуны богачей и раздает их народу. А если для отчины придет трудное время, он против ста пойдет один, «взяв египетский клинок, заостренный, как алмаз» (алмас дархил мисри тур хъадуцили някълизил), и будет бороться пока не наполнятся «темной кожи сапоги красной кровью через край» (Цудар булгъала чакма дицІайши хІинтІин хІили).

Батыраевский герой умирает не в постели. Он отдает жизнь своему народу. Таких героев народ не забывает, его память увековечена у края дороги памятником и добрым словом о нем каждого, проходящего мимо могилы.

Истоки этих песен, как и других, уходят в глубь даргинского фольклора. В нем мы также встречаем подобные образы. Герой в представлении народа — борец за лучшее будущее.

Имена героев, отдавших жизнь за родину, увенчаны славой. Им даргинский народ посвятил лучшие строки своих песен:

Дявлизив вебкIайла
БибкIа жагаси,
ХIебкIили калайла
Хабар халаси.
Урибли гъабзала
Хъунул гамъаси,
ХIекъли багъадурла
ДурхIя ятимси.
ВебкIалли се сабив
ВатIан багъандан
Сай вебкIни багъандан
Хабар хIебубкIар.

Смерть прекрасна у того,
Кто в битве погибнет,
Слава тому, кто
Живым вышел из битвы.
У прославленного героя
Жена остается вдовой.
У бессмертного героя
Сын остается сиротой.
Да не страшна смерть,
Когда за родину умирает,
Хотя умрет герой
Зато слава о нем бессмертна.

Герой Батырая — это сын времени, передовой человек, который не может мириться с социальным неравенством и, насколько ему позволяет его классовое мировоззрение, ведет борьбу за светлое начало жизни.

В этом герое можно отметить такие черты, как мужество, стойкость, храбрость. Это цельная, волевая натура, не боящаяся трудностей. Это искренний, правдивый, честный человек, для которого превыше всего интересы труженика. Совершенно естественно, что в этом образе мы можем найти черты тех героев, которые впоследствии выходили на арену революционной борьбы.

Черты этого характера мы видим и у лирического героя цикла песен «О жизни».

Читая этот цикл стихов, носящий автобиографический характер, мы убеждаемся, что поэт далеко вышел за рамки биографии.

Здесь перед нами встает образ лирического героя, который вобрал в себя мысли и чувства горцев данного времени. Горячая любовь к простому народу, глубокая ненависть к угнетателям — таковы характерные черты, роднящие его с образом цикла «О герое».

Широта восприятия жизни, осмысление явлений действительности в сочетании с конкретными живыми чертами героя придают этому образу эпические черты.

Если путешествовать вместе с лирическим героем, то мы пройдем по многим даргинским аулам и увидим реальные картины из жизни тружеников деревни. Ко всему увиденному лирический герой не остается безучастным. Страстный, взвол-

нованный, всегда открытый в своих суждениях, он выступает защитником горской бедноты.

Лирическое и эпическое начало в этих двух циклах стихов Батырая тесно переплетены. Это и налагает свой отпечаток на образ. В нем лирическое «я» приобретает большой социальный смысл, так как герой вбирает в себя лучшие черты сына времени.

Таким образом, Батырай внес в даргинскую литературу, типический образ, действующий в типических обстоятельствах, и тем самым заявил о рождении подлинно реалистического искусства.

Все средства художественного изображения, употребляемые в творчестве Батырая, обработаны до изумительной филигранности, что говорит о его тонком поэтическом вкусе. Эпитеты, аллегории, параллелизмы, сравнения и другие образительные средства придают его поэзии подлинно народный характер.

Стихи Батырая поражают нас своей ритмичностью. Они близки народной поэзии и своей ритмикой. В основу ритмического строя батыраевского стиха берется одинаковое количество слогов. Они написаны наиболее свойственным даргинскому стиху семисложным силлабическим стихосложением, что придает им ритмическую гибкость, мелодичность, музыкальность.

Каждое стихотворение Батырая говорит о художественном мастерстве автора. Лирическое сердце поэта не перестает биться ни на минуту. Он может уловить прелести восходящего солнца, заходящей луны, заметить внешнюю красоту и внутреннюю чистоту горянки.

Поэзия Батырая дорога и близка всем дагестанским народам.

В лакском фольклоре большой популярностью пользуется песня Батырая «Будь неладен этот свет»:

Ина ыттун лиевуй
Ва ци ы дуниялли,
Къыргъулун хъа бивчуну
Хъатлун качар бичайсса!

Да погибнет этот свет,
Что за жестокий мир,
Который кормит сокола
овсом,
А ворона — сахаром.

Лакцы эту песню воспринимают как свою родную. Об этом говорят также переводы песен Батырая на другие языки Дагестана.

Поэзия Батырая оказала несомненное влияние на творчество советских дагестанских поэтов.

Поэт Ю. Хаппалаев — переводчик Батырая на лакский язык — испытал определенное воздействие поэзии Батырая и в своем творчестве.

Есть общее между песней Батырая и песней Хаппалаева:

Если б мной ты увлеклась,
Как тобой я увлечен, —
В самый знойный летний день
Льдом покрылась бы река.

Если б полюбила ты,
Так, как я тебя люблю, —
В самый лютый зимний день
Лед покрылся бы травой.
(Батырай)

Я вздыхаю по тебе,
Если бы мой каждый вздох
Тучкой становился вдруг —
Дождик шел бы круглый год.

Ты смеешься надо мной,
Если бы солнечным лучом
Сделалась улыбка вдруг —
Зиму растопила бы ты¹³.
(Хаппалаев).

Поэзия Батырая оказала также определенное воздействие и на кумыкских поэтов.

Об этом говорит сравнение отдельных стихов батыраевско-го цикла «Песни о герое» со стихотворением «Красный партизан» кумыкского поэта Астемирова.

Батыраевский герой-храбрец нам напоминает астемировского партизана. Если Батырай мечтал о народном герое-освободителе, то позже Астемирову время указывает на нового героя-партизана. У Астемирова мы читаем:

«При остановке комнатой от-
дыха — ему бурка,
А подушкой ему шерстяной
башлык...»

У Батырая:

«Коль в пути застанет ночь —
Вся земля тебе постель,
Одеяло — небеса —
Серебром расшитый шелк».

¹³ Ю. Хаппалаев. Лирика, изд. «Советская Россия», 1959 г.

Это свидетельство того, что дагестанские поэты не замыкались в сугубо национальные рамки, не ограничивались традициями родного фольклора. Поэтам одной народности всегда близки лучшие произведения другой соседней народности.

Переводы стихов Батырая, сделанные Э. и Н. Капиевыми, стоят на высоком художественном уровне, точно передают сущность оригинала, сохраняя национальный колорит песен. Адекватность капиевских переводов оригиналам достигается сохранением национального колорита. Переводчики не только изучили жизнь и творчество поэта, но и были его чуткими исследователями. В результате им удалось сохранить традиции горского фольклора, которыми так богата поэзия Батырая, и даже стихотворный строй даргинского стиха и размер подлинника.

Вложив в переводы все свои силы и знания, Капиевы дали песням Батырая второе рождение. Эти переводы вносят нечто новое, свое, в русскую поэзию.

Подводя итог сказанному, мы должны отметить, что Батырай, говорит ли он о величии подвигов храбреца, раскрывает ли многообразный и богатый душевный мир своего влюбленного героя, повествует ли о своей печальной жизни на старости лет, удивляет нас предельной лаконичностью своих стихов, яркостью образов, остротой изображения и глубиной мысли.

Поэзия Батырая национальна по форме. Его поэзия полна элементов традиционной поэтики даргинского народа. Истоки эпитетов, сравнений, параллелизмов, гипербол и других средств художественного изображения, которыми широко пользуется Батырай, своими корнями уходят в даргинский фольклор. Он первый даргинский поэт, который обратился к образу простого деревенского труженика, первый возвеличил горянку, первый творчески воплотил в своей поэзии фольклорные образы.

В поэзии Батырая отразились грусть, сомнения, горести и радости трудового даргинского народа. Этим и можно объяснить то высокое признание, которое получил Батырай у своего народа. По праву он является основоположником даргинской поэзии, зачинателем реалистического направления в литературе.

К сожалению, Батырай не встретил рассвет новой жизни, не увидел освобожденной от старых адатов горянки, с таким проникновенным лиризмом воспетой им, не увидел героя — храбреца, освободителя народа от вековой темноты, но счастлива судьба его песен. Как отметил Э. Капиев — «они прошли сквозь войны и революции. И сам Батырай, живущий в каждой избранной песне его народа», будет жить еще многие века.

Я З Ы К О З Н А Н И Е

КАТЕГОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КЛАССОВ В ЛАКСКОМ ГЛАГОЛЕ (В СРАВНЕНИИ С АВАРСКИМ И ДАРГИНСКИМ)

Глагол в лакском языке, как и в других дагестанских горских языках, является одной из сложнейших грамматических категорий. Лакскому глаголу присуще большое количество форм, выражающих сложную систему времен и наклонений; недлительный, длительный и повторный виды, лицо и число, изменения по грамматическим классам.

В лакском языке наличны одновременно и такие формы глагола как инфинитив и масдар, что не характерно для ряда иберийско-кавказских языков, например, для грузинского, в котором нет инфинитива, а представлен только масдар.

Различные глагольные формы лакского языка, как-то: инфинитив, масдар, временные формы и др., могут встретиться как содержащие в своем морфологическом составе изменяемые классные показатели, так и не включающие в свой состав последних. Соответственно с этим различаются *неклассные* и *классные* глагольные формы: инфинитивы, масдары, причастия, деепричастия, временные формы и др. Большинство же лакских глаголов образует классные формы.

Классные показатели в инфинитиве.

Начальной формой лакского глагола принято считать инфинитив, который образуется от корней глаголов посредством окончаний *-ан*, *-ин*, *-ун*. Лакский инфинитив является целевой формой и означает цель действия «чтобы делать то-то»¹.

Лакские инфинитивы могут быть:

¹ Г. Б. Муркелинский. Словообразование в лакском языке, «Уч. зап.» ИИЯЛ им. Г. Цадасы, т. III, Махачкала, 1957, стр. 238.

1) *неклассные*, т. е. не имеющие в своем морфологическом составе изменяемых классовых показателей;

2) *классные*, т. е. имеющие в своем морфологическом составе классовый показатель того имени, с которым они согласуются в грамматическом классе.

Часть *неклассных инфинитивов* принимает в некоторых производных глагольных формах изменяемые классовые показатели, часть же не принимает классовых показателей и в производных формах, и, следовательно, эти глаголы всегда остаются неклассными:

а) *кьакьан* «высохнуть»; но: *кьа-в-кьунни* (I, III гр. кл.), *кьа-р-кьунни* (II, IV гр. кл.) «высохло»; *чичин* «писать»; *ласун* «взять»; *кьукьин* «резать» и др.

б) *занан* «ходить»; *занай ия* «ходил»; *члалан* «видеть»; *шанан* «спать»; *ччалан* «состязаться» и др.

Односложные неклассные инфинитивы обычно не принимают в производных формах классовых показателей: *цI-ун* «болеть, чувствовать боль»; *цIий* «болея», *цIийсса* (|| *цIуцIисса*) «чувствующий боль»; однако, среди неклассных односложных инфинитивов встречаются два глагола: *хьун* «стать», «становиться»; *щун* «тронуть, попасть в цель», которые в отрицательных формах принимают изменяемые классовые показатели:

хьун «стать»

кьа-в-хьунни (I, III гр. кл.) «не смог»

кьа-р-хьунни (II, IV гр. кл.) «

щун «толкнуть, попасть в цель»

кьа-в-щунни (I, III гр. кл.) «не попал»

кьа-р-щунни (II, IV гр. кл.) «

Возможно, что неклассные односложные лакские глаголы в прошлом включали в свой звуковой состав тот или иной классовый показатель, так как эти же глагольные корни в аварском или даргинском языках снабжены классовыми показателями:

ччан (<*ккан) «хотеть», «любить»; ср. аварск.

в-окьизе (I гр. кл.), *й-окьизе* (II гр. кл.), *б-окьизе* «любить»,

рокьи «любовь»; дарг. *игес* (<вигес) (I гр. кл.),

д-игес (II гр. кл.) *б-игес* (III гр. кл.) «любить»;

диги||дикки (любовь). Корень данного глагола в аварск., дарг. и лакск. языках общий, но в лакском классовый показатель при нем отсутствует.

зун «работать»; ср. дарг. *узис* (I гр. кл.), *д-узис* (II гр. кл.),

б-узис (III гр. кл.) «работать»

Классные показатели в прошлом были присущи и другим, ныне неклассным глаголам, например, *учин* «сказать»; *цух учин* «сгнить» («гниль-сказать») и в производных формах

ищун (I гр. кл.) «удариться ударить»

д-ищун (II, IV гр. кл.) «

б-ищун (III гр. кл.) «

Но: *р-ищун* «ударить» (вообще) и параллельная форма для II и IV гр. классов.

Инфинитивы с префиксально выраженным классным показателем в некоторых временных формах принимают обычно и второй классный показатель, выступающий в виде инфикса: *-в* — для I и III гр. классов, *-р* — для II и IV гр. классов:

-уцин «привести»

у-в-цунни (I гр. кл.) «привели»

д-у-р-цунни (II, IV гр. кл.) «

б-у-в-цунни (III гр. кл.) «

В нескольких лакских инфинитивах классные показатели выступают инфиксально:

хха-в-аххан (I, III гр. кл.) «зацепиться»

хха-р-аххан (II, IV гр. кл.) «

цла-в-цлин (I, III гр. кл.) «царапать»

цла-р-цлин (II, IV гр. кл.) «

В производных временных формах (в прошедшем времени) от инфинитива *хха ~ аххан* «зацепиться» появляется и второй классный показатель — инфикс:

хха-в-а-в-ххунни (I, III гр. кл.) «зацепился»

ххар-а-р-ххунни (II, IV гр. кл.) «

В производных от *цла ~ цлин* «царапать» временных формах классные показатели остаются те же, что и в инфинитиве: *цла-в-цлунни* (I, III гр. кл.), *цла-р-цлунни* (II, IV гр. кл.) «царапал».

В лакском языке встречается также ряд инфинитивов, в которых представлено два классных показателя: один — префиксально, второй — инфиксально.

и-в-члан (I гр. кл.) «убить, умереть»

д-и-р-члан (II, IV гр. кл.) «

б-и-в-члан (III гр. кл.) «

Сюда же относятся глаголы: *а-в-цлин* (*д-а-р-цлин*, *б-а-в-цлин*) «растопить»; *ав-в-кьин* (*д-я-р-кьин*, *б-я-в-кьин*) «заблудиться»; *у-в-члин* (*д-у-р-члин*, *б-у-в-члин*) «узнать, выбрать». В указанных глаголах во всех производных формах представлено оба классных показателя.

Лакские инфинитивы могут иметь три вида: *недлительный* (в котором проводили вышеуказанные глаголы), *длительный*, образуемый инфиксом *-ла-*, и *повторный*, образуемый инфиксом *-ава-*.

Классные показатели в длительном и повторном видах инфинитива остаются те же, что и в недлительном виде:

б-уккин «прочсть»

б-ук-ла-н «читать»

б-укк-ава-н «читать повторно»

Инфинитивные формы присущи также и глаголам аварского и даргинского языков. В этих языках инфинитивы могут быть, как и в лакском языке, *классными*, т. е. содержащие в своем звуковом составе классные показатели, и *неклассными*.

Классные показатели в инфинитивах аварского и даргинского языков имеют те же функции, что и в лакском языке: при непереходном глаголе классные показатели относятся к грамматическому классу субъекта, при переходном глаголе к грамматическому классу объекта.

В качестве классных показателей в аварских инфинитивах выступают: **в** — для I грам. кл.; **й** — для II гр. кл.; **б** — для III гр. кл.; **р** — мн. ч. для всех гр. кл. Указанные классные показатели в аварских инфинитивах стоят, за некоторыми исключениями, в анлауте, т. е. выступают префиксально:

в-ецизе (I гр. кл.)		в-ичизе (I гр. кл.)	
	«хвалить»		«продавать»
й-ецизе (II гр. кл.)	«	й-ичизе (II гр. кл.)	«
б-ецизе (III гр. кл.)	«	б-ичизе (III гр. кл.)	«
р-ецизе (мн. ч.)	«	р-ичизе (мн. ч.)	«

Встречается и инфикс — классный показатель:

гва-в-изе (I гр. кл.)	«делать»
гва-й-изе (II гр. кл.)	«
гва-б-изе (III гр. кл.)	«
гва-р-изе (мн. ч.)	«

В аварском языке в некоторых глагольных формах от неклассных глаголов, например, в причастиях, появляются в ауслауте классные показатели:

кзотIизе	«резать»
кзотIуле-в (I гр. кл.)	«режущий»
кзотIуле-й (II гр. кл.)	«
кзотIуле-б (III гр. кл.)	«
кзотIуле-л (мн. ч.)	«

В даргинском языке преобладающее большинство глаголов принимает классные показатели². Классный показатель в даргинском инфинитиве (если глагол простой, а не сложный) выступает префиксально, т. е. в анлауте. В качестве классных показателей употребляются:

о (нуль)	или в — для I гр. кл.
р-	— для II гр. кл.
б-	— для III гр. кл.
д-	— для IV гр. кл.

² С. Абдуллаев. Грамматика даргинского языка, Махачкала, 1954, стр. 144.

Во множественном числе: б — для I и II гр. кл.
 д — для III, IV гр. кл.

игес||*в-игес* (I гр. кл.) «любить»

р-игес (II гр. кл.) «

б-игес (III гр. кл.) «

д-игес (IV гр. кл.) «

Во множественном числе:

б-игес (I, II гр. кл. — классы личности)

д-игес (III, IV гр. кл. — классы вещей)

Классные показатели в инфинитивах лакского, аварского и даргинского языков схематично выступают в следующем виде:

Число	Грам. классы	Лакский яз.	Аварский яз.	Даргинский яз.
един- ствен- ное	I	в	в	в
	II	д,р	й	р
	III	б	б	б
	IV	д,р	—	д
мно- жест- венное	I	}	}	}
	II			
	III	}	}	}
	IV			

Классные показатели в масдаре.

Масдары в лакском, аварском и даргинском языках могут быть, как и инфинитивы, содержащими в своем звуковом составе классные показатели и не содержащими последних. Однако, все масдары, независимо от того содержат ли они в своем составе классные показатели или нет, относятся в лакском языке к IV грам. классу, а в аварском и даргинском языках к III грамм. классу.

В масдарах, включающих в свой звуковой состав классные показатели, последние выступают идентично классным показателям в инфинитивах. В лакских масдарах классные показатели выступают: префиксально, инфиксально, и префиксально и инфиксально одновременно:

уцаву (д-уцаву, б-уцаву) «приведение, привод»

цла-в-цлаву (цла-р-цлаву) «царапание»

и-в-члаву (д-и-р-члаву, б-и-в-члаву) «убиение, убивание»

В аварских масдарах классные показатели обычно представлены префиксально, а изредка инфиксально:

в-окьи (**й-окьи**, **б-окьи**, **р-окьи**) «любить»; форма для исчезнувшего ныне IV гр. кл. **р-окьи** с окаменелым классным показателем субстантивировалась и означает «любовь».

гьа-в-и (**гьа-й-и**, **гьа-б-и**, **гьа-р-и**) «делание».

В даргинских масдарах классные показатели выступают префиксально:

икІни (**р-икІни**, **б-икІни**, **д-икІни**) «говорение; выговаривание».

В масдарах лакского, аварского и даргинского языков при непереходном глаголе выражен грамматический класс субъекта, а при переходном глаголе грамматический класс объекта. Многие масдары в указанных языках подверглись субстантивации, причем с окаменелыми классными показателями (если имеются таковые в глаголе) класса вещей.

Классные показатели в причастиях и деепричастиях.

Причастия и деепричастия в лакском, аварском и даргинском языках, вступая в сочетание со спрягаемыми вспомогательными глаголами, играют важную роль в образовании сложных временных форм глагола. Поэтому, целесообразнее ознакомиться сперва с категорией грамматических классов в причастиях и деепричастиях, а потом со спряжением глагола.

Причастия в лакском, аварском и даргинском языках имеют три времени: настоящее, прошедшее и будущее.

Лакские причастия (полные) образуются при помощи тех же аффиксов, что и полные прилагательные: **-сса** (для всех гр. кл.), **-ма** (для I гр. кл.), **-мур** (для II, III и IV гр. кл.), **-мий** (мн. ч. гр. кл.). Кроме того, большинство лакских причастий в свой морфологический состав включает и классные показатели. Категория грамматических классов проявляется и семасиологически при склонении причастий, которое аналогично склонению полных прилагательных.

В лакских причастиях настоящего времени классные показатели остаются те же, что и в инфинитиве. Причастия настоящего времени, образованные от глаголов длительного вида, сохраняют те же классные показатели, что и причастия от однократных глаголов.

аххай-сса (I гр. кл.) «продающий, продаваемый» (вообще)

д-аххай-сса (II, IV гр. кл.) «

б-аххай-сса (III гр. кл.) «

аххай-ма (I гр. кл.) «

д-аххай-мур (II, IV гр. кл.) «

б-аххай-мур (III гр. кл.) «

б-аххай-мий (мн. ч. I, II, III гр. кл.) «

д-аххай-мий (мн. ч. IV гр. кл.) «

Формы причастия от длительного вида глагола:
ахлахи-сса (I гр. кл.) «продающий; продаваемый» (в дан-
ный момент)

<i>д-ахлахи-сса</i> (II, IV гр. кл.)	«
<i>б-ахлахи-сса</i> (III гр. кл.)	«
<i>ахлахи-ма</i> (I гр. кл.)	«
<i>д-ахлахи-мур</i> (II, IV гр. кл.)	«
<i>б-ахлахи-мур</i> (III гр. кл.)	«
<i>б-ахлахи-мий</i> (мн. ч. I, II, III гр. кл.)	«
<i>д-ахлахи-мий</i> (мн. ч. IV гр. кл.)	«

В морфологическом составе причастий настоящего времени, образованных от неклассных глаголов, классные показатели не встречаются:

ласун «взять»
ласай-сса, ласласи-сса «берущий»
ласай-ма (I гр. кл.)
ласай-мур (II, III, IV гр. кл.)
ласай-мий (мн. ч. всех гр. кл.)

В причастиях будущего времени, как и в причастиях настоящего времени, представлены те же самые классные показатели, что и в инфинитивах; причастия будущего времени образуются непосредственным присоединением к инфинитивам причастных формантов.

ласун «взять»
ласун-сса; ласун-ма (*ласун-мур*); *ласун-мий* «то, что должно быть взято»

аххан «продать»
аххан-сса (*д-аххан-сса, б-аххан-сса*) «то, что должны продать»

аххан-ма (I гр. кл.) «тот, который должен продать; тот которого должны продать»

<i>д-аххан-мур</i> (II, IV гр. кл.)	«
<i>б-аххан-мур</i> (III гр. кл.)	«
<i>б-аххан-мий</i> (мн. ч. I, II, III гр. кл.)	«
<i>д-аххан-мий</i> (мн. ч. IV гр. кл.)	«

В причастиях прошедшего времени категория грамматических классов находит большее выражение, чем в причастиях настоящего и будущего времени. В причастиях прошедшего времени, образованных от глаголов с префиксально выраженными классными показателями, категория грамматических классов выражена двумя классными показателями: префиксом (как и в инфинитиве) и инфиксом (появляющимся в причастных формах прошедшего времени); в качестве префиксов выступают:

1) в единственном числе: *д* — для II, IV гр. кл., *б* — для III гр. кл.

2) во множеств. числе: **б** — для I, II, III гр. кл., л — для IV гр. кл.

В качестве инфиксов выступают:

-в — для I, III гр. кл. ед. числа и I, II, III гр. кл. мн. числа

-р — для II, IV гр. кл. и IV гр. кл. мн. числа.

а-в-хху-сса (I гр. кл.) «проданный; продававший»

б-а-в-хху-сса (II—IV гр. кл.) «

д-а-р-хху-сса (III гр. кл.) «

а-в-хху-ма (I гр. кл.) «тот, который был продан; тот, который продавал»

д-а-р-хху-мур (II, IV гр. кл.) «

б-а-в-хху-мур (III гр. кл.) «

б-а-в-хху-мий (I, II, III, гр. кл. мн. числа) «

д-а-р-хху-мий (IV гр. кл. мн. числа) «

Инфиксы — классные показатели появляются и в таких причастиях прошедшего времени, которые образованы от двусложных (геср. многосложных неклассных глаголов).

кьу-в-кьусса (I, III гр. кл.) «отрезанный, отрезавший»

кьу-р-кьусса (II, IV гр. кл.) «

кьу-в-кьу-ма (I гр. кл.) «отрезанный; отрезавший»

кьу-р-кьу-мур (II, IV гр. кл.) «

кьу-в-кьу-мур (III гр. кл.) «

кьу-в-кьу-мий (мн. ч. I, II, III гр. кл.) «

кьу-р-кьу-мий (мн. ч. IV гр. кл.) «

Таким образом, двусложные (геср. многосложные) глаголы, не имеющие в формах инфинитива классных показателей, например, *кьукьин* «резать», *кьакьан* «высохнуть», *ласун* «взять», *лачун* «прикрепить» и т. д., в формах причастий прошедшего времени становятся классными.

Категория грамматических классов в лакских причастиях проявляется, как было сказано выше, и семасиологически при склонении.

При склонении причастий, оканчивающихся на *-сса*, перед флексией родительного-эргативного падежа *-л* появляются т. н. «вставки, наращення» образующие «вторую основу».

1) *-нна* — если причастие относится к имени I грамматического класса

2) *-нну* — если причастие относится к именам II, III, IV грам. классов.

Им. п. *кьавкьсса* (I гр. кл.) «высохший»

Род.-Эрг. п. *кьавкьсса-нна-л*

Дат. п. *кьавкьсса-нна-н*

Им. п. *кьавкьсса* (III гр. кл.), *кьа-р-кьсса* (II, IV гр. кл.)

Род.-Эрг. п. *кьа-в-кьсса-нну-л*, *кьа-р-кьсса-нну-л*

Дат. п. *кьа-в-кьсса-нну-н*, *кьа-р-кьсса-нну-н*

Причастия с изменяемыми по грамматическим классам окончаниями *-ма*, *-мур* при склонении принимают перед падежной флексией «вставки»:

-на — если причастие относится к I грам. классу;

-ни — если причастие относится ко II, III, IV грам. классам.

Им. п. *ла-в-гма* (I гр. кл.) «ушедший»

Род.-Эрг. п. *ла-в-гма-на-л*

Дат. п. *ла-в-гма-на-н*

Им. п. *ла-р-г-мур* (II, IV гр. кл.); *ла-в-г-мур* (III гр. кл.) «ушедший»

Род.-Эрг. п. *ла-р-г-му-ни-л* *ла-в-г-му-ни-л*

Дат. п. *ла-р-г-му-ни-н* *ла-в-г-му-ни-н*

Причастия множественного числа имеют общее для всех грамматических классов окончание *-мий*. При склонении причастий множественного числа перед падежными формантами появляются «вставки».

1) *-нна* — если причастие относится к именам лиц;

2) *-нну* — если причастие относится к именам вещей и предметов.

Им. п. *лавгмий* (I, II гр. кл.) «ушедшие»

Род.-Эрг. п. *лавгми-нна-л*

Дат. п. *лав-гми-нна-н*

Им. п. *ла-р-гмий* (IV гр. кл.), *ла-в-гмий* (III гр. кл.)-

Род.-Эрг. п. *ла-р-гми-нну-л*, *ла-в-гми-нну-л*

Дат. п. *ларгми-нну-н*, *ла-в-гми-нну-л*

Таким образом, при склонении причастий множественного числа противопоставляются семасиологически *класс человека* и *класс вещей*.

Причастия в аварском языке образуются, как и имена прилагательные, посредством классных показателей, выступающих в ауслауте. В причастиях, образованных от глаголов с префиксально выраженным классным показателем, выступают два классных показателя — в анлауте и ауслауте: *в-ачIара-в* (*й-ачIара-й*, *б-ачIараб*) «пришедший».

Причастия настоящего времени образуются при помощи классных показателей, присоединяемых к глагольной основе настоящего времени:

къотIизе «резать»

къотIула «режет»

къотIулев (I гр. кл.) «режущий, резаемый»

къотIулей (II гр. кл.) «

къотIулеб (III гр. кл.) «

къотIулел (мн. ч. всех гр. кл.) «

Причастия прошедшего времени образуются присоединением классных показателей к глагольной основе прошедшего времени:

къотІана «резал»

къотІарав (*къотІарай*, *къотІараб*),

къотІарал (мн. ч. всех гр. кл.) «резавший»

Причастия будущего времени образованы присоединением классных показателей к глагольной основе будущего времени:

къотІила «будет резать»

къотІилев (*къотІилей*, *къотІилеб*), *къотІилел* (мн. ч. для всех гр. кл.) — причастие будущего времени.

Как и при склонении имен прилагательных, в аварском языке категория грамматических классов семасиологически находит свое выражение и при склонении причастий. Образование эргативного падежа — «второй основы» у причастий находится в зависимости от грамматических классов имен, к которым относятся причастия. Причастия I гр. кл. принимают в эргативном падеже *-ас*, а причастия II, III гр. кл. *-алъ*.

Им. п. *къотІарав* (I гр. кл.) «резавший»

Эрг. п. *къотІарас*

Род. п. *къотІарасул*

Дат. п. *къотІарасе*

Им. п. *къотІарай* (II гр. кл.); *къотІараб* (III гр. кл.)

Эрг. п. *къотІаралъ*

Род. п. *къотІаралъул*

Дат. п. *къотІаралъе*

Во множественном числе причастия всех грам. классов склоняются по единому образцу:

Им. п. *къотІарал* (мн. ч. для всех гр. кл.)

Эрг. п. *къотІараз*

Род. п. *къотІаразул*

Дат. п. *къотІаразе*

В причастиях даргинского языка классные показатели появляются только в том случае, если причастия образованы от глаголов, имеющих в своем составе классные показатели; формантом же причастий для всех грам. классов выступает *-си*, присоединяемый к основам временных форм глагола и к формам инфинитива (при образовании причастий будущего времени).

Причастие настоящего времени:

валула «знаю»

валуси (I гр. кл.)

ралуси (II гр. кл.)

б-алуси (III гр. кл.)

л-алуси (IV гр. кл.)

Причастие прошедшего времени:

вакІиб «пришел»

вакІибси (I гр. кл.)

ракІибси (II гр. кл.)

бакІибси (III гр. кл.)

дакІибси (IV гр. кл.)

Причастие будущего времени:

вакӀес «придти»

вакӀеси <вакӀес-си (I гр. кл.)

ракӀеси <ракӀес-си (II гр. кл.)

бакӀеси <бакӀес-си (III гр. кл.)

дакӀеси <дакӀес-си (IV гр. кл.)

Категория грамматических классов находит свое отражение и в деепричастиях.

В лакском и даргинском языках выделяются деепричастия настоящего, прошедшего и будущего времен, а в аварском — деепричастия настоящего и прошедшего времен³.

В лакских деепричастиях настоящего времени, которые образуются посредством окончаний *-ай*, *-ий*, *-уй*, представлены те же самые классные показатели, что и в формах инфинитива:

аххан (д-аххан, б-аххан) «продать»

ахлай (I гр. кл.) «продавая»

д-ахлай (II, IV гр. кл.) «

б-ахлай (III гр. кл.) «

Во множественном числе:

б-ахлай (I, II, III гр. кл.) «

д-ахлай (IV гр. кл.) «

В деепричастиях прошедшего времени (формант — окончание *-ну* (*-ун*), образованных от глаголов с префиксально выраженными классными показателями, появляется и второй классный показатель — инфикс: **-в** — для I и III гр. классов, **-р** — для II и IV гр. классов.

аххан (д-аххан, б-аххан) «продать»

а-в-ххуну (I гр. кл.) «продав»

д-а-р-ххуну (II, IV гр. кл.) «

б-а-в-ххуну (III гр. кл.) «

Во множественном числе:

б-а-в-ххуну (I, II, III гр. кл.)

д-а-р-ххуну (IV гр. кл.)

Инфиксы — классные показатели появляются и в таких деепричастиях прошедшего времени, которые образованы от двусложных (resp. многосложных) неклассных глаголов:

кьукьин «резать»

кьу-в-кьуну (I, III гр. кл.) «отрезав»

кьу-р-кьуну (II, IV гр. кл.) «

В деепричастиях от глагола *хха-в-аххан* (*хха-р-аххан*) «зацепить» появляется и второй инфикс — классный показатель:

хха-в-а-в-ххуну (I, III гр. кл.) «зацепив»

хха-р-ар-ххуну (II, IV гр. кл.) «

В деепричастиях будущего времени, которые образуются присоединением форманта *-ну* к инфинитивным формам, пред-

³ Л. И. Жирков. Грамматика даргинского языка, М., 1926, стр. 21

ставлены те же самые классные показатели, что и в инфинитиве:

уцин (д-*уцин*, б-*уцин*) «взять»
уцинну (I гр. кл.), д-*уцин-ну* (II, IV гр. кл.), б-*уцинну* (III гр. кл.) «так, что бы можно было взять».

В *деепричастиях аварского языка* представлены те же самые классные показатели, которые имеются в формах инфинитива (и в глагольной временной форме, от которой образовано деепричастие).

Деепричастие настоящего времени образуется присоединением к глагольной форме настоящего времени окончания *-го*:

в-ичула (й-*ичула*, б-*ичула*) «продает»

в-ичулаго (I гр. кл.) «продавая»

й-*ичулаго* (II гр. кл.) «

б-*ичулаго* (III гр. кл.) «

р-*ичулаго* (мн. ч. для всех гр. кл.) «

Формантом деепричастия прошедшего времени выступает *-ун*:

вичизе (й-*ичизе*, б-*ичизе*) «продать»

в-ичун (I гр. кл.) «продав»

й-*ичун* (II гр. кл.) «

б-*ичун* (III гр. кл.) «

р-*ичун* (мн. ч. для всех гр. кл.) «

В *деепричастиях даргинского языка*, которые образуются при помощи окончания *-ли* (для всех времен), представлены те же самые классные показатели, которые имеются в инфинитиве. Деепричастия же, образованные от неклассных глаголов, остаются во всех временах, в частности в прошедшем (в отличие от лакских деепричастий прошедшего времени), неклассными. Формы деепричастий настоящего и прошедшего времен совпадают; они различаются в контексте.

валули (I гр. кл.) «зная; узнав»

ралули (II гр. кл.) «

балули (III гр. кл.) «

далули (IV гр. кл.) «

Деепричастия будущего времени в даргинском языке образуются, как и в лакском языке, присоединением деепричастного форманта к форме инфинитива:

ваклес (*раклес*, *баклес*, *даклес*) «прийти»

вакесли (I гр. кл.) «так, чтобы он смог прийти»

ракесли (II гр. кл.) «

бакесли (III гр. кл.) «

дакесли (IV гр. кл.) «

Образование причастных и деепричастных форм будущего времени в лакском и даргинском языках одинаково. В обоих языках при образовании как причастий будущего времени, так и деепричастий будущего времени использована форма инфинитива:

нитива, к которой присоединяются форманты причастий и деепричастий непосредственно. В аварском же языке для образования причастий будущего времени, в отличие от лакского и даргинского языков, использована глагольная форма будущего времени.

Спряжение глагола и категория грамматических классов.

Спряжение глагола в лакском, аварском и даргинском языках, как и в тех иберийско-кавказских языках, в которых сохранились грамматические классы, тесно связано с категорией грамматических классов. При спряжении глаголов показатели грамматических классов выполняют ряд функций: они употребляются для выражения реального субъекта и реального объекта, для выражения форм множественности. Аварскому глаголу присуще изменение только по грамматическим классам, т. е. представлено *классное спряжение*, а глаголу даргинского и лакского языков характерно изменение как по грамматическим классам, так и по лицам, т. е. присуще *классно-личное спряжение*. Оба типа спряжения являются различными «ступенями единого процесса развития спряжения глагола в иберийско-кавказских языках»⁴. В иберийско-кавказских языках представлен и другой тип спряжения — *личное спряжение*⁵. Эти три основных типа спряжения, которых различают иберийско-кавказские языки, «оказываются связанными исторически и размещаются на одной исторической линии развития: классное спряжение (в аварском, нахских языках), классно-личное (в лакском, даргинском, бацбийском, абхазском языках) и личное спряжение (в адыгских, картвельских языках) образуют три последовательные ступени развития, причем исходным является спряжение классное... Личное спряжение идет от классного. Переходную ступень образует классно-личное спряжение»⁶.

Система согласования по грамматическим классам в глаголе, как в языках с классным спряжением, так и в языках с классно-личным спряжением, одинаковая: *при непереходном глаголе аффикс грамматического класса указывает на реальный субъект, при переходном — на реальный объект*. Этот

⁴ Arn. Tschikobawa. Die ibero-kaukasischen Gebirgssprachen und der heutige Stand ihrer Erforschung in Georgien. Acta Orient. Hung. 1959. t. IX, Fasc 2.

⁵ Н. Д. Андудадзе. Категория грамматических классов в иберийско-кавказских языках. Автореферат канд. диссертации, Тбилиси, 1954, стр. 10.

⁶ А. С. Чикобава. Иберийско-кавказское языкознание, его общелингвистические установки и основные достижения. Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз. 1958, т. XVII, вып. 2, стр. 127.

принцип последовательно проведен во всех иберийско-кавказских языках⁷.

Категория лица в иберийско-кавказских языках возникла на основе такой системы глагола, для которой было характерно только изменение по классам. Л. И. Жирков отмечает, что «единство системы согласования по классам во всех дагестанских языках, — безразлично, имеются ли в них личные окончания глагола или нет, — заставляет признать, что выражение глагольных лиц в этих языках создавалось на основе такой системы глагола, которая знала лишь согласование по классам»⁸.

Аварскому языку, как было отмечено, присуще *классное спряжение*. «В аварском языке глагольное окончание изменяется с изменением категории времени, но в одном и том же времени оно остается неизменным и для всех лиц и для всех чисел»⁹. Связь же сказуемого с субъектом или объектом выражается показателями грамматических классов (если глагол *классный*), которые выступают в составе глагола-сказуемого. При *классном спряжении* глагол изменяется по грамматическим классам субъекта, если глагол *непереходный*, или по грамматическим классам объекта, если глагол *переходный*, и соответственно с этим выделяются *субъектное* и *объектное спряжения*; при этом в глаголе представлен класс одного имени — субъекта или же объекта — глагол является *монопersonальным* и не встречается случаев, когда в глаголе имелись бы *классные показатели субъекта и объекта одновременно*. *Классные показатели* в аварских глаголах выступают *префиксально*, а в редких случаях *инфиксально*. В качестве *классных показателей* выступают: **в** — для I грам. кл., **й** — для II грам. кл., **б** — для III грам. кл., **р** — для всех гр. кл. во множест. числе.

а) *Вспомогательный глагол*:

1, 2 и 3 л. **в-уго** (I гр. кл.) «есть; еси; есть»

« **й-уго** (II гр. кл.) «

« **б-уго** (III гр. кл.) «

« **р-уго** (мн. ч. всех классов) «есмы; есте; суть».

б) *Субъектное спряжение (по классам субъекта) непереходного глагола*:

вац в-ачлана (I гр. кл.) «брат пришел»

йац й-ачлана (II гр. кл.) «сестра пришла»

чу б-ачлана (III гр. кл.) «лошадь пришла»

Во всех временных формах сохраняются эти же *классные показатели и согласование по грам. классам*.

⁷ Н. Д. Андудадзе. Категория грамматических классов в иберийско-кавказских языках. Автореферат, стр. 18.

⁸ Л. И. Жирков. Спряжение глагола в лакском и даргинском языках. Доклады и сообщения Инст. яз. АН СССР, № 27, 1955 г., стр. 84.

⁹ П. К. Услар. Аварский язык. Тифлис, 1889, стр. 118.

в) Объектное спряжение (по классам объекта) переходного глагола. При спряжении переходный глагол дает столько же различных классовых форм, сколько и непереходный.

дица вачана вац (I гр. кл.) «я привел брата»

дица йачана йац (II гр. кл.) «я привел сестру»

дица бачана чу (III гр. кл.) «я привел лошадь»

Как при субъектном, так и при объектном спряжениях глагола спряжение имеет одноклассный характер — моноперсональный, т. к. в глаголе представлено лишь одно имя.

В аварском языке помимо глаголов, изменяющихся по грамматическим классам, имеются и такие глаголы, в основах которых нет классовых показателей, например, *ине* «уйти», *квот/и-зе* «резать», *кваназе* «кушать» и т. п. Такие глаголы получены, по-видимому, в результате утери глаголом классовых показателей, например, *те-зе* «оставить» срв. лакск. *и-т-ан* (д-и-тан, б-итан), общий корень -т-; *кваназе* «кушать», срв. лакск. *у-кан* (д-у-кан, б-у-кан) || > *канан* «кушать», общий корень -ж-.

Аварские неклассные глаголы внутри определенного времени и наклонения являются неспрягаемыми и в данном случае напоминают собою глагольное словоизменение *агульского* и *лезгинского* языков, в которых глагол не спрягается ни по лицам, ни по классам¹⁰.

Лакскому и даргинскому глаголу (в отличие от аварского) присуще классово-личное спряжение, являющееся последующей ступенью развития спряжений в иберийско-кавказских языках. При классово-личном спряжении в глаголе представлены как категория грамматического класса, так и категория лица. Причем система согласования по грамматическим классам при классово-личном спряжении, как было отмечено, та же, что и при классном спряжении.

В даргинском языке во временных формах глагола остаются те же классовые показатели, которые имеются в инфинитиве, а классовые показатели обычно выступают перед корнем глагола, т. е. префиксально. В качестве классовых показателей во временных формах глагола употребляются: *в* — (или *нуль* — 0) для I гр. кл., *р* — для II гр. кл., *б* — для III гр. кл., *д* — для IV гр. кл.; во множественном числе: *б* — для I, II гр. классов (классы личности), *д* — для III, IV гр. классов (классы вещей).

Даргинский глагол по классу всегда согласуется с тем именем, которое в предложении стоит в именительном падеже; при переходном глаголе это имя будет объектом, при непереходном глаголе субъектом¹¹.

Глагольная связка (*сай, саби, сари*) при сочетании с причастиями или деепричастиями в описательных формах переход-

¹⁰ П. К. Услар. Кюринский язык, Тифлис, 1896, стр. 92.

¹¹ С. Абдуллаев. Грамматика даргинского языка, стр. 145.

ного глагола может согласоваться по классу или с объектом или с субъектом. Категория лица выражается окончаниями: *-ра* (1 л.), *-ри* (2 л.) — ед. числа; *-ра* (1 л.), *-райа* (2 л.) — мн. числа.

Личные формы согласуются с субъектом, если подлежащее выражено формами активного (эргативного) падежа от личных местоимений *ну* «я», *хлу* «ты», *нуша* «мы», *хлуша* «вы», а прямым дополнением является третье лицо; в остальных же случаях личные показатели выражают объект. По числу и грамматическому классу переходный глагол согласуется с объектом и является полиперсональным.

учлес (<*в-учлес*), *р-учлес*, *б-учлес*, *д-учлес* «читать»

Настоящее время:

1 л. (р-; б-)	<i>учлул-ра</i> ;	<i>д-учлул-ра</i>
2 л. (р-; б-)	<i>учлул-ри</i> ;	<i>д-учлул-райа</i>
3 л. (р-; б-)	<i>учлули-сай</i> ;	<i>б-учлули-саби</i>

Прошедшее время:

1 л. (р-)	<i>б-елчлун-ра</i> ;	<i>б-елчлун-ра</i>
2 л. (р-)	<i>белчла-ди</i> ;	<i>б-елчла-дайа</i>
3 л. (р-)	<i>б-елчлун</i> ;	<i>б-елчлун</i>

Будущее время:

1 л. (р-)	<i>бучлас</i> ;	<i>бучлехле</i>
2 л. (р-)	<i>бучлад</i> ;	<i>бучладайа</i>
3 л. (р-)	<i>бучла</i> ;	<i>бучла</i>

Лакскому классному глаголу наряду с классным спряжением, аналогичного аварскому спряжению, присуще и личное спряжение, т. е. классно-личное спряжение. В лакском языке категория лица образовалась в глаголе позднее, чем категория грамматических классов¹². В лакском глаголе лица обозначаются суффиксами, а грамматические классы — префиксами (и инфиксами). В качестве классных показателей употребляются: префиксально: *0* (*нуль*) — для I гр. кл.; *д* — для II, IV гр. кл.; *б* — для III гр. кл.; во множественном числе: *б* — для I, II, III гр. классов; *д* — для IV гр. класса; *инфиксально*: *-в* — для I, III гр. классов; *-р* — для II, IV гр. классов; во множественном числе: *-в* — для I, II, III гр. классов, *-р* — для IV гр. класса.

В отличие от аварского и даргинского языков в основе некоторых временных форм лакского глагола появляется и второй классный показатель — инфикс. Инфикс — классный

¹² А. С. Чикобава. Иберийско-кавказское языкознание, его общелингвистические установки и основные достижения. Изв. АН СССР, отд. лит. и яз., 1958, т. XVII, вып. 2, стр. 125.

показатель появляется в тех случаях, когда временная форма глагола образована от деепричастия прошедшего времени.

Во всех временных формах непереходного глагола показатель грамматического класса (префикс или инфикс) указывает на грамматический класс субъекта, а личное окончание (суффикс) на лицо субъекта.

изан (*дизан, бизан*) «встать»;

и-в-зун (*д-и-р-зун, б-и-в-зун*) — деепричастие прошедшего времени «встав»

Прошедшее время (аорист):

I гр. кл.	II, IV гр. кл.	III гр. кл.
1 л. <i>на и-в-з-ра</i> ;	<i>на д-и-р-з-ра</i> ;	<i>на б-и-в-з-ра</i> «я встал»
2 л. <i>ина и-в-зун-на</i> ;	<i>ина д-и-р-зун-на</i> ;	<i>ина б-и-в-зун-на</i> «ты встал»
3 л. <i>та и-в-зун-ни</i> ;	<i>та д-и-р-зун-ни</i> ;	<i>та б-и-в-зун-ни</i> «он встал»

Множественное число:

I, II, III гр. кл.

IV гр. кл.

1 л. *жу б-и-в-з-ру*;

жу д-и-р-з-р-у

2 л. *зу б-и-в-зун-ну*;

зу д-и-р-зун-ну

3 л. *тай б-и-в-зун-ни*;

тай д-и-р-зун-ни

Личные окончания в лакских глаголах восходят к вспомогательным глаголам:

1 л. *ура* (*дура, бура*) «я емь»

2 л. *ура* (*дура, бура*) «ты еси»

3 л. *ур* (*и*) [(*дур*(*и*), *бур*(*и*))] «он есть»

Напр. *ина ивзун-на* «ты встал: *ивзун* — деепричастие прошедшего времени, *-на* — окончание, восходящее к вспомогательному глаголу *-ра*: *ивзун+ура* > *ивзун-ра* > *ивзун-на*.

Таким образом, категория лица в лакском языке получена в результате присоединения вспомогательных глаголов к различным глагольным формам¹³.

В «описательных» временных формах непереходного глагола классные показатели причастия (или деепричастия) основного глагола и вспомогательного глагола относятся к субъекту; к нему же относятся и личные окончания.

Настоящее время

оврчI излай ур (I гр. кл.) «мальчик встает»

царсса д-излай д-ур (II гр. кл.) «женщина встает»

бярч б-излай б-ур (III гр. кл.) «теленоч встает»

Принцип согласования по грамматическим классам и лицам у непереходного глагола во всех временных формах остается общим.

¹³ Г. Б. Муркелинский. Очерк грамматики лакского языка. Автореферат докторской диссертации, Махачкала, 1951, стр. 28.

При *переходном глаголе* во всех временных формах показатели грамматических классов указывают всегда на объект, а личные окончания—в ряде случаев на субъект (в некоторых же случаях на объект). Таким образом, в лакском глаголе может быть представлено два лица, т. е. глагол носит полиперсональный характер.

- на атта-ра адимина* (I гр. кл.) «я бью мужчину»
- на д-атта-ра щарсса* (II гр. кл.) «я бью женщину»
- на б-атта-ра бярч* (III гр. кл.) «я бью теленка»

В настоящем «общем» времени переходного глагола личные окончания указывают: 1) на лицо субъекта, если объектом выступают 1, 2 и 3 лица, или 2) на лицо объекта, если субъектом является 3 лицо.

1. *На угъара ина (та)* «я держу тебя (его)»
2. *Танал угъара на (ина)* «он держит меня (тебя)»

В настоящем «текущем» времени переходного глагола, которое образуется сочетанием деепричастия + вспомогательный глагол «быть», форма деепричастия согласуется с объектом в грамматическом классе (и числе), а вспомогательный глагол указывает на класс, число и лицо субъекта.

- На* (I кл.) *угълай ура та (ина)* «Я держу (сейчас) его (тебя)»
- На* (II кл.) *угълай д-ура та (ина)* «Я держу его (тебя)»

В настоящем «текущем» времени субъект 3 лица может стоять как в именительном (подобно 1 и 2 лицам), так и родительно-эргативном падежах. В первом случае вспомогательный глагол полностью согласуется с субъектом, а деепричастная форма в грамматическом классе (и числе) с объектом. Во втором же случае, если объектом выступает 1 и 2 лица, а деепричастная форма и вспомогательный глагол согласуются с объектом, субъект не находит в глаголе никакого отражения.

Та ина (на) ~ угълай ур «Он держит тебя (меня)».

Но:

Танал (род. эрг. пад.) *ина (на) угълай ура* «Он держит тебя (меня)»

В прошедшем несовершенном времени переходного глагола субъект согласуется с вспомогательным глаголом в грамматическом классе, числе, лице, а объект с деепричастной формой в грамматическом классе (и числе).

На ~ угълай ~ уссияв та «Я задерживал его».

В прошедшем совершенном времени переходного глагола личные окончания 1-го лица указывают на субъект, а во 2 и 3 лицах личные окончания, грамматический класс (и число) указывают на объект.

1 л. *На угъав та* «я держал его»

2 л. *Ина у-в-гьун-на на* «ты держал меня»

3 л. *Танал -у-в-гьун-ни та* «он держал его»

В будущем времени переходного глагола субъект в 1 л. согласуется с глаголом в лице, а объект согласуется с глаголом в грамматическом классе (и числе); во 2 и 3 лицах все аффиксы в глагольной форме указывают на грам. класс (и число), лицо объекта.

1 л. *На угъанна та* «Я задержу его»

2 л. *Ина угъанссар та* «Ты задержишь его»

3 л. *Танал угъанссар та* «Он задержит его»

В глагольных формах лакского, аварского и даргинского языков выступают следующие классные показатели.

Число	Грамм. класс	Лакский яз.	Аварский яз.	Даргинский яз.
Единственное	I	в	в	в
	II	д р	й<р	р
	III	б	б	б
	IV	д р	—	д
Множественное	I	}	}	}
	II			
	III	}	}	}
	IV			

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ:

1. В современном лакском языке глаголы могут быть: *классные*, т. е. содержащие в своем морфологическом составе изменяемые по грамматическим классам показатели, напр. *уцин* (д-уцин, б-уцин) «привести», *аххан* (д-аххан, б-аххан) «продать», и *неклассные*, т. е. не содержащие классных показателей, напр. *ччан* «хотеть, любить», *чичин* «написать», *ласун* «взять».

2. Неклассные глаголы получены, по всей вероятности, от классных в результате утери последними классных показателей, например, лакск *ччан* (<*ккан) «хотеть, любить», но срв. аварск. *в-окьизе* (й-окьизе, б-окьизе) «любить, хотеть», *рокьи* «любовь»; дарг. *игес* (р-игес, б-игес, д-игес) «любить»; *диги||дикки* «любовь»; лакск. *зун* «работать», но ср. дарг. *узес* (р-узес, б-узес, д-узес) «работать».

3. Факты утери глаголами классовых показателей, т. е. превращение классовых глаголов в неклассные, наблюдаются и в других языках, например, аварск. *тезе* «оставить», срв. лакск. *итан* (*д-итан б-итан*) «оставить», дарг. *б-атес* «оставить»; аварск. *чIвазе* «убить», срв. лакск. *и-в-чIан* (*д-и-р-чIан, б-и-в-чIан*) «убить», дарг. *б-и-б-кIес* «убить».

4. У большинства лакских глаголов классовые показатели выступают префиксально, а в ряде производных форм, напр. в деепричастиях прошедшего времени появляется и второй классовый показатель, выраженный инфиксально: *угьан* (*д-угьан, б-угьан*) «держат», но *у-в-гьуну* (*д-у-р-гьуну, б-у-в-гьуну*) «держат». Инфикс — классовый показатель появляется в ряде производных форм и неклассных глаголов, напр., *кьукьин* «резать», но *кьу-в-кьунни* (*кьу-р-кьунни*) «отрезал».

5. Спряжение в лакском и даргинском языках, в отличие от классового спряжения аварского глагола, *классно-личное*, что является переходной ступенью между классовым, (т. е. исходным для иберийско-кавказских языков) и личным (последующая ступень после классово-личного типа) спряжением. Категория лица в лакском и даргинском языках вторичного происхождения.

6. Лакский и даргинский глагол носит полиперсональный характер, а аварский моноперсональный. В лакском языке во всех формах непереходного глагола показатель грамматического класса указывает на грамматический класс субъекта, а личное окончание на лицо субъекта. При переходном глаголе показатели грамматических классов указывают на класс объекта, а личные окончания — на лицо субъекта, но иногда и на лицо объекта.

7. Показатели грамматических классов, выступающие в глаголах лакского, аварского и даргинского языков, являются общими, что является одним из важных факторов генетического родства этих языков. в, д (р), й (<р), б.

О КАТЕГОРИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО КЛАССА В ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория класса одна из основных грамматических категорий иберийско-кавказских языков, как известно, в прошлом функционировала в морфологии всех языков этой семьи. В настоящее время не является спорным утверждение, что эта категория на определенных ступенях исторического развития действовала и в тех языках иберийско-кавказской семьи, которые в настоящем не имеют ее, как живую норму грамматики¹. Однако в подобных языках вопрос о категории класса, или точнее вопрос об окаменелых остатках его, освещен далеко недостаточно. Сказанное целиком относится и к лезгинскому языку. Сведения о грамматической категории класса в этом языке ограничиваются лишь предположением Л. И. Жиркова² о том, что форматив *р* аффикса эргатива *-ре -ра* группы имен второго типа склонения есть ничто иное как омертвелый классный показатель, а также высказыванием Р. М. Шаумяна о том, что форматив *д* в аффиксе субстантивированных прилагательных и основе количественных числительных лезгинского языка «примыкает» к классным показателям³.

Это же отмечается и в статье М. М. Гаджиева⁴, единственной специальной работе, посвященной вопросу о классных показателях в лезгинском языке. М. М. Гаджиев в своей статье приводит несколько имен, глаголов и прилагательное *иер* — «красивый», в составе которых устанавливает окаменелые классные экспоненты. В статье несколько развивается

¹ Имеются в виду картвельские языки, кабардинский язык, а из языков лезгинской группы — лезгинский, агульский и удинский языки.

² Л. И. Жирков. Грамматика лезгинского языка, Даггиз, 1941 г. стр. 48.

³ Р. М. Шаумян. Следы грамматических классов (родов) в агульском языке. Язык и мышление, т. VI—VII, 1936 г., стр. 224.

⁴ М. М. Гаджиев. Следы грамматических классов в лезгинском языке, «Уч. записки» ИИЯЛ, т. V, Махачкала, 1958 г.

также высказывание Л. И. Жиркова и Р. М. Шаумяна относительно **p** в аффиксе эргатива имен, и **d** в аффиксе субстантивированных числительных.

Мы полагаем, что дальнейшее исследование этого вопроса с привлечением новых данных имеет определенное значение как для самой лезгинской грамматики, так и для сравнительно-исторических изысканий, целью которых является установление основных грамматических особенностей, генеалогически общего источника близкородственных языков, в данном случае дагестанского языка—основы.

Настоящая статья имеет целью восполнить этот пробел. Она посвящается выявлению окаменелых остатков классовых показателей в основах и аффиксах целого ряда частей речи лезгинского языка путем анализа его данных и сравнения их с данными родственных языков как лезгинской группы, так и, в отдельных случаях, других дагестанских языков. Для сравнения фактов лезгинского языка с фактами других дагестанских горских языков, автор пользуется работами дагестанских языковедов, грамматиками Л. И. Жиркова, П. К. Услара и А. М. Дирра⁵.

Что касается вопроса об окаменелых показателях классов в именах существительных лезгинского языка, то на них не будем подробно останавливаться, ибо вопрос этот получит освещение в одной из наших статей⁶. Следует только заметить, что наличие застывших классовых показателей в составе целого ряда имен существительных как глагольного, так и иного происхождения в дагестанских языках можно считать доказанным.

В упомянутой нашей статье на соответствующем материале делается попытка доказать то положение, что в лексике лезгинского языка, также как в лексике других дагестанских и недагестанских близкородственных языков, намечается целый ряд семантических групп слов, где обнаруживаются застывшие классовые показатели, в частности начальный классный показатель основы. Материально показатели класса в лез. существительных совпадают с показателями классов других языков, а именно они представлены звуками **p**, **й**, **в**, **д**, **б** или их фонетическими вариантами **m**, **n**, **ф**, **t**, **тl**, **п**, **пl**, два первых из которых являются заменителями сонорных **p**, и **й**, следую-

⁵ Здесь перечислим лишь работы А. М. Дирра, которые использованы в данной статье:

А. М. Дирр: Удинский язык, СМОМПК, вып. XXXIII, Тифлис, 1904 г. Табасаранский язык, СМОМПК, вып. XXXV, Тифлис, 1906 г. Агульский язык, СМОМПК, вып. XXXVI, Тифлис, 1907 г. Арчинский язык, СМОМПК, вып. XXXIX, Тифлис, 1908 г. Рутульский язык, СМОМПК, вып. XXXVII, Тифлис, 1912 г. Цахурский язык, СМОМПК, вып. XXXVIII, Тифлис, 1913 г.

⁶ Вопросу об окаменелых показателях классов в именах существительных дагестанских языков автор посвящает специальную статью.

щие оглушенными и абруптивированными вариантами звонких **в, д, б**.

К вопросу о классных показателях в основе имен существительных тесно примыкает вопрос о наличии подобных же окаменелых экспонентов в некоторых других категориях речи как лезгинского, так и отдельных других дагестанских языков.

Начнем с имен числительных. В настоящее время нет сомнения в том, что лезгинские количественные числительные от одного до десяти сохранили как окаменелый показатель класса конечный элемент **д**. В одном лишь сложном числительном **яхцIур** «сорок», являющемся остатком десятиричного счета (четыре на десять) сохранился конечный классный показатель в виде звука **р**⁷. Это же подтверждается сравнительным анализом данных числительных лезгинского с числительными табасаранского, агульского и других языков лезгинской группы, где конечные элементы **р, д, б** еще живы и меняются в зависимости от имени, определяемого числительным. Установить эти показатели на конце лезгинских числительных являлось вопросом относительно несложным, так как по другим языкам им соответствовали в этих же словах функционирующие классные показатели. Дело осложняется, когда речь идет о показателях окаменевших, даже в тех языках, где категория класса выступает как живая норма грамматики. Подобные окаменевшие показатели обнаруживаются в некоторых числительных дагестанских языков. Таковыми являются числительные «четыре», «шесть», «семь», «восемь», «девять», «десять» в языках лезгинской группы. В числительных «один», «два» и «пять» классных показателей нет вовсе (вероятнее всего они отпали), а в числительном «три» начальный элемент **хьи, ши** в некоторых языках лезгинской группы возможно является рефлексом одного из показателей класса.

Приведем формы названных числительных, начальные элементы которых мы считаем классными показателями.

Четыре	таб. й-акьур ⁸ , агул й-акьуд, рут. й-укьуд, цах. й-окьуд, арч. й-ебкьаву, уд. б-ип, буд. й-укьуд, джек. й-укьуд;
Шесть	таб. й-ирхьур, агул. й-ерхьид, рут. р-ехьед, цах. й-ихьид, арч. д-ильаву, уд. ухь;
Семь	таб. в-ургьур, агул. й-ерид, рут. й-ивуд, цах. й-егьид, арч. в-ильаву, уд. в-угь, джек й-угьуд, буд. й-уйуд;

⁷ Об этом говорят в своих статьях о следах грамматических классов в агульском и лезгинском языках Р. М. Шаумян и М. М. Гаджиев, а также Шаумян в своей статье «Об анализе лезгинского числительного «сорок».

⁸ Конечные классные показатели во всех приводимых числительных мы здесь даем в форме лишь одного класса и не выделяем их на письме.

- Восемь таб. м-иржур, агул. м-уйад, рут. м-ейед, цах, м-олуд, арч. м-ельейву, уд. м-угъ, джек. м-игъид, буд. м-ойуд;
- Девять таб. в-урчлур, агул. й-арчлуд, рут. в-учлуд, цах. й-учлуд, арч. учлаву, уд. в-уй, джек. буд. в-ичлуд, хин. й-оз;
- Десять таб. й-ицлур, агул. ицлуд, рут. й-ицлуд, цах. й-ицъид, арч. в-ицлаву, уд. в-ицл, джек. й-ицлуд, буд. й-ицлуд, хин. й-ааз.

Сравнение приведенных форм говорит о том, что начальные элементы данных слов очень напоминают классные показатели и потому, что они совпадают материально с ныне функционирующими показателями грамматических классов в тех языках, где они еще сохранились как живая норма грамматики, и по строго закономерному соответствию между ними в приведенных языках. В том, что эти элементы ничто иное как классные показатели, убеждает нас и тот факт, что отдельные числительные в некоторых языках сохранили по диалектам две формы, отличающиеся между собой лишь наличием или отсутствием одного из данных формантов. Так, в табасаранском языке А. М. Дирр приводит две формы числительного «семь»: **в-ургъур** и **ургъур**, а в рутульском языке две формы числительного «девять»: **в-учлуд** и **учлуд**⁹.

Таким образом, не остается сомнений в наличии в начале данных числительных классных показателей, что не было замечено предыдущими исследователями названных языков. Посмотрим теперь какова картина с формами этих числительных в лезгинском языке. В литературном лезгинском языке данные числительные имеют следующие формы:

четыре	кьуд
шесть	р-угуд
семь	ирид
восемь	м-уъжуьд
девять	клуьд
десять	цлуд т. е. классные показатели сохранились лишь

в числительных «шесть» и «восемь». Однако исследование диалектов лезгинского языка дало возможность установить, что и другие числительные когда-то имели в своем начале живые показатели классной соотнесенности¹⁰.

⁹ См. А. М. Дирр. Табасаранский язык СМОМПК, вып. XXXV, Тифлис, 1905 г., стр. 42; его же «Рутульский язык», СМОМПК, вып. XVII, Тифлис, 1912 г., стр. 48.

¹⁰ Покойный М. М. Гаджиев в своей статье «О следах грамматических классов» говорил, что наиболее полное решение вопроса о классах в лезгинском языке возможно лишь после исследования диалектов лезгинского языка (см. названную статью, стр. 219).

Во многих диалектах лезгинского языка (в яркинском, курахском, ахтынском) наряду с литературными формами числительных «четыре», «семь», «девять», «десять» имеются формы, где сохранилась лишь огласовка классного показателя, или, если полагать, что классный показатель может быть и слоговым, как считают отдельные исследователи¹¹, гласный компонент его, а иногда и сам показатель. Вот они:

Четыре	икьуд, икьыд, й-икьуд, й-кьыд, у-кьуд
Семь	ирид, эрид, й-ерид
Девять	кӀуьд, чӀуьд, ичӀуьд
Десять	цӀуд, цӀыд, ицӀыд, й-ицӀыд.

Классным показателем, на наш взгляд, является и начальный элемент числительного «сто» в языках лезгинской группы. Приведем формы этого числительного: лезг. **в-иш**, таб. **в-арж**, агул. **в-арш**, рут. **в-еш**, цах. **в-аш**, арч. **б-ашаву**, уд. **б-ач**.

Таким образом, мы видим, что показатели класса пережиточно сохранились и в начале самостоятельных (непроизводных) числительных языков лезгинской группы¹². Однако эти показатели во всех языках являются уже окаменелыми, что говорит об их большей древности по сравнению с конечными суффиксальными показателями числительных, которые в некоторых языках еще действуют, устанавливая связи между определяемым и определением в предложении.

Переходя к местоимению следует заметить, что вопрос о наличии в составе некоторых местоимений лезгинского языка классных показателей ни один исследователь не разработал. А между тем вопрос этот интересный и заслуживает внимания.

Начнем с вопросительного местоимения **шумуд** — «сколь-ко». Оно как по своей семантике, так и по форме очень близкое

¹¹ В частности Т. Е. Гудава в работе «Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийском языках», Махачкала, 1959 г.

¹² Впрочем это положение подтверждается и на примере числительных некоторых других дагестанских языков, а в отдельных случаях и чеченского языка. Так, в даргинском языке «четыре» имеет форму **авал**, где начальный показатель утерян, а «десять» по диалектам сохранило формы **в-е цӀал** и **й-ецӀал**, где **в** и **й** явно классные показатели. Слово «шесть» в даргинском звучит как **у-р-егал**, где показатель класса **р**. Числительное «сто» в даргинском имеет форму **д-аршал**. Конечный показатель таким образом в слове «сто» сохранили далеко не все языки. Он утерян и в лезгинском. В чеченском же языке из всех числительных только числительное «четыре» сохранило живой классный показатель, в начале способный изменяться в зависимости от класса сочетающегося с ним слова: **в-иь саг** «четыре человека», **й-иь йиша** «четыре сестры», **д-иь джалали** «четыре собаки», **б-иь хьерч** — «четыре комнаты».

к числительным¹³, имеет на конце тот же форматив д, который в числительных, названных выше, является классным показателем. Звук д является таковым и в данном слове, в чем нас убеждает сравнение этого слова лезгинского языка с тем же словом других языков лезгинской группы.

В табасаранском языке существуют формы **шуну-р**¹⁴, употребляемая, когда речь идет о людях, и **шуну-в**, когда речь идет о других существах и предметах. В рутульском языке это слово имеет формы **шуму-р**, **шуму-б** и **шуму-д**; в арчинском языке формы **шумей-в-у**, **шумей-р-у**, **шумей-б-у**, **шумей-тI-у**, т. е. также формы с суффиксальными классными показателями.

В лезгинском же местоимении **шуму-д** конечный звук д является ничем иным как классным показателем, но уже не изменяющимся.

Любопытно отметить, что конечный звук д количественных числительных от одного до десяти и вопросительного местоимения **шумуд**—«сколько», являющийся классным показателем, имеет генетическую связь с д в аффиксе субстантивации—**ди**. Некоторые из названных числительных по диалектам, а по литературному языку лишь числительные **сад**—«один» и **кьвед**—«два» теряют конечный показатель класса, когда являются в предложении определением к имени, и сохраняют его, когда выступают в предложении как самостоятельные независимые члены, иными словами эти числительные и вопросительное местоимение ведут себя так же, как субстантивированные прилагательные, местоимения, причастия и другие субстантивирующиеся категории речи. Склоняются эти числительные и местоимение **шумуд** точно так же, как субстантивированные категории речи по II типу склонения, т. е. имеют форму, совпадающую в эргативе и местном IV падеже со значением нахождения «в», «внутри» чего-либо.

Например:

сад —«один»	лауди —«белый»	хтайди —«при-
сада —(эрг.)	лауда —(эрг.)	шедший»
садаз —(дат.)	лаудаз —(дат.)	хтайда —(эрг.)
		хтайдаз —(дат.)

и т. д.

Это обстоятельство подтверждает положение о том, что звук д в аффиксе субстантивации по своему происхождению

¹³ А. М. Дирр в своих грамматических очерках по цухурскому и рутульскому языкам слово это приводит в разделе о числительных. Некоторые исследователи считают «сколько» в дагестанских языках вопросительным наречием. В лезгинском языке для вопросительного наречия со значением «сколько» существует слово «гьикьван», а слово «шумуд» есть ничто иное, как вопросительное местоимение.

¹⁴ См. работы А. М. Дирра «Табасаранский язык», «Рутульский язык», «Арчинский язык».

в данных словах является ничем иным, как классным показателем. Однако речь о классных показателях в аффиксах словообразования пойдет несколько ниже. Сейчас вернемся к местоимению.

Наличие классных показателей в других вопросительных местоимениях лезгинского языка, в частности в местоимениях **вуж**—«кто?» и **вуч**—«что?» отмечал Е. Ф. Джейранишвили¹⁵. Однако для лезгинского языка предположение о том, что в обоих названных местоимениях в является показателем класса человека¹⁶ остается не совсем доказанным. Мы полагаем, что в данных местоимениях в лезгинском языке еще не произошла бифуркация показателя человека и вещи—элемент в употребляется для указания на класс человека, с одной стороны, и класс предметов и живых неразумных существ, с другой. Различителем же в данных местоимениях являются корневые согласные **ж** и **ч**, которые безусловно родственны между собой и являются результатом перехода звонкого переднеязычного спиранта **ж** в глухую переднеязычную шипящую аффрикату **ч**.

Тот же звук **в** в качестве классного показателя обнаруживается и в возвратных местоимениях лезгинского языка. Таковыми являются местоимение **жув**, употребляющееся для I и II лиц единственного числа, и местоимение **вич** (а по диалектам и **вуч**), употребляющееся для III лица единственного числа. Форму множественного числа имеет лишь возвратное местоимение III лица и звучит оно как **чеб**, где конечный **б** также является классным показателем. Для того, чтобы убедиться в этом, приведем сравнительный материал по некоторым родственным языкам, прежде всего лезгинской группы.

Лезгинскому возвратному местоимению III лица единственного числа **вич** в рутульском языке соответствуют три формы с живыми начальными классными показателями: **вудж**—«он сам», **ридж**—«она сама» **бидж**—«она сама» (о животных). А местоимению **чеб** множественного числа—**джер**, где конечный **р** изменяется по классам.

В цахурском языке также имеем две формы данного возвратного местоимения: **вудж** для I и III классов и **йидж** для II класса, к ним присоединяется иногда **джар** (для мужчин и женщин) и **джаб** для животных. Во множественном же числе для всех лиц местоимение имеет форму **джаб**¹⁷.

¹⁵ Е. Ф. Джейранишвили. Вопросительные местоимения в языках лезгинской (кюринской) группы, ИКЯ т. VII, Тбилиси, 1955 г.

¹⁶ Там же. стр. 357 (резюме).

¹⁷ А. М. Дирр. Грамматика цахурского языка. СМОМПК, вып. XXXVIII, Тифлис, 1912 г, стр. 40—45.

В агульском языке имеем несколько иную картину. Здесь местоимение «сам» звучит как **уч** для всех лиц¹⁸.

В табасаранском языке местоимение III лица имеет так же, как и в агульском, форму **учв** (**чв**—означает лабиодентальный звук), а во множественном числе **чеб**¹⁹.

Из языков не лезгинской группы возьмем хотя бы аварский язык. Там показатель класса в возвратном местоимении «сам» сохранил возможность изменяться в зависимости от семантики имени, вместо которого это местоимение выступает. Формы местоимения «сам» в аварском языке следующие: **живго**—«сам» (о мужчине), **жийго** (о женщине), **жибго** (все, кроме человека)²⁰, т. е. с классными показателями **в, й, б**.

Таким образом мы видим, что в некоторых языках лезгинской группы (рутульский, цахурский) и в других дагестанских языках (аварский) элемент **в** в местоимении III лица единственного числа—живой, изменяющийся в зависимости от пола выражаемого этим местоимением существа, а также в зависимости от того, разумное существо или неразумное существо и предметы выражает данное местоимение, т. е. этот **в** и выступающие с ним **й, р, б**, и во множественном числе преимущественно **б**, являются классными показателями. В других же языках (табасаранский, агульский) этот показатель в начале возвратного местоимения «сам» отпал вовсе, а в возвратном местоимении III лица множественного числа табасаранского языка классный показатель окаменел в форме звука **б**. Все сказанное подтверждает мысль о том, что элемент **в** в лезгинских возвратных местоимениях I, II и III лица единственного числа **жув** и **вич**, а также элемент **б** и в местоимении III лица множественного числа **чеб** являются окаменелыми классными показателями. Однако в возвратных местоимениях лезгинского языка не сохранилось других показателей кроме **в** и **б**, что по другим языкам обычно соответствует показателям класса человека || *gesp.* мужчин и вещи.

Надо полагать, что лезгинские местоимения сохранили именно это основное деление понятий «человека» и «вещи», куда входят и животные; бифуркация понятия «человека» на полы здесь не произошла.

На наш взгляд, начальный элемент **в** в личном местоимении II лица единственного числа **вун** также является классным показателем. При сравнении этого местоимения с местоимением «ты» по некоторым другим языкам имеем следующую картину: в агульском языке это местоимение имеет форму

¹⁸ А. М. Дирр. Грамматика агульского языка. СМОМПК, вып. XXXVI, Тифлис, 1913, стр. 40—41.

¹⁹ Л. И. Жирков. Табасаранский язык. М.-Л., 1948 г. стр. 108.

²⁰ Аварские примеры любезно сообщены Ш. И. Микаиловым.

вун, в рутульском ву, ве, в цахурском гъу²¹ в табасаранском уву, в арчинском и удинском языках — ун. Из сопоставления приведенных данных можно видеть, что элемент в относительно постоянен в местоимении «ты» в языках лезгинской группы, а тот факт, что он отпал в арчинском и удинском языках, служит доказательством того, что звук этот является не звуком корня, а чем-то иным, по всей вероятности показателем класса.

Классный показатель вышеприведенных вопросительных, возвратных (в единственном числе) и личного местоимения II лица, таким образом, окаменел в форме лишь одного звука в, который является показателем класса человека || *gesp.* мужчин в языках, с ныне функционирующей системой классных показателей.

Как известно, в целом ряде языков основное деление на классы имен существительных происходит по принципу,— класс людей и класс всех остальных существ и предметов²². Эти же классы, в свою очередь могут распадаться на несколько классов как, например, в аварском и андийском языках, или функционируют как два класса, не распадаясь вовсе, как в табасаранском языке²³ (хотя исторически там картина была иная).

В названных местоимениях лезгинского языка имеем аналогичную картину, где элемент в является показателем класса человека еще в тот исторический период развития языка, когда в нем не выделились класс мужчин и женщин и как вторичное явление показатель этот в данных местоимениях перенесен на класс предметов. Однако семантика самих местоимений такова, что они должны были в основном обозначать людей.

Существующее состояние с классными показателями в названных местоимениях лезгинского языка подтверждает мнение А. С. Чикобава о том, что класс женщин в иберийско-кавказских языках вторичного происхождения—он выделился из общего класса людей²⁴.

Любопытную картину в отношении классных показателей представляют местоимения указательные, а также вопросительное местоимение «который», «что за». Указательные мес-

²¹ Однако в косвенных падежах в местоимении «ты» цахурского языка появляется начальный в вместо гъ: *вас* (дат. пад.); *валаь* (исходный) и т. д., что позволяет думать о том, что изначальным здесь является звук в.

²² Т. Е. Гудав. Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийском языках, Махачкала, 1959 г., стр. 9, и др. работы.

²³ А. О. Магомедов. «О категории грамматических классов в табасаранском языке». Сообщение АН Груз. ССР, т. XXII, № 6, 1959 г.

²⁴ А. С. Чикобава. «К генезису второго грамматического класса (женского рода) в горских кавказских языках». Сообщение АН Груз. ССР т. III, № 4, 1942 г.

тоимения в некоторых языках лезгинской группы имеют в своем составе функционирующий классный показатель. Так, например, в арчинском языке местоимение «это» («эта» «этот») в зависимости от семантики указываемого им предмета имеет формы **йав, йар, йаб, йат**, а во множественном числе **йеб**; местоимение «то» («та», «тот») имеет в единственном числе формы **тов, тор, тоб, тот**, а во множественном числе **теб** и т. д. То же самое можно сказать и о других указательных местоимениях²⁵. В других языках, например, в рутульском, указательные местоимения не имеют в своем составе классных показателей: **гъа**—для III лица, **ми**—«этот», **тIи**—«тот». Однако тогда, когда они выступают вместо существительного, как замечает Дирр «стоят отдельно», они принимают элемент **д** и склоняются²⁶. Этот элемент **д**, на наш взгляд, является никем иным как классным показателем и в данном случае он выполняет еще функцию аффикса субстантивации. Во множественном числе этот элемент отпадает и заменяется аффиксом субстантивации множественного числа **бур**, где **б** также является классным показателем.

Аналогичную картину имеем с указательными местоимениями и вопросительным местоимением **гъи, гъим** — «какой?», «что за...?» лезгинского языка.

В лезгинском литературном языке указательные местоимения имеют формы **и**—«этот», **а**—«тот», **гъа**—«тот самый», **атIа**—«тот (дальний)», **вини**—«тот (верхний)», **агъа**—«тот (нижний)». Все эти местоимения имеют данные формы тогда, когда они выступают в роли определения к имени, а когда они несут на себе функцию независимого члена, т. е. субстантивируются, они получают формы **им, ам, атIам** и т. д. Иными словами здесь появляется элемент **м**, который при изменении этих слов по падежам переходит в **д**, а во множественном числе в **б** плюс аффикс множественности **ур**.

Примеры:

Единствен. число

Множествен. число

Имен. пад. **им**.—«этот»

ибур—«эти»

Эргат. пад. **ида**

ибуру

Дат. пад. **идаз**

ибруз

Мест. IV пад. **ида**

ибура

Исх. IV пад. **идай**

ибурай

и т. д.

и т. д.

²⁵ А. М. Дирр. Грамматика арчинского языка. СМОМПК вып. XXXIX, Тифлис, 1908 г. стр. 29—30.

²⁶ См. названную работу Дирра по рутульскому языку, стр. 38. Дирр замечает, что местоимения эти встречаются также и под формами **гIад, мид, тIид**, т. е., как мы думаем, в субстантивированной форме.

Именит. пад.	гьым — «который»	гьибур — «которые»
Эргат. пад.	гьида	гьибуру
Род. пад.	гьидан	гьибурун
Дат. пад.	гьидаз	гьибуруз
и т. д.		и т. д.

Таким образом, **м** в исходной форме этих местоимений, т. е. в именит. падеже, выступает заместителем форматива аффикса субстантивации **ди** звука **д**, который исторически несомненно восходит к классному показателю. Нет сомнений также, что к классному показателю восходит и элемент **б** показателя множественности при субстантивации. Не случаен и тот факт, что показателем этим во множественном числе является звук **б**, который, как правило, служит показателем III или IV грамматического класса—класса вещей. Такая недифференцированность предметов в форме множественного числа характерна для целого ряда грамматических категорий с показателями классов.

Вернемся однако к местоимениям. Классный показатель обнаруживается и в определительном местоимении лезгинского языка **вири**, которое имеет значение «все», «всё», «весь». Местоимение это многозначно и употребляется во всех случаях, идет ли речь о живых существах, предметах, или отвлеченных понятиях типа «вся сила», «весь энтузиазм», «все величие» и т. д. В данном местоимении начальное **в** является застывшим показателем класса и, по всей вероятности, самого древнего класса человека в тот же период, когда из данного класса не выделился другой класс—класс женщин. Однако в настоящее время в других лезгинских языках имеем иную картину.

Так в рутульском языке местоимение это имеет несколько форм, которые употребляются соответственно тому, о чем идет речь, что определяется данным местоимением. В рутульском языке местоимение это имеет формы: **вериг**, **дериг**, **бериг**, **йериг**.

Переходя к именам прилагательным, следует прежде всего отметить, что данная категория речи принимает префиксальные или суффиксальные классные показатели в разных дагестанских языках.

Так, в цахурском языке некоторые прилагательные принимают конечный классный показатель в зависимости оттого, какого класса существительное оно определяет. Например прилагательное **хедын** — «хороший» получает формы **херна**, когда речь идет о человеке, **хебка** — когда речь идет о животном и **хедын** — когда речь идет о предметах. В рутульском языке прилагательное может принимать инфиксальный классный показатель. Так слово **ругьуд** — «круглый» получает форму **рувгьуд**, когда речь идет о камне, или **ругьуд**, когда речь идет о женщине. В даргинском языке показатель класса прилагательное принимает в начале слова. Например:

виштIаси мурул—«маленький мужчина»

риштIаси хьунул—«маленькая женщина»

биштIаси ха (хъали)—«маленькая собака (дом)» и т. д.

В лезгинском языке можно обнаружить отдельные, редкие, формы прилагательных, где конечный элемент очень напоминает показатель класса. Имена прилагательные лезгинского языка вероятно имели раньше морфологические показатели с классным экспонентом в конце. Об этом свидетельствует существующая в языке небольшая группа прилагательных, оканчивающихся на звуки **н** и **р**, которые, на наш взгляд, являются классным показателем или заменителем классного показателя.

В данную группу входят прилагательные:

йигар — «горячий»

йахун — «худой»

кьакьан — «высокий»

асклан — «низкий»

В пользу того, что конечные элементы в приведенных словах являются классными показателями говорит и тот факт, что в некоторых диалектах лезгинского языка конечный звук в отдельных из этих прилагательных отпадает бесследно и прилагательные употребляются в абсолютной форме: **кьакьа кIвал**, **итим** и т. д.—«высокий человек», «дом» и т. д., **аскла аял**, **цал** и т. д.—«низенький ребенок», «стена» и т. д. Кроме того, классный показатель может сохраняться в прилагательных, образованных от классных имен существительных и глаголов. Так прилагательные **йахъ**, **йахъди** — «пеший», образованы от имени существительного **рехъ (раьхъ)**—«дорога», близкого к ним по семантике и отличающегося только по классным показателям **й** и **р**. То же самое приведенное выше прилагательное **йигар**—«горячий». Оно образовано от глагола **йигун**, **ругун**—«варить», который сохранил классные показатели. В прилагательном имеется и конечный классный показатель **р**.

Любопытна форма прилагательного **йацIу**—«полный», «толстый». Это прилагательное без сомнения произошло от глагола **ацIун**—«наполняться», «полнеть». Однако звук **й**, который обнаруживается в прилагательном, в глаголе утерян. Здесь, таким образом, прилагательное сохранило свою исходную форму с классным показателем, в то время как в глаголе этот показатель выветрился.

Можно предположить, что префиксальный классный показатель **й** имеем и в таких прилагательных как **йару**—«красный», **йаргъи**—«длинный», **йахун**—«худой», «тощий», **йаргъа**—«дальний», «далекий», однако доказать это пока не представляется возможным.

Классные показатели обнаруживаются и в аффиксах словоизменения в лезгинском языке. Мы говорили выше о пред-

положении Л. И. Жиркова о том, что аффикс эргатива **ра**, **ре** у одной группы имен II типа склонения содержит в своем составе показатель **р**.

Мы попытались показать также связь формативов **д** и **б** в аффиксах субстантивации **ди** и **бур** с показателями грамматических классов. К последнему из названных аффиксов мы возвратимся, когда речь пойдет о связи с классными показателями формативов в аффиксах множественного числа.

Использование классных показателей в аффиксах множественности—явление не новое²⁷.

Аналогичное явление имеет место и в преобладающем большинстве языков лезгинской группы: в табасаранском, цахурском, рутульском и других. Возьмем к примеру хотя бы рутульский язык и очень кратко остановимся на образовании в нем множественного числа. А. М. Дирр, написавший грамматику этого языка, а также последующие исследователи не заметили того факта, что аффиксы множественного числа рутульского языка снабжены показателями грамматических классов и, более того, употребление этих аффиксов строго разграничено по семантическим группам имен.

В рутульском языке перед показателями множественности **ур**, **ар**, **аьр** появляются еще элементы **б**, **д**, **м**, **й**, причем употребляются они, за редкими исключениями, в следующем порядке: все названия предметов, явлений природы, флоры и т. д. получают перед аффиксом множественности **ур** показатель **б**.

худ—«кулак»

хал—«дом»

гари—«ветка»

йадал—«болезнь»

худбур

халбур

гарибур

йадалбур и т. д.

Названия всех животных, а в редких случаях существ разумных, перед аффиксом множественности **ар**, **аьр** получают элементы **м** и **д**, а подчас не получают никакого звука.

Приведем несколько примеров:

ишкил—«воробей»

лирф—«голубь»

ишкилмар

лирфмар

²⁷ Муркелинский Г. Б. «Показатели множественности в лакском языке». Труды II научной сессии Даг. базы АН СССР, Махачкала, 1948 г. Магомедбекова З. М. «Образование множественного числа имен существительных в ахвахском языке». ИКЯ, т. IX—X, Тбилиси, 1958 г., и др.; Ломтадзе Э. А. «Образование множественного числа капучинско-хунзебского языка». ИКЯ, Тбилиси, 1953 г. Эти авторы утверждают, что наряду со специальными аффиксами множественности, для передачи этого понятия используются показатели некоторых грамматических классов. Положение Ломтадзе Э. А., что в отдельных случаях окаменевшие показатели грамматических классов срослись с аффиксами множественного числа, чем и объясняется многообразие этих суффиксов, кажется нам вполне вероятным.

миджрух—«рыба»
хавнаьх—«дитя»
риши—«сестра»
накываьк—«ящерица»
бичил—«ласточка»

миджрухмар
хавнаьхмаьр
ришимар
накываькьар
бичилар и т. д.

Перед аффиксом множественности в названиях человека изредка ставится элемент **м**, чаще **й**, или не ставится ничего. Приведем несколько примеров:

йазна—«зять»	йазнайар,
къази—«кадий»	къазийар
мигьман—«гость»	мигьманар
къари—«старуха»	къаримар
хиндадай—«вдова»	хиндадайар
едеми—«человек»	едемаьр
гаг—«дядя»	гагмар
хаьди—«двоюродный брат или сестра»	«хаьдимар

однако в слове **араба** — «арба», также оканчивающемся на гласный, будет звук **б**: араба**бур** и т. д.

Мы не имеем возможности в данной статье более подробно остановиться на образовании множественного числа в рутульском языке, это является вопросом специального исследования. Но и из сказанного видно, что несмотря на определенное разрушение, система использования классных показателей в аффиксах множественного числа здесь налицо.

В лезгинском же языке эта разрушительная работа пошла гораздо дальше и глубже. Однако некоторые следы использования классных показателей при образовании форм множественного числа здесь сохранились.

Как известно, множественное число в лезгинском образуется посредством присоединения к основе слова аффиксов **ер**, **ар**, (**аьр**), Никаких других элементов между основой слова и этими аффиксами нет, кроме звука **й** в определенной группе имен. Появление же **й** здесь в настоящее время уже нельзя связать с семантикой имен, а объясняется чисто фонетически—**й** появляется лишь в словах, оканчивающихся открытым слогом, и несет на себе как бы фонетическую функцию разделительного звука. Например,

буба—«отец»
стха—«брат»
пIини—«черешня»
пепе—«жук»
мере—«ежевика»

бубайар
стхайар
пIинийар
пепейар
мерейар и т. д.

Однако подобное объяснение односторонне. Мы лишь в настоящее время воспринимаем это как чисто фонетическое явление. Можно предположить, что когда-то в далеком прош-

лом этот **й** в аффиксе множественности был не единственным элементом и являлся классным показателем, а в настоящее время сохранился он только в словах, оканчивающихся на гласный звук, ибо здесь он, если можно так выразиться, был необходим и для благозвучия, и для легкости произношения. Однако в некоторых говорах лезгинского языка встречаются примеры, где этот **й** в данной позиции все же выпадает, оставляя после себя чуть заметную долготу гласного, и слова получают форму: **мерер**, **п^иинир**, **гадар** и др. Особенно это относится к гилярскому говору лезгинского языка, где процесс этот является закономерностью. Таким образом, можно сказать, что в данном говоре процесс утери классных элементов в аффиксах множественности завершился полностью.

А в речи селения Куруш, которая занимает особое положение в системе лезгинских диалектов, в нескольких словах перед носовым санантом **н** в аффиксе множественного числа сохранился и элемент **д**: **гъайван**—«животное», **гъайвандар** (мн. число); **дарман**—«лекарство», **дармандар** (мн. число); **айван**—«балкон», **айвандар** (мн. число). Этот звук **д** в аффиксе множественности, на наш взгляд, является также показателем класса.

Более устойчивую позицию занимает элемент **б** в аффиксе субстантивации **бур**, образующем формы множественного числа субстантивированных числительных, прилагательных, местоимений, причастий и др. Вопрос о принадлежности этого **б** к классному показателю, также как это имеет место в других языках лезгинской группы, не вызывает уже никаких сомнений. А об устойчивости его позиции в лезгинском языке можно говорить постольку, поскольку ни в одном диалекте или говоре языка не зафиксирован случай утери или отпадения показателя **б** в данном аффиксе субстантивации²⁸.

Материалы лезгинского языка, таким образом, подтверждают положение о том, что всякая флексия на определенных этапах исторического развития языка была значащей единицей, которая со временем переходит в морфологический инвентарь языка, а затем вновь подвергается изменению.

Подводя итог всему сказанному, можно прийти к заключению, что морфология лезгинского языка, также как других дагестанских языков была пронизана показателями грамматических классов. В именах числительных, прилагательных, местоимениях и существительных сохранились префиксальные и суффиксальные классные показатели, причем первые перестали функционировать и омертвели гораздо раньше, чем вторые, что объясняется тем, что суффиксальные классные

²⁸ В фийском говоре лезгинского языка субстантивированные прилагательные могут иметь форму с **дар** вм. **бур**, что также подтверждает сказанное выше.

показатели, как правило, несли на себе морфологическую функцию элементов, согласующих определяемое с определением, в то время, как префиксальные классные показатели зачастую были лишены такой функции.

Материально показатели грамматических классов в лезгинском языке были те же, что и в других дагестанских языках. Говорить о количестве грамматических классов в лезгинском языке с большей достоверностью можно после исследования этого вопроса и по глаголу, что автор и надеется сделать в будущем. Однако сейчас можно предположить существование в далеком прошлом в лезгинском языке трех грамматических классов: мужчин, женщин и предметов, куда входили и животные. Класс женщин в лезгинском языке, по всей вероятности, выделился из первоначально общего класса человека || resp. мужчин с показателем **в**. В одном лишь слове, означающем существо женского пола, сохранился показатель мужского класса **в**: **вах**—сестра. Показателем же женского класса был звук **й**, а также элемент **б**, что перешел на класс вещей. Это не значит однако, что другие элементы **р**, **д**, **н**, **м** и другие варианты не могли выступать как показатели того или иного грамматического класса.

ПОСЛЕЛОГ «БУЛАН» КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА

Послелог «булан» является самым употребительным послелогом кумыкского, да не только кумыкского, но и почти всех языков тюркской системы. О значениях послелoga **булан** будет сказано ниже, а пока остановимся на его этимологии.

Существуют разные толкования этимологии данного послелoga. Одни ученые-тюркологи (немецкий тюрколог Bang)¹ предполагают, что послелог этот восходит к глаголу **илмек** «вешать», поскольку в турецком и азербайджанском языках послелого **булан** кумыкского языка соответствуют **ile**, **-la**, **-le**, а; лингвист Вамбери возводит его к **бел** «поясница»².

Другие ученые (Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов) придерживаются иного мнения. Так Н. К. Дмитриев пишет: «Поскольку одной из его форм (послелoga **булан** — **А. М.**) является берлэн//бирле, считают, что послелог надо связывать с числительным **бер//бир** (один)»³.

Почти во всех языках тюркской системы наряду с основной формой этого послелoga, которая употребляется в том или другом литературном языке, существуют и другие формы, по-видимому, как объясняет профессор Н. А. Баскаков, «большое количество вариантов объясняется с одной стороны сингармонизмом гласных, а с другой, — употреблением первого согласного предыдущему согласному»⁴. Для сопоставления послелoga одного языка с послелогом другого языка мы решили дать нижеследующую таблицу.

Как видно из данной таблицы, ни для одного языка тюркской системы не характерна форма послелoga «бирле».

¹ А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка. М.-Л., 1941, стр. 188

² А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960, стр. 298.

³ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948, стр. 121.

⁴ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.-Л., 1940, стр. 84.

Профессор А. Н. Кононов в работе «Послелогои в современном узбекском литературном языке» упоминает высказывания Вл. Л. Котовича о составе послелогоа **иле, ила, бирле, бирла//биле, била**. Суффикс **-ле, лен** должен рассматриваться, как примета комитатива или инструменталиса, а первая часть, т. е. «и» и «би» — «бир» являются корнями, совпадающими с указательными местоимениями. Первый (иле) мог означать «с тем», а второй (биле//бирле) «с этим».. местоименный корень «бир» мог в народном осмыслении идентифицироваться с числительным «бир». Даже исходя из этого высказывания, мы можем предположить, что и числительное «бир» в конечном счете по своей этимологии восходит к указательным местоимениям.

В силу вышеуказанных причин этимологию данного послелогоа, по-видимому, нужно связывать не с числительным «бир», которое обозначает единичность предмета, а с указательным местоимением **бу**.

Коротко остановимся на вопросе о том, почему ученые-тюркологи связывают послелог с формой **бирле**, которая по их мнению, в свою очередь восходит к **бир**.

Дело в том, что во всех языках тюркской системы, в том числе и в кумыкском, есть слово — наречие **бирге**, «вместе с», которое имеет тройное значение: во-первых, это форма дательного падежа, т. е. в переводе на русский язык означает «одному», например, бирге бирни кьошса, бола эки «к одному прибавить один будет два»; во-вторых, обозначает совместность, т. е. на русском языке передается при помощи наречия «вместе»; например, **биз бирге барырбыз** «мы пойдем вместе»; в-третьих, обозначает одновременность, например, **олар ишге бирге урундулар** «они одновременно приступили к работе».

Кроме того, в этих же языках есть слова **бирлешмек** «объединяться» (для какой-либо цели), **бирлик** «единство», «совместность», «объединенность», **бирче** «вместе», «вместе с».

Разберем слово **бирлешмек** по частям. Слово **бирлешмек** состоит из корня **бир**, который выражает единичность, аффикса **ле**, обозначающего множественность, аффикса **ш**, выражающего (по А. Н. Кононову) «взаимнообратное значение, указывающее на взаимодействие субъекта и объекта»⁵ и аффикса **-мек, (-макъ)**, образующего инфинитивную форму глагола. Таким образом, если изобразить это схематически, у нас получится:

БИР+ЛЕ+Ш+МЕК — ОБЪЕДИНЯТЬСЯ

Приведенный разбор слова дает нам основание предполагать, что этимологию слова **бирлешмек** можно связывать с

⁵ А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948 г., стр. 139.

формой **берлэн**//**бирле**, которая в свою очередь восходит к числительному **бир**.

Как было упомянуто нами выше, тюрколог **Bang** связывает этимологию данного послелого с глаголом **ilmek** «вешать», так как в турецком и азербайджанском языках кумыкскому послелогу **булан** соответствуют: **ile**, **-la**, **-le**.

Если придерживаться такого мнения, то нужно прийти к выводу о том, что этот послелог в разных языках тюркской системы имеет различную этимологию, что он происходит от различных корней. Видимо, **Bang** приходит к такому мнению потому, что один из вариантов турецкого и азербайджанского послелого, а именно **ile**, кроме того, что он выступает в роли послелого, имеет и самостоятельное лексическое значение, т. е. **ilir**, это значит по-русски «вешает» (ср. со словом **ilmek** — «вешать»).

Сторонник такого мнения, по нашему предположению, исходит в своем обосновании этимологии послелого **ile** именно из-за одинакового фонетического состава этих совершенно разных по значению слов.

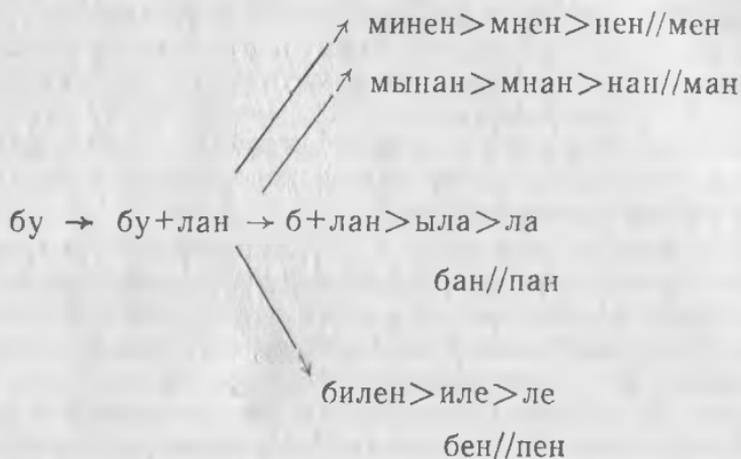
Как известно, указательные местоимения в разных языках тюркской системы выглядят одинаково. Так, например, кумыкский — **бу** (л), башкирский — **был**, каракалпакский — **бу**, ногайский — **бу** (л), ойротский — **бу**, татарский — **бу**, турецкий — **бу**, уйгурский — **бу**, узбекский — **бу** и т. д.

Из высказываний известных специалистов нам известно, что «... личные местоимения во многих языках возникают из местоимений указательных как более наглядных и менее отвлеченных»⁶.

Таким образом, мы получаем, с одной стороны, указательное местоимение **бу**, а с другой, — аффикс комитатива **лан**,
лен
который имеет общевозвратное значение. Они соединяются между собой и дают форму **булан**, а в других языках, например, в ногайском, к указательному местоимению **бу** присоединился аффикс **-лан** и получилась форма **бу+лан**, где **л** под влиянием **н** (явление назализации) перешел в **н**, **б** в **м**, а **у** в безударном положении переходит в краткий гласный **ы**. Таким образом, в ногайском языке получилась форма послелого **мынан**.

⁶ Р. А. Будагов. Очерки по языкознанию. М., 1953 г., стр. 185.

Если изобразить схематически ход развития послелого **булан//блан//ыла//ла**, то у нас получится следующая картина:

Таким образом, исходя из всего того, что было сказано выше, можно прийти к выводу, что послелог **булан** (следовательно и его варианты в других языках тюркской системы) по своей этимологии восходит не к формам «бир» или «ilmek», а к указательному местоимению **бу**.

А форма бирле//бирлен, которая встречается в памятниках древнетюркской письменности, в дальнейшем дала формы «бирге» «совместно с», «вместе с»; «бирлешмек» «объединиться»; «бирлик» «объединенность», «совместность», «бирче» «совместно с», «вместе с» и т. д.

Исходя из всего того, что было сказано об этимологии послелого «булан», мы можем прийти и к другому выводу о том, что несмотря на такие большие фонетические расхождения для послелого «булан» со всеми его формами в других языках (см. табл.), этимологическим корнем является указательное местоимение **бу**.

После всего того, что было нами изложено выше по этимологии послелого булан с его различными вариантами в языках тюркской системы, перейдем к подробному рассмотрению значений его, которые он приобретает в сочетании с другими словами. Но прежде чем приступить к описанию этих значений, считаем целесообразным сказать несколько слов о том, что было сказано до настоящей статьи об этом послелого в кумыкском языке.

Итак, кроме тех сведений, которые даются в научной грамматике кумыкского языка профессора Н. К. Дмитриева, вопрос о послелого **булан** рассматривается и в школьном учебнике кумыкского языка А. Н. Батырмурзаева. В школьном учебнике кумыкского языка А. Н. Батырмурзаева вообще

не указываются никакие значения послелогов, а профессор Н. К. Дмитриев в «Грамматике кумыкского языка» указывает только 2 значения этого послелога: «2 булан. Означает а) сопровождение («вместе с», с; и») и б) посредство («посредством чего») ...»⁷. Послелог **булан** в русском языке передается через «вместе с». Следует отметить, что не во всех случаях послелог **булан** передается через «вместе с». Это проявляется только лишь при сопроводительном или совместном значении послелога **булан** кумыкского языка. Для наглядности приведем такие примеры:

Яш булан не оюн бола? — «Какая может быть шутка с ребенком?». **Агьмат кьарт булан лакьыр этип гетди** «Ахмед побеседовал со стариком и ушел». Можно ли в данных предложениях сказать «вместе с ребенком» или же «вместе со стариком»? По нашему мнению, русские так не скажут.

Проф. Н. К. Дмитриев и А. Н. Батырмурзаев в своих работах подразделяли все послелоги кумыкского языка в зависимости от управления ими теми или другими падежами следующим образом:

- а) послелоги с неопределенным падежом;
- б) послелоги с дательным падежом;
- в) послелоги с исходным падежом.

Причем такого принципа придерживается и автор грамматик узбекского и турецкого языков А. Н. Кононов.

Такое подразделение, по нашему мнению, не дает возможности полностью анализировать все значения и оттенки значений того или другого послелога, так как один и тот же послелог (например, **йимик** «как, подобно как» и др.) может употребляться почти со всеми падежами кумыкского языка.

К послелогам, управляющим неопределенным падежом, относится и послелог **булан**. Но что из себя представляет неопределенный падеж? Каким образом утвердился в кумыковедении этот термин? Характерен ли для кумыкского языка (по-видимому, не только для кумыкского, но и для всех языков тюркской системы) этот неопределенный падеж?

Нам хотелось бы изложить нашу точку зрения по вопросу неопределенного падежа, ибо без выяснения этого вопроса мы не можем говорить о значениях не только послелога **булан**, но и о значениях других послелогов кумыкского языка. Профессор Н. К. Дмитриев утверждает, что «... неопределенный падеж представляет падеж подлежащего, т. е. соответствует русскому именительному падежу. С этой точки зрения мы называем «неопределенным» всякий подлежащий падеж, хотя бы и связанный с категорией определенности (**бу ат, бу**

⁷ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940 г., стр. 88.

атлар), так как для кумыкского языка (и всех тюркских) это по существу один падеж»⁸.

Чтобы выяснить насколько верно это положение, приведем ряд примеров и произведем морфологический и синтаксический разбор их.

Мен къоян гёрдюм «Я видел зайца». В этом предложении слово **къоян**, действительно, на первый взгляд стоит в неопределенном падеже, так как оно не оформлено падежными аффиксами. Но это нам только кажется. А на самом деле, если подойти к этому вопросу с позиций кумыкского языка (и других тюркских языков), то мы можем обнаружить некоторые особенности нарицательных существительных кумыкского языка со стороны их семантики. **Эта особенность характерна только для нарицательных имен!** Мы подчеркиваем это потому, что во всех других случаях мы не можем допустить безаффиксального произношения. Например, «я увидел тебя» мы не говорим **мен сен гёрдюм**, а говорим **мен сени гёрдюм**; не говорим **мен гелгенлер гёрдюм**, а говорим **мен гелгенлени гёрдюм** «я видел приехавших»; мы не говорим **мен бирев гёрдюм**, а говорим **мен биревню гёрдюм**, «я видел одного» или же «я видел кого-то» и т. д.

Для большей убедительности нашего мнения остановимся поподробней на предложении **Мен къоян гёрдюм**.

Итак, в этом предложении подлежащим является **Мен** «Я», так как форма сказуемого «гёрдюм «увидел» говорит нам о том, что не заяц увидел меня, а именно я увидел зайца. Слово **къоян** выступает в данном предложении не подлежащим, а дополнением. Следовательно, если подходить к этому вопросу с точки зрения синтаксиса, то и в этом случае это не может быть неопределенным падежом, а скорее будет неопределенным падежом, т. е. падежом прямого дополнения. Сравните, например, с таким предложением из русского языка: «Ученик купил тетрадь», где слово тетрадь также не оформлено падежным аффиксом. Но несмотря на это мы знаем, что тетрадь стоит в винительном падеже.

Разберем другое предложение, где одним из элементов его является послелог **булан**. Например: **Агьмат Москвадан самолёт булан гелди** «Ахмед из Москвы приехал на самолете». Разбирая это предложение мы убеждаемся в том, что и в этом случае мы не имеем неопределенного падежа. В этом предложении подлежащим является не **самолет**, на котором приехал **Ахмед**, а является сам **Ахмед**, т. е. действующим лицом является **Ахмед**, а не **самолет**, ибо **самолет** тут выступает в роли средства передвижения действующего лица.

⁸ Там же, стр. 175.

Короче говоря, после таких рассуждений мы приходим к выводу, что для кумыкского языка неопределенный падеж не характерен, что в кумыкском языке есть именительный, основной падеж, а также неоформленный падеж, т. е. винительный падеж, падеж прямого дополнения.

Из всего того, что было изложено нами о неопределенном падеже, вытекает вопрос: каким же образом описать все значения того или другого послелого в зависимости от того, каким падежом данный послелог управляет или же нужно рассматривать их с точки зрения их сочетания?

Мы склонны придерживаться второго мнения. Действительно, если мы хотим охватить все значения послелого, то мы должны будем указать на все случаи сочетания послелого с той или другой частью речи и в зависимости от этого выводить те или иные значения.

Итак, перейдем к описанию значений послелого **булан**, который употребляется почти со всеми частями речи кумыкского языка, а именно: с существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, глагольными формами, вспомогательными глаголами, служебными именами — послелогоми типа **арт**, **түп**, **уьст** и другие, наречиями и словами **бар**, **ёкъ**.

1. Значения совместности, сопровождения.

Интересно отметить, что эти значения послелого **булан** различаются в зависимости от расположения слов в контексте, а также интонации. Для сравнения возьмем два одинаковых примера с разницей лишь в расположении слов:

- 1) Биз учитель **булан** киногъа бардыкъ
«Мы с учителем ходили в кино».
- 2) Биз киногъа учитель **булан** бардыкъ.
Мы в кино ходили с учителем.

В этих примерах мы можем уловить то, что в первом предложении речь идет о совместности действия, а во втором предложении — о сопроводительности, что в кино нас сопровождал именно учитель, а не кто-либо другой.

Таким образом, при определении значения того или другого послелого нам необходимо учитывать не только сочетаемое с послелогом слово, но также и весь контекст, все предложение.

II. Значение инструментальности, орудийности и средства передвижения⁹.

Следует сказать, что эти значения очень близки друг к другу. Но сколько бы эти значения ни были близки, все же отличительные оттенки между ними имеются; о них снова и будем мы говорить ниже.

И снова для различения этих оттенков, как было сказано выше, мы должны обратиться ко всему предложению, например:

1) **Арба булан** тавшан тутмас (посл.). «На подводе (подводой) зайца не ловят».

2) Ильяс **арба булан** гелди. «Ильяс приехал на подводе». Если мы будем выводить значения послелого с сочетаемым словом «арба», т. е. от сочетания «арба булан», то нам никак не удастся выявить эти тонкости в значениях. Поэтому мы и обращаемся ко всему предложению и выявляем, что в первом предложении речь идет об орудийности, а во втором — о средстве передвижения. Возьмем другие примеры:

1) **Запир Къызлар шагъардан самолёт булан** гелди. «Запир из города Кизляр прилетел на самолете».

2) **Гастелло оъзюню самолёту булан душманны самолетларын къувду**. «Гастелло своим самолетом погнал самолеты врага».

И здесь, в первом предложении выражено значение средства передвижения, а во втором — орудийности.

III. Значение пространства и места.

Ёл булан барагъанлар ял алмагъа токътадылар. «Идущие по дороге остановились на отдых».

Рациядан Улан-Хол булан байлавлукъ тутду. «При помощи (посредством) радиации связались с Улан-Холом».

В первом предложении послелог булан выражает пространственное отношение, а во-втором — место.

Пространственное значение послелого обнаруживается и при его сочетании со служебными именами — послелогам типа **ал, арт, тюп** и т. д. Например: **Ону арты булан къойчулар да онгарылдылар**. «Вслед за ним приготовились и чабаны». **Чкаловну самолету кёпюрню тьюбу булан чыгъып гетди**. «Самолет Чкалова вылетел из-под моста».

⁹ Н. К. Дмитриев в «Грамматике башкирского языка» о значении инструментальности и орудийности говорит более подробно. Поэтому считаем целесообразным не повторять его, а подробнее остановиться на значении средства передвижения.

IV. Значение причины и цели.

Значение причины у послелого **булан** обнаруживается, когда данный послелог сочетается с формой глагола **-гъан, -ген**. Но тут необходимо сделать оговорку, так как и причастие является формой глагола, притом имеет аффикс **-гъан, -ген**. Поэтому их нужно разграничить между собой. Послелог **булан** приобретает значение причинности именно тогда, когда он сочетается с глаголом на **-гъан, -ген**, а если он сочетается с причастием на **-гъан, -ген**, то приобретает значение совместности, например:

1) **Шагъаргъа баргъанлар булан Адил де бар эди.** «С теми, кто был в городе, был и Адил».

2) **Онда баргъан булан болмай, тез къайтып гелмеге де герек.** «Туда сходить мало, необходимо быстро и вернуться».
Как видно из этих примеров значения послелого **булан** в первом и во втором предложениях не тождественны.

В первом предложении мы явно ощущаем значение совместности, во втором — цели.

А в предложении **Тувгъан гюню булан къутлайман.** «Поздравляю его с днем рождения» мы ощущаем значение причинности.

Обратим внимание на высказывания по этому поводу автора «Грамматики узбекского языка» профессора А. Н. Кононова. Вот, что он пишет: «Послелог **блан** в сочетании с отглагольным именем на **-(и)-ш**, и реже на **-ган** передает действие, одновременно с которым произошло другое действие или в непосредственном следовании за которым началось другое действие. Эти оттенки одновременного и непосредственного, безинтервального следования одного действия за другим возникли в послелогe **блан** из его основного значения сопроводительности, совместности, подкрепленного и уточненного (в этом временном значении) самим лексическим значением форм на **-(и)-ш, -ган**»¹⁰.

Это положение характерно и для кумыкского языка. Для ясности возьмем два таких примера:

1) **Сен гелген булан кѐмек болур деп эсинге гелеми?** «Думаешь, если (от того, что) ты придешь (приедешь), будет какая-нибудь помощь?».

2) **Ибрагъим курортдан гелгени булан ишге гиришди.** «Ибрагим как только (лишь только) приехал из курорта, сразу же приступил к работе».

Как видно из этих предложений, в первом из них послелог **булан** выступает в значении причины, а во втором — времени. Что же тут явилось причиной разграничения этих значений

¹⁰ А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка, Ташкент, 1948, стр. 59.

последелога? На этот вопрос дают ясные ответы сами примеры. Причину разграничения этих значений (с одной стороны, причины и цели, а с другой, — времени) нужно искать в слове «гелгени», (см. второе предложение). В этом слове «гелгени» есть гласный и; который, присоединяясь к форме причастия на -гъан, -ген, в сочетании с послелогом булан выражает временные отношения.

V. Значение времени, непосредственного следования одного действия за другим.

Кочаплар бир-бирине ювукъ болуву булан тутушдулар «Борцы, как только приблизились друг к другу, сразу же схватились».

Исмаил орамгъа чыкьгъаны булан ёлдашын гёрдю. «Как только Исмаил вышел на улицу, то сразу же увидел своего товарища».

При сочетании с количественным числительным к числительному присоединяется аффикс множественности -лар, (-лер), послелог булан приобретает значение количественно-определяющее.

VI. Значение количественно-определяющее.

Онлар булан адамланы тербениши. «Движение десятков людей».

Юзлер булан ишлейген халкъ. «Сотни работающих людей».

Как мы говорили выше, послелог булан может сочетаться и с наречиями.

VII. Значение образа и способа действия.

Такое же значение послелого булан мы обнаруживаем, когда он сочетается с некоторыми прилагательными и наречиями, перешедшими в разряд имен существительных, в результате наращивания словообразовательного аффикса -лик, -лыкь, -люк, -лукь, например: Асга булан оьзюнг гир. «Поттихоньку зайди сам»; Колхозланы председателлерине тезлик булан «къара ерлеге» етишме таклиф этилген эди. «Председателям колхозов было дано указание немедленно выехать к «черным землям»; Яхшылыкь булан рази болуп къал, Салимат! «По-хорошему согласись, Салимат!»

Кроме всех тех значений, которые указаны нами выше, послелог булан может выполнять в предложении и другие функции, а именно может выступать в роли вводного слова, союза «и», а также предлога «между». Остановимся конкретнее на этих функциях послелого.

Послелог **булан** в сочетании со словом **шулайлыкъ** (состоящий из **шулай** и аффикса **+лыкъ**) выполняет функцию вводного слова, например:

Шулайлыкъ булан, магъа дагъы да шо насипсиз яшны излемеге тюшдю. «Таким образом, мне еще раз пришлось искать этого несчастного мальчика».

Кёк булан ерни арасында «между небом и землей». **Шагъарда фабриклер булан заводлар оькюре эди.** «В городе гудели фабрики и заводы».

Послелог **булан**, сочетаясь со вспомогательным глаголом **деген**, может выполнять и функцию уступительного союза «хотя», например: **Уста-Акъа деген булан да о уста тюгюл** «Хотя его и называют мастер — Ака, он не мастер», **олай деген булан да** «Хотя так и говорится» и т. д.

Как мы говорили выше, послелог **булан** может выполнять функцию и предлога «между», в этих случаях послелог приобретает другой оттенок значения, а именно оттенок сопоставления, сравнения двух предметов, например: **Шагъар булан юртну башгъалыкълары гюнден-гюн аз бола.** «Различия между городом и деревней уменьшаются с каждым днем». Когда послелог **булан**, находясь между однородными членами, выполняет функцию предлога «между», то один из однородных членов, который стоит после послелого **булан**, наращивает аффикс родительного падежа.

Когда же послелог **булан** выполняет функцию русского предлога «от» и находится не между однородными членами, а после второго однородного члена, то происходят изменения в однородных членах, т. е. первый однородный член приобретает форму родительного падежа, а второй теряет свой падежный аффикс, а к самому послелогу **булан** наращивается аффикс **-гъы**. Например: **Шагъарны юрт булангъы башгъалыкълары гюнден-гюн аз бола.** «Отличия города от деревни уменьшаются с каждым днем».

Кроме того, аффикс **-гъы**, наращиваясь к послелогу **булан**, может придать ему особый оттенок значения, оттенок наличия у того или другого предмета тех или иных качеств, признаков, свойств.

Но как мы видели выше, в предложении «**Шагъарны юрт булангъы башгъалыкълары гюнден-гюн аз бола**», никаких таких особых оттенков послелого не видно.

Эти оттенки в значении послелого **булангъы** появляются в том случае, когда он сочетается с формами именных слов, оканчивающихся на аффиксы принадлежности 3-го лица, например: **Яхшы хасиятлары булангъы адам.** «Человек с хорошими привычками» или же «человек, имеющий хорошие привычки»; **Арив баву булангъы шагъар.** «Город, имеющий красивый сад» и т. д.

К форме послелого **булангы** в свою очередь могут наращиваться аффикс множественности **-лар** (-лер), падежные аффиксы, а также форма аффикса принадлежности 3-го лица **-сы**, например: **Яман хасиятлары булангылардан ари туругуз!** «Держитесь дальше от людей с дурными привычками!», **Магъа эшиклени кирит булангысы тарыкъ** «Мне нужна дверь, имеющая замок».

Итак, исходя из всего того, что было сказано выше о послелого **булан**, мы можем придти к следующим выводам.

Во-первых, послелог **булан** (в разных языках тюркской системы по-разному) по своей этимологии восходит не к количественному числительному **бир**, а к указательному местоимению, к которому наращивается аффикс комитатива **лан**;

во-вторых, мы не можем согласиться с термином «неопределенный падеж» — это скорее всего неоформленный падеж; падеж прямого дополнения; в-третьих, послелог **булан** при сочетании со вспомогательным глаголом «деген» выполняет функцию уступительного союза «хотя», а при сочетании со словом **шулайлыкь** выступает в роли вводного слова.

МЕСТО УРАРИНСКОГО ГОВОРА В СИСТЕМЕ ГОВОРОВ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Ураринский говор относится к диалекту, который назван сирхинским по топониму сирхIва, т. е. «сирха»; носители диалекта называются сирхинцами. Населенного пункта Сирха не существует. Так названа группа аулов, а именно Урари (центральный пункт), Дуакар, Ицари, Гулатти, Мирзатти, Хуршни, Бакни, Урцаки, Харбучи, Наци, Нахки, Касагу и Цугни. Последние четыре входят в Акушинский район, а все остальные — в Дахадаевский.

Ураринский говор является центральным. Наиболее крупным населенным пунктом считается аул Урари, речь жителей которого носит характерные черты диалекта и имеет свои особенности, отличающие его от других однородных говоров. Кроме того, ураринский говор имеет много общего с соседними диалектами — кубачинским и муиринским, с одной стороны, и с кайтагским, с другой.

Вокруг селения Урари много хуторов, жители которых говорят, в основном, на том же говоре с. Урари. В нем имеется ряд звуков, которых нет в литературном языке. Для их обозначения мы ввели новые транскрипционные знаки — буквы и буквосочетания:

1) для геминированных согласных — бб, гг, дд, дзз, джж, кккъ, ххъ, шш;

2) для гласных:

а) долгих — аа, ии, ээ;

б) лабиализованных переднего ряда верхнего подъема—уь;

в) лабиализованного переднего ряда среднего подъема—оь;

г) широкого а—аь.

1. Фонетические особенности говора Звуковой состав.

§ 1. **Согласные.** В говоре селения Урари, как и в муиринском диалекте, в дибукском и харбукском говорах, существуют согласные, которых нет в литературном языке — краткий глоттизованный фрикативный **гI** и геминированные:

- 1) заднеязычный звонкий смычный **гг**;
- 2) переднеязычный звонкий смычный **дд**;
- 3) переднеязычная аффриката **дзз**;
- 4) глубокозаднеязычный смычный **ккъ**;
- 5) заднеязычный фрикативный **джж**;
- 6) звонкая аффриката **джж**;
- 7) шипящий фрикативный **шш**.

Некоторые из них возникают лишь в определенных позициях.

§ 2. **Гласные.** В отличие от литературного языка и ряда диалектов и говоров, в ураринском говоре имеются:

- 1) лабиализованный переднего ряда среднего подъема—**оь**;
- 2) лабиализованный переднего ряда верхнего подъема—**уь**;
- 3) глоттизованный—**аI**.

Эти гласные являются вариантами фонем: **о, у, а**. В отличие от литературного языка, в говоре имеются также долгие гласные: **ааь, эе** переднего ряда.

Звуковые соответствия

§ 3. **Согласные.** 1. Рассмотрим соответствия геминированных согласных.

1) Почти во всех позициях слов геминат **дд** говора соответствует краткому **д** литературного языка:

В говоре	В лит. языке
ддураухъунни	дуравхъи — «выйдя»
гьелдди	илди — «эти»
буредда	барда — «топор»
чинадд	чинад — «откуда»
балхадди	баладди — «знал»

2) Геминат **гг** говора соответствует краткому **г** литературного языка:

дургги	дурги — «находил»
ургга	урга — «между»
луггад	лугад — «дашь»

3) Шипящий геминат **шш** говора соответствует краткому **ш** литературного языка:

даршшал	даршал — «сто»
гъушшалла	хлушала — «ваш»
аршши	арши — «посев»

4) Геминированная аффриката дзз говора соответствует краткому спиранту з или аффрикате дз литературного языка:

шилидззи	шилизи — «в село»
ваццалидззир	ваццализир — «из леса»
мадзза	маза — «овцы»

Рассмотрим единичные случаи соответствий геминат:

1) Геминат сс говора соответствует краткому с литературного языка:

рурсси	рурси — дочь, девочка, девушка
--------	--------------------------------

2) Геминированная аффриката джж говора соответствует краткой дж или краткому г литературного языка:

дуджжили	дуджили — «выпив»
барджжибли	баргили — «найдя»

3) Геминат ххъ говора соответствует то краткому хъ, то шипящему ш литературного языка:

кабиххъа	кабихъа — «положи»
нуххъа	нуша — «мы»

2. Соответствия кратких согласных.

1) Соответствие звука ц говора звуку с литературного языка:

цунила	сунила — «его»
цихцал	секцал — «вещь»
лебци	лебси — «данный»

2) Соответствия глоттизированной фрикативной гь:

а) фарингальному хц литературного языка

гьлеб	хлеб — «весна»
гьинтлина	хунтена — «красный»
гьяьчи	хлянци — «работа»

б) гортанному гц литературного языка

гьгура	гьяьра — «заяц»
Гьяьли	Гьяьли — «Али» (собствен. имя мужчины)

Ниже приводятся редкие, иногда единичные, случаи звуковых расхождений.

Для характеристики говора имеют значение и такие соответствия:

а) звук чц говора соответствует кц литературного языка

дубчцлахъу	дубкцлахъи — «умертвит»
------------	-------------------------

б) звук хъ говора соответствует звуку ш литературного языка

хьуйна хьуел
михь

шуйна шел — «пятью пятьь
мирш — «серп»

3) Соответствие среднеязычного й говора свистящему с литературного языка в форматах дательного падежа существительного, числительного и инфинитива глагола.

В говоре

В лит. языке

укьий
гьелдай
усий

укьес — «пойти»
илдас — «им»
усес — «спать»

Реже встречается соответствие свистящего с говора гор-танному гь литературного языка.

семи
сала
варси

гьими — «злоба»
гьала — «впереди»
варгьи — «бурка»

§ 4. Гласные. В гласных звуках наблюдаются только единичные соответствия.

1) Гласный э говора соответствует гласному а литературного языка:

хьумертур

хьумартур — «забыл»

и наоборот, гласный а говора соответствует гласному э литературного языка:

урчIамал

урчIемал — «девять»

2) Гласный и говора соответствует гласному а или у литературного языка:

адим
илила

адам — «человек»
илала — «его»

3) Случаи обратного соответствия а—и, у—а:

ча

чи — «кто»

4) Гласный у говора может соответствовать гласному а литературного языка:

тIугь

тIахI — «нога»

5) Глоттизованный — а говора соответствует простому а литературного языка:

тIа

тIахI — «нога»

6) Гласный оь говора соответствует звуку аь литературного языка:

ноьхьби

наькьби — «руки»

7) Гласный уь говора соответствует звуку у литературного языка:

кьуьли

кьули — «коровы»

§ 5. Устойчивость некоторых согласных в говоре. В говоре селения Урари, как и в других говорах Дахадаевского района, устойчивость некоторых согласных довольно распространенное явление. В большинстве случаев это имеет место в деепричастиях. Так, ряд временных деепричастий в основе перед аффиксом не допускает выпадения губо-губного звонкого б (в отличие от литературного языка):

В говоре	В лит. языке
буцибли	буцили — «поймав»
ибли	или — «сказав»
дикларбичибли	декларбикили — «отделив- шись»

В деепричастиях могут не выпасть одновременно и два звука — звонкий б и заднеязычный кь:

пикрибаркьибли	пикрибарили — «подумав»
хӀаьдурбаркьибли	хӀаьдурбарили — «приготовив»
кепваркьибли	кепварили — «опьянев»

§ 6. Нарращение. В ряде форм говора имеются согласные, происхождение которых определить трудно. Они могли быть наращены в говоре, или выпали из литературных форм. Таков, например, комплекс ргъ в глагольных формах длительно-го вида:

хьарбиргьули	хьарбиули — «спрашивая»
--------------	-------------------------

Различные части речи в начале, в середине и в конце слов говора имеют иногда фрикативный г:

батаргар	бетарар — «сбудется»
губаькахьибли	убаьхькахьили — «спусти- вшись»
гутни	утни — «стулья»
хьарбиргули	хьарбиули — «спрашивая»
губбатурда	уббатурра — «оставил (после себя)»

Наблюдаются и отдельные случаи, когда тот или иной согласный, существующий в говоре, отсутствует в литературном языке. Речь идет о звуках г, й, гь, кь, ж:

мургул	мурул — «муж»
гьайал	гьал — «двадцать»
авгьал	авал — «четыре»
хьарбагьий	хьарбаэс — «спросить»
баркьа	бара — «сделай»
чедажий	чедаэс — «увидеть»
хьуйал	шел — «пять»

Решить вопрос об исходности той или иной формы можно лишь при сравнении этих фактов в междиалектном плане.

§ 7. **Замещение.** В говоре замещаются согласные, близкие по артикуляции.

1) Сонорные звуки — сонорными:

мекуби	некубби — «ногти»
илили	илини (эрг.) — «он»

2) Гортанные — гортанными:

х инц	г инц — «яблоко»
-------	------------------

3) Гортанные могут также замещаться и заднеязычными:

агънили	аг нили — «нужно»
---------	-------------------

§ 8. Об устойчивости комплекса рл в говоре.

Как известно комплекс рл, вследствие регрессивной ассимиляции в литературном языке превращается в геминат лл. В говоре этого не происходит.

В говоре

батурли
вархъатурли

В лит. языке

батулли — «оставив»
вархъатулли — «оставив
(его)»

§ 9. **Метатеза.** Случаи метатезы зафиксированы в следующих словах говора:

хилжан	хинжал — «кинжал»
тахъ	хъат — «ладонь»

§ 10. **Геминация кратких.** Согласные говора къ, с и б, попадая в интервокальное положение, геминируются. Например:

В лит. языке

мекуби
къаьнкъуби
бурхаби

В говоре

мекуббѣи — «ногти»
къуьнкъуббѣи — «носы»
бурхаббѣи — «потолки»

в ед. числе говора

дулакъ
баликъ
мурикъ
мут|рус

во множ. числе говора

дулаккѣи — «гетры»
баликкѣи — «рыбы»
муриккѣи — «червяки»
мут|русси — «бритвы»

§ 11. **Чередование гласных** наблюдается при образовании множественного числа имен существительных.

1) Чередование е—у:

гъес	— гъусми — «волосы»
т ент	— т унт ри — «мухи»
нехъа	— нухъи — «голуби»

2) Чередование а—у:

дзаб — дзурби — «небо»
 члала — чули — «вилки»

§ 12. Образование форм множественного числа. Суффиксы, образующие множественное число в говоре и литературном языке, одни и те же. Но часто в говоре они используются для образования одних слов, а в лит. яз. — для других. Примеры:

суффикс ми

В говоре

гурдми
 гъусми

В лит. языке

гурдни — «лисицы»
 гъизби — «волосы»

§ 13. Падежи. В падежных аффиксах говора и лит. языка встречается ряд расхождений. Остановимся на некоторых из них.

В родительном падеже, например, существительное говора буредда имеет аффикс -лла; буредалла, с двойным лл, в отличие от литературного ла: бардала; в дательном — аффикс ай или ий, уй: вместо литературного ис: бардалис, а для других существительных ий, уй¹.

Таким образом, вследствие фонетического соответствия с и й в дательном падеже имеем варианты формативов ай, ий, уй, которые соответствуют одному формативу ис литературного языка. Эти варианты получаются вследствие разных огласовок перед й. Иногда в дательном падеже говора выступает аффикс эй. Например: авцалелла эмхлей духби даркьибли цай («нагрузил всех сорока ослов»). В отличие от литературного языка, дательный падеж которого образуется или от активного падежа (бардали+с), или от именительного (пача+с), дательный падеж говора образуется только от формы именительного падежа (буредда+й или пача+й).

1. Совместный падеж говора, как и дательный, отличается от соответствующего падежа литературного языка своим аффиксом -лла, вместо л:

В говоре

буреддаддзилла

В лит. языке

бардаличил — «топором»

2. Направительные падежи. В отличие от литературного языка, где формативами направительного падежа по сериям являются: -чи, -зи, -хли, -у, в говоре имеем: -чу, -йа, -ддзи, -шшу, -у. Из этих аффиксов чу, ддзи, у и -шшу — полностью или приблизительно соответствуют тем же аффиксам литературного языка (шагъарлиддзи — шагъарлизи — «в город»,

¹ Например: гъаьлий — к Али, вместо литературного Алис, кинуй, вместо литерат. кинулис.

ххухушшу — **хухучи** — «к старухе», **хьунулличу** — **хьунуйчи** — «к жене», **ггаллггалиу** — **галгалиу** — «под дерево»). Аффикс говора **йа** в литературном языке может соответствовать:

1) аффиксу — **чи**

кинуйа — **кинуличи** — «в кино»

базарлийа — **базарличи** — «на базар»

2) аффиксу — **зи**

хлульбайа — **хлулбази** — «в глаза»

хьулрайа — **хьулрази** — «в дома»

3) аффиксу — **ни**

дарбаглийа — **таврани** — «в сумку»

Как видно из примеров одни формы направительных падежей в говоре, как и в литературном языке, образуются от активного падежа (смотри: **базарли+йа**, **базарли+чи**), другие, в отличие от литературных форм, — от именительного (смотри: **кину+йа**, **кинули+чи**). Но направительный падеж говора с аффиксом на **-чу**: **хьунулли+чу**; **мургулли+чу** «жене, мужу» образуется, как и в литературном языке, от активного падежа. Только в говоре он образован от полной формы активного падежа, в литературном языке — от усеченной:

хунуйчи — **муруй-чи**

Это объясняется тем, что в говоре кратким формам активного и родительного падежа всегда соответствуют полные формы:

хьунулли

— **хьунуй** — «жена» (эрг.)

хьунулла

— **хьуна** — «жены»

3. **Местные падежи.** В этих падежах говора, вместо аффикса **-уб** литературного языка, имеем аффикс **-губ**. Согласный **г** перед аффиксом **-уб** мы считаем наращением. Сравнивая аффиксы других серий местных падежей говора и литературного языка, например, **ддзиб**: **шагьарли+ддзиб**, **шагьарли+зиб** «в городе», а также аффиксы литер. языка (**хлиб**: **кьанила+хлиб** «в сундуке») и урахинского диалекта (**глиб**: **цлали+глиб**), заключаем, что присутствие **г** как согласного компонента аффикса (**г**) **уб**, является так же закономерным, как и присутствие согласных компонентов **гI**, **хI**, **з** перед своими аффиксами.

Однако, как в литературном языке, так и во многих диалектах этот согласный выпал и о его наличии в прошлом мы узнаем лишь из матернала ураринского говора.

4. **Исходные падежи.** В литературном языке, как известно, все исходные падежи образуются от местных падежей прибавлением аффикса **ад**. Что же касается говора, то в нем исходные падежи образуются от направительных и их аффикс

къаркъалла хъулри, вместо къаркъа хъулри — «каменные дома»

В говоре существуют и формы прилагательных, которые оформляются при помощи: 1) аффикса **чиб** (хъабчиб хлаька — «шуба воротниковая» (дословно); 2) аффикса **гъан** (къадагъан цитла — «птица ушелья»), приближающегося к аффиксу **ган** муиринского диалекта.

I. Прилагательные сравнительной степени. Особенностью форм сравнительной степени прилагательных говора является их оформление при помощи аффикса **ил**, вместо **гъуна** литературного языка.

никIил — виштIалгъуна — «меньший»
холил — халалгъуна — «большой»

По своим аффиксам эти формы напоминают дибукские. Дадим их для сравнения:

ураринские

дибукские

хвалил хвалалил — «большой»
никIил ишIалил — «меньший»

Любопытно, что в урахинском диалекте, как и в дибукском, наряду с аффиксом **гъуна** в форме сравнительной степени прилагательного употребляют иногда и суффикс **ил**. Эти вторые формы на **ил** в урахинском диалекте употребляются редко и являются архаичными. Не говорит ли последнее обстоятельство о том, что дибукская форма **хвалалил**, как та же урахинская **хвалалил**, в сравнении с урахино-акушинскими **хвалалгъуна**—**халалгъуна** является первичной? Кроме того, архаичная форма урахинского диалекта **хвалалил**, как и та же дибукская форма, образовалась от обычного прилагательного **хвалал+ил** («большой—больший»). Сравнительная форма ураринского говора **хвалил** тоже образовалась от обычной урахино-дубской формы **хвалал**; обе эти формы близки как по своей основе, так и по компоненту **л**: **хвалал** > **хвалил**. Аффиксом сравнительной степени прилагательного ураринского говора фактически является гласный **и**, с компонентом.

Следовательно, первоначальной основой для сравнительной степени прилагательного обоих говоров является не дибукская **хвалал**, а ураринская **хвал**. По диалектам же эта основа дает **хул**, **хал**.

II. Неоформленные прилагательные. Неоформленные прилагательные основы и прилагательные слова, т. е. существительные и наречия, заменяющие прилагательные, имеются и в говоре:

дурегга цитIа — «птичка с гребешком»
баскай хлаька — «большая шуба с воротником (до середины)»

кГирка хІаька

— «шуба с двойным воротником»

III. Множественное число прилагательных. Прилагательные во множественном числе имеют те же аффиксы, что и в единственном числе. Это отличает их от соответствующих форм литературного языка. Например,

в единственном числе:

никІаци хьали — «маленькая комната»

уршобьци дурхІаь — «полный ребенок»

во множественном числе:

никІаци хьулри — «маленькие комнаты»

буршобьци дурхІни — «полные дети»

§ 15. Местоимение. Отличие местоимений говора от лит. языка наблюдается в склонении личных и указательных местоимений.

Так, направительный падеж этих местоимений в говоре оформляется с помощью аффикса **-ийа**, вместо **-чи** литературного языка:

нишшийа
гьишшийа
гьетийа

нушачи — «на нас»

хІушачи — «на нас»

итичи — «на нем»

Форма дательного падежа этих местоимений оформляется посредством аффикса **-ий**, **-ай**, вместо **-ис** литературного языка.

цуний
гьетий
гьедай

— сунис — «себе»

— итис — «ему»

— идас — «им» и т. д.

§ 16. Инфинитив. Инфинитив говора, в отличие от инфинитива литературного языка с аффиксом **эс** и от инфинитивов цудахарского диалекта с аффиксом **-из**, ураринского с аффиксом **-ис**, **аьс** и муиринского с аффиксом **-ана**, **-ара**, оформляется посредством аффикса **-ий**.

Например в говоре, в цудахарском, урахинском, муиринском диалектах и в литературном языке:

усий усиз усис усана усес — «спать»

§ 17. Времена глагола.

1. Настоящее время. Для личных форм настоящего времени глагола говора характерно наличие аффиксов **-да**, **-ди**, вместо **-ра**, **-ри** литературного языка. Такие же аффиксы наличествуют в цудахарском и муиринском диалектах, что сближает с ними говор селения Урари.

ду аркьунда	— ну аркьулра — «я иду»
гъу аркьунди	— хлу аркьулри — «ты идешь»
нухъхъа аркьунда	— нуша аркьулра — «мы идем»

и т. д.

II. Прошедшее время. Для 1-го лица ед и мн. чисел, а также для 2-го лица множ. числа употребляется аффикс **-да**, а для 2-го лица един. числа **-ди**. Это отличает их от литературных форм с аффиксами **-ра**, **-ри**.

Например: **ду, нухъхъа, гъухъхъа, гъаьчли, агурда** — я, мы, вы ходил(и) на работу. В 3-ем лице един. и множ. чисел могут быть также аффиксы **-гур**: **урагур** — «ходил» и **-иб виркьиб** — «делал».

III. Будущее время. В формах 1-го и 2-го лица ед. и множ. чисел говора, в сравнении с теми же формами литературного языка, наблюдаются такие отличия:

- 1) в 1-ом лице ед. ч. имеем аффикс **-аьд** «вместо» **-ис**;
- 2) во 2-ом лице ед. ч. аффикс **-аьдди**, «вместо» **-ид**;
- 3) в 1-ом лице мн. числа аффикс **-аь**, «вместо» **-эхIe**.

В форме 3-го лица говора, как видно, по сравнению с литературной, имеем усеченный аффикс. Это отличие личных форм говора в будущем времени является основным.

IV. Условное наклонение.

1. **Форма условного реального наклонения.** Все личные формы условного реального наклонения имеют аффиксы, отличные от аффиксов тех же форм литературного языка. Любопытно, что 1) форма 1-го лица ед. числа говора полностью совпадает с формой 3-го лица ед. и множ. чисел литературного языка: **ду укаьлли** означает — «если я пойду», а в лит. языке **ит укаьлли** — «если он пойдет»; 2) 2-ое лицо ед. числа лит. языка совпадает с тем же лицом будущего времени говора: **гъу укъадди** означает «ты пойдешь» и «если ты пойдешь». Различие узнается только в контексте. Например: **рахли гъу укаьдди кинуьа, дули балхад** — «если ты завтра пойдешь в кино, я узнаю».

2. **Форма условного ирреального наклонения.** Особенностью личных форм условного ирреального наклонения говора является наличие конечного условного аффикса **-ддил** — для 2-го лица ед. числа, а также **дил** для остальных личных форм. Но наличие конечного аффикса **-дил** не придает единства значения всем личным формам с этим аффиксом. Напротив, все они имеют те или иные отличия. Так, например для выражения 1-го лица ед. и множ. чисел: **укаьдил** — если ты, я (мы) пошел (и) с аффиксом **-дил**; для 2-го лица — форма **уаьддил**,

уже с аффиксом **ддил** (геминированное **дд**); для 3-их лиц. ед. и множ. чисел — форма **укьяьндил** с тем же конечным условным аффиксом **дил**, но в сочетании с личным аффиксом **н**. Последний и указывает собственно на то, что это форма именно 3-го лица; для 2-го лица множ. числа форма **дукьяьддадил** с тем же условным аффиксом **-дил**, но в сочетании с предпоследним аффиксом **-да**. Только сочетание этих двух аффиксов **-да** и **дил** определяет условную форму 2-го лица, множ. числа.

V. Повелительное наклонение.

В повелительных формах 1-го лица ед. и множ. чисел говора, вместо аффиксов **аьн**, **аьнайа** литератур. языка, имеем **-ин**, **-инийа**.

укьин! **укьян!** — «иди!»
дукьинийа! **дукьяьнайа!** — «идите!»

§ 18. **Деепричастие.** В отличие от дибукского и харбукского говоров, где деепричастие оформляется посредством аффикса **-ле**, в говоре сел. Урари, как и в лит. языке, оно имеет аффикс **-ли**. Но, в отличие от деепричастных форм литературного языка, эти формы говора имеют в основе перед аффиксом **-ли** согласный **б**, либо **кь**, что сближает формы ураринского, дибукского и харбукского говоров. Нарощенные согласные, как например, **б**, являются либо компонентами 3-го лица, от которого образуется деепричастие, либо входят в глагольную основу (как согласный **кь**). Все сказанное можно подтвердить формами деепричастий, приведенными ниже:

В говорах		В лит. языке
с. Урари	с. Харбук	
баркьиб+ли	баркьиб+ле	баркьиб+ле
биржиб+ли	биджиб+ле	биджиб+ле
	с. Дибук	
	1. бари(б)+ли «сдав»	
	2. беди(б)+ли «дав»	

Следовательно, данные деепричастные формы говора с. Урари, с одной стороны, близки двум названным говорам, с другой — литературному языку.

Деепричастные же формы ураринского говора с аффиксом **-ни** (в других говорах **-не**) являются совершенно отличными от форм литературного языка с аффиксом **-и**:

беркунни	берки — «поев»
дураухъунни	дураухъи — «выйдя»
кайсунни	кайхъи — «лежа»

Эти формы говора так же, как и рассмотренные выше, образовались присоединением к 3-му лицу с суффиксом **-ун** аф-

фикса деепричастия **-ни**, а в литературном языке они образовались присоединением аффикса **-и** к основе глагола **берк** (ун «выпал»).

§ 19. **Причастие.** В говоре существует несколько форм причастий.

1) Причастия с аффиксом **-ци**, вместо аффикса **-си** литературного языка:

баркьибци	барибси	— «сделанная»
лебци	лебси	— «существующая»
аркьунци	аркьунси	— «идуший» и т. д.

2) Причастия с аффиксом **-ил**, вместо суффикса **-си** литературного языка:

деркунил	деркунси	— «съеденная»
цабукьибил	хибси	— «принесенный»

3) Причастия, не оформленные аффиксами. Причастия эти по своей форме совпадают с 3-им лицом прошедшего и будущего времени. Например:

В говоре	В литер. языке
дураухъун замана	— дураухъунси за — «когда вышел» мана
иклу тахӀаьрли	— виклуси тахӀаьрли — «как говорит он»
халибиркьу замана	— халбируси замана — «в рассматриваемый период»

Это обстоятельство указывает на то, что формы третьего лица прошедшего и будущего времени исторически выполняли одновременно и функции причастных форм. А когда причастие стало выделяться как грамматическая категория, формы прошедшего и будущего времени превратились в неопределенные причастия.

В настоящее время в говоре оформление причастия еще не закончено, следствием чего, на наш взгляд, и является сохранение неопределенных причастий первичного порядка.

§ 20. **Наречие.** По своим разрядам наречные формы имеют следующие сходства и различия в сравнении с литературным языком:

1. **Наречия образа действия** так же, как в литературном языке оформляются при помощи аффикса **-ли**:

мурддали	мурдали	— «верхом»
багълали	багълали	— «медленно»

2. **Наречия места.** С помощью аффикса **-ли** оформляется также наречие места **илцали**, в отличие от наречия литературного языка **итад** «оттуда», с тем же значением, но с аффиксом **-ад**. Например: **илцали мурул вахӀибли цай** — «оттуда пришел мужчина».

Наречие места со значением **отсюда** в говоре имеет совершенно отличную от литературного языка форму:

гъайгъа — **ишад** — «отсюда»

3. Наречие времени со значением «завтра» имеет форму — **джаггаьлли** вместо литературной **джаггаьлал**, т. е. оформляется, как и наречие образа действия, с помощью аффикса **-ли**.

Наречие времени со значением «сегодня» так же, как и «завтра», оформляется посредством аффикса **-ли**:

В говоре **йигъели** **В лит. языке**
ишбархи — «сегодня»

4. Форма наречия меры и степени говора **цайна** — «один раз, однажды» отличается от соответствующей формы литературного языка — **гъачам**. Образование этой формы от числительного **ца** в говоре семантически более оправдано, чем образование той же литературной формы.

Таким образом, мы наблюдаем, что наиболее распространенным аффиксом наречных форм говора является **-ли**.

§ 21. **Лексика.** В ураринском говоре нет почти ни одного исконного слова, которое в какой-то мере не отличалось бы от соответствующего слова литературного языка. Это отличие выражается в той или другой составной части слова: корне, аффиксах, основе. Однако нет надобности в данной статье давать все эти слова. Ограничимся здесь лишь приведением таких слов, которых нет в литературном языке.

вашкъак	— «брюки»
жархи	— «вечер»
гъукли	— «картошка»
член	— «ветер»
члала	— «вилка»
духъа	— «яйцо»
багъдагъ	— «тарелка»
нехъва	— «голубь»
агур	— «пошел»
гъайгъа	— «отсюда»
клинакъ	— «потом»
баскай	— «двойной»
дарбаг	— «тавра»

Слово **дзаб** как в литературном языке, так и во многих диалектах означает «дождь», а **дзубри** «небо». В говоре же **дзаб** и **дзубри** в формах ед. и множ. чисел означают «небо».

Интерес представляет слово «рог». В говоре оно передается формой хъими, а в литературном языке и диалектах — мукукури. Форма же говора хъими в литературном языке означает «стебли». Следовательно, в говоре название «рог» животных дано по сходству со стеблями растений. Возможно, что форма хъими говора есть первичное название, которое дали «рогам» до того, как в дальнейшем назвали их «мукукури».

Ураинский говор, как и сирхинский диалект, в состав которого он входит, никем не исследован. А между тем, он весьма интересен такими реликтовыми фонетическими особенностями и грамматическими формами, которые могут пролить свет на выяснение истории отдельных явлений в даргинском языке.

В этом смысле он занимает самостоятельное место в системе диалектов даргинского языка и дает богатый материал для их сравнительного изучения.

ПРИЛОЖЕНИЕ (АЛЬБОМ)

**ИЛЛЮСТРАЦИИ К СТАТЬЕ
П. ДЕБИРОВА «НАДМОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ
ДАГЕСТАНА XIV—XIX ВЕКОВ».**

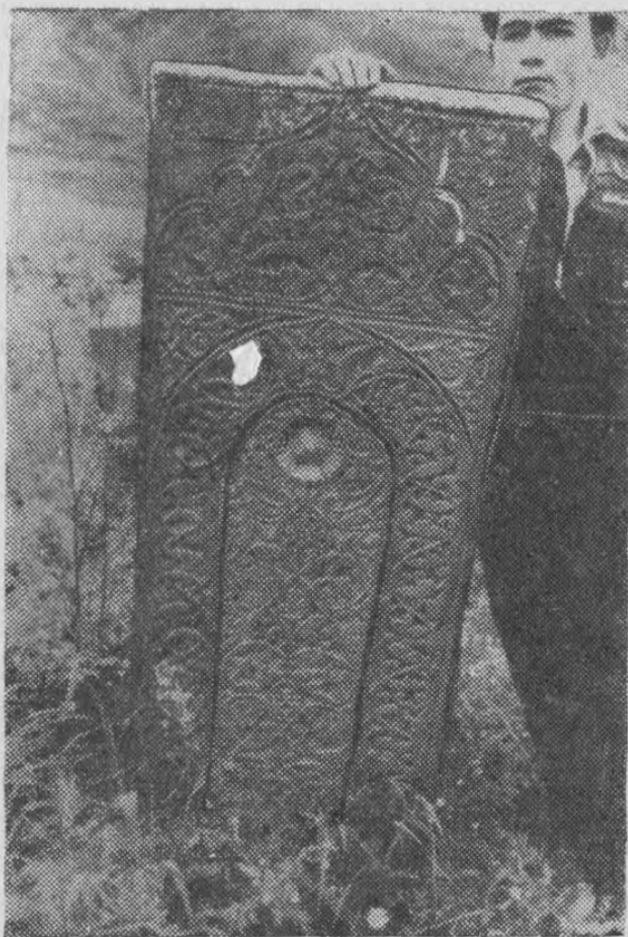
Р и с. № 1. Надмогильный памятник из с. Кубачи (первый вид).

Рис. № 2. Надмогильные памятники из с. Кубачи (первый вид)

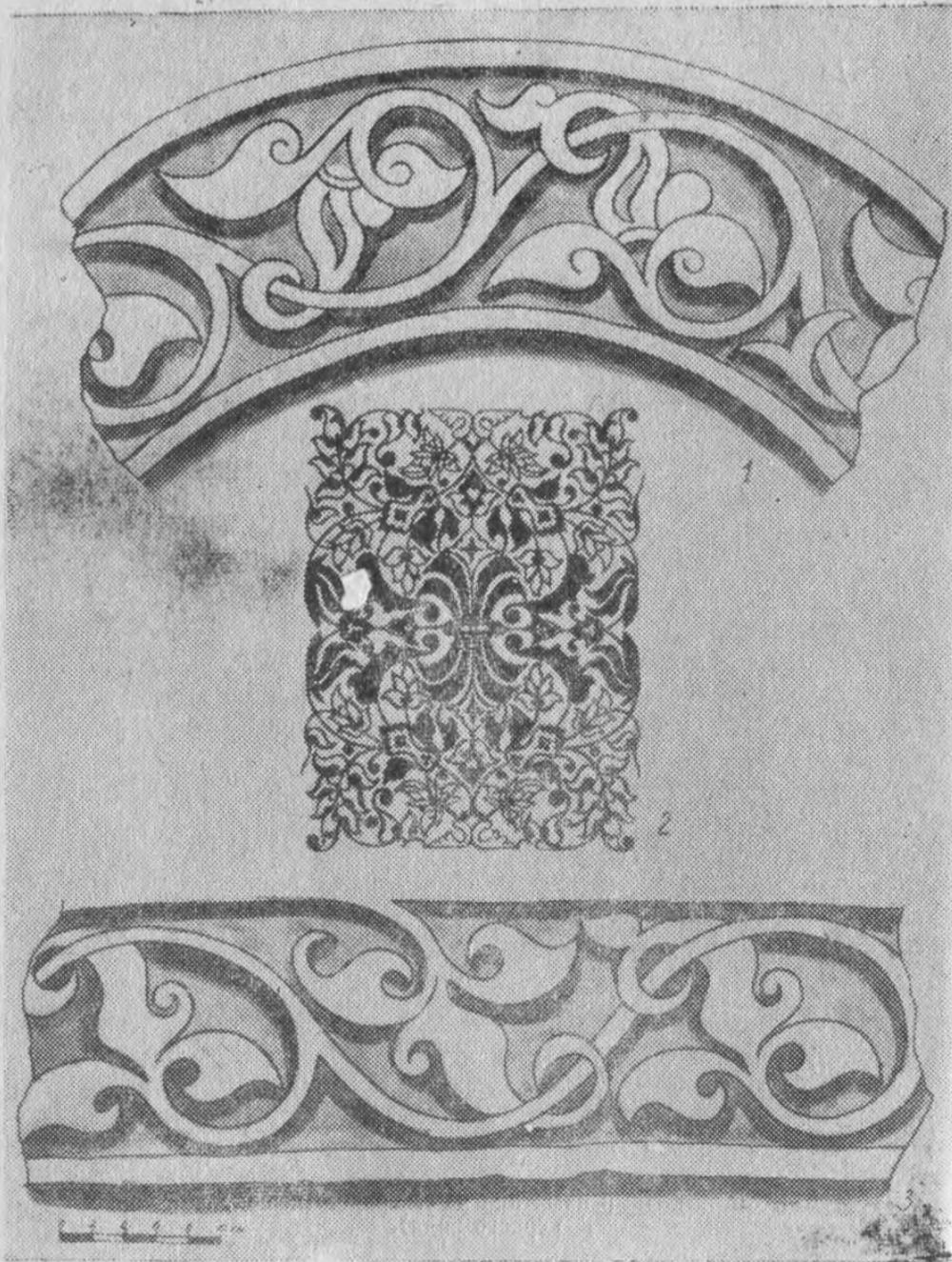
Р и с № 3. Надмогильный памятник из с. Кубачи (первый вид).

Р и с. № 4. Надмогильный памятник из с. Ашты. (позднейший вариант первого вида).

Р и с. № 5. Надмогильный памятник из с. Урари. (позднейший вариант первого вида).

Р и с. 6. Ранняя форма кубачинского растительного орнамента на резном камне (1, 3) и дереве (2).

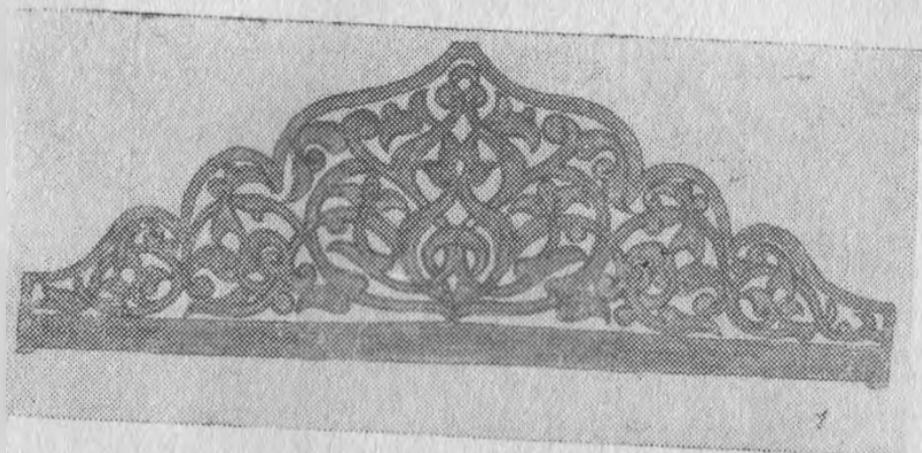
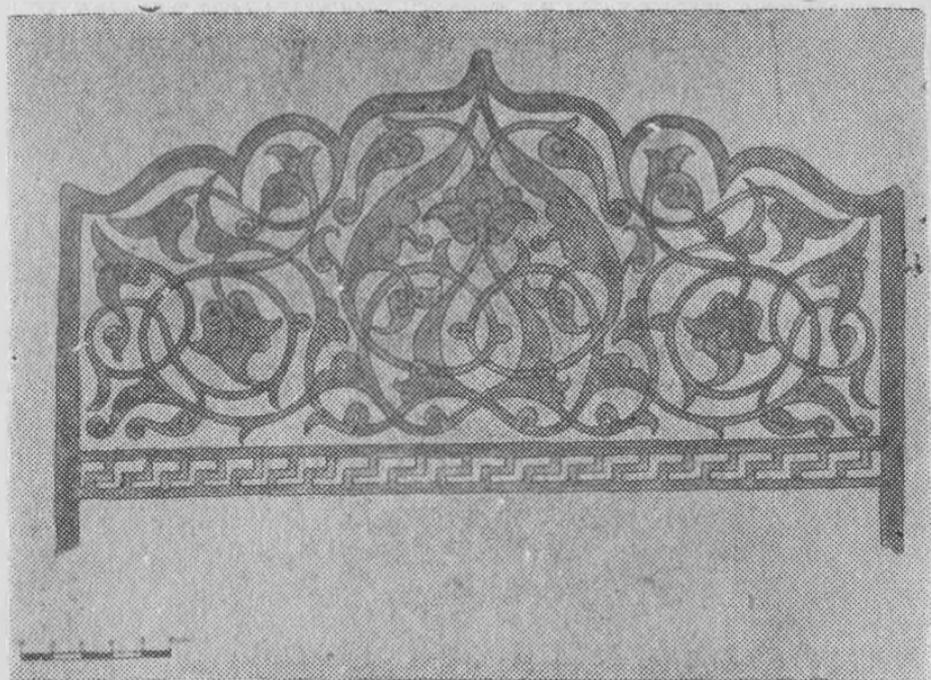
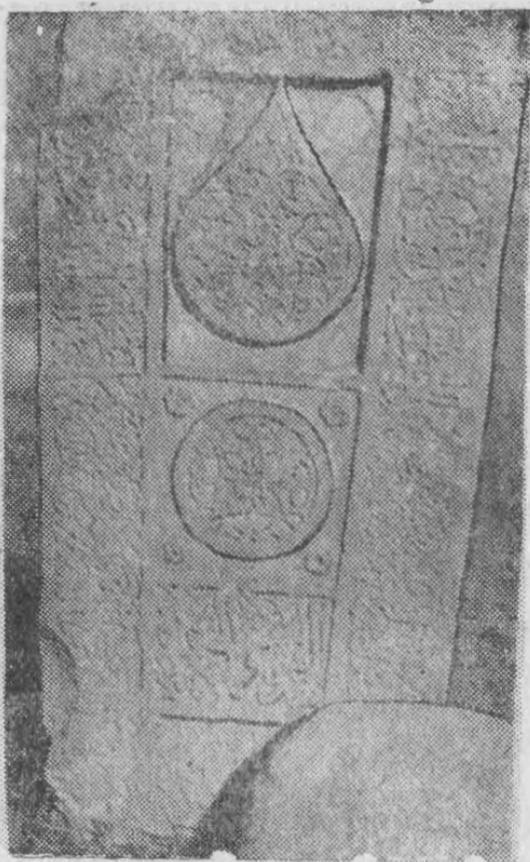

Рис. № 7. Орнамент надмогильных памятников из с. Кубачи (XVI—XVII вв.)

Р и с. № 8. Орнамент на тимпане надмогильного памятника из с. Кубачи (XVII в.)

Р и с. № 9. Надмогильный памятник из с. Кумух (второй вид).

Р и с. № 10. Надмогильный памятник 1552 г. из с. Кумух (второй вид)

Рис. 11. Надмогильный памятник из с. Кумух (первый вариант второго вида).

Рис. 12. Надмогильный памятник из с. Кумух (первый вариант второго вида).

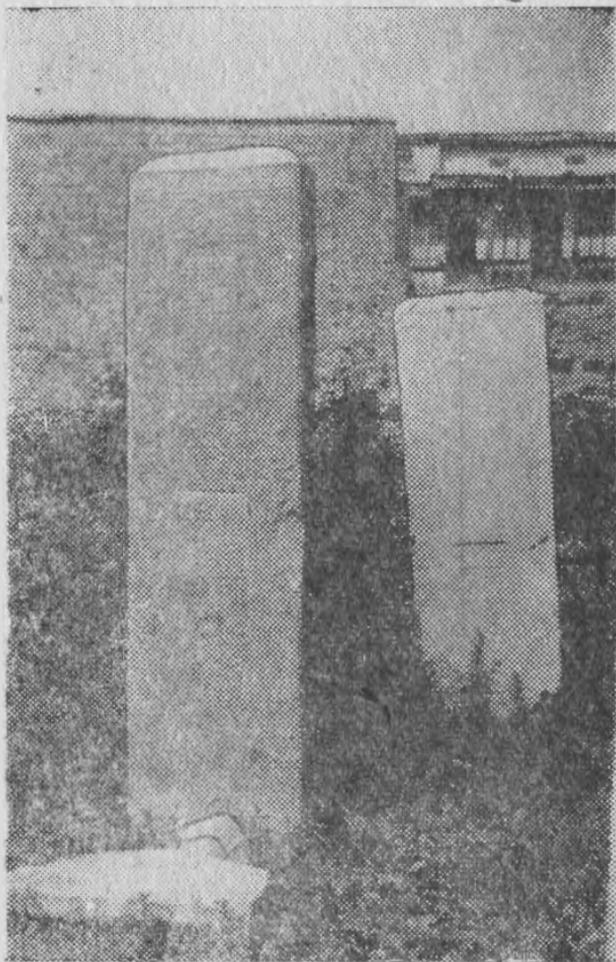
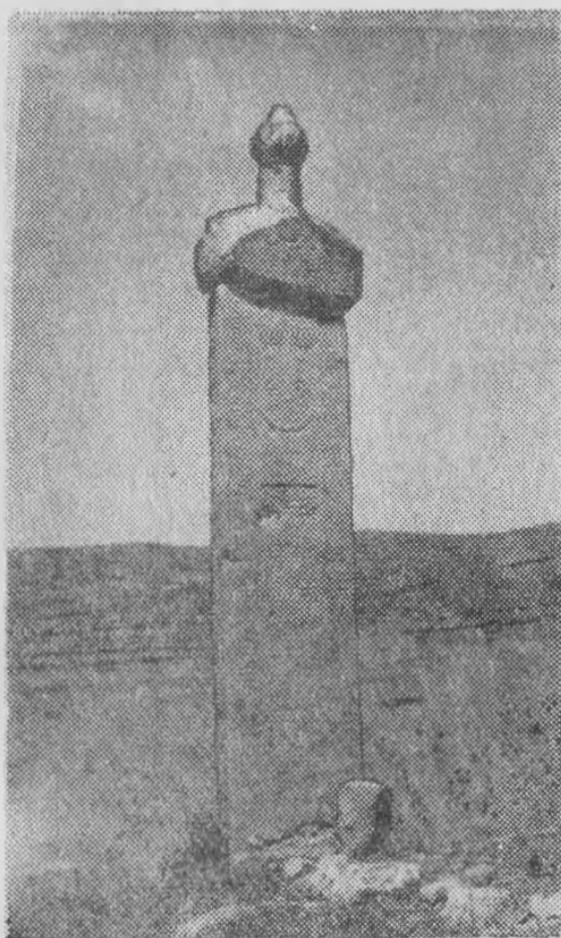

Рис. № 13. Надмогильный памятник 1748 года из с. Кумух (второй вариант второго вида)

Р и с. 14. Надмогильный памятник XVIII века из с. Кумух (второй вариант второго вида)

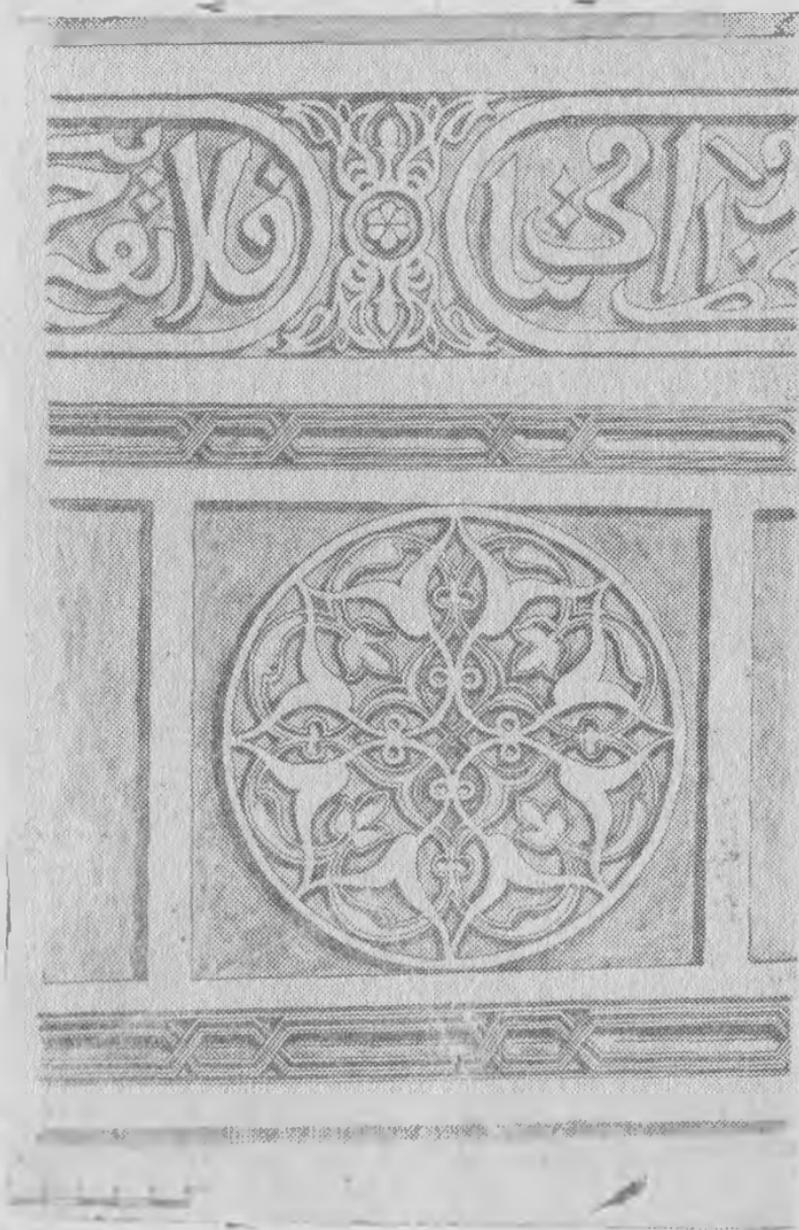
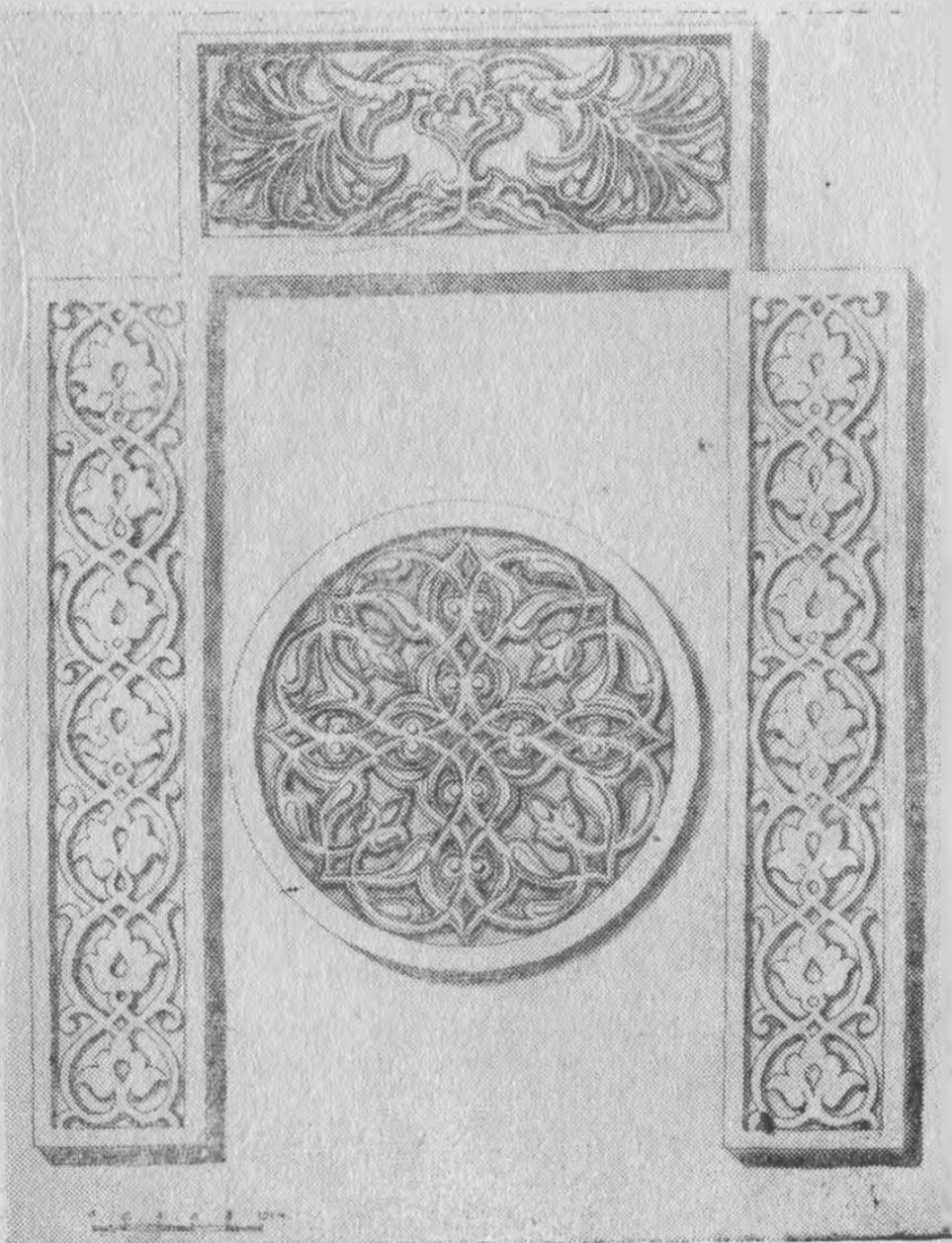
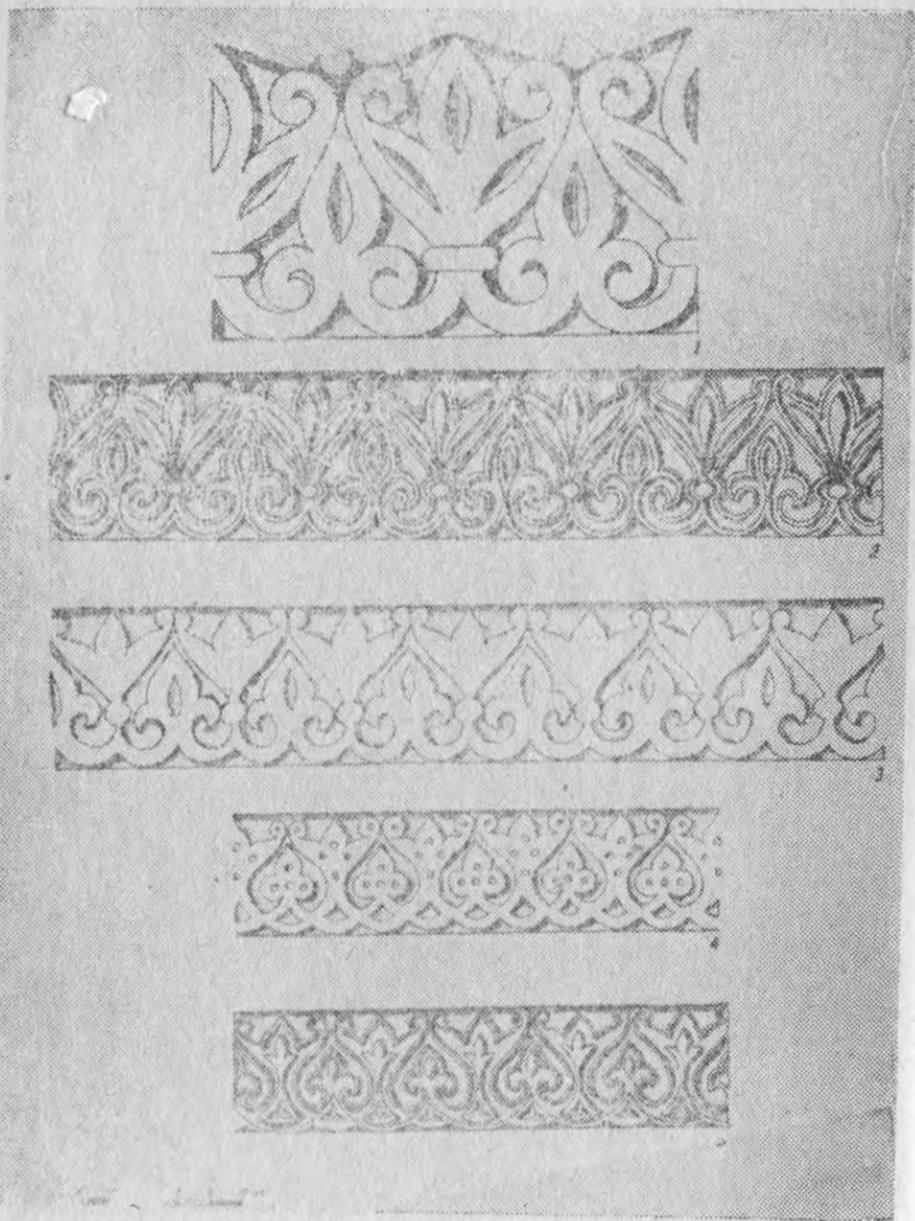

Рис. № 15. Орнамент надмогильного памятника из с. Кумух

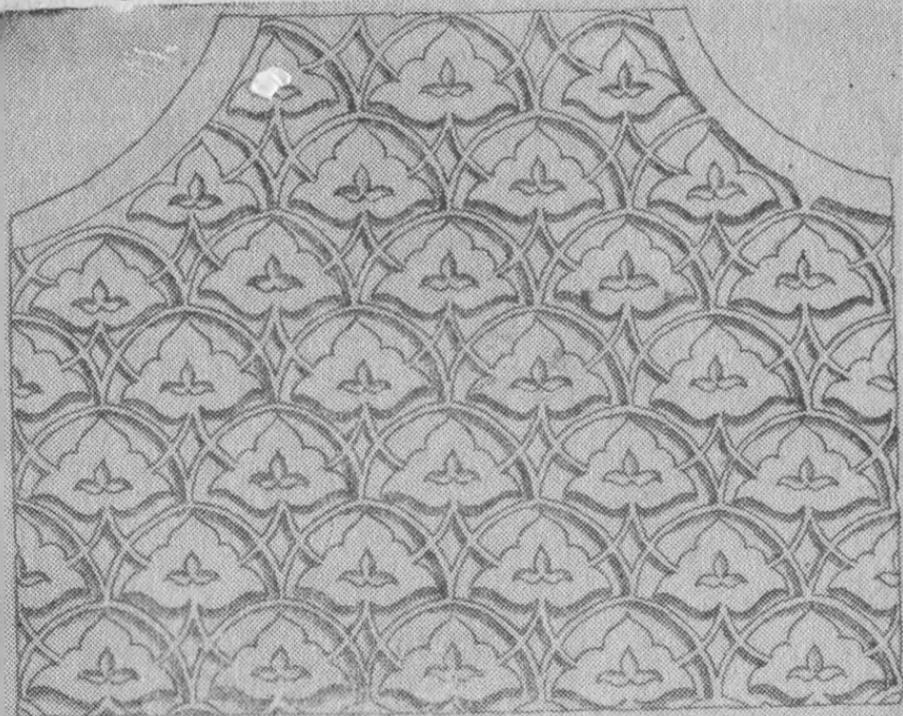
Р и с. № 16. Орнамент надмогильного памятника из с. Кумух

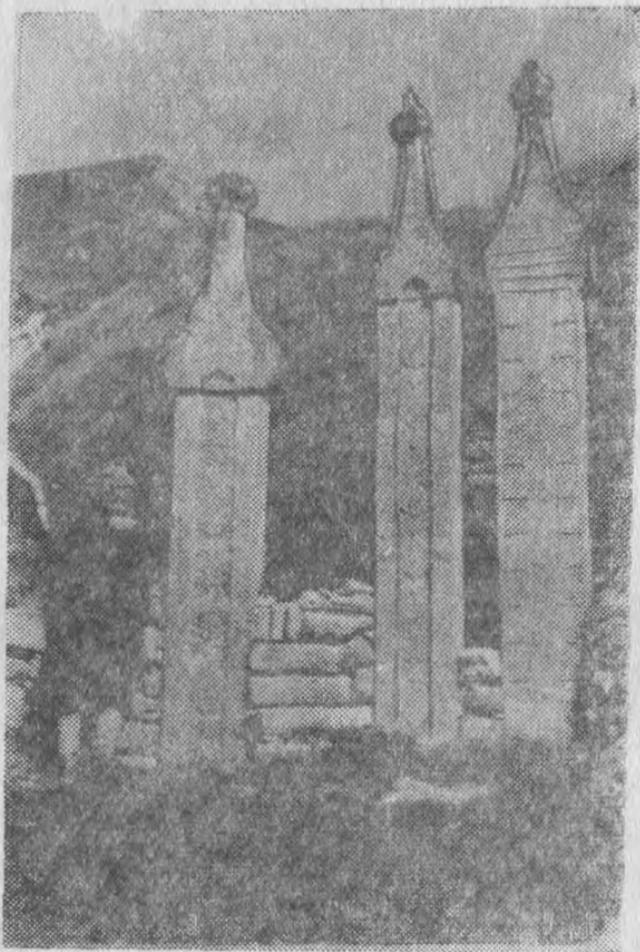
Р и с. № 17. Орнамент надмогильных памятников с. Вихли (1),
с. Кумух (2—5).

Р и с. № 18. Орнамент надмогильных памятников из с. Кума.

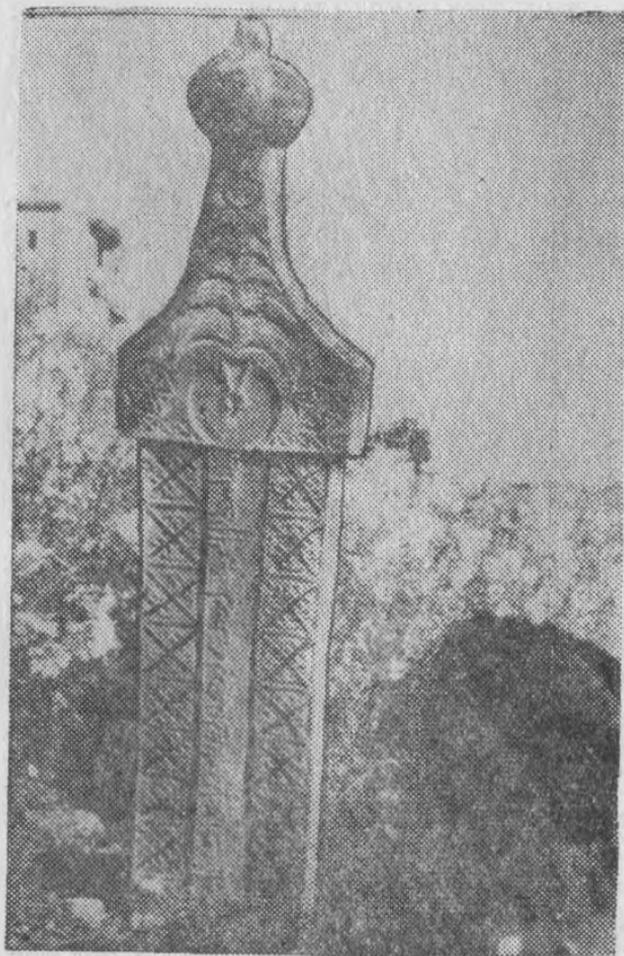
Р и с. № 19. Орнамент надмогильных памятников из с. Кума (XIX в.)

Р и с. № 20. Надмогильные памятники из с. Усиша.

Рис. № 21. Саркофагообразное надгробие из с. Уркарах

Р и с. № 22. Надмогильный памятник XVIII века из с. Урахи

Рис. 23. Надмогильные памятники из с. Акуша

Рис. № 24. Орнамент надмогильных памятников из лакских (1, 2) и даргинских (3—5) районов

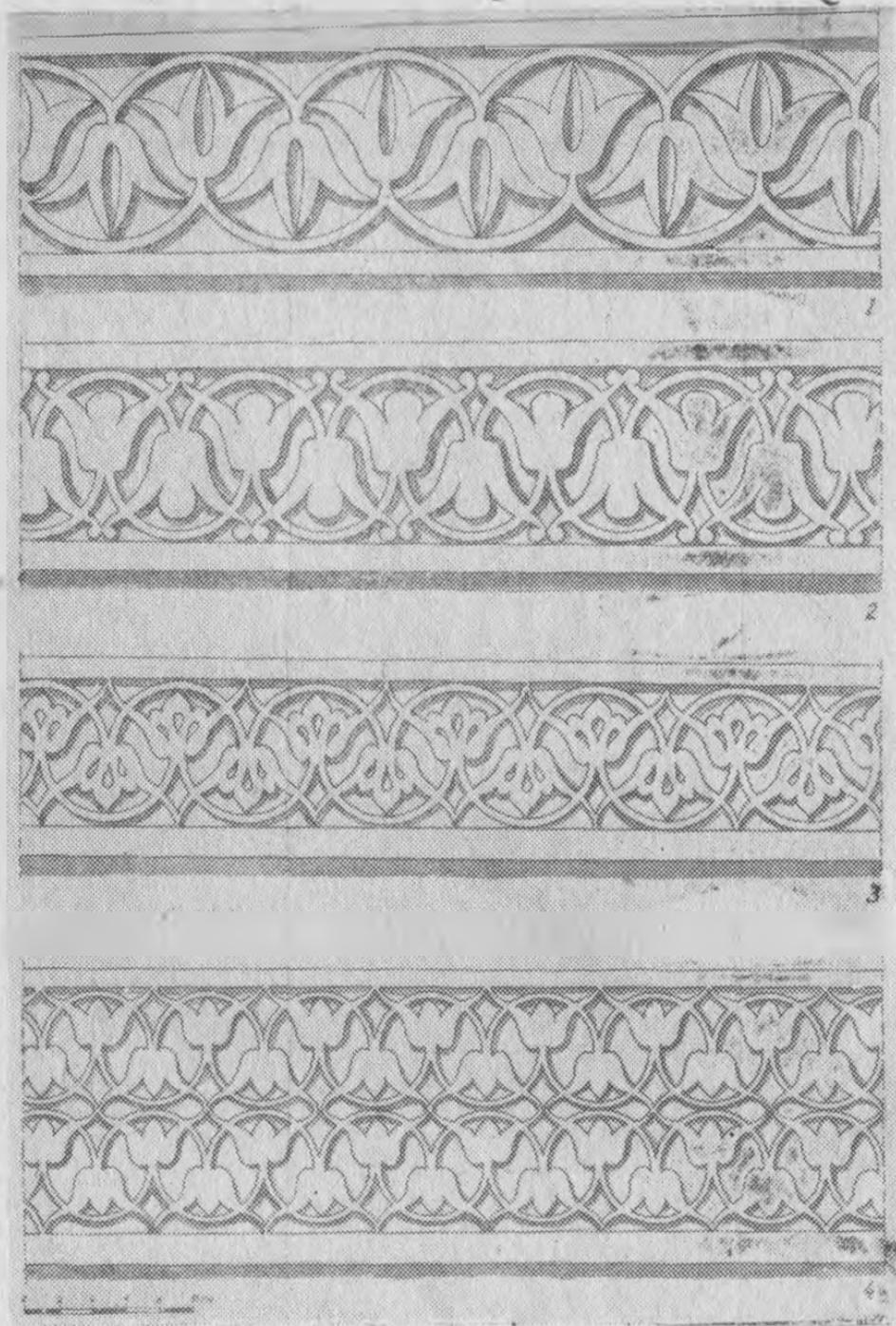
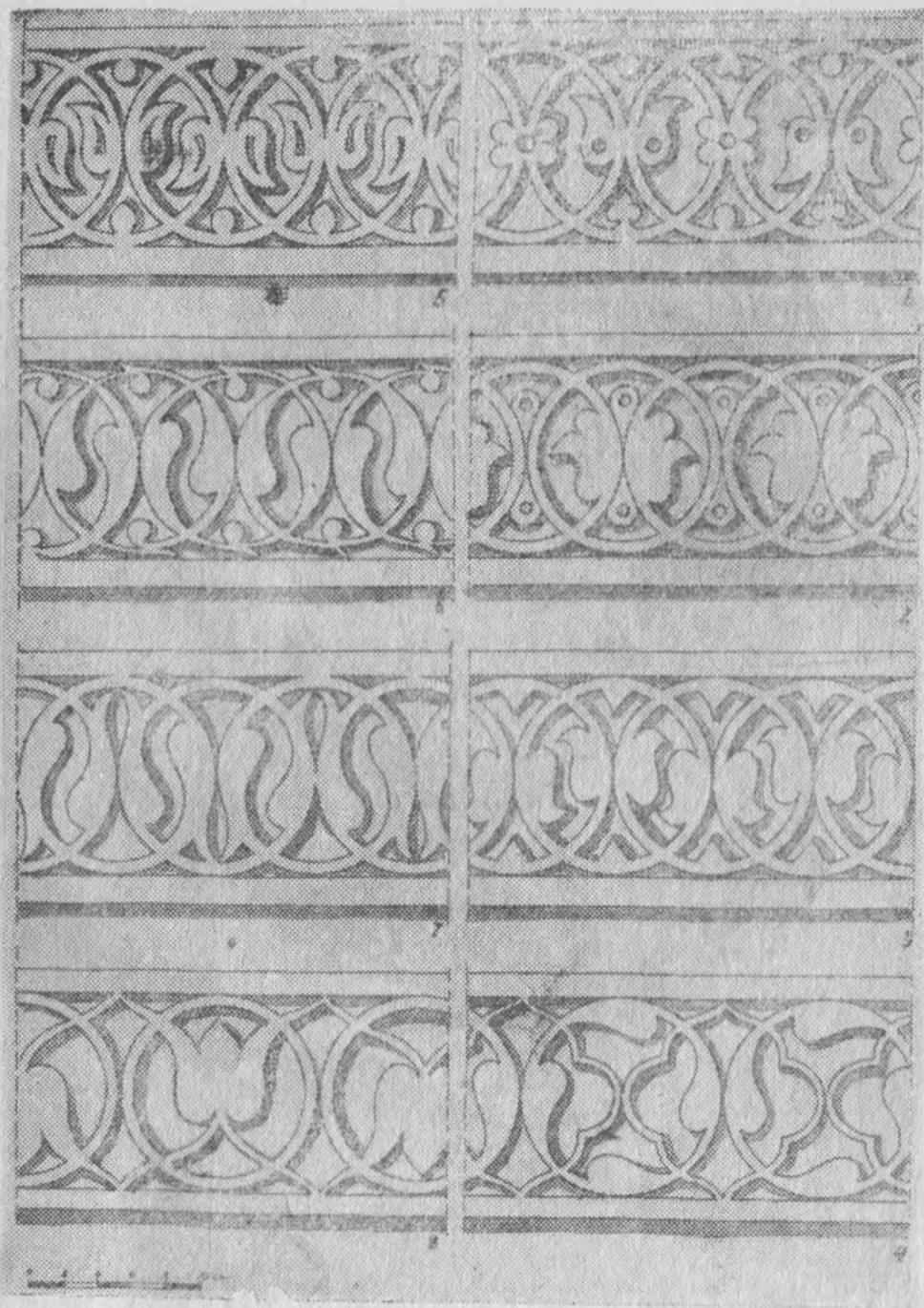
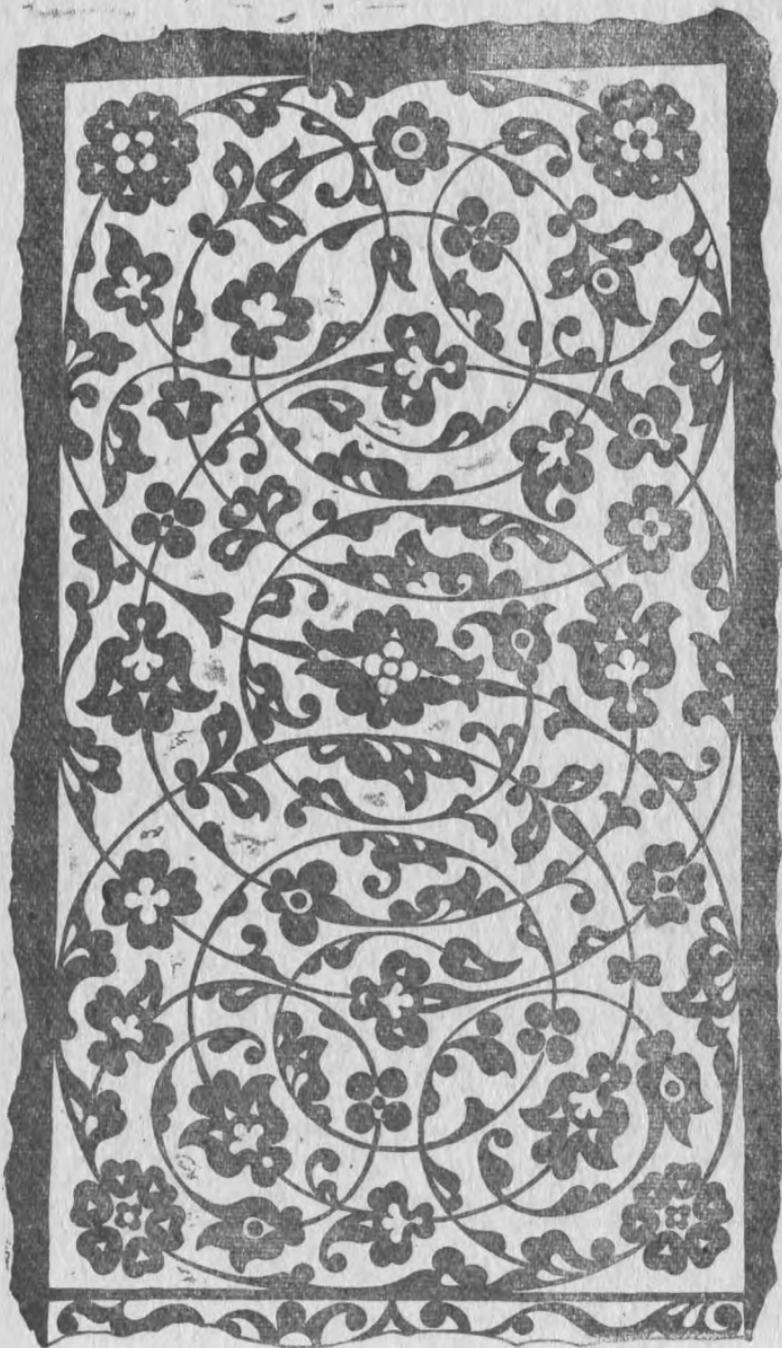

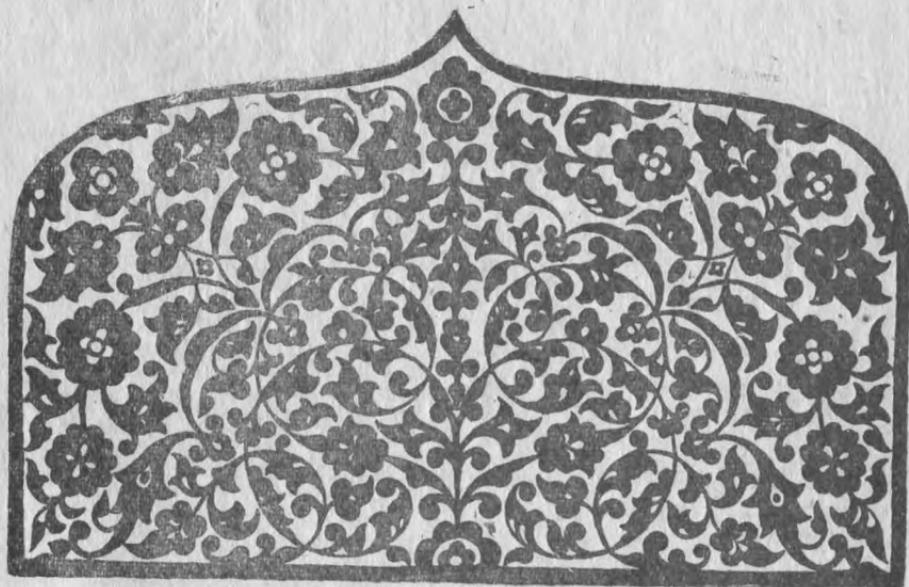
Рис. № 25. Орнамент надмогильных памятников из даргинских (1, 2) и лакских (3, 4) районов.

Р и с. № 26. Орнамент надмогильных памятников из даргинских районов

Р и с. № 27. Орнамент надмогильного памятника из с. Уркарах (XX в).

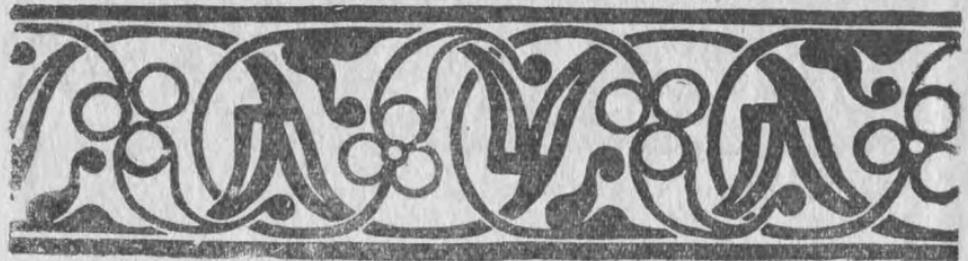
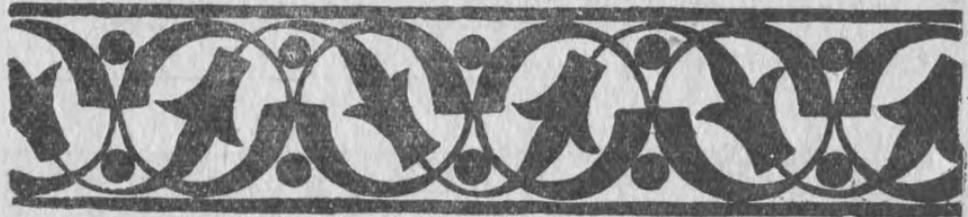
Р и с. № 28. Орнамент надмогильного памятника из с. Уркарах (XX в).

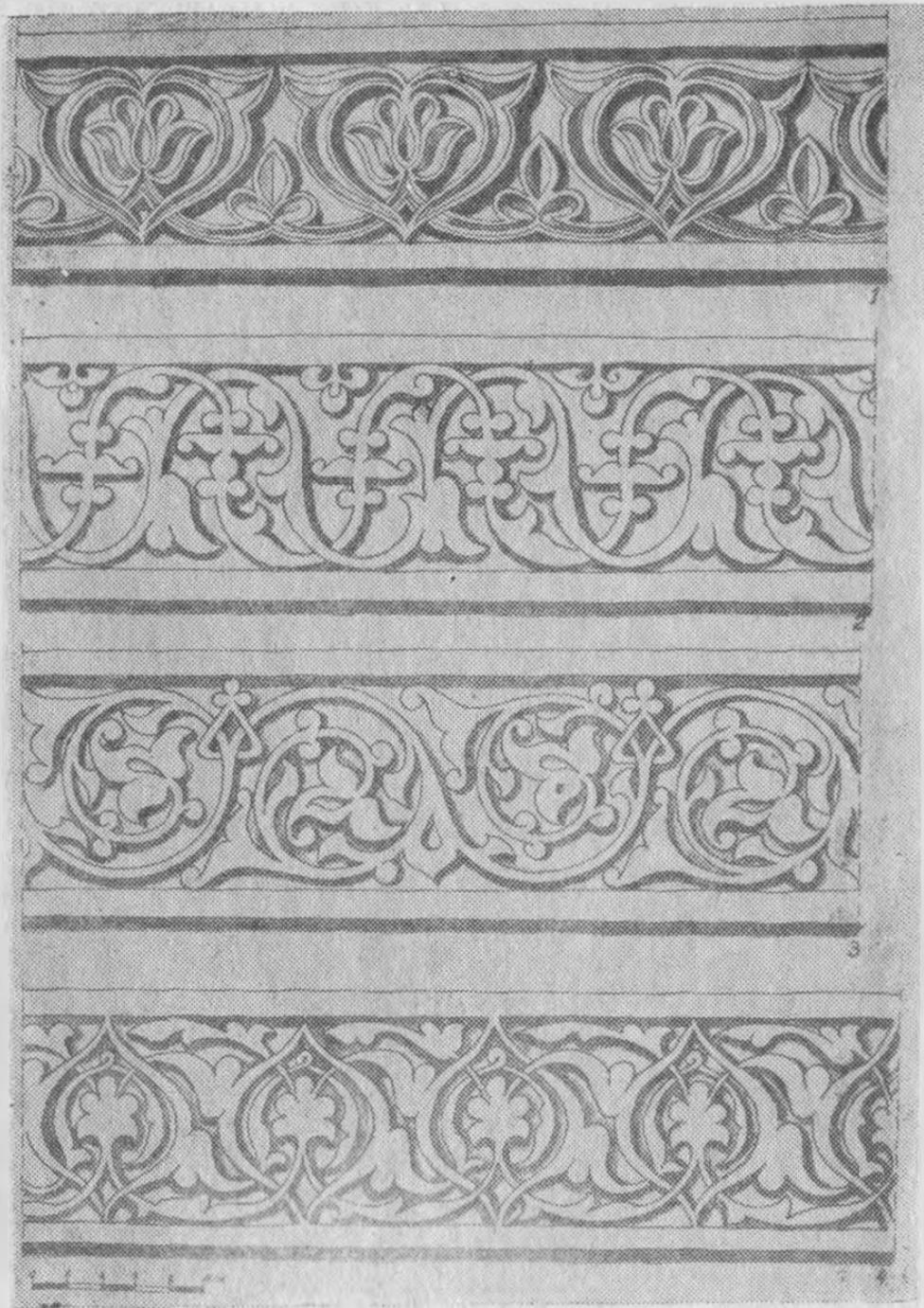
Рис. № 29. Орнамент надмогильного памятника из с. Уркарах.

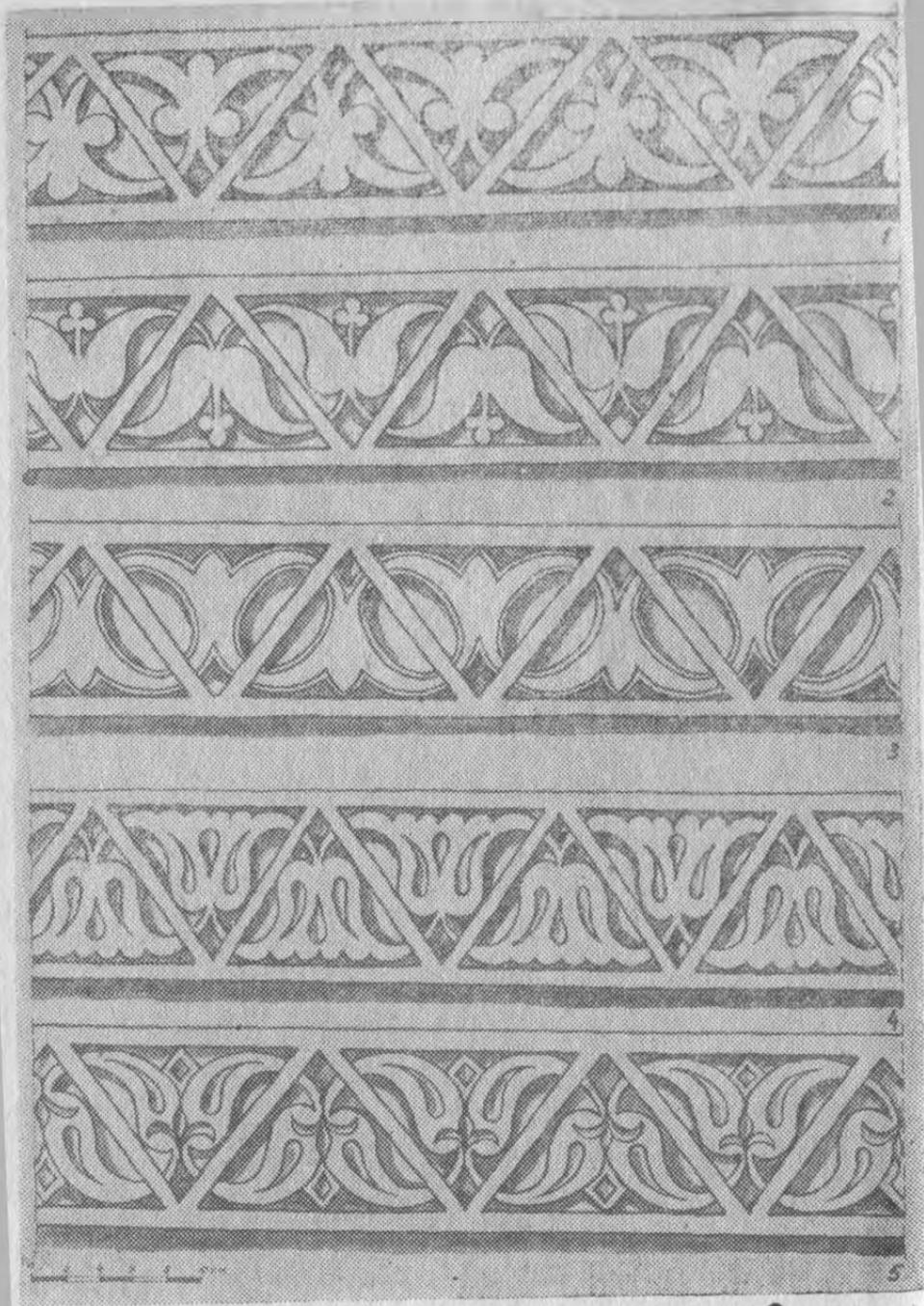
Р и с. № 30. Орнамент надмогильных памятников из даргинских районов.

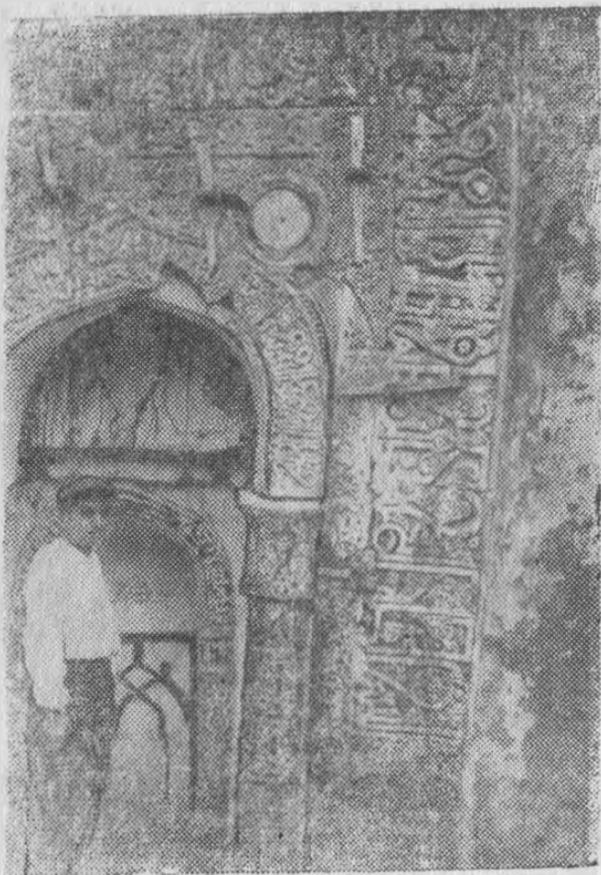
Р и с. № 31. Орнамент надмогильных памятников из даргинских районов.

Р и с. № 32. Орнамент надмогильных памятников из с. Акуша

Р и с. № 33. Орнамент надмогильных памятников из даргинских районов.

Р и с. № 34. Михраб средневековой мечети из с. Калакорейш.

Р и с. № 35. Михраб средневековой мечети из с. Калакорейш.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

	Стр.
Рамазанов Х. Х. Из истории антифеодальной борьбы крестьян южного Дагестана в XVIII веке.	15
Шихабудинов М. Рабочее движение на Северном Кавказе в период первой русской революции	22
Ганзуров В. Н. Рабочий контроль в Дагестане (1917—1918 гг.)	66
Керимов И. К. Роль профсоюзов Дагестана в развертывании социалистического соревнования в годы первой пятилетки	89
Гасанова А. И. Вовлечение женщин-горянок в промышленность (1920—1940 гг.)	111
Каласов А. К. Экономика колхозов Дагестана после сентябрьского пленума ЦК КПСС (1953—1960 гг.)	131

АРХЕОЛОГИЯ

Гаджиев М. Г. Гинчинский могильник эпохи бронзы.	166
--	-----

ЭТНОГРАФИЯ

Гаджиев А. Г. Данные по палеоантропологии Дагестана	193
Дебиоров П. М. Надмогильные памятники Дагестана XV—XVIII веков.	199
Османов М. З. Поселения даргинцев в XIX—XX веках.	214

ЛИТЕРАТУРА

Абакарова Ф. О. Певец даргинского народа (К 130-летию со дня рождения Батырая)	241
--	-----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

✓ Абдуллаев И. Х. Категория грамматических классов в лакском глаголе (в сравнении с аварским и даргинским).	261
Мсйланова У. А. О категории грамматического класса в лезгинском языке	282
Магомедов А. Г. Послелог «булан» кумыкского языка	298
Гасанова С. М. Место ураринского говора в системе говоров даргинского языка	310

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Учёные записки

Том X

Редактор Даниялов Г. А.

Техн. редактор Геллер Э. С.

Сдано в набор 5/VII-1961, подписано в печать 10/IX-1962 г.
Формат 60×92/16. Объём 23,75 п. л. Тираж 1000. СО1186. Зак. № 972.
Цена 1 руб. 43 к., переплет 15 к.

Типография Дагестанского филиала АН СССР
г. Махачкала, 5-ый жилгородок, корпус 10.

Номера по Мартину	Местонахождение	Сналк (Иран)	Тепе-Гиссар (Иран)	Ал-Убаид (Месопотамия)	Ур (Месопотамия)	Киш (Месопотамия)	Гинчи (ДАССР)	Джемикент (ДАССР)	Ачи-Кулак ЧИАССР	Самтавро (Гр. ССР) I	Самтавро (Гр. ССР) II	Мингечаур Аз. ССР	Мингечаур Аз. ССР	Севан (Арм. ССР)	Поволжье (южная группа)
		V—IV т. до н. э.	III т. до н. э.	IV т. до н. э.	III т. до н. э.	Втор. пол. II т. до н. э.	Втор. пол. II т. до н. э.	II т. до н. э.	II т. до н. э.	XIII—IX вв. до н. э.	VIII—IV вв. до н. э.	X—VIII в. до н. э. (1 пер.)	VII—V вв. до н. э. (2 пер.)	II—I т. до н. э.	II—I т. до н. э.
		Валлуа (1937)	Крогман (1940)	Кизс (1927)	Кизс (1927)	Бакстон Р. (1931)	Гаджиев А. Г. (1967 г.)	Бунак В. В. (1953 г.)	Микашевская Н. Н. (1959 г.)	Абдушелишвили М. Г. (1954 г.)	Абдушелишвили М. Г. (1954 г.)	Касимова Р. М. (1956)	Касимова Р. М. (1956)	Бунак В. В. (1927)	Дебец Г. Ф. (1954)
1	Продольный д-тр	196,0(6)	182,2(103)	192,8(7)	193,6(3)	189,5(25)	194,1(10)	195,5(2)	168	190,4(14)	195,0(18)	182,7(3)	189,5(10)	189,7(24)	191,0(11)
8	Поперечный д-тр	134,8(5)	134,0(102)	140,1(8)	135,0(3)	137,4(25)	136,6(12)	142,5(2)	139	139,6(14)	141,1(18)	137,0(3)	139,3(9)	137,8(20)	141,4(10)
17	Высотный (ва-вг)	—	134,7(91)	136,5(5)	144,5(2)	132,7(9)	140,0(3)	146,0	143	137,3(6)	141,4(9)	125,0(2)	137,1(7)	131,7(24)	134,8(8)
9	Наименьшая ширина лба	—	95,5(103)	97,0(7)	97,6(3)	94,6(26)	100(10)	—	104	97,9(11)	100,9(19)	95,3(3)	98,2(9)	99,2(24)	95,8(12)
45	Скуловой диаметр	134,0(5)	127,5(90)	127,6(8)	132,3(3)	125,3(7)	133,6(5)	134,6	134	127,0(4)	129,6(7)	131,0(2)	135,3(5)	130,4(16)	137,0(2)
48	Верхняя высота лица	75,0(6)	69,9(100)	72,0(7)	76,6(3)	75,3(3)	73,8(8)	72,0	—	77,6(5)	70,2(5)	68,5(2)	73,7(9)	70,3(20)	62,2(9)
32	Угол лба (п-м)	—	—	—	—	—	79,0(5)	—	—	82,4(5)	84,8(11)	79,0(2)	79,7(7)	—	81,3(6)
72	Общий угол лица	85,7(3)	86,2(97)	—	—	—	88(6)	—	—	85,8(4)	89,0(4)	85,0(2)	87,4(5)	—	85,0(6)
75(1)	Угол носовых костей к линии профиля	—	—	—	—	—	34,1(7)	—	—	33,0(4)	32,3(4)	—	29,0(3)	—	34,9(8)
8:1	Черепной указатель	68,8(6)	73,3(102)	72,6(7)	69,8(3)	71,5(24)	68,6	73,2(2)	82,7	73,6(14)	72,4(18)	75,6(5)	73,3(9)	72,8(24)	74,1(10)
17:1	Высотноподольный указатель	—	71,8(91)	71,2(5)	72,6(2)	72,1(8)	70,9(2)	71,9	85,1	71,2(6)	72,9(9)	67,7(2)	72,8(7)	69,9(24)	73,8
17:8	Высотнопоперечный указатель	—	100,6(91)	97,4	93,4	96,7(7)	102,6(3)	102,1	102,9	100,5(6)	101,3(8)	89,9(2)	98,4(6)	95,6(24)	95,7
48:45	Лицевой указатель	55,9(7)	54,7(90)	56,4	57,9	60,0	56(5)	53,7	—	59,6(2)	54,7(4)	52,3(2)	55,2(5)	55,5(13)	50,3
52—51 а	Орбитный указатель (от г)	82,0(5)	80,9(87)	84,0	90,0	81,6(8)	85,4(7)	—	82,0	91,3(2)	84,3(3)	83,2(2)	86,0(6)	82,5(23)	79,2(9)
54:55	Носовой указатель	48,2(5)	50,6(95)	47,5	48,7	—	45,4(8)	44,8	48,1	42,0(4)	48,2(5)	49,6(2)	47,5(10)	45,5(22)	46,5
	Надбровье (1—6 по Мартину)	—	—	—	—	—	35(12)	—	—	2,0(27)	3,1(21)	2,3(2)	2,5(4)	—	3,8(12)
	Глубина клыковой ямки в мм	—	—	—	—	—	—	—	—	2,3(9)	2,4(16)	2(2)	2,5(4)	—	—

Номер по Мартину	Место находки	Карабудак-кент	Ново-лакское склеп 1	Тарки	Мамай-кутан раск. 2	Манас 2	Пиру	Ци-литль	Гоцатль	Верхи. Чирюрт.	Дегва	Агачкала	Узунтала	Змейский могильник	Мизтли	Дагестан средне-веков. погреб.
	Время	I—III вв. до н. э.	I—III вв. до н. э.	I—III вв. до н. э.	I—III вв. до н. э.	IV—V вв. н. э.	I—III вв. н. э.	VI—VIII вв. н. э.	VIII—X вв. н. э.	V—VII вв. н. э.	VIII—X вв. н. э.	VIII—X вв. н. э.	IX—XI вв. н. э.	XI—XIII вв. н. э.	XII—XIII вв. н. э.	XIV—XVII вв. н. э.
	Автор	Миклашевская Н. Н. (1959)					Миклашевская Н. Н. (1961)			Кондукторова Т. С.	Миклашевская Н. Н. (1959)	Гаджиев А. Г. (1961)	Беслекоева К. Х. (1957)	Миклашевская Н. Н. (1961)	Бунгк В. В. (1953)	
Признак	Миклашевская Н. Н. (1959)					Миклашевская Н. Н. (1961)			Кондукторова Т. С.	Миклашевская Н. Н. (1959)	Гаджиев А. Г. (1961)	Беслекоева К. Х. (1957)	Миклашевская Н. Н. (1961)	Бунгк В. В. (1953)		
1	Продольный д-тр	191	182	183	169	182	184	174	179	177,5(4)	182,4(9)	186,2(2)	186,1	179,3(10)	175,7(3)	187,8(24)
8	Поперечный д-тр	136	128	138	154	—	134	130	148	141,7(4)	132,1(8)	144(2)	136,9	141,9(9)	152,5(2)	141,0(24)
17	Высотный д-тр (ва-вг)	139	142	135,5	132	—	136	130	134	135,8(4)	135,5(6)	—	138,1	137,4(9)	132,0(2)	139,1(24)
9	Наименьшая ширина лба	107	98	97	96	—	93	94	92	96,3(4)	96,7(11)	95,5(2)	99,7	97,6(10)	97(3)	—(24)
45	Скуловой д-тр	147	129	—	134	144	121	128	140,5(2)	135,7(4)	129,8(6)	—	128,6	138,6(5)	137,0(3)	131,2(24)
48	Верхняя высота лица	68	70 [*]	—	68	70	65	—	69,5	70,7(4)	69,7(10)	—	70,8	71,0(9)	73,7(3)	70,2(24)
32	Угол лба (п-т)	82	82	—	82	—	81	86	81,5	83,5(4)	82,4(8)	81	86,5	85,2(10)	86(2)	—
72	Общий угол лица	90	91	—	92	85	88	—	86,5(2)	88,2(4)	84,0(5)	—	88,7	85,1(9)	85,3(3)	—
75(1)	Угол носовых костей к линии профиля	—	34	—	33	—	23	—	38	35,2(4)	29,7(3)	—	34,1	—	40,5(2)	—
8:1	Черепной указатель	71,2	70,3	75,4	91,1	—	72,8	74,7	82,6(2)	80,0(4)	76,4(8)	77,4(2)	71,4	79,0(9)	87,2(2)	75,3(24)
17:1	Высотно-продольный указатель	72,8	78,0	74,0	75,1	—	73,9	24,7	76,6(4)	76,6(4)	—	—	73,3	77,1(9)	—	73,7(24)
17:8	Высотно-поперечный указатель	102,2	110,9	98,2	85,7	—	101,5	100	—	96,4(0)	—	—	99,8	97,7(9)	—	99,4(24)
45:48	Лицевой указатель	46,3	54,3	—	50,8	48,6	53,6	—	43,7(2)	52,1(4)	—	—	54,4	58,6(4)	53,9(3)	53,7(24)
52:51a	Орбитный указатель (от d)	80,5	87,7	—	91,7	87,1	82,9	—	—	80,8(4)	—	—	85,9	78,9	—	—
64:55	Носовой указатель	45,2	49,0	—	47,6	41,3	50,8	48,2	45,8(2)	48,9(4)	—	48,3	47,9	50,4	45,4	47,8(24)
	Надбровье (1—6 по Мартину)	—	—	—	—	—	3	2	3,5(2)	3,8(4)	2,9(14)	3(2)	2,6	—	3,3(3)	—
	Глубина клыков ямки в мм.	—	—	—	—	—	3,6	6,0	5,4(2)	2,8(4)	4,5(14)	—	4,9	—	5,9(3)	—

№ п. п.	Происхождение исследованных черепов	Датировка	Пол	Возраст	1. Продольный диаметр	8. Поперечный диаметр	17. Высотный диаметр (ва—в)	20 Высотный диаметр (ро—в)	5. Длина основания черепа	9. Наименьшая ширина лба	10. Наибольшая ширина лба	12. Ширина затылка	11. Биурингулярная ширина	29. Лобная хорда	Высота изгиба л. к.	32. Угол лба (п—т)	Угол лба (gl—т)	Общий вид (п. verticalis)	Набровье (1—6 по Мартину)	Сосцевидный отросток (1—3)	8:1 Черепной указатель	17:1 Высотно-продольный указатель	17:8 Высотно-поперечный указатель	9:8 Лобно-поперечный указатель	9:10 Лобный указатель	Указатель высоты изгиба л. к.	Длина основания лица	Верхняя ширина лица	
1.	Даг. АССР Советский р-н, Гинчи, скл. № 1	Вт. пол.	м	ad	196	125	—	—	—	100	120	—	—	117	245	74	64	—	3	—	63,8	—	—	80,0	83,3	20,9	—	108	
2.	Даг. АССР Советский р-н, Гинчи, скл. № 1	II т. до н.э.	м	«	201	133	—	—	—	100	115	108	—	121	27,8	—	—	—	3	3	66,5	—	—	75,2	86,9	23,0	—	105	
3.	«	«	м	«	196	140	—	—	—	100	126	108	—	107	27,2	—	—	—	3	3	71,4	—	—	71,4	79,4	25,4	—	—	
4.	«	«	м	«	200	132	139	1158	117	100	—	119	127	102,2	18,6	72	64	—	5	3	66,0	69,5	105,3	71,9	—	18,1	113	113	
5.	« скл. № 2	«	м	«	205	145	—	—	—	107	—	—	—	—	—	—	—	—	3	3	70,7	—	—	—	—	—	—	—	
6.	«	«	м	«	—	138	148	124	110	91	—	—	127	120	28,9	85	80	—	3	3	—	—	107,2	65,9	—	24,0	—	103	
7.	«	«	м	«	—	145	—	—	—	—	—	110	—	—	—	—	—	—	3	3	—	—	—	—	—	—	—	—	
8.	«	«	м	«	192	135	—	—	104	—	—	107	121	—	—	—	—	—	3	3	70,3	—	—	—	—	—	—	—	
9.	«	«	м	mat.	200	132	—	—	—	100	—	109	117	—	—	—	—	—	4	3	66,0	—	—	75,76	—	—	—	—	
10.	«	«	м	ad	189	132	—	—	—	102	165	107	122	—	—	—	—	—	3	2	69,8	—	—	79,5	97,1	—	—	110	
11.	« скл. № 3	«	м	«	178	140	—	—	102	100	—	—	—	—	—	81	74	—	4	3	78,6	—	—	71,4	—	—	94,0	110	
12.	«	«	м	«	184	142	133	1165	102	—	—	—	—	—	—	83	76	—	4	3	75,1	72,3	93,7	—	—	—	95,0	—	
13.	«	«	ж	«	176	146	134	114,5	99	100	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	82,9	76,1	92,4	68,5	—	21,2	—	106,0	
14.	Суммарно (мужск.) Даг. АССР, Буйнакский р-н, Узун-тала, скл. № 1*	X—XI вв. н.э.	м	ad	194,1(10)	136,6(12)	140(3)	118(3)	104(5)	100(10)	116,5(4)	101(7)	123,5(6)	113,9(5)	25,6(5)	79(5)	71,6(5)	—	3,5(12)	3(12)	68,6(10)	70,9(2)	104,6(3)	74,1(8)	86,7(4)	22,7(5)	100,2(3)	107,4(7)	
15.	«	«	м	«	189	140	139	113,6	115	97	109	106	125	110	24,6	78	71	—	3	3	74,1	73,6	99,3	66,3	89,0	23,3	99	101	
16.	«	«	м	«	184	149	—	108,8	—	103	130	102	117	117	33,2	85	76	—	3	2	81,0	—	—	69,1	79,2	28,3	—	116	
17.	«	«	м	«	178	132	128	109,5	95	95	—	100	113	110	28	85	76	—	3	2	74,2	71,9	97,9	74,2	—	25,4	88	99	
18.	«	«	м	«	187	138	—	—	100	90	—	—	—	—	—	—	—	—	4	2	73,8	—	—	65,2	—	—	98	105	
19.	«	«	м	«	180	139	—	—	—	98	118	—	—	108	25,5	—	—	—	3	2	77,2	—	—	70,5	83,0	23,6	—	103,0	
20.	«	«	м	«	201	125	—	—	103	—	—	—	—	123	29,8	—	—	—	2	—	62,2	—	—	82,4	—	24,2	—	107,0	
21.	«	«	м	«	178	145	—	115,0	—	95	—	111	122	110	29,5	—	—	—	2	3	81,5	—	—	65,5	—	26,3	—	101	
22.	«	«	м	«	190	142	140	120,4	97	100	120	111	125	114	24	81	75	—	3	3	74,7	73,7	98,6	71,4	83,3	21,0	97	108	
23.	« Узун-тала скл. № 1	«	м	mat.	190	135	130	102,3	100	96	—	113	119	102	29,5	—	—	—	—	—	71,0	68,4	96,3	71,1	—	28,9	—	—	
24.	«	«	м	mat.	200	134	—	—	—	102	—	110	—	113	23,8	—	—	—	2	2	67,0	—	—	76,1	—	21,1	—	115	
25.	«	«	м	«	187	141	135	—	102	92	—	107	120	117	25,6	78	70	—	4	3	75,4	—	—	65,3	—	21,8	95	101	
26.	«	«	м	«	196	141	140	108,7	110	98	117	110	111	97	27	86	78	—	2	2	71,9	71,4	99,3	67,4	81,2	27,8	87	102	
27.	«	«	м	«	185	131	—	118,5	—	107	109	100	—	116	30,0	89	80	—	2	3	70,8	—	—	76,3	—	25,9	—	—	
28.	«	«	м	ad	187	141	142	122,8	98	98	120	112	122	120	31,8	—	—	—	—	2	2	75,4	75,9	100,7	69,5	81,7	26,5	—	
29.	«	«	м	«	193	134	149	121,3	102	98	—	106	119	117	30	89	87	—	2	2	69,4	74,6	107,4	79,1	—	25,6	91	104	
30.	«	«	м	«	80	145	—	117,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	80,6	—	—	71,4	—	—	—	—	
31.	«	«	м	«	180	136	140	118,2	103	97	—	99	120	114,5	26,2	—	—	—	2	2	75,6	77,8	102,9	71,3	—	23	—	—	
32.	Суммарно (мужск.)	«	ж	«	186,1(17)	136,9(17)	138,1(9)	118,5(12)	101,8(10)	99,7(16)	118,5(7)	106(13)	114,8(12)	115,7(15)	28,9(15)	86,5(8)	82(8)	—	2,6(15)	2,3(15)	71,4(17)	73,3(9)	99,8(9)	70,4(17)	84,9(6)	24,6(15)	92(7)	104,1(14)	
33.	«	«	ж	«	176	128	—	—	—	87	—	—	—	114	31,5	—	—	—	2	2	72,7	—	—	68,5	—	27,6	—	—	
34.	«	«	ж	«	184	131	—	111,7	—	94	111	105	115	122	31	93	88	—	—	2	2	71,2	—	—	71,8	84,7	25,4	—	100
35.	«	«	ж	«	177	132	128	—	93	—	—	104	116	105	26	—	—	—	2	1	74,6	71,9	96,9	—	—	24,8	—	—	
36.	«	«	ж	«	172	—	—	114	98	100	—	104	118	110	24,5	87	88	—	2	2	—	—	—	—	—	22,3	90	105	
37.	«	«	ж	«	174	130	128	111	95	88	—	100	116	112	28	86	80	—	2	2	74,7	73,6	99,9	67,7	—	25,0	—	98	
38.	«	«	ж	«	181	137	131	118,5	94	90	119	99	110	119	33	95	90	—	2	1	75,7	72,4	95,6	65,7	75,6	27,7	90	98	
39.	«	«	ж	«	183	135	—	—	100	105	—	—	—	—	97	94	—	—	2	2	73,8	—	—	77,8	—	—	93	110	
40.	« скл. 2	«	ж	«	185	137	—	108	—	92	—	107	21	105	25,1	—	—	—	2	2	74,0	—	—	67,1	—	23,9	—	—	
41.	« скл. 1	«	ж	«	182	142	133	1108	104	98	120	100	125	105,7	25,7	84	80	—	2	2	78,0	73,0	93,6	69,0	81,7	24,2	95	107	
42.	«	«	ж	«	173	154	—	—	—	102	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	89,0	—	—	66,2	—	—	—	—	
43.	«	«	ж	«	173	190	—	—	—	99	116	—	—	—	—	—	—	—	—	1	80,9	—	—	70,7	85,3	—	—	—	
44.	«	«	ж	«	185	135	131	113	100	105	—	—	119	110	31,8	94	89	—	2	1	73,7	70,8	97	77,8	—	28,9	93	110	
45.	Суммарно (женск.)	«	ж	«	185	136	140	—	97	99	—	—	121	118	29	92	93	—	2	2	73,5	75,7	102,9	72,8	—	24,6	104	109	
46.	«	«	ж	«	179,3(13)	136,4(12)	131,9(6)	11,9(7)	9,4(8)	97,3(12)	116,5(4)	102,7(7)	117,9(10)	115,1(10)	28,3(10)	91(8)	87,7(8)	—	2(10)	1,6(13)	76,9(12)	72,9(6)	97,5(6)	70,4(11)	91,8(4)	25,4(10)	94,1(6)	104,6(8)	

* В археологических отчетах склеп № 1 соответствует склепу № 2, склеп № 2 склепу № 3.

№№ п. п.	Происхождение исследованных черепов	Дати- ровка	Пол	Воз- раст	Скуловая ширина	46. Средняя ширина лица	47. Полная высота лица	48. Верхняя высота лица	50. Максилло- фронт. хорда (mf-mf)	51. Ширина орбиты от mf (лев.)	51а. Ширина орбиты от d (лев.)	54. Ширина носа
1.	Даг. АССР, Советский р-н, Гинчи	Вт. пол.	м	ad	—	98,0	—	76,0	—	40	39	27
2.	скл. № 1	II т.	м	«	—	95,0	—	74,0	—	40	38	27
3.	«	«	м	«	—	—	—	—	—	—	—	—
4.	«	«	м	«	125	103,0	—	80,0	—	44	43	26
5.	скл. № 2	«	м	«	—	—	—	—	—	—	—	—
6.	«	«	м	«	140	96,0	122	70,0	—	842	40	23
7.	«	«	м	«	—	101,0	—	68,0	—	40,0	37,0	26
8.	«	«	м	«	134	—	—	74,0	—	40,0	38,0	23
9.	«	«	м	mat.	—	—	—	—	—	—	—	—
10.	«	«	м	ad	—	—	—	—	—	—	—	—
11.	скл. № 3	«	м	«	135	100,0	—	73,0	—	45,0	43,0	29
12.	«	«	м	«	134,3	—	—	75,0	—	40,0	—	21
13.	«	«	ж	«	126	—	—	—	—	420	40,0	25
	Суммарно (мужск.)				133,6(5)	98,6(6)	122	73,8(8)		41,4(2)	39,7	23,5(9)
14.	ДАССР, Буйнакский р-н, Узун-Тала	IX—XI вв.	м	ad	133	94	—	74	—	42	40	24
15.	«	«	м	«	130	—	—	—	—	41	39	22
16.	«	«	м	«	124	91	—	99	—	39	36	20
17.	«	«	м	«	130	—	—	65	—	40	—	25
18.	«	«	м	«	—	94	—	—	—	39	—	—
19.	«	«	м	«	—	—	—	—	—	—	—	—
20.	«	«	м	«	—	—	—	—	—	—	—	—
21.	«	«	м	«	132	100	—	71	—	43	42	26
22.	«	«	м	mat.	129	98	—	65	—	39	38	21
23.	Узун-тала, скл. № 1	«	м	mat.	130	91	—	72	—	—	—	—
24.	«	«	м	«	—	—	—	72	—	—	—	25
25.	«	«	м	«	—	—	—	—	—	—	—	—
26.	«	«	м	«	123	95	—	—	—	42	40	25
27.	«	«	м	ad	—	—	—	—	—	—	—	—
28.	«	«	м	«	120	100	—	76	—	42	41	25
29.	«	«	м	«	135	—	—	—	—	—	—	—
30.	«	«	м	«	—	—	—	—	—	—	—	—
31.	«	«	м	«	—	96	—	75	—	40	39	26
	Суммарно				129,6(10)	95,1(10)		70,8(10)		40,7(10)	39,2(8)	24(10)
32.	«	«	ж	«	—	—	—	—	—	35	33	—
33.	«	«	ж	«	121	96	—	65	—	40	38	24
34.	«	«	ж	«	—	—	—	—	—	37	36	23
35.	«	«	ж	«	123	90	—	64	—	40	38	26
36.	«	«	ж	«	—	100	—	63	—	39	38	23
37.	«	«	ж	«	119	93	—	67	—	41	39	22
38.	«	«	ж	«	126	—	—	65	—	41	39	25
39.	«	«	ж	«	—	—	—	—	—	—	—	—
40.	«	«	ж	«	133	91	—	70	—	40	39	25
41.	«	«	ж	«	—	—	—	—	—	—	—	—
42.	«	«	ж	«	—	—	—	—	—	—	—	—
43.	«	«	ж	«	126	88	—	63	—	41	40	25
44.	«	«	ж	«	124	99	—	65	—	40	32	26
	Суммарно				124,7(8)	93,9(7)		65,3(8)		39,4(10)	37,2(10)	24,3(9)

55. Высота носа	Форма ниж- него края грудн. отверс.	Передне-носо- вая ось (1—5 по Брока)	Глубина клы- ковой ямки (лев. в мм)	62. Длина неба	63. Ширина неба	13 (1) Биори- тальная хорда (mm-го)	Высота назона на биорб. хордой	Знгомаксил- лярная хорда (mm'-mm')	Высота s (spinale) над зиго- макс. хор- дой	ДС. Дакриаль- ная хорда	ДС. Дакриаль- высота	SC. Силоти- ческая хорда	SS Силоти- ческая высота	52. Высота орбиты (лев.)	Угол профили лица общий
58		2	6,4	46	—	99	21,5	95	28,4	21,5	16,3	13,0	9,8	35,0	79
56		—	5,5	—	—	97	21,3	94	25,5	21,5	15,5	8	6	32,0	—
52		2	5,2	51	43	95,5	28,2	94	29,8	23,7	18,1	12,8	7,3	36,0	89
53	—	—	8	—	44	99	20,8	90	—	18	13,5	8	6,9	34,0	87
48		—	5,5	56	43	—	—	100	27	23	10,2	11	5	33,0	—
54		—	—	47	44	95	19	—	—	22	13,5	9	5	33,0	88
53		3	6	40	41	102	21,9	—	—	25,5	11,7	10	4	—	—
55		5	7	—	40	—	—	—	—	18,5	13,1	9,3	4,4	33,0	93
43		—	5,4	45	38	100	17,2	—	—	—	—	11,0	12,0	36,0	91
53,9(8)		3(4)	6,2(7)	48(5)	42,5(6)	97,4(6)	122,1	94,8	27,7	19,0	9,7	7,0	3,0	31,0	—
49		4	2	46	39	95	22	96	27,2	18	13	6,2	4,8	33	84
49		—	—	40	40	98	21,5	—	—	21	13,5	8	6	32	92
48		5	5	42	38	99	20	102	22	17	11	3	3,2	32	91
47		—	8 пр.	44	39	94	11,5	—	—	—	—	8,5	5	31	—
—		4,1	4,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	31	—
—		—	44	41	—	—	—	—	—	—	—	8	4	—	—
53		2	2	43	—	101	19,6	98,2	26,5	28,5	10,6	12,0	7,4	32	87
49		5,3	5,3	42	—	95	21	96	24,5	20,3	12,3	9,8	3,8	31	93
—		3	—	—	—	95,6	19,1	88	25	20	14	8,2	8	—	88
56		5	4	46	40	—	—	—	—	—	—	10,0	7,2	32	—
52		3	—	—	—	98	19,6	89,2	20,9	20,2	10,8	6,9	3,9	35	—
53		7	4,2	43	33	99	19,5	—	—	21	13	9	4,1	36	89
—		—	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	38	—
50		4	—	—	—	98,5	18,4	—	—	—	—	10,2	5,2	—	—
50,4(10)		3,6(9)	4,9(10)	43(9)	38,1(6)	93	15,9	94,9(6)	25,(6)	18,2	13	9	5,1	37	—
46		3	—	41	37	93	18	96	24	19,5	11,2	8	4,3	29	85
42		3	3	—	—	98	20	88	24	22,2	2,7	13	6	32	90
48		2	4	43	41	92	17	93	32	17	10	7,5	3,3	30	88
50		2	5	42	36	92	20	92	23,7	17	18,8	7	5,2	32	89
51		2	5	—	—	101	23	—	—	23	8,2	—	—	35	91
52		—	4,6	45	39	98	18,5	91,7	20,0	21,3	13,1	11,4	5,9	33	88
50		2	—	—	—	100	18	—	—	—	—	—	—	—	—
46		2	5,8	—	—	103,6	15,4	95	28,7	22,6	12,4	11,5	6,8	36	88
48,1(8)		2,3(7)	4,6(6)	41,7(4)	38,2(4)	97(9)	19,3(9)	92,6(6)	25,4(6)	20,6(8)	11,4(8)	9(7)	4,9(7)	39,2(8)	87(8)

№ № п/п.	Происхождение исследованных черепов	Датировка	П о л	Возраст	73. Угол профиля ср. ч. лица	74. Угол профиля альвеол ч. лица	75. Угол но- совых костей к горизонтали	75. носовых к. лин. профили	77. Назо- малярный угол	47:45 Общий лицевой указатель	48—45 Верх- ний лицевой указатель	48:17 Верти- кальный кра- ниофан. ук.
1.	Мог. Гинчи, скл. № 1	вт. пол.	м	ad								
		II т. до н. э.			76	84	45	34	—	—	—	
2.	←←	«	«	«	—	—	45	—	—	—	—	
3.	←←	«	«	«	—	—	—	—	—	—	—	
4.	←←	«	«	«	86	91	46	43	—	—	—	
5.	скл. № 2	«	«	«	—	—	50	37	87,1	50,0	47,3	
6.	←←	«	«	«	—	—	—	—	—	—	—	
7.	←←	«	«	«	—	—	48	40	—	55,7	—	
8.	←←	«	«	«	—	—	—	—	—	—	—	
9.	←←	«	«	mat	—	—	—	—	—	—	—	
10.	←←	«	«	ad	—	—	—	—	—	54,1	—	
11.	скл. № 3	«	«	«	93	93	56	37	—	56,0	55,0	
12.	←←	«	«	«	90	93	55	36	—	—	—	
13.	←←	«	ж	«	—	—	—	—	87,1	56(5)	53,6(3)	
	Суммарно (мужские)				86,2(4)	90,2(4)	49,3(6)	37,5(6)	—	55,6	—	
14.	Узун тала, скл. № 1	X—XI вв.	м	ad	82	89	50	34	—	53,4	—	
15.	←←	«	«	«	92	92	46	46	—	54,0	—	
16.	←←	«	«	«	92	87	53	38	—	50,0	—	
17.	←←	«	«	«	—	—	—	—	—	—	—	
18.	←←	«	«	«	—	—	—	—	—	—	—	
19.	←←	«	«	«	—	—	—	—	—	—	—	
20.	←←	«	«	«	—	—	—	—	—	53,8	—	
21.	←←	«	«	«	86	88	58	29	—	50,4	—	
22.	←←	«	«	mat	93	93	68	25	—	55,4	—	
23.	Узун-тала скл. № 1	X—XI вв.	м	ad	85	89	54	34	—	—	—	
24.	←←	«	«	«	—	—	—	—	—	—	—	
25.	←←	«	«	«	—	—	—	—	—	—	—	
26.	←←	«	«	«	91	—	60	—	—	—	—	
27.	←←	«	«	«	—	—	—	—	—	63,3	—	
28.	←←	«	«	«	87	85	55	34	—	—	—	
29.	←←	«	«	«	—	—	45	—	—	—	—	
30.	←←	«	«	«	—	—	—	—	—	—	—	
31.	←←	«	«	«	—	—	—	—	—	—	—	
	Суммарно				87,2(8)	89(7)	53,2(9)	34,1(7)	—	54,4(8)	—	
32.	←←	X—XI вв.	ж	ad	—	—	—	—	—	53,7	—	
33.	←←	«	«	«	85	85	57	28	—	—	—	
34.	←←	«	«	juv	—	—	—	—	—	52,0	—	
35.	←←	«	«	ad	90	90	54	36	—	50,0	—	
36.	←←	«	«	«	90	87	65	23	—	56,3	—	
37.	←←	«	«	«	90	83	59	30	—	—	—	
38.	←←	«	«	mat	92	90	62	29	—	—	—	
39.	скл. 2,	«	«	ad	—	—	—	—	—	52,6	—	
40.	скл. 1,	«	«	«	88	88	63	25	—	—	—	
41.	←←	«	«	«	—	—	—	—	—	50,0	—	
42.	←←	«	«	«	—	—	—	—	—	52,2	—	
43.	←←	«	«	«	—	—	46	32	—	—	—	
44.	←←	«	«	«	78	78	58(7)	29(7)	—	52,4(8)	—	
	Суммарно				87,6(7)	81(7)						

